

The background of the cover is a textured gold color with an intricate embossed pattern. The pattern consists of repeating floral and geometric motifs, including stylized flowers with circular centers and swirling, vine-like elements. The motifs are arranged in a grid-like fashion, creating a rich, decorative texture.

У ДЕСЯ
КРАИНКА

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в четырех томах

перевод

украинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1956

ЛЕСЯ УКРАИНКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
том третий
ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1956

Под редакцией
Н. БРАУНА, А. ДЕЙЧА,
М. РЫЛЬСКОГО

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

В ПУЩЕ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Ричард Айрон — скульптор.
Эдит — его старая мать.
Кристабел — его сестра, вдова.
Дэви — сын Кристабел, подросток.
Джонатан — скульптор, товарищ Ричарда.
Джошуэ Кембл — старый приятель семьи Айронов.
Джоанна (Дженни) — его дочь, молодая девушка.
Жена Риверса.
Годвинсон — учитель и проповедник.
Калед Педдингтон — старший по возрасту гражданин в колонии.
Иеремия Ортвин	} наиболее уважаемые граждане в колонии Массачузета.
Джон Милс	
Метью Филдинг	
Абрагам Смит	
- Магистр — учитель арифметики в Род-Айленде.
Брайд — органист и учитель пения там же.
Брукли — швея
Чарли — ученик Ричарда.
Второй ученик.
Мак Гарди } граждане в Род-Айленде.
Джонс }
О' Патрик }
- Мессер Антонио — торговый посол из Венеции.
Индианка — дикарка, молодая девушка
Граждане в Массачузете, школьники в Род-Айленде.

Действие происходит в XVII столетии в Северной Америке; первые два действия — в небольшой фермерской колонии в Массачузете, последнее — в Род-Айленде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Дом, грубо сколоченный из бревен; большой камин, на нем бюст, статуэтки и несколько обломков античной скульптуры. Эдит и Кристабел моют стол и скамьи и тихо напевают мелодию гимна без слов. Со двора слышен стук топоров, свист пилы, возгласы работающих людей. Наконец, раздается голос:

Пора на отдых! На сегодня хватит!

Ричард и Дэви входят в дом усталые. Ричард в фартуке с инструментами каменщика, у Дэви в руках ведро и кисть.

Ричард

Ну, печь готова, даже побелили.

(Снимает фартук и вешает вместе с инструментами на гвоздь.)

Конец!

(Садится на скамью перед камином.)

Как я устал! А ты, мой мальчик?

Дэви

Я? Так, не очень. Дядя, подожди,
Я принесу дровец, в огонь подбросим,
И славно будет! Напечем каштанов,
Есть у меня еще, — стрельба начнется!

(Выбегает.)

Ричард

(расправляет усталые руки)

Туман сегодня, холодно и сыро,
Как там у нас, над Темзою.

Кристабел

(вздыхает)

Ох, Темза!

Теперь ее не видеть нам вовеки...
За что господь нас покарал изгнаньем?

Эдит

Ты не ропщи на бога, дочка, — грех!
Ведь не в изгнание он нас отправил,
А в край обетованный. Так когда-то

Израиля он в Ханаан повел
Из рабства, из Египта. И тогда
Такие тоже были, что роптали
На трудный путь. Что им за это было?
Ты лучше вспомни и смиришь душою. . .

Входит Дэви с хворостом и растапливает камин.

К р и с т а б е л

Я покоряюсь, мама. Только тяжело
Бывает мне порой, когда я вспомню,
Что где-то Джона моего могила.

Э д и т

«Оставьте мертвым мертвых погребенье».
За морем гроб, а здесь — твой сын живой,
Брат, мать, вся христианская община.

(Кристалл, вздохнув, начинает прибирать комнату.)

Сегодня нам почтенный Годвинсон
Публично разъяснение прочитает
О том, что значит «новый Ханаан».
Пойдешь ли, сын, послушаешь?

При этих словах Дэви тихо, но проворно укладывается на скамью и укрывается плащом.

Р и ч а р д

Нет, мама.

Э д и т

А почему?

Р и ч а р д

Устал и... так сказать...
Мне кажется, что в этом разъяснение
Не много будет нового...

Э д и т

Ой, сын мой,
Дух суемудрия в тебя закрался.
Отец покойный совершил ошибку,
Тебя в далекий папский край отправив...
Лукавым Римом ты отравлен.

Р и ч а р д

Мама!

Лукавый Рим совсем не виноват,
Что Годвинсон почтенный не оратор.

Э д и т

Для искренней души, простого сердца
Не красноречье нужно — только правда
Да слово божье.

Р и ч а р д

Я и сам читаю

Священное писание. Там есть
И красноречие.

Э д и т

Твои слова

Просты как будто, а звучат лукаво.

Р и ч а р д

Ну так забудь их, мама, не сердись.
Да разве же ты Ричарда не знаешь?
Немного он в отца пошел.

К р и с т а б е л

Отец —

Ты помнишь — был всегда шутив и весел...

Э д и т

Но он ведь был всегда богобоязнен.

К р и с т а б е л

Я это и сказать хотела, мама.

Э д и т

Пойдем, пора, а то без нас начнут
Читать господне слово. Ведь уж скоро,
Как только отдохнем мы от работы,
Придется нам небесное оставить
И за земное взяться. Не упустим
Господня часа.

Кристабел

Да ведь я готова.

А Дэви где?

(Замечает его.)

Что это? Он заснул?

Вставай, мое дитя!

Ричард

Оставь в покое,

Сестрица, мальчика, — хоть он и мал,

А ведь работал он, совсем как взрослый.

Эдит

(пробует разбудить Дэви, но тот крепко спит)

Сном молодым заснул, и не разбудишь.

Бог с ним, пойдем, а то мы опоздаем.

Ричард

Нет, подождите. Белла, где мой воск?

Кристабел

(встревоженно)

Зачем тебе?

Ричард

Лепил бы на досуге.

Эдит

Вот для забав находишь и досуг.

Ричард

Нет, для меня все это не забава,

Ты знаешь, мама, не к чему нам спорить.

Так где же воск? Ты, Белла, не видала?

Кристабел

Ты так давно не вспоминал о нем...

Ричард

Да все минуты не было свободной.

Сам о себе я забывал не раз.

Работал днем, а ночью спал, как мертвый.
Я стал волком, как вавилонский царь,
Не знаю только — за какой проступок.
И вот на время стал я человеком.
Так где ж мой воск?

К р и с т а б е л

Ох, братец мой, прости!
Они просили, мама приказала...

Р и ч а р д

Я ничего не понимаю, Белла.

Э д и т

Твой воск община для свечей взяла,
Чтобы при них читать господне слово.
Почтенный Годвинсон испортил зренье,
Читая при лучине.

Р и ч а р д

Мама, мама!

Э д и т

Послушай, сын!

Р и ч а р д

Я не хочу и слушать!
Уйдите от меня, я сам не свой!
Уйдите с глаз!

Э д и т

Так матери сказал ты?

Р и ч а р д

Тебе сказал, с другим не говорил бы,
А просто...

Э д и т

Что? Ну, говори! Побил бы?

Р и ч а р д

Оставьте вы меня!

К р и с т а б е л

Оставь его.

Он, мама, успокоится. Пойдем же.

Э д и т

(посмотрев на сына, идет к двери)

Так оскорбить родную мать! За что же?
За этот воск! Пусть бог тебя простит!

Эдит и Кристабел выходят.

Р и ч а р д

(один; некоторое время молчит)

Пусть бог простит — кого? Того, наверно,
Кто сам не знает, что творит. Да что там!
Прощать или карать — господне дело.
А людям это ни на что не нужно.
И если б отомстил я за неправду
Или простил, как наш закон велит,
Неправда от того б не изменилась,
Она бы угнетала, словно камень,
И — грешное иль праведное сердце —
Все грызла бы. Теперь вот мне сидеть,
Смотреть на неприкайные руки,
Лишенные любимейшей работы,
Единственной, что украшала жизнь, —
Все это горше мне и тяжелее,
Чем муки совести...

Д э в и

*(как только женщины вышли, вскочил со скамьи;
подкрался к Ричарду, пытается обратить на себя
его внимание, но тот не слышит)*

Послушай, дядя,

Из воска только можешь ты лепить?

Р и ч а р д

А что тебе?

Дэви

(садится на полу у его ног и внимательно смотрит в глаза)

Нет, дядюшка, скажи!

Ричард

Могу из глины, но ее ведь нет.

Дэви

Да как же нет! А печь-то мы лепили?

Ричард

Та глина не годится. Ты ведь знаешь,
Что печь — не статуя.

Дэви

(обиженно)

Я знаю, дядя.

Да я хотел сказать... Нет, не скажу.
Опять рассердишься.

Ричард

Не на тебя.

Не обращай вниманья.

Дэви

Вот что, дядя, —

Я как-то пробовал лепить из хлеба...

Ричард

Ты пробовал лепить? Не пробуй, Дэви.

Дэви

А почему? Ты думаешь, что плохо?

Мне кажется — не хуже, посмотри!

(Вынимает из кармана и показывает Ричарду фигурку из хлеба.)

Вот видишь — Годвинсон. Он длиннополый,
Круглоголовый, с книжкою в руках,

Широкий рот от уха и до уха,
А уши, вон, торчат. Такой он, правда?

Р и ч а р д
(начинает присматриваться, потом берет у Дэви фигурку)

Дай рассмотрю.

(Улыбается.)

А правда — Годвинсон!
Ты что — впервые вылепил фигурку?

Д э в и

Нет, я лепил, когда мы были в море,
Лепил все время.

Р и ч а р д

Как же я не видел?

Д э в и

Я прятался от бабушки и мамы,
Они не любят этого.

Р и ч а р д

Зачем

Ты от меня скрывался? Ишь какой ты!

Д э в и

Да как-то стыдно было показать,
Все выходило плохо.

Р и ч а р д

(присматриваясь к фигурке)

Вот что, Дэви,
Нос у него длиннее должен быть...
А голова опущена...

Д э в и

И правда!

Так можно ведь поправить, хлеб-то свежий.

Р и ч а р д

... и набок склонена,
(*поправляет*)
вот так, а руки
На книжке сложены.

Д э в и

Нет, в книжку палец
Заложен, будто бы закладка в тексте.
(*Передразнивает гнусавым голосом.*)
«Раздел десятый, первый стих Осии...»
(*Смеется.*)

Вот если б я умел лепить, как ты!
Я вылепил бы всех: старуху Стокли,
Сову в больших очках, что в воскресенье
Не позволяет в бабки нам играть,
И Дика толстого, что гимн поет,
Как яблоко печеное, наморщась.

Р и ч а р д

Зачем таких все хочешь ты лепить?

Д э в и

Люблю смешное.

Р и ч а р д

Разве ты не любишь
Красивого?

Д э в и

Конечно, я люблю,
Да только это выдумать все надо,
Куда уж мне...

(*Ласкается к Ричарду.*)

Дай посмотреть мне, дядя,
На то, что ты лепил на корабле.

Р и ч а р д

Что — интересно?

Д э в и

Очень!

Р и ч а р д

Ну, достань

Вон там, в шкафу.

Д э в и

(возле шкафа)

А можно мне достать,

Что из Италии привез ты?

Р и ч а р д

Нет.

Ты что там делаешь?

Д э в и

Читаю надпись,

Да по-латыни трудно разобрать.

(Медленно читает.)

«Pereat mundus, fiat ars». Что значит?

Р и ч а р д

«Пусть мир погибнет, но живет искусство».

Д э в и

Искусство?

Р и ч а р д

Ну конечно — и ваянье,

И музыка, и живопись...

Д э в и

Понятно.

Кто ж так сказал?

Р и ч а р д

Да эта поговорка
В Венеции у скульпторов была,
В их круг и я был принят.

Д э в и

Вот, наверно,
Там весело жилось!

Р и ч а р д

Да, да, мой мальчик...

Д э в и

И как ты мог покинуть этот круг?

Р и ч а р д

А кто же мог бы от нужды избавить
И кто заботился бы в этом крае
О бабушке, о маме, о тебе?

Д э в и

И сам себе я как-нибудь помог бы.

Р и ч а р д

Как твой отец?

Д э в и

О, бедный мой отец!
Скажи, за что они его убили?

Р и ч а р д

За книжку.

Д э в и

Что ж в ней было?

Р и ч а р д

В ней писал он,
Что не к чему иконам поклоняться,
Что церковь англиканская греховна...

Дэви

Но это ж правда! Бабушка сказала,
Что так и по священному писанию!

Ричард

Ты думаешь, за правду не карают?
Дэви с фигуркой в руках молча задумался.

Дженни Кембл

*(молодая девушка в очень простой одежде; входит
и останавливается на пороге)*

Ах, извините! Вы одни?..

Ричард

Прошу вас!

И мать и Белла скоро возвратятся.

Дженни стоит и мнет край фартучка, но не входит.

Дэви

*(смотрит на фигурку, которую держит в руках, потом
на Дженни)*

Смотрите-ка, мисс Дженни, ваш портрет!

Дженни

Где?

(Приближается.)

Дэви

Вот.

Дженни

(делает вид, что не находит сходства)

Да разве это мой портрет?
Одета, как принцесса.

Ричард

Разве дело

В одежде? Ведь и вы могли б одеться
Принцессою.

Д ж е н н и

Да что вы! Где же мне...
Я девушка простая...

Р и ч а р д

Но поверьте,
Никто не удивился бы, увидев
В такой одежде вас.

Д ж е н н и

Да что вы, мастер,
Вы говорить привыкли комплименты.

Р и ч а р д

Вам кажется, что я привык?

Д ж е н н и

А как же,
Ведь вы бывали в обществе блестящем.
И даже при дворе у короля.

Р и ч а р д

У живописцев короля, скажите!

Д ж е н н и

Не все ль равно! К вам приходили дамы,
Заказывали вам свои портреты...

Д э в и

Ну, это что! Вот если б вы слыхали,
Что дядя рассказал нам о балах,
Комедиях и разных маскарадах,
Что он на свете повидал, — вот это
Есть что послушать!

Р и ч а р д

Не болтай-ка, Дэви!

Д ж е н н и

(Дэви)

Ты думаешь, что дяде интересно
Об этом мне рассказывать?..

Р и ч а р д

Но, Дженни,
А вам-то — интересно ли вам слушать? . .

Д ж е н н и

Людей бывалых каждый рад послушать.

Д э в и

Ну, дядя, расскажи про карнавал,
Про город на воде. . . Как он зовется?

Р и ч а р д

Венеция?

Д э в и

Да! Да!

Д ж е н н и

А там красиво?

Р и ч а р д

Царицею морей зовут тот город —
Я колыбелью красоты назвал бы.
Когда, бывало, голубою ночью
На этот город мраморный смотрел я,
Казалось мне, что не людские руки
Дворцы вот эти белые творили,
Что сами поднялись они из моря,
Подобные серебряным туманам. . .

Дженни слушает внимательно, опершись на камин, Ричард
засмотрелся на нее и остановился.

Д э в и

Ну дальше, дядя! Что же ты молчишь?

Р и ч а р д

Дай дерево и ножик.

Д э в и

А зачем?

Р и ч а р д

Так, постругать, чтоб легче говорилось.

Дэви подает, Ричард строгают, взглядывая на Дженни.

... Бывало, в дымке черные гондолы,
Вдали серебряные паруса,
Что к городу плывут от горизонта, —
Казалось мне — таинственные звезды
Венеции в подарок посылают
Все лучшие мечты, и принимает
Она их бережно, качая тихо,
Тихонько, чтобы их не напугать...
*Дерево вдруг ломается у него в руках, он
с досады бросает его в огонь.*

Дай глины, Дэви.

Д э в и

А какой? Простой?

Р и ч а р д

Хотя бы той.

Дэви выходит и быстро возвращается с глиной.

Р и ч а р д

*(говорит сначала без Дэви, потом, не прерывая
рассказа, берет глину и говорит дальше,
вылепляя что-то из глины)*

Бывало, так и утро
Придет, а я красавицей люблюсь,
Что все зовут Венеция. Как только
Ударит в стены первый солнца луч,
Вдруг стены вспыхнут золотым пожаром,
А море сразу будто засмеется,
Проснувшись и увидев красоту
Царицы пышной. Как она прекрасна
В тот ранний час, когда восходит солнце,
Пока еще не пробудились люди,
А кое-кто еще недавно лег, —
Венеция не любит ночью спать —

Ведь в это время мрамор оживает
И на строеньях каменные люди
Какую-то мистерию играют.
И мраморные лица, изменяясь,
Вдруг оживают в солнечном сиянье.
Они красивы. Говорит недаром
Простой народ, что никсы и русалки,
Из моря выплыв, поднялись на стены,
Чтоб посмотреть, насколько мир широк,
И так на этот город засмотрелись,
Что не заметили, как скрылся месяц.
Тут солнце выстрелило в них лучом,
И вмиг русалки все окаменели, —
Ведь им не велено смотреть на солнце.

Д э в и

А есть русалки в море?

Р и ч а р д

Для того,

Кто в это верит, есть.

Д э в и

Я буду верить, —

Тогда увижу их?

Р и ч а р д

Увидишь, Дэви.

Д ж е н н и

А мне отец сказал — грех в это верить.

Р и ч а р д

Но как же быть?

Д ж е н н и

Читать господне слово —
И станет ясным разум.

Р и ч а р д

Но мечта

Останется.

Входят Эдит и Кристабел; за ними Годвинсон и Джошуэ Кембл, оба коротко остриженные, Годвинсон в длиннополой одежде не то ученого, не то духовного лица, Кембл в простой пуританской одежде.

Г о д в и н с о н

Мир сему дому.

Ричард встает молча, кланяется. Дэви и Дженни отходят в сторону; Дженни здоровается с женщинами, Дэви прячется за перегородку.

К е м б л

Мир вам!

Р и ч а р д

Почтенный мистер Кембл, как вы живете?

К е м б л

(не отвечая Ричарду, обращается к Дженни)

Ты здесь зачем?

Д ж е н н и
(смущенно)

Я только что пришла...
Я к госпоже... пришла...

К е м б л
(посматривая на Ричарда)

Послушай, дочка.
Ты это «госпоженье» мне оставь.
Ведь во Христе все братья мы и сестры,
И говорить всем надо просто «ты»,
Хотя бы даже королю. Понятно?

Д ж е н н и

Я понимаю...

К е м б л
(Ричарду)

Слушай, молодец,
Хоть ты не свыкся с нашей простотой,
Привычки нечестивые забыть
Тебе пора бы.

Р и ч а р д
У меня и нет их.

Г о д в и н с о н
Тот, кто три года жил среди папистов,
Тот, верно, их привычки перенял.

Р и ч а р д
Италия от нас отстала в вере,
Однако может научить и нас
Обычаям.

Э д и т
(Кристабел)

Готовь для брата завтрак.
Коль мы пойдем, то надо собираться.

Кристабел хлопочет около печи. Дженни помогает ей, они
разговаривают.

Р и ч а р д
Куда? Я никуда не собираюсь.

К е м б л
Мы только что решили на собрание —
Построить дом для нашего отца,
Для Годвинсона.

Р и ч а р д
Мне казалось...

Г о д в и н с о н
Дом
Есть у меня, но вот община хочет

По доброте своей построить мне
Дом каменный. Не столько для меня, —
На это бы я сам не согласился, —
Как собственно для блага всей общины,
Чтоб в этом доме люди по субботам
Встречались для божественной беседы.
Сейчас так неудобно в тесноте,
Хоть я сказал общине: жаль труда. . .

К е м б л

Что там, отец, ведь если вся община
За дело дружно примется, то скоро
Окончится работа. До зимы,
Наверно, выстроим.

Р и ч а р д

Зима уж скоро.
К тому же вряд ли, чтобы все могли
Приняться за работу.

К е м б л

Почему же?

Р и ч а р д

Да не у всех ведь есть еще жилища.

Э д и т

Зато для всех огонь духовный будет
Гореть в жилище, где живет учитель.

К е м б л

Бери с собою, Ричард, инструмент
И мальчика. . .

Р и ч а р д

Он очень утомился,
И слишком мал он для такой работы.

К е м б л

Ну, приходи один.

Р и ч а р д

Да я не знаю...

Приду ли.

К е м б л

Почему?

Р и ч а р д

Я буду занят.

Давно уже я обещал соседке
Поставить печь в ее убогом доме;
Управлюсь вот с домашними делами
И к ней пойду.

Э д и т

Я думаю, что все же
Соседка эта может подождать.

Р и ч а р д

Я думаю совсем иначе, мама.

К е м б л

Община ведь решила, чтобы братья
За дело всем.

Р и ч а р д

Я не был на собрание.

К е м б л

Ты мог прийти.

Р и ч а р д

Меня никто не звал.

Э д и т

Нет, я звала.

Р и ч а р д

Но ты мне не сказала,
Что на собрание будет обсужденье...
Я думал, что собрание для молитвы.

К е м б л

А так и было. Только заодно
Мы и дела решили обсудить.
Да все равно ведь — был ты или не был,
Но если уж община вся решает,
Обязан каждый выполнять решение.

Р и ч а р д

Кто может с принуждением бороться,
Тот делает все только по желанью.

К е м б л

А разве нет желанья у тебя?

Р и ч а р д

Позвольте мне уже об этом думать.

К е м б л

Общину не интересуют мысли
Тех, кто противится ее решениям.
Что хочешь думай — должен подчиниться.
Общины власть — ведь это власть господня.
Иные мысли пусть молчат при ней.

Р и ч а р д

Так говорить не должно пуританам.

Г о д в и н с о н

Но почему не должно? Поясните!

Р и ч а р д

Ведь если мы не за свободу мысли,
Тогда не знаю я — за что боролись.

Г о д в и н с о н

За слово божье и за власть общины.

Р и ч а р д

А в чем, скажите, эта власть общины?

К е м б л

А в том, что ни король и ни парламент
Менять не смеют приговор общины,
Свободной, не зависимой от них.

Г о д в и н с о н
(с угрозой в голосе)

Община все негодные наросты
Рубить имеет право и бросать
В огонь, никто их защищать не смеет.

Р и ч а р д
(Годвинсону)

В такой общине полная свобода
Всем фарисеям.

Г о д в и н с о н
А к чему вы, Ричард,
Сказали это?

Р и ч а р д
Sapienti sat¹.

Г о д в и н с о н
(встает)

Вот это вежливо!

Э д и т
Сын, ты забыл,
Что младший ты, что говоришь ты с гостем.
Простите, уважаемый учитель,
Его за неразумные слова.

Р и ч а р д
Я, мама, не сказал ведь mea culpa²

---

¹ Умный поймет (лат.).

² Моя вина! (лат.)

К е м б л

К чему здесь католические речи?

Г о д в и н с о н
(берется за шапку)

Ну, оставайтесь с миром!

Э д и т

О, учитель,

Вы от меня не отойдете в гневе,
Не станете наказывать сурово
Меня за невоздержанного сына.

Г о д в и н с о н

Я очень уважаю вас, Эдит, —
И я останусь.

Входит и останавливается у порога очень бедно одетая женщина, несколько раз кланяется присутствующим.

Ж е н щ и н а

Мир честному дому.

Р и ч а р д

Мир, женщина, и вам.

Женщина все стоит у порога, вид у нее приниженный, забитый.

Входите, просим.

Г о д в и н с о н
(Кемблу)

Я что-то не могу ее припомнить.

К е м б л
(Годвинсону)

Она давно не ходит на собрания.
Ведь это Риверса того жена,
Что после выборов бежал в Род-Айленд.

Г о д в и н с о н

Лукавый человек. Мутил общину.
Зачем она пришла?

Ж е н щ и н а

(Ричарду)

Почтенный мастер,
Я к вам пришла, хочу спросить. . .

Р и ч а р д

Я знаю,
Я не забыл. Сегодня я приду.

Ж е н щ и н а

Простите. . . Я надоедаю вам. . .
Но бедность, горе. . . Осень наступила,
А даже негде развести огонь,
Чтобы согреть своих детей несчастных!

Г о д в и н с о н

У вас нет дома?

К е м б л

Дом, конечно, есть.

Ж е н щ и н а

Да дом-то есть, еще мой муж построил
Лачужку, но без печи, — видит бог,
Там сыро, как в подвале; лихорадкой
Болеет самый маленький, самой же
И головы мне не поднять утрами.
И так беда была, — теперь, как видно,
Совсем конец пришел. . . нет ниоткуда
Ни помощи, ни доброго совета. . .
Община сердится. . . А что поделать?
Ну, уж пускай бы я. . . а то ведь дети. . .

(Плачет.)

Р и ч а р д

(Годвинсону)

Так, значит, отвечают и младенцы
За грех отца?

Г о д в и н с о н

Я, мастер, за общину
Не отвечаю. Пусть она решает.

К е м б л
(женщине)

Ты знаешь что, бедняга, — подожди.
Вот выполним общинную работу,
Подумаем и чем-нибудь поможем.

Ж е н щ и н а
(боязливо глядя то на Ричарда, то на Годвинсона
и Кембла)

Я подожду... да только вот беда
С ребенком... как бы он не умер...

Р и ч а р д
(зовет)

Дэви!

Дэви выходит из-за перегородки.

Где инструмент? Пойдем-ка, сложим печь!

Дэви собирает в углу инструмент, принесенный в начале
действия.

К р и с т а б е л
(стоя у печи)

Да ты поел бы хоть сначала, Ричард.

Р и ч а р д

Нет, я не голоден, потом. Быстрее, Дэви!

Дэви

Да я уже готов.

Р и ч а р д
(женщине)

Ну, так идем!

(Молча кланяется Годвинсону и Кемблу
и выходит вместе с Дэви.)

Ж е н щ и н а
(кланяется всем низко)

Ну, оставайтесь с господом.

К е м б л

Прощай.

Женщина еще раз кланяется всем и выходит вслед за Ричардом
и Дэви.

Г о д в и н с о н

Эдит, ваш сын вступить, как видно, хочет
С общиной в поединок!

К е м б л

Нет, отец,
Мне кажется, ты слишком строго судишь.
В том, что несчастную он пожалел,
В том нет греха. Ведь милосердые к бедным
И есть обязанность христианина.

Г о д в и н с о н

Семья страдает за свое бесчестье.
И женщина в беде как будто стала
Овцой покорной... Но душа в ней волчья.

(Кемблу)

Ведь вот она не слушала тебя!
Ей, видишь, мастер нужен — не община.
Господь ее накажет, как Сапфиру,
Ананья нечестивую жену,
Что покрывала мужа прегрешенье
Перед общиной. И Ричард, верно,
Пошел помочь ей не от доброты.

К е м б л

Не придирайся так, отец, он храбрый, —
Сказать по правде, храбрых я люблю;
Что ж, он горяч, как молодой бычок,
Ходить в ярме еще не научился,
А все ж характер у него хороший,

Я знал его ребенком. С давних пор
С покойным Джеком мы хлеб-соль делили.
Эдит, ты помнишь, как со стариком
Мы англиканцам задавали жару?

Э д и т

Брат Джошуэ, да разве я забуду,
Каким ты был товарищем для Джека.

Г о д в и н с о н

*(сел у камина, собираясь помешать угли; нагнулся за
кочергою и неожиданно увидел фигурку из хлеба,
валявшуюся на полу; поднял ее, присмотрелся,
потом встал. Эдит)*

Эдит! Ваш сын, наверно, это делал?
(Показывает и кладет перед нею на стол фигурку.)

Э д и т

(подавленная)

Я ничего с ним не могу поделывать,
Учитель. Сердце рвется у меня
Из-за того, что он идет на гибель.

Г о д в и н с о н

Жалею я, что набожную мать
Господь карает нечестивым сыном,
Но больше не могу я оставаться
В том доме, где хозяином ваш сын.

Э д и т

Отец! Учитель!

Г о д в и н с о н

Нет, я не могу.
Уйду. Бог с вами!
(Уходит быстро.)

Э д и т

(всплескивает руками)

Господи, за что ты
Караешь нас?

К е м б л

Да что он там нашел?
(Присматривается к фигурке.)

Ха-ха-ха-ха! И здорово похоже!
Как вылитый отец наш Годвинсон!
Сказать по правде, может нечестиво,
А хорошо. Вот посмотри-ка, Дженни.

Д ж е н н и
(подходит, улыбаясь)

Из-за чего разгневался учитель?
Людей же ведь рисуют на портретах —
Так почему лепить нельзя?

К е м б л
Да видишь,
Портреты нарисованы, а то,
Что леплено и резано, — кумир,
А не портрет.

Д ж е н н и
Я думала, отец,
Что лишь богов подобия — кумиры.

К е м б л
Нет, сказано, чтобы никто не резал
И не лепил «подобья никакого», —
Все это мерзко богу.

Д ж е н н и
Ну, а если
Фигурку кто-то слепит для забавы,
И это грех?

К е м б л
Да как тебе сказать?
Не то что грех, но все ж нехорошо...
А почему ты спрашиваешь?

Д ж е н н и
(смущенно)

Так . . .

К е м б л

Я удивляюсь Ричарду! Хороший
И честный человек, а все не может
Он эти глупости оставить.

Э д и т

Брат,
Ты слишком добр, — не глупости, а грех,
Великий грех все это, крест мой тяжкий
И сердца моего живая рана.

К е м б л

И ты, сестра, уже впадаешь в грех
Отчаянья. Еще ведь Ричард молод,
А так как он и пьянствовать не любит
И с девушками не гуляет, должен
Развлечься он — ведь кровь-то молода.
Вот женится да гнездышко совет,
Оставит все забавы.

Э д и т

Дай-то, боже,
Мой брат, чтобы пророческими были
Твои слова — ведь стынет кровь моя,
Когда я вижу все забавы эти.
(Показывает на фигурки в открытом шкафу.)

К е м б л

(присматривается и узнает в фигурке Дженни)

Эге! Джоанна, что это такое?

Д ж е н н и
(смущенно)

Я, папочка, не знаю.

К е м б л
(сурово)

Ну, так знай,
Что я забав таких не разрешаю,
Чтоб я о них не слышал!

Д ж е н н и
Хорошо.

К е м б л
А Ричарду скажи, чтобы не смел он,
Чтоб уничтожил все!

Д ж е н н и
(невольно)
Ах, папа!

К е м б л
(сурово)
Дженни!

Д ж е н н и
Я ничего.
(Тихо, Кристабел.)
Послушай, Кристабел,
Как я грешна, — мне очень жаль фигурку!
(Идет к перегородке.)

К е м б л
Куда ты, Дженни? Нам пора домой,
Я ничего не ел с утра.

Э д и т
Останься,
Брат Джошуэ, позавтракай у нас
Чем бог послал.

К е м б л

Нет, я пойду, сестра.
Пора уже идти мне на работу,
Ведь мой топор за мною не придет,
А сам за ним идти домой я должен.

Э д и т

Брат Джошуэ, а может, и меня
Ты проведешь туда, где будут строить?

К е м б л

Зачем тебе туда?

Э д и т

Пойду работать

С общиною.

К е м б л

Но женщин не зовут,
Строительство — не женская работа.

Э д и т

И женщина все сможет, если надо.

К е м б л

Ну, в этом крайней надобности нет.

Э д и т

Зачем мне крайней надобности ждать?
Мой род привык всегда во всем быть первым.
Не служит сын мой богу и общине —
Я, мать, пойду за сына, но позор
На род мой не падет.

К е м б л

Эдит, сестра,
Прекрасно сказано, но сила женщин
На деле не равняется словам.

Э д и т

Носить кирпич и глину замесить
И я сумею. Братья по общине
Не будут презирать меня, надеюсь.

К е м б л

Решай сама, как знаешь. Заходи,
Сестра, ко мне, и если ты так хочешь,
Я проведу тебя. Мир вам!

Э д и т и К р и с т а б е л

Ну, с богом!

Кембл и Дженни выходят.

Э д и т

Дай, дочка, мне позавтракать, потом
Найди отвес, лопату и рогожу.

К р и с т а б е л

Так, значит, мама, вправду ты пойдешь?

Э д и т

Когда же говорила я неправду?

К р и с т а б е л

А можно, мама, мне пойти помочь?

Э д и т

Кому же хочешь ты помочь?

К р и с т а б е л

Тебе.

Э д и т

Останься дома.

К р и с т а б е л

Почему?

Э д и т

Так надо.

Молчанье. Кристабел готовит завтрак. Эдит раскрывает библию и читает. Ричард и Дэви быстро входят, запыхавшись.

Р и ч а р д

Дай, Беллочка, позавтракать скорее.

К р и с т а б е л

Как быстро ты вернулся!

Р и ч а р д

Из-за Дэви.

Я вижу, он от голода томится,

А без меня идти домой не хочет.

Пока Кристабел готовит кушанье, Ричард быстро ходит по комнате, видимо, взволнованный.

О боже, сколько на земле несчастья!
Ты, Беллочка, не можешь и представить,
Как обнищала Риверса жена
В сырой землянке и с детьми больными.
И не она одна... таких немало.

*(Ходит молча, затем останавливается
перед Эдит.)*

А знаешь, мама, может быть и правда
Грешно так жить, как я сейчас живу.

Э д и т

(радостно)

Ах, наконец, ты, Ричард, понял это!
Благословен господь!

Р и ч а р д

Сегодня я

Увидел близко горести людские.
Я только знал художников лишения,
Я видел бережливость, груд бессонный,
Но корчей голода еще не видел
И не слышал его ужасных воплей,
Не обращал вниманья. Разве, мама,
Не тяжкий грех такое равнодушие?
Но жил я среди грез и красоты.
Все выше я и выше подымался
На крыльях грез — и вот упал на землю.

Ох, мама, как же я ушибся страшно!
Как будто эти крылья надломились.
А как они плескали буйно!

Э д и т

Сын мой,
Но этих грез тебе как будто жалко.
Хотя ты понял сам, что вместо грез...

Р и ч а р д

Да, вместо грез здесь думают о хлебе,
И я за это камня в них не брошу...

Э д и т

Не хлеба одного здесь люди просят —
И слова божьего, — не забывай!
И мы служить обязаны всем сердцем
Тем, кто дает нам слово божье.

Р и ч а р д

Мама!
Христос давно нам дал его. То слово
Он под замком не спрятал в тайнике,
И каждый может взять его свободно,
А передатчиков не нужно нам...

Э д и т

Так говорят род-айлендцы, тебя же
Сбивает Риверса жена, — так пусть
Накажет бог ее!

Р и ч а р д

Не проклинай!
Судьба и так беднягу наказала.
Подумай, мама: люди, что назвали
Себя «святыми», «божьими сынами»,
Не хлеб, а камень братьям подают!
Они ломают крылья грезам ясным!
Их надо проклинать бы...

Э д и т
Хватит слов,
Ведь что ни слово — новый грех.

Р и ч а р д
Да, хватит.
Ведь что ни слово — новая отравка
Для нас обоих, мама.

К р и с т а б е л
Завтрак стынет.

Эдит, Ричард и Дэви садятся к столу, Кристабел им прислуживает, едят в молчании. Эдит встает первая, берет отвес и лопату, вскидывает на плечо рогожу и направляется к двери.

Р и ч а р д
(Кристабел)
Куда уходит мама?

К р и с т а б е л
На работу...

Э д и т
(оборачиваясь, стоя на пороге)
Я, сын мой, за тебя иду работать.
(Медленно выходит.)

К р и с т а б е л
(Дэви)
Пошел бы ты да бабушке помог.

Д э в и
Как скажешь, дядя Ричард?

Р и ч а р д
Как ты хочешь...

Д э в и
Хочу пойти с тобой.

Дэви начинает снова аккуратно есть. Ричард сидит, не прикасаясь к еде.

К р и с т а б е л

Ты, Ричард, ел бы...

Р и ч а р д

Не естся что-то, Беллочка...

Молчание.

К р и с т а б е л

Тут Кембл

Кричал на дочь за эту вот фигурку,
Ее велел он уничтожить.

Р и ч а р д
(гневно)

Нет!

Мне этого никто велеть не может!

Кто-то стучит в дверь.

За мной, должно быть.

(Встает.)

К р и с т а б е л
(открывает и выглядывает за дверь)

Боже! Джонатан!

Ты видишь, Ричард?!
(ведет Джонатана за руку в комнату.)

Р и ч а р д
(бросается и горячо здоровается с Джонатаном)

Ты откуда взялся?

Я думал, ты в Голландии осел.

Д ж о н а т а н

Осел, да вот не усидел...

Р и ч а р д

Что ж так?

Рассказывай-ка, что с тобою было.

Сядь, Джонатан!
(Усаживает за стол, придвигает ему еду.)
Да вот покушай с нами.

Джонатан

Спасибо, я не голоден, я ел;
Мы сделали с женой себе шатер
И кое-как покушали.

Кристабел

Да что вы!
Сейчас ведь невозможно жить в шатре;
Пока постройтесь, у нас живите.
Согласен, Ричард?

Ричард

Ну конечно, Белла.

Джонатан

А ваша мать...

Кристабел

О, наша мама будет
Вам очень рада. Я сейчас пойду
И приведу сюда супругу вашу.
Где вы остановились?

Джонатан

Как сказать вам?
В том месте, где община что-то строит,
Там рядом и раскинули мы лагерь.

Кристабел

Да, я найду.
(Выходит.)

Ричард

Так почему ж ты, друг мой,
Не усидел в Голландии? Там, что ли,
Работы не было?

Д ж о н а т а н

Да нет, не то.

Я разочаровался в старом мире.
Тот древний мир состарился в грехах,
Закостенел в привычках нечестивых,
И даже новой веры дух живой
Его, как труп, не воскресит вовеки.
И понял я, зачем в далекий край
Израиля бог вывел из Египта, —
Не стал бы он избранником иначе.
Египетская скверна вековая
Его бы одолела, как проказа.
Я расскажу когда-нибудь подробней
О всех моих несчастьях, а теперь
И вспоминать не хочется. Как рад я,
Что можно мне теперь о них не думать.

Р и ч а р д

А все ж дорогу новому искусству
Голландия открыла. Я простил бы
«Египетскую скверну» ей за это.

Д ж о н а т а н

Ты только говоришь, а не простил же
Венеции ты всех ее грехов
За чистоту прекрасного искусства.

Р и ч а р д

Простил не меньше, чем Христос блуднице.

Д ж о н а т а н

Все ж признаешь ты, что она блудница.

Р и ч а р д

Нет, этого сказать я не хотел, —
Так было бы, мой друг, неблагодарно.

Д ж о н а т а н

Зато правдиво. Побоялся я,
Что если там останусь, то погрязну
В ее распутстве.

Р и ч а р д

Этого совсем

Я не боялся.

Д ж о н а т а н

Так зачем бежал ты,
Как от жены беспутной Потифара?

Р и ч а р д

Припомни инквизицию. К тому же
Ты знаешь сам, что нас обоих ждали
Важнейшие обязанности.

Д ж о н а т а н

Правда,

А все ж покинул ты без сожаленья
Венецию.

Р и ч а р д

Тебе так показалось?

Я этого и сам тогда не понял. . .

(Немного задумался.)

Но это правда! Я оттуда рвался,
Я сыт был этой пышностью, пирами,
Венецианок нежной красотой,
Венецианцев льстивыми речами,
И, как ни горько, пуританской шей
Я гнуть по-католически не мог,
И я не в силах был переступить
Через высокие пороги дождей
И во дворцах богатых меценатов
На ровном месте спотыкался. Там
Заморскими цветами расцветают
Избранников таланты, но в теплице
Скорее увядают, чем цветут.
Потомки великанов измельчали,
Изнеженная гибнет красота.

Д ж о н а т а н

Художники там, правда, разленились,
Как женщины продажные в безделье,

Те, что от солнца божьего отвыкли,
Живя в лучах искусственного света.

Р и ч а р д

Как видно, все слова искусство это
Договорило — и вот-вот как будто
Готово онеметь.

Д ж о н а т а н

Да, это верно.

Как это страшно, Ричард! Вот и мы,
С искусством мы судьбу свою связали.

Р и ч а р д

О, наши судьбы, брат мой, не погибнут!
В Италии еще остался свет.
А здесь у нас едва-едва светает.
Еще поборемся. Мы, славу богу,
Родились не холопами магнатов,
Иные звезды в нашем гороскопе.
Плывя сюда, я многое продумал.
То был великий мыслей океан...
Мне не забыть, как часто вечерами
На корабельной палубе сходилась
Община наша, как семья большая,
И там, при свете вечного костра,
Что сам господь зажег высоко в небе,
Певала гимны. И казалось, будто
Из черной бронзы отлиты фигуры
Певцов, такой исполненные силы,
Что в свете звезд гигантскими казались,
И столько новой красоты в них было
Неведомой в том мире итальянском,
Где я учился азбуке искусства!..
И как мечтал я, что в общине этой,
Я разожгу в далеком новом крае
Живой огонь извечной красоты...
О, это были жаркие мечтанья...
Когда б ты знал...

Д ж о н а т а н

И что ж, они погасли?

Р и ч а р д

Нет, не погасли, но чуть-чуть померкли.
Я вижу — в этом новом крае надо
Сначала дебри дикие расчистить,
А после можно разжигать огонь.

Д ж о н а т а н

Какие дебри? Эту пушу, что ли?

Р и ч а р д

Нет, нет, беда совсем не в этой пуше,
Хоть и она немало силы губит.
Тут даже не найти хорошей глины.
Да неизвестно — может, и отыщем. . .
Среди людей здесь терний злых немало.

Д ж о н а т а н

А кто ж они такие?

Р и ч а р д

Обживешься
И сам увидишь. . . Ох, мой Джонатан,
Как этот день был для меня тяжел. . .
Да, слава богу, он принес мне радость!
(Кладет руку на плечо Джонатана.)
Мой друг сердечный, мой товарищ верный,
В святом искусстве мы с тобою братья!
Сам бог тебя привел ко мне на помощь,
Перевернем теперь мы горы! Правда?
(Смеется радостно и шутливо трясет Джонатана за плечи.)

Д ж о н а т а н

Ой, ой, пусти! Я ж не гора! . . Ну, братец,
Ты тут набрался силы Голиафа,
Тебе идет на пользу эта пуша!

Р и ч а р д

На пользу всё! И тернии, и пуша,
На пользу всё! Ничто не страшно мне!

ДЕЙСТВЕ ВТОРОЕ

Тот же дом, что и в первом действии, только лучше обставленный. На камине много эскизов, миниатюр и разной скульптуры. По стенам инструменты скульптора и живописца. Много полок, на одних — скульптура, на других — новая посуда. В одном углу гончарный станок. Весь дом имеет вид не то студии скульптора, не то гончарной мастерской; много неоконченных работ. На движущихся подставках стоят бюсты, накрытые мокрыми тряпками. В глубине устроен альков; вместо постели в нем маленькая эстрада; на эстраде стоит молодая девушка, индианка, в своей дикарской одежде. Ричард лепит с нее статую в натуральную величину; он работает с большим рвением, то приближается, то отходит от статуи, присматривается, поправляет то позу девушки, то позу статуи. Движения его быстрые, энергичные, в них видно увлечение, вдохновение.

Р и ч а р д
(про себя)

Вот так... так будет лучше. Нет, вот так!
Так хорошо!.. Стой, девушка, спокойно!
Устала, может?

Девушка качает отрицательно головой.

Ну, еще постой,
А я тебе за это дам монисто
Хорошее, блестящее. Ты любишь
Монисто?

(Сняв с полки, показывает девушке монисто. Та улыбается и всплескивает руками.)

Эх, испортила всю позу!
(Идет и поправляет ее позу.)

Ты смейся, только не маши руками!
(Показывает жестами, что руками махать нельзя, и сам смеется.)

Стучат в дверь.

Г о л о с
(за дверью)

Что, дома мистер Ричард?

Р и ч а р д

Дома, дома!

Как только послышался стук, дикарка бросилась и задернула занавес алькова.

Д ж о н а т а н

День добрый, Ричард!

Р и ч а р д

Здравствуй, Джонатан!
Давно тебя не видел я. Ты что-то
Мой дом обходишь стороной.

Д ж о н а т а н

Да нет.
Не обхожу.

Р и ч а р д

Садись же, будешь гостем,
А я тем временем работать буду.

Открывает девушку. Джонатан сразу поворачивается спиной к Ричарду и девушке.

Ведь глина сохнет. Некогда лениться.

Джонатан молча раскрывает большую книгу, которая лежит на столе, и склоняется над нею.

(Придает позу девушке, берется за работу, напевая и разговаривая.)

(Поет.)

Ой, белый цветик на лилее
увидел я.

Лети за милою моею,
душа моя!

(Говорит.)

А у меня, дружок, сегодня праздник.
Смотри, какую глину я нашел!

В Италии цены такой бы глине
Не знали скульпторы.

(Подает Джонатану комочек глины.)

Джонатан
(берет в руки)

Да, глина хороша.
Достать бы мне.

Ричард
Ты, видно, стал работать?
Ну, слава богу, очень рад, что снова
К работе ты вернулся.

Джонатан
Я вернулся,
Да с новым сердцем и с иной душою, —
Отбросил спесь и со смиренным духом
На службу господа себя я отдал.

Ричард
В чем служба эта?

Джонатан
Да в делах общины.

Ричард
В каких?

Джонатан
Приносит день свои заботы.

Ричард
(работая, слушает невнимательно. Поет)

В долине синие цветочки
Увидел я.
Кому, скажи, плетешь веночки,
Краса моя?

Джонатан

Что ты поешь там?

Ричард

Песню флорентинцев.

(Поет.)

Как пламя, красный цвет граната...

Девушка опускает руку.

Снова?

Устала, что ли? Ну, постой минутку,

Я скоро отдых дам.

(Поправляет позу.)

А знаешь, друг мой,

В ней будет что-то новое, наверно,
Вот в этой статуе, — давно я сердцем
Так не горел, как нынче. День и ночь
Не отступал бы от работы. Правда,
Что не всегда модель найдешь такую!
Искал я целый год — нашел сегодня.
Как это дикое дитя прекрасно!
Взгляни-ка, Джонатан!

Джонатан

Послушай, Ричард,

Сказать по правде, я совсем не думал,
Что можешь ты до этого дойти.

Ричард

Что ты в виду имеешь?

Джонатан

Ты же знаешь.

Ричард

Нет, право, я не знаю.

Джонатан

Успокойся!

Да кто ж не знает, что модель такая

Для молодого скульптора? Хотя бы
Ты христианку взял! ..

Р и ч а р д
(бросает работу, удивленный)

О Джонатан,
Когда бы Годвинсон сказал мне это,
Не удивился б я. Но то, что вдруг
Мне, мастеру, ты, мастер, говоришь,
И удивляюсь я и сожалею.
Когда б ты был художник настоящий,
Ты был бы чист в фантазии и в мыслях,
Ты б знал, что в час торжественной работы
Живем мы не на этом грешном свете, —
Что мы тогда в краю мечты прекрасной,
В том царстве божьем, о котором долго
И тщетно люди на земле мечтают!

Д ж о н а т а н
Ты думаешь, что ты его нашел?

Р и ч а р д
Да, думаю и знаю.

Д ж о н а т а н
Ты счастливый.

Р и ч а р д
Ну что ж, довольно мне уж быть несчастным!
Довольно скорби, плача и рыданий,
Довольно стона, скрежета зубов.
Земля не ад, не прокляты ведь люди,
И радости не грех, а божий дар!

Д ж о н а т а н
А если вправду радости от бога,
То что в тебе теперь их породило?
Девичье тело, грешная краса!

И этим соблазнить других ты хочешь.
И это — «царство божье на земле»? ..

Р и ч а р д

(подходит молча к девушке, дает ей монисто, нанизанное на нитку, задерживает альков, закрывает мокрой рогожей статую и возвращается к Джонатану)

Пусть грешная краса не соблазняет
Твоих святых очей. О Джонатан!
И кто бельмом глаза твои окутал?
Другой был взгляд когда-то у тебя.
Я так был рад, когда ты к нам приехал
В колонию. Приветствовал я друга
В тебе, мой Джонатан! Ужель теперь
В тебе врага перед собою вижу?

Д ж о н а т а н

(задумался, затем подает Ричарду руку)

Нет, не врага перед собой ты видишь, —
Так быстро не становятся врагами,
И я надеюсь, что еще с тобою
Мы общею дорогою пойдем.
Тебе вот я кажусь теперь ослепшим,
Мне кажется — ты не прозрел еще.

Р и ч а р д

Ну, хорошо, не будем больше спорить.
Ты что читал тут?

Библию? «Исход»?

(Заглядывая в книгу.)

Д ж о н а т а н

Хотел я у тебя просить совета...

Р и ч а р д

Да что ты, брат? Я богослов плохой.

Д ж о н а т а н

Нет, здесь не богословье, здесь другое:
Община для молитвенных собраний

Подсвечник заказала. Здесь возможно
Художника как будто примирить
С христианином. Но община хочет,
Чтобы подсвечник был похож на тот,
Что в библии описан. Вот послушай:
«. . . И ты резной подсвечник должен сделать,
А стебель, чаши, и круги, и листья
Должны быть у него. . .» Не понимаю —
И сколько чаш и что там за круги.
Не разберу! Вот прочитай и ты.

Р и ч а р д

читает про себя, пстсм отстраняет книгу)

Вот мой совет: закрой ты эту книгу
И не гадай над этим текстом, если
Еще ты хочешь мастером остаться.

Д ж о н а т а н

Остаться я хочу христианином.

Р и ч а р д

Ведь ты себя в неволю отдаешь
Египетскую! Ведь община наша
Вся с Годвинсоном вместе понимает
Прекрасное, как эта вот дубина
И даже меньше!

Д ж о н а т а н

Ричард, будь доволен,
Что это при товарище сказал ты, —
Ведь если вдруг слова твои услышат
Община и учитель. . .

Р и ч а р д

Испугал!

Все это я готов в глаза сказать им:
Что правда, то не грех. Я и сказал
Им то же самое, когда хотели
Они, чтобы я финики лепил
Над окнами и над дверями в школе, —

Так Годвинсон все выдумал прем.удро,
В писанье где-то вычитав об этом.

(Смеется.)

Д ж о н а т а н

Хотел тебе сказать я, между прочим:
Напрасно ты поссорился с общиной,
Особенно же с Годвинсоном.

Р и ч а р д

Что мне

Твой Годвинсон?

Д ж о н а т а н

А то, что он в общине —
Большая сила.

Р и ч а р д

Пусть большою силой
В общине будет он, а я — один.
На том и кончим.

Д ж о н а т а н

Что ж, против общины
Один идти ты хочешь? Для чего
Твой этот труд, скажи?

Р и ч а р д

Для красоты.

Д ж о н а т а н

Кому она понадобится?

Р и ч а р д

Мне

И тем, что вслед за мной пойдут.

Д ж о н а т а н

Но где же

Ты видишь их?

Р и ч а р д

Да вот хоть Дэви наш.

Д ж о н а т а н

Кто? Этот мальчик?

Р и ч а р д

Мальчик, да. Но больше
Улыбка Дэви значит для меня,
Чем все проклятья Годвинсона. Что же
Касается общины, я даю
Ей то, что нужно.

(Показывает на посуду.)

Вот мы и в расчете.

Д ж о н а т а н

Нет, Ричард, нет, еще не все расчеты.
Твоя почтеннейшая мать...

Р и ч а р д

Довольно!

Об этом я не говорю ни с кем.
Хочу, чтоб только знал ты, что вовеки
Я в доме у себя рабом не буду.

Д ж о н а т а н

В кого такой отчаянный ты, право?

Р и ч а р д

Такой весь род: виклифовцев, лоллардов,
И «независимых», и «равноправных»,
И всех, кто были предками моими.
И все они свободы добивались
От короля, парламента, от церкви,
А я — от них. Кровь наша такова.

Д ж о н а т а н

Твои слова горды, но в них душе
Покая нет.

Р и ч а р д

На что он мне, покой?
Я жив еще, и рано мне на отдых.

Д ж о н а т а н

Скажи мне: неужели ты всегда
Уверен так в себе? И неужели
Не знаешь ты ни муки, ни сомненья?

Р и ч а р д

Нет, как не знаю! Все, что говоришь ты,
Я говорил себе не раз, не два,
Но победил все муки и сомненья,
Они все пережиты навсегда.
Мне говорят и разум мой, и сердце,
И вера, что мой путь правдив. Но есть
Сомнения другие — победить
Гораздо их труднее в одиночку.
Ты, Джонатан, мне руку дал недавно
На дружбу. Ты один лишь в этой пуще
Помочь бы мог мне, если б захотел.

Д ж о н а т а н

О, если б смог я, дело не в желанье.

Р и ч а р д

Так вот что, брат, прошу тебя: скажи,
(открывает статую)
Скажи мне, чем грешит моя работа?

Д ж о н а т а н

Мне кажется, что всем она грешит.

Р и ч а р д

Грешит или греховна?

Д ж о н а т а н

Да, греховна.

Р и ч а р д

Забудь на время, что ты стал святым,
И посмотри, как ты смотрел когда-то.
Вот если бы в те дни, когда мы вместе
С тобой в дворцах бродили итальянских,
Увидел бы ты где-нибудь нежданно
Вот эту статую, — что б ты сказал о ней?!

Д ж о н а т а н

Сказал бы я: «Прекрасное создание».

Р и ч а р д

А если бы тогда тебя спросили,
Что изменить в ней?

Д ж о н а т а н

«Ничего!» — сказал бы.
Да только я сказал бы как язычник.
А как христианин я говорю:
Разбей ее!

Р и ч а р д

Я все отдам, но вылью
Ее из бронзы!

Д ж о н а т а н

Ричард, должен я
Предостеречь тебя, пока не поздно...

Входит Дэви.

Д э в и

Тебя там, дядя, спрашивают люди.

Р и ч а р д

Зови их в дом.

Д э в и

Я звал, да не идут.
Они хотят поговорить с тобой
В саду, в прохладе.

Р и ч а р д

Что они за люди?

Д э в и

Да из Род-Айленда. Ты выйди к ним.

Р и ч а р д

Иду. Ты, Джонатан, еще побудь здесь.

(Выходит.)

Д ж о н а т а н

Твой дядя ничего еще не знает?

Д э в и

Да вы ж сказать хотели.

Д ж о н а т а н

Не успел я.

Ты сам скажи.

Д э в и

Скажу, не беспокойтесь!
Без вас я знаю, что мне надо делать.

Д ж о н а т а н

Сегодня ты не очень вежлив, Дэви.

Д э в и

Отстаньте от меня.

(Направляется к двери.)

Д ж о н а т а н

Куда ж ты, Дэви?

Д э в и

Пойду узнать, над чем они колдуют.

Д ж о н а т а н

Стой, подожди, и я с тобой пойду.

Оба уходят. Индианка выходит из алькова, расхаживает по комнате и рассматривает, улыбаясь, свою статую.

Д ж е н н и
(внезапно вбегает)

Ой, горе! Где же Ричард? Ради бога!
(Видит индианку.)

Ты кто такая? И зачем ты здесь?

Индианка молчит, враждебно смотрит на Дженни, прислонившись к пьедесталу статуи. Дженни вдруг посмотрела на статую.

Ах! Значит, правда у него живешь ты?
(Злобно наступает на индианку.)

Прочь, прочь отсюда, я тебя убую!

Хватает попавшуюся под руку палку и замахивается на индианку. Та с резким криком хватается скульпторский молоток, замахивается им, как томагавком, и, в свою очередь, наступает на Дженни. Эдит и Кристабел вбегают на крик со двора.

Индианка мгновенно прячется в альков. Дженни плачет.

К р и с т а б е л

Сестрица Дженни, что с тобой, родная?

Э д и т

Что здесь случилось? И о чем ты плачешь?

Подходят обе к Дженни.

Д ж е н н и

(отстраняет их, по-детски сопротивляясь)

Уйдите прочь, не трогайте, оставьте!
Я больше не приду к вам никогда...
Отец недаром не пускал... О, горе!
Какая я несчастная!

(Рыдая, выбегает из комнаты.)

Э д и т

Что с нею?

К р и с т а б е л

Ох, эта Дженни, ну совсем ребенок,
И слезы ей недороги.

(Задумывается и вздыхает.)

Ой, мама!

Э д и т

О чем вздыхаешь?

К р и с т а б е л

Ты же знаешь, мама!

Э д и т

К чему здесь жалость!

К р и с т а б е л

Мамочка! Родная!

Так, значит, к нам они придут сегодня?

Э д и т

Да.

К р и с т а б е л

Риарда должна ты защищать.

Э д и т

Нет, защищать должны мы только правду.
Ее одну.

К р и с т а б е л

Но он ведь сын твой, мама.

Он — кровь твоя. Вот, если бы на Дэви
Кто нападал, я б кинулась, как пламя.

Э д и т

Я потеряла сына, а теперь
Еще и дочь мою ты отнимаешь.

К р и с т а б е л

Что говоришь ты, мама, бойся бога!
Как можешь от детей ты отречься?
Ведь это грех! Христос нам завещал...

Э д и т

(берет со стола евангелие, раскрывает его на закладке)

Христос нам завещал... Вот посмотри-ка.
Читай внимательно и вслух. Вот здесь.

К р и с т а б е л

«...Не думайте, что я пришел принести мир на землю. Не мир пришел я принести, но меч. Я пришел отлучить сына от отца его, и дочь от матери ее, и невестку от свекрови ее. И враги человека домашние его...»

(Останавливается со стоном.)

Понять все это, мама, я не в силах!

Э д и т

Читай, читай же.

К р и с т а б е л

О Христос, сын божий!

(Читает ослабевающим голосом.)

«Кто любит отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; кто любит сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня...»

(Голос ее срывается.)

Э д и т

(дочитывает сама суровым печальным голосом)

«...И кто не примет креста своего и не пойдет за мною, недостоин меня».

Р и ч а р д входит. Кристабел при его появлении быстро уходит за перегородку. Эдит остается над книгой, но не читает, смотрит перед собой печальным невидящим взглядом.

Р и ч а р д

(садится на скамье у камина, поглядывает на мать; тихо говорит сам с собою)

Какая мать печальная сегодня...

Наверно, это я ее печалю...

Но маме грусть, по-моему, к лицу.

Красива старость у нее!.. И взгляд,

И линии простые, и одежда —

Ну, прямо Mater dolorosa! ¹

(Берет с камина воск и лепит, всматриваясь в мать.)

Э д и т

Сын!

Что делаешь?

Р и ч а р д

Так, забавляюсь, мама.

(Быстро продолжает лепить.)

Э д и т

Опять забавы...

Р и ч а р д

Что же в них плохого?

Христос любил играющих детей.

Э д и т

Но у тебя не детские забавы,

И сам ты не ребенок.

Молчание.

Слушай, сын!

Снова молчание. Сын все лепит.

Р и ч а р д

Я, мама, слушаю. Ты говори!

(Лепит все быстрее.)

Э д и т

Ты как-то сам сказал, что грех так жить,

Как ты живешь.

Р и ч а р д

Давно уж это было.

Теперь я думаю совсем иначе.

---

¹ *Скорбящая мать* — название богородицы в католической религии (лат.).

Э д и т

Что ж именно?

Р и ч а р д

Я думаю, что в мире
У всех свое призвание и — свой крест.

Э д и т

Какое же, скажи, твое призвание?

Р и ч а р д

Искусство и мечта.

Э д и т

Ты говорил,
Что не мечты, а хлеб насущный нужен.

Р и ч а р д

Но я потом другому научился.

Э д и т

Где ж научился ты?

Р и ч а р д

Вот в этой книге.
Что у тебя в руках. Я прочитал
Одну в ней как-то притчу.

Э д и т

Про таланты.
Наверно, понял ты ее не так.

Р и ч а р д

Нет, та, что я читал, гораздо проще.
Она понятна малому ребенку.
Про Марфу и Марию я читал.

Э д и т

Но разве это притча?

Р и ч а р д

Пусть не притча.
Все дело в том, как понимать ее.

Э д и т

А как ты понимаешь?

Р и ч а р д

Очень просто:
Заботы дня над Марфой тяготели,
Мария жаждала того, что вечно.

Э д и т

Ты думаешь...

Р и ч а р д

Идти вслед за Марией.

К р и с т а б е л

(из-за перегородки заплаканным голосом)

Брат, подойди ко мне.

Р и ч а р д

А что там, Белла?

(Оставляет работу на стуле перед каминном и идет за перегородку.)

Э д и т

(быстро подходит и смотрит на оставленную Ричардом работу)

Мое лицо! О господи, спаси!

Помилуй... Он погиб, погиб навеки...

Ричард и Кристабел выходят, взявшись за руки.

К р и с т а б е л

Послушай, мама, посмотри на нас.

Эдит делает отстраняющее движение рукой и, наклонив голову,
выходит из комнаты.

Р и ч а р д

Что это с матерью сегодня, Белла?
Ты тоже странная...

К р и с т а б е л

Нет, ничего...
Теперь уж все прошло... Скажи мне, Ричард,
Что там к тебе за люди приходили?

Р и ч а р д

Купцы род-айлендские.

К р и с т а б е л

А зачем?

Р и ч а р д

Они меня в Род-Айленд приглашают
Учителем. Дают большую плату.

К р и с т а б е л

Ты согласился?

Р и ч а р д

Нет.

К р и с т а б е л

Но почему же?

Р и ч а р д

Ты удивляешься?

К р и с т а б е л

Нет... так... но все же
Ведь хорошо заплатят... может, стоит.

Р и ч а р д

Чтоб я оставил здесь свою семью
За эту плату?

Кристабел
(с героическим усилием)

Ты о нас не думай
И согласишься. Тебе ведь будет лучше.

Ричард

Да ты меня как будто выгоняешь?
Я и тебе, как видно, надоел?

Кристабел закрывает лицо фартуком. Ричард, удивленный и взволнованный, подходит к ней. Неожиданно входит Джонатан, при входе осматривает всю комнату.

Джонатан

Никто сюда не приходил?

Кристабел

Никто.

Джонатан быстро выходит.

Ричард

О ком спросил он? Кто же быть здесь должен?

Кристабел

Кто?.. Я не знаю... может... нет, никто!
(Взволнованная, мечется по комнате, затем начинает покрывать статую рогожей.)

Ричард

Да что ты делаешь, сестра? Опомнись!

Кристабел

Засохнуть может ведь.

Ричард

Я очень рад,
Что ты о ней заботишься, да только
Не трогай, Беллочка, я сам накрою.

Накрывает статую рогожей. Что-то стукнуло. Кристабел
вздрагнула.

Р и ч а р д

Чего ты? Это ставня.

Молчание.

К р и с т а б е л

Может, лучше
Тебе бы, Ричард, все-таки поехать.

Р и ч а р д

Куда?

К р и с т а б е л

В Род-Айленд... Так, хоть ненадолго.

Р и ч а р д

Зачем это? С какой же стати?

К р и с т а б е л

Видишь,
Не все тебя в общине любят, Ричард.

Р и ч а р д

Вот новость! Я все знаю, я привык.

К р и с т а б е л

Ты так непримирим. Хоть иногда бы
Ты уступил.

Р и ч а р д

Но как я уступлю?
Я не могу отречься от искусства.

К р и с т а б е л

Да не совсем... а может, так, на время...

Р и ч а р д

Как Петр отрекся от Христа?

К р и с т а б е л

Не знаю!
Когда захочешь, сам найдешь и способ.

Так было б хорошо тогда... И мама
Была б такой счастливой...

Р и ч а р д

О, я знаю!
Вам хочется, наверно, чтоб скульптуре
Я изменил? Не изменю вовеки.
А если изменил бы, как Иуда,
Повесился б, наверно, как и он.

Дэви внезапно вбегает в комнату.

Дэви

Они уже идут.

Кристабел

Ой!

Р и ч а р д

Кто?

Дэви

Все старики

И Годвинсон.

(Убегает за перегородку.)

Р и ч а р д

Так вот что! Понимаю...

Ну что ж, пускай идут. Не бойся, Белла!

Входят: Годвинсон, Кембл, Калед Педдингтон,
Абрагам Смит, Джон Милс, Иеремия Ортвин,
Метью Филдинг и еще несколько стариков. За
ними Эдит и Джонатан. Момент неловкого молчания.

Кембл

День добрый, Ричард, ты не ожидал нас?

Р и ч а р д

Не ожидал, но я прошу вас, будьте
Гостями.

Г о д в и н с о н

Мы пришли сюда не в гости,
Но высший долг заставить может нас
И в капище зайти.

Р и ч а р д

(вскипел, но сдержал себя)

Подобной речи

Я в этом доме не слышал. По правде,
Когда бы я всех этих честных граждан
Не видел здесь, я знал бы, как ответить.

(Присутствующим.)

Отцы мои, прошу садиться.

Старики садятся в ряд на скамьях, за столом, Эдит стоит в стороне, Джонатан садится на последней скамье, ближе к Ричарду.

К а л е б П е д д и н г т о н

(Ричарду)

Сын мой,

Ты должен граждан поблагодарить,
Что, о тебе отечески заботясь,
Они пришли и, среди них старейший,
Я потрудился сам к тебе прийти. . .

Р и ч а р д

(сдержанно)

Благодарю за честь.

К а л е б

Хоть мы должны бы
Тебя на суд общественный позвать. . .

Р и ч а р д

На суд? Я не преступник!

Д ж о н а т а н

(тихо Ричарду)

Разве можно

Речь старшего перебивать!

К а л е б
(Ричарду)

Напрасно
Вскипел ты, Ричард. Мы вот и решили
Тебя на суд общественный не звать,
А вместе всем прийти к тебе сначала
И посмотреть самим, как ты живешь,
Все разузнать. Немало разговоров
Мы разных слышим.

(Кемблу.)

Джошуэ, скажи!

К е м б л

Мне легче было бы молчать об этом.
Ведь это все... Ну, как сказать яснее? ..
(Ричарду.)

Вот видишь ли... родную дочь мою
Ославил ты...

Р и ч а р д

Я, Джошуэ? Да что ты!
Я уважаю дочь твою, ни разу
Ей даже слова не сказал пустого,
Я сам считал бы это непристойным.

К е м б л

Не знаю... О тебе и сам я думал,
Что ты достойный юноша. Однако
Смутил ты Дженни все-таки.

К р и с т а б е л

(выходит из-за перегородки)

Отец,

Побойся ты греха! Да что ж плохого
Могло случиться с Дженни в нашем доме?
Ты знаешь и меня и нашу мать.
Да разве б мы обиду допустили?

Э д и т

Община знает — я не покрываю
Ошибок сына. И, однако, я
Скажу, что обольстителем он не был,
Насколько мне известно, никогда.
А чтоб он свел с ума твою Джоанну...

К е м б л (торопливо)

Да я не говорю, что свел с ума,
Совсем не такова моя Джоанна.
*(Останавливается, словно размышляя сам с собой и
ища выражения своим мыслям.)*

Но все-таки смутил ее он душу
Тем, что он вылепил ее подобье
И нарядил принцессою. С тех пор
Она совсем как будто помешалась.
*(Овладев мыслью, оживляется и говорит быстрее,
растерянность его исчезает.)*

Знать ничего не хочет, лишь наряды;
Все в воду смотрит, на себя любуясь.
А в статую свою она влюбилась
Так, будто бы душа ее навеки
Переселилась в дьявольскую куклу.
(Ричарду.)

За это я тебя и обвиняю,
Что статуи проклятой не разбил ты,
Как я просил, и тем поставил Дженни
На путь соблазнов гибельных.

Ричард собирается что-то сказать. Джонатан встает перед ним.

Д ж о н а т а н (общине)

Отцы,
Позвольте мне промолвить слово!

К а л е б

Если
По существу сказать ты хочешь, можно.

Д ж о н а т а н

Признаюсь я, что говорить об этом
Не так легко. Не виноват же Ричард,
Что на уме у девушки наряды?
И статуя тут ни при чем, конечно.
Как видно, такова натура женщин.
И ты, отец, ничем не доказал,
Что Ричард будто бы ославил Дженни.
Зачем же ты сказал такое слово?

К е м б л

Знай, что на ветер слов я не бросаю...
А почему «невесткою Эдит»
Все женщины дразнить Джоанну стали?
Да что и говорить? Я видел сам,
Как на нее засматривался Ричард,
Зачем же он слепил с нее подобье?
Да разве мало девушек у нас?

К р и с т а б е л

Отцы мои, поверьте мне, что брат мой
Не сватал Дженни.

К е м б л

То-то вот и есть!
Не сватал, а смущал ее.

К р и с т а б е л

Вы лучше
Ее спросите. Коль боится бога,
Она сама должна сказать вам правду!

К а л е б

Брат Джошуэ, пусть Дженни к нам придет
И скажет всем нам, обещал ли Ричард
На ней жениться. Если Дженни скажет

И подтвердит, что вправду обещал,
То должен будет он на ней жениться.
Община не простит ему обмана.

К е м б л

Но девушке, пожалуй, будет стыдно
Публично здесь рассказывать об этом.

А б р а г а м С м и т

*(говорит отрывисто, решительно, строго, но с оттенком
добродушия)*

Обязана. Общественное дело.
Так молодежь распустится — что ж будет?

К е м б л

Кого-нибудь послать бы.

К р и с т а б е л

Я пошлю.

(За перегородку, Дэви.)

Беги, сынок, за Дженни, да скорее.

К е м б л

Скажи, что ей отец велит прийти.

(Общине.)

Иначе не осмелилась бы, знаю.

Дэви уходит.

К а л е б

Пока она придет, займемся делом;
У нас ведь есть о чем поговорить.

(Ричарду.)

Так вот, слух о тебе идет недобрый,
Что с дикарями водишься ты в пуще,
Приводишь их сюда. . .

Р и ч а р д

Отец, не знал я,
Что нам завещано пренебреженье

К созданьям божьим. Сам Христос ходил
И к самарянам и к ханаанеям, —
Чем дикари здесь хуже тех народов?

Г о д в и н с о н

Смотрите, братья, как себя он дерзко
С Христом равняет!

(Ричарду.)

А скажи, зачем же,
Зачем Христос бывал у тех неверных?
Ведь не затем, чтоб идольскую нечисть
Перенимать у них и подражать ей?
Ведь ты не скажешь сам, что ты ходил
К тем дикарям, чтобы Христову веру
Им передать?

Р и ч а р д

(Калебу)

Отец, ты уверял,
Что вы меня судить не собирались,
А тут уж и судья нашелся. Знайте ж,
Что отвечать ему я не намерен.

Г о д в и н с о н

(встает, собравшимся)

Судите, братья, вы меж ним и мною.

(Показывает на Ричарда рукой.)

Вот этот человек мне сразу стал
Как камень преткновенья на дороге,
Хоть никогда ему я зла не сделал;
Наоборот, я о душе его,
Как о своей, заботился — и что же?
Брат Джошуэ вам может подтвердить,
Как грубо надо мною надругался
Сей ненавистный идолосоздатель.

(Кемблу.)

Ты, верно, помнишь то изображение,
Что он слепил в насмешку надо мною?
Я по одежде в нем узнал свой образ.

К е м б л
(прячет невольную улыбку)

Да как не помнить! Так оно, наверно,
Хранится и поныне.

(Ричарду.)

Покажи.

Г о д в и н с о н
(торопливо)

Я вовсе и не требую показа.

Р и ч а р д

Зачем же? Я могу.

(Идет и достает из шкафа ту фигурку, которую когда-то
слепил Дэви).

Вот, посмотрите.

Кое-кто из присутствующих не может удержаться от смеха и
прячется за соседа.

И е р е м и я О р т в и н
(тихо своему соседу Филдингу)

А я б узнал не только по одежде.

Г о д в и н с о н
(гневно)

Вы думаете, может, послушанье
Он обнаружил тем, что показал?
Его поступок низкий и бесчестный
Должна сурово осудить община,
А если нет, тогда я буду знать,
Что мне пора искать другого места,
Где преклонить бы голову я мог,
А здесь ее покрыть бесславьем смеет
Любой насмешник, не боясь возмездья.

К а л е б

Почтенный наш учитель, успокойся,
Не отдадим тебя мы на глумленья
Молодчикам.

(Берет в руки фигурку Годвинсона.)

Признайся лучше, Ричард,
Зачем фигурку эту ты лепил.

Ричард молчит. В ту минуту в комнату входят Дженни и Дэви и останавливаются у порога. Дэви остолбенел, увидев свою фигурку в руках Калеба.

К а л е б

Мы понимаем так твоё молчанье,
Что ты ничем не можешь оправдаться,
Что понял тяжесть своего проступка.
И наш совет отеческий тебе —
Бесчестье покаяньем искупить.
Учитель наш братолюбив, ты знаешь,
И он тебе простит по-христиански,
Когда его публично ты попросишь.

Г о д в и н с о н
(торопливо)

Фигурку ж уничтожишь.

К а л е б
(Годвинсону)

Да, конечно.

(Ричарду.)

Тут, сын мой, долго размышлять не надо.
Вот подойди да поклонись учтиво,
Скажи: «Отец, я грешен перед богом
И грешен пред тобой». Ну, что ж ты медлишь?

Р и ч а р д

Я извиняться перед ним не буду.

К а л е б

Так, значит, будет суд.

Ричард склоняет голову в знак согласия.

Д э в и

(порывисто)

Но это я,
Я сделал, а не дядя Ричард!

Г о д в и н с о н

(Дэви)

Правда?
Кто ж научил тебя так делать, мальчик?

Д э в и

Никто, я сам! Ну, вот ей-богу, сам!

Г о д в и н с о н

Ты не божись, божиться грех, запомни.

(Общине.)

Судить ребенка я не собираюсь,
Но я надеюсь, что в его семье
И так его за это не похвалят.

Э д и т

За это он наказан будет строго.

К р и с т а б е л

(Калебу)

Простите мальчика, он извинится.

К а л е б

А все же для примера надо высечь.

Д э в и

(Кристабел)

Повешусь, если ты меня побьешь!

Кристабел тихо уговаривает его, он качает головой со слезами на глазах.

Р и ч а р д

Племянник мой не всю сказал вам правду:
Не он один, а мы вдвоем лепили.

Дэви порывается что-то сказать, Ричард удерживает его жестом.

Как старший, я за все ответить должен,
И я готов. Я сам прошу суда.
Но перед этим разрешите
Другой вопрос.

(Калебу.)

Вон дочь твоя пришла,
А девушке так долго у порога
Стоять не подобает.

К а л е б

Это правда.

Сейчас ее мы обо всем расспросим.

Во время сцены с Дженни Годвинсон перелистывает библию и отмечает закладками какие-то тексты. Кристабел уводит Дэви за перегородку.

К а л е б

(Дженни)

Скажи нам — обещал ли Ричард Айрон
Жениться на тебе?

Дженни молчит, опустив глаза.

К а л е б

Что ж ты молчишь?

Община просит — отвечай же.

Дженни закрывает лицо рукавом и всхлипывает.

Р и ч а р д

Дженни,

Я вас прошу на все ответить ясно.
Почтенный ваш отец меня бесчестит,
Публично упрекая в том, что я
Как будто соблазнял вас.

Д ж е н н и
(вспыхнув и преодолевая стыд)

Ну, так что ж!
А кто же называл меня принцессой,
Русалкой... и... и я уже не знаю,
С кем сравнивал еще? Кто вздор болтал,
Чтоб только удержать меня?

Р и ч а р д
Поверьте,
Намеренья мои невинны были,
Но если я смутил неосторожно
Покой сердечный, знать бы мне хотелось...

А б р а г а м С м и т
Да что там! Поженитесь — и конец!

Д ж е н н и
(в порыве злого упрямства)
Нет, ни за что я за него не выйду!

К е м б л
(смущенно)
Ну нет, ты, дочка, говоришь неправду.
Ведь это ты капризничаешь...

Д ж е н н и
Нет!
Я не хочу! Я разве из последних,
Чтоб он меня...
(Снова закрывается фартуком, и благодаря этому слова
заглушаются.)

К е м б л
(сердито)
Джоанна, хватит нюнить!
Ну что тебе не по душе — скажи?
Да говори скорее!

Р и ч а р д

Ведь и правда
Вам надо объяснить свои слова,
Меня вы оскорбили.

Д ж е н н и
(Ричарду с угрозой)

Хорошо!

Я объясню.

(Общине.)

Послушайте же, люди!
Давно уж есть у Ричарда жена,
Так пусть же с нею остается он!

Бежит к алькову, раздвигает занавески и показывает рукой на дикарку, забившуюся в угол. Община в ужасе. Кое-кто отворачивается, кое-кто плюет с отвращением, кое-кто всплескивает руками.

К е м б л

(встает и подходит к Дженни)

Уйдем скорей. Пусть с этим домом будет
То, что с Содомом и Гоморрой было!

Берет Дженни за руку и выходит в крайнем гневе. Дикарка, улучив момент, пока община еще не опомнилась, стремглав убегает в открытые настежь двери.

Э д и т

Как смел ты в нашем доме греховодить?
Хотя б меня с сестрою постыдился!

Р и ч а р д

Я объяснить могу все это, мама. . .

Эдит с негодованием отворачивается. Кристабел, закрыв лицо руками, уходит за перегородку.

Г о д в и н с о н
(общине)

О чем еще спрашивать нам, братья?
Все видели мы ясно. Это значит
Поймать на месте преступленья

Абрагам Смит

Правда!

Филдинг

Неслыханная дерзость!

Калеб

Святотатство!

Джон Милс

Мы не допустим этого!

Иеремия Ортвин

Конечно!

Годвинсон

(берет со стола библию)

Я думаю, что прочитать нам стоит,
Как поступал Израиль с тем, кто так же
С языческой женщиной грешил.

Ричард

Так ставить вам вопрос я не позволю!

Годвинсон

(общине)

Не думает ли он еще отречься?
Кем он считает всех нас?

Абрагам Смит

Дураками!

Джонатан

Отцы мои, позвольте молвить слово.

Филдинг

Ну что ж, известно, ты его товарищ,
Ты будешь заступаться.

Д ж о н а т а н

Я, отец,
Общине был всегда послушным сыном,
Обманывать ее грехом считаю,
А правду я ценю и ставлю выше
Людской приязни.

К а л е б

Что же, говори.

Д ж о н а т а н

Я говорил с товарищем об этой
Дикарской девушке. Он уверял,
Что он ее привел не для распутства.
Уверен я, что Ричард мне, как другу,
Признался бы по правде.

К а л е б

А зачем же
Она ему нужна?

Д ж о н а т а н

Отец почтенный,
Я эту цель считаю недостойной,
Однако же и не такую мерзкой,
Как вам казалось, — он привел дикарку,
Чтоб статую с нее лепить. И правда,
Я видел сам, как он ее лепил.

Г о д в и н с о н

И эту цель ты не считаешь мерзкой?
Нет, из язычницы творить кумир —
Тягчайший грех! Он заповедь господню
Великую и страшную нарушил,
Теперь уже на много поколений
Нам будет мстить господь, коль сами мы
Не отомстим. А то, что Ричард делал
Вот это не один,

(показывает на свое изображение работы Дэви)

но и подростка
На эту мерзость подстрекал — все это

Великий грех. Священное писанье
Нам говорит:

(Раскрывает библию.)

«Кто малых сих введет
В соблазн, тому бы лучше было
Повесить жернов мельничный на шею
И в море броситься».

Р и ч а р д

(саркастически указывая на изображение Годвинсона)

И это вот кумиром

Считаешь ты?

Г о д в и н с о н

(глядя в библию)

Считаю, что уста
И праведные осквернит беседа
С подобным нечестивцем.

(К общине.)

Кто скрывает
В своей, бесчестьем скованной, душе
Грехи такие — нет тому прощенья!

К а л е б

Оно как будто бы и так. А все ж
Тут не мешает десять раз отмерить
И уж потом как следует отрезать.

Д ж о н а т а н

Так, мой отец! Сама святая мудрость
Сейчас твоими говорит устами!
Тяжелые грехи на душу принял
Несчастный мой товарищ!..

Р и ч а р д

Джонатан,
«Целуя, предаешь»?

Д ж о н а т а н

Нет! Подтверждаю
Своею жизнью: я ведь жил не лучше,

Но мне простил господь мои грехи, —
Когда я встал уже у края бездны,
Наставил он меня на путь правдивый.

А б р а г а м С м и т

В последний час господь простить нас может.

Д ж о н а т а н
(Абрагаму Смит)

Поэтому-то Иисус Христос
Велел прощать не только то, что...

Г о д в и н с о н

*(который старательно все время перелистывал библию,
порой отрываясь для реплик, делает внезапный жест
Джонатану, так что тот от неожиданности замолкает,
а Годвинсон обращается к Калебу)*

Брат мой,

Ошибся ты, что ты ему позволил
Публично говорить. Вот посмотри,
Что сказано.

*(Подсовывает книгу Калебу и читает, делая пропуски
и нажимая на особенно важные слова. Калев следит
глазами по книге за чтением и беззвучно шевелит гу-
бами, словно повторяет за Годвинсоном, кивая в такт
чтению головой.)*

«Всякий резчик и строитель... сердце свое отдает,
чтобы добиться большей красоты. Так же и кузнец...
так же и гончар... сердце свое отдает, чтобы закончить
сосуд. Все они на руки свои надеются... Без них город
не заселится, но на престолах судей не сядут и закона
судебного не поймут, да и не будут выносить решения
или приговора...»

К а л е б

(после чтения бьет себя по лбу)

Эх, старческая память!
Здесь ясно сказано, что каждый мастер

На судбищах не должен говорить.

(Джонатану.)

Умолкни, сын, и сядь.

Джонатан покорно кланяется и, вздохнув, садится.

Г о д в и н с о н

(снова придвигает библию к себе)

Еще есть слово:

(Читает.)

«Кто говорит про нечестивого, что он праведный, тот будет проклят людьми и ненавидим народами».

А б р а г а м С м и т

Спаси нас, господи, и заступись!

Д ж о н а т а н

Я праведным его не называл. . .

(Обрывает речь, робко взглянув на Калеба, который делает ему знак молчать.)

К а л е б

(Джонатану, добродушно)

Не бойся, мы по правде все рассудим,
А ты молчи, тебе молчать велели.

Г о д в и н с о н

Чтоб искушенья не было, ты выйди.

Джонатан, с состраданием взглянув на Ричарда, который отвечает ему иронической улыбкой, выходит.

К а л е б

(общине)

Что Ричарда никто не назовет
Здесь праведным — об этом нет и речи,
Но без спасенья нам его оставить
Не хочется.

Р и ч а р д

Да я не погибаю!

Ф и л д и н г

Ну и горяч!

К а л е б
(Ричарду)

Нет, сын, ты погибаешь,
Хоть сам того не понимаешь!

(Общине.)

Братья,

Не следует ли с ним повременить, —
Повременил же ведь господь с Содомом, —
Опомнится он, может.

Г о д в и н с о н

Честный брат,

Ведь он ни в чем раскаяться не хочет,
На что же ты надежду возлагаешь,
В чем признаки раскаянья ты видишь?

К а л е б
(озабоченно)

Да, признаков... как будто незаметно...
А все ж поговорить с ним не мешает.
Его богобоязненная мать
Поможет нам опять направить сына
На добрый путь.

Э д и т

(глухо, но отчетливо)

Должна я вам признаться,
Что потеряла на него надежду,
Он слов моих не принимает к сердцу.

Г о д в и н с о н

Еще одну он заповедь нарушил:
Он мать не почитает.

Р и ч а р д

Что ты, мама!
Зачем поклеп ты на меня возводишь!

Э д и т
(сурово)

Нет, это правда.

Г о д в и н с о н
(делает движение к Эдит)

Вы слышали, братья?

А б р а г а м С м и т

Как очерствело сердце! Жалко парня!
Душа окостенела. Пропадет!

К а л е б

Не будем все-таки терять надежду
Его спасти. Недаром же господь
Его талантом наградил немалым.
Когда мы про подсвечник говорили,
Я притчу о талантах вспоминал.
Так не дадим же, братья, ни растратить,
Ни в землю закопать таланты те,
Что даровал всевышний нашим детям.

Г о д в и н с о н

Но он уже талант свой растерял
И промотал, как пьяница. Да разве
Не мог он научиться на чужбине
Ремеслам нужным? Нет, он предпочел
Постичь искусство дьявола — скульптуру.

А б р а г а м С м и т

А слышал я, что и оно от бога.

Г о д в и н с о н

За все века два мастера известны,
Что с божьего пути не уклонялись:
Веселиил и Элиав из храма
Ерусалимского, а все другие —
Отродье Каиново, все потомки
Сидона, Тира. Их ярмом железным
Сковать бы надо! Кто из них был первым?
Юбал и Тубал-Каин. Кто отец их?

Ф и л д и н г

Конечно, Каин. Это всем известно.

К а л е б

Я вас прошу, как Авраам просил
За грешный город.

(Указывает на Ричарда.)

Эта вот душа

В грехах, быть может, не совсем погрязла;
Быть может, есть в ней хоть одна крупичка,
Один порыв, что не противен богу.

Р и ч а р д

(иронически)

Спасибо вам за похвалу такую!

К а л е б

(Ричарду, не замечая иронии)

Да тяжело ведь бросить камень в брата.

(Общине.)

Я предлагаю под надзор общины
Его нам взять. И если через год
Не станет он, как Джонатан, послушен
И воле нашей и господней воле,
То будет нам как мытарь и как грешник

А б р а г а м С м и т

Так будет правильно.

Джон Милс

По-христиански.

Филдинг

Чтоб он покаялся?

Абрагам Смит

Господь всемогущ.

Все может сделать.

Иеремия Ортвин

Взять под наблюденье.

Калев

На год.

Филдинг

На месяц хватит.

Абрагам Смит

На полгода.

Иеремия Ортвин

Три месяца довольно.

Джон Милс

Сорок дней.

Ричард

Да долго ль это будет? Как на рынке,
Идет торговля о душе. . . Впервые
Признать его я должен правоту.

(Показывает на Годвинсона.)

Я до сих пор не изменил искусству
И от него не отрекись вовеки.
Все победив, теперь моя душа
Свободная подобна горной серне.

А вы ее хотели бы взнудать
И привести на поводу обмана
К нему
(показывает на Годвинсона)
в ярмо железное?

Г о д в и н с о н
(во время речи Ричарда начинает трястись, затем устремляет взгляд в пространство, протягивает руки, словно к какому-то видению, и, выкрикнув неестественным, экзальтированным голосом, перебивает Ричарда)

О, горе!
Сион мой! Новый Иерусалим!
Куда тебя ведут? Ой, что я вижу?
Ой, что я слышу? Горе! Горе! Горе!
Цимбалы, бубны, гусли и свирели. . .
И вот подросток в танце непристойном
Кружится перед статуей Молоха!
Вот девушка невинная, роскошно
Одетая, чтобы служить Астарте. . .
О, плачьте, плачьте!

(Хватается за голову.)

Общиной овладевает волнение, кое-кто плачет, кое-кто дрожит от растерянности; Кристабел рыдает; Эдит, сжав руки, смотрит перед собой взглядом, полным отчаяния.

Ф и л д и н г
(бросается к Годвинсону)

Наш отец! Учитель!
Дай нам совет! Спаси нас! Что нам делать?

Г о д в и н с о н
(меняет плачущий тон на грозный)

Велик господь в правдивом гневе. Слушай,
Сиона дочь! Вот хищники летят —
Ты видишь их, жестоких, медноликих?
Спасенья нет тебе. . . Твой бог отрекся
За идолопоклонство от тебя. . .
(Опускает руки; закрывает глаза, словно обессиленный отчаянием.)

К а л е б

Учитель, эти страшные виденья
В предупрежденье нам, а не на гибель?
Наверно, так?

Годвинсон молчит и не открывает глаз.

К а л е б

(пододвигает Годвинсону библию ближе)

Открой святую книгу,
И пусть она укажет, что нам делать.

Г о д в и н с о н

(открывает библию будто наугад, в действительности же на заложенном заранее тексте; читает глухим голосом)

«Будь проклят тот, кто вылепит или выльет противное богу создание рук мастера и положит его в тайном месте».

(Общине, не читая.)

Вы знаете, что отвечал на это
Народ израильский.

К а л е б

(печально и строго)

«Да будет так».

Ф и л д и н г

(фанатически)

Да будет проклят!

А б р а г а м С м и т

(покорно)

Что ж, да будет проклят.

Д ж о н М и л с

Своя душа дороже. Я согласен:
Да будет проклят.

И е р е м и я   О р т в и н
Да уж не иначе.

Э д и т
(громко, отчетливо)

И я его клянупу.

К р и с т а б е л
Ой, мама! мама!

Р и ч а р д
(общине)
Все прокляли? А знаете, за что?

К а л е б
(показывая на закрытую статую)
За эту мерзость, что от всех скрываешь.

Р и ч а р д
Кто вам сказал, что я свое создание
Скрываю? Вот, смотрите! Вот оно!
(Внезапно сбрасывает покрывало с большой статуи)

Немая сцена. По лицам присутствующих видно, как религиозное чувство борется в них с естественным удивлением перед прекрасным произведением искусства. На лице у Ричарда появляется выражение триумфа.

Г о д в и н с о н
(общине)

Еще ужасней
Он этим согрешил, чем до сих пор!
Он хочет нас теперь запутать в невод,
Сплетенный князем лжи. С дороги правой
Он хочет сбить, как видно, всю общину.

Община отворачивается, чтобы не смотреть на статую.

Ф и л д и н г

Он слушал дьявола, когда вот это
Творил.

Р и ч а р д

Я слушал только вдохновенье,
А вами правит кто?

(Показывает на Годвинсона.)

Вот этот труп?
Кто ж создал идола? Не я, а вы!
Себя кляните!

Г о д в и н с о н
(общине)

Долго ли терпеть нам
Бесчестье слов и дел? Чего вы ждете?
Припомните, что сделал Моисей
С кумиром золотым?

Ф и л д и н г

Он сжег его
И пепел дал идолотворцам выпить.

Г о д в и н с о н

И мы так сделаем!
(Показывает на статую.)
Сожжем ее!
Сжигайте же всю идольскую мерзость,
Что в этом доме собрана!

Р и ч а р д

Не дам!

В эту минуту Филдинг своей большой палкой сбивает статую с помоста, она падает и разбивается. Члены общины хватают все, что только попадает под руку, все, относящееся к скульптуре, — эскизы, бюсты и т. п., даже инструменты, — топчут, ломают, бросают в камин, в котором Калев разжигает и раздувает огонь.

Г о д в и н с о н

(бросается к шкафу, около которого уже стоит Ричард, готовый к защите)

Здесь идола страшнее! Посмотрите!

Ричард борется с ним, не пуская. Члены общины бросаются на помощь Годвинсону. В дверь из-за перегородки уже в течение нескольких минут, с тех пор как началась драка, пытается вырваться запертый там Дэви. Кристабел и Эдит подпирают дверь, но на минуту Эдит опускает руки, пораженная тем, что делается около шкафа. Дэви прорывается в дверь, схватывает скульпторский молоток возле разбитой статуи и, пробившись к Ричарду, подает ему молоток.

Д э в и

На, дядя, молоток!

Р и ч а р д

(крепко прижимает одной рукой единственную статуэтку, которую ему удалось спасти, — статуэтку с девизом „Pereat mundus, fiat ars“, — а другой берет у Дэви молоток и замахивается им)

Эй, отойдите!

Легко ранит Годвинсона, тот пронзительно кричит; поднимается крик: «Он сумасшедший! Прочь его! В пушу! Гоните его! Гоните его!» Община наступает на Ричарда с палками, кое-кто бросает кусками глины от разбитой статуи.

Р и ч а р д

(громким голосом)

Молчать, отродье подлое! Невежды!
Я сам уйду от вас! Там, в дикой пуше,
Есть дикари — они не хуже вас!
Прочь! Дайте мне дорогу! А иначе
Я сам себе дорогу проложу!
Эй, берегитесь!

(Устремляется сквозь толпу, прокладывая себе молотком дорогу к двери.)

К р и с т а б е л

Что ты, брат! Опомнись!
Вернись! Ой, мамочка!
(Бросается к Эдит.)

Э д и т
(твердо)

Он проклят богом.
Он мне не сын, тебе не брат.

Д э в и
(пробиваясь к Ричарду сквозь толпу)

Ой, дядя,
Возьми меня с собою!

К р и с т а б е л

Дэви, сын мой!
Постой! Не уходи! Я без тебя
Умру!.. Ой, Дэви...

Голос ее срывается. Она пошатнулась. Дэви после минутного колебания возвращается на ее крик и бросается в ее объятия.

Д э в и

Мама, я с тобою!

Кристалл порывисто прижимает к себе Дэви. Ричард пробился к порогу и открыл дверь.

Г о д в и н с о н и о б щ и н а
(вслед Ричарду)

Будь проклят!

Р и ч а р д

(оборачивается с гневным смехом)

Нет, на вас проклятья ваши!
(Исчезает за порогом.)

Община провожает его озлобленными криками и бросает вслед ему куски глины и щепки.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Школьная комната в Род-Айленде; она же является и комнатой Ричарда. Большая часть ее занята школьными скамьями, кафедрой, досками и тому подобными вещами; меньшая часть, примерно четверть комнаты, отделенная от первой занавесом и перегородкой, заставлена вещами Ричарда и скульпторскими инструментами: в одном углу шкаф, в другом — небольшая незаконченная статуя женщины, тут же стоит и скелет для изучения анатомии. Р и ч а р д сидит на кафедре, перед ним ученик читает по книге; другие ученики — кто помоложе, кто постарше — сидят на скамьях.

У ч е н и к
(читает)

«E disse lei: nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria!»¹

Р и ч а р д
Переводите.

У ч е н и к
(переводит)

«И молвила она: нет большей боли,
Чем вспоминать счастливые минуты
В дни горя». Может, лучше: «В дни несчастья?»

Р и ч а р д
Одно и то же.

У ч е н и к
Странные слова!
Мне кажется, приятное припомнишь —
И станет легче на душе.

Р и ч а р д
Дай бог,
Чтоб вы своей не изменили мысли.

---

¹ Данте, Ад, V, 121—123.

Ученик

Читать еще или анализ сделать?

Ричард

Нет, на сегодня хватит.

Ученики собирают книги и, поклонившись, расходятся. Один ученик остается и подходит к Ричарду.

Ричард

Что вам, Чарли?

Чарли

Я показал отцу фигурку вашу,
Да говорит он, что такой товар
Ему не пригодится для торговли,
Здесь этого никто не покупает.
Так вот я вам принес ее назад.

(Делает движение к сумке.)

Ричард

(останавливает рукой его движение)

Возьмите же ее себе на память.

Чарли

Вы разрешите маленькой сестренке
Отдать ее? Она просила куклу.

Ричард

Sancta simplicitas! ¹

Чарли

Что вы сказали,

Учитель?

Ричард

Что сказал? Так. Ничего.
(Задумывается.)

---

¹ Святая простота! *(лат.)*

Ч а р л и
(*подождав*)

Так разрешите подарить фигурку?

Р и ч а р д
Пожалуйста...

Ч а р л и
Спасибо.
(*Кланяется, уходя.*)

Р и ч а р д
До свиданья.

Чарли выходит.

Р и ч а р д
(*один*)

Ужели нет такой на свете силы,
Такой могучей, чтобы здесь к искусству
И красоте людей могла приблизить?
Ведь если оживлять умел я камень,
То почему я оживить не в силах
Сердца людей? Они ведь не из камня.
Они так храбро бились за свободу,
За правду, за святое божье слово,
И не единым хлебом здесь живут.
Я видел сам, как на глазах суровых
Росой прозрачной трепетали слезы,
Когда орган напевом величавым
Людские души потрясал и стены.
И жалко было мне и так завидно,
Что музыка царит и над стенами
И над людьми, а вот мое искусство
Любимое в презренье, как царица
Развенчанная... Не хочу я верить,
Что власть моя царица потеряла.
Я виноват, моя мечта бессильна.
Да, слаб мой разум, неспособны руки
Создать, придумать что-нибудь такое,
Что б волновало всех, как гром органа.
Но где оно и как его найти мне?

(*Раздвигает занавес, идет к статуе и открывает ее.*)

Что недостойного в моем создании?
Кто может дать совет? Приходят люди,
Уходят молча, как глухонемые,
Как с темною водой в глазах незрячих,
Что смотрят и не видят. Лучше было,
Когда фанатики в ожесточенье
Мои создания разбивали в прах!
Ведь это было все-таки признаньем,
Что может сильным быть мое искусство,
Для них враждебным, злым и нечестивым,
А все ж великим! Как они боролись
Тогда со мной, как с ними я боролся!..
Да, и врагу я был бы рад теперь,
Но нет его. . .

(Статые.)

Так отзовись хоть ты,
Ответь хоть ты мне, глина неживая!
Чего тебе и мне недостает,
Чтоб были мы среди людей живыми?

(Делает поправки.)

Вот так не станет линия вернее?..
А этот жест, быть может, интересней?
А этот взгляд не опустить ли книзу?
Но что-то лицемерное в нем есть. . .
Похоже это на богинь античных. . .
А это — на мадонну. . . А вот это —
На ту, разбитую. . .

(Бросает работу.)

О, если б знал я,
Что людям надо, я бы дал им. . . Нет,
Чтобы душа с душою говорила,
Наверно, надо, чтоб сроднились души.
А что их может породнить?.. О боже!
Молю тебя: вдохни в мое создание
Иную душу иль мою возьми!..

Тихий стук в дверь. Ричард сначала не слышит. Стук повторяется.

Р и ч а р д

Прошу вас!

Входит швея Б р у к л и и несет какой-то сверток.
Молча здоровается.

Р и ч а р д

Это вы?

Б р у к л и

Я принесла

Работу вам.

(Вынимает и разворачивает длинную скульпторскую блузу.)

Р и ч а р д

Спасибо. Вот вам деньги.

(Вынимает деньги.)

Здесь и за то, что вы мне раньше шили.

Б р у к л и

(прижимает руки к груди, отказываясь от денег)

Нет, господин учитель, не брала

И не возьму.

Р и ч а р д

Да что вы! Почему же?

Б р у к л и

Я очень благодарна вам за сына:

Ведь мальчик мой вас уважает больше,

Чем всех учителей.

Р и ч а р д

Я очень рад,

Что у меня ученикам неплохо...

Но деньги вы возьмите, а иначе

Я не могу принять от вас работу.

Заворачивает блузу и подает Брукли, та кладет сверток на стул.

Б р у к л и

Нет, господин учитель, если так,

То я вас попросила б... Только где там!

Дороже это выйдет... Ну, так что ж,

При случае могла б я отработать...

Р и ч а р д

А что же мог бы сделать я для вас?
Охотно сделаю без отработки.

Б р у к л и

Не отдали б вы мне фигуру эту? ..
(Показывает на статую.)
Она, как видно, зря стоит у вас? ..
А мне бы пригодилась.

Р и ч а р д

Для чего?

Б р у к л и

Да вечно дамы мною недовольны,
Все им не угодить. Кто ж виноват,
Что не хотят они стоять?

Р и ч а р д

Так что ж?
Простите, что-то я не понимаю.
Шел разговор о статуе. . .

Б р у к л и

Так вот,
На ней я платья примерять могла бы,
Чтобы не мучить дам. . .

Р и ч а р д

Что?! Как?!
(Немеем от гнева.)

Б р у к л и
(испуганно)

Простите. . .

Я. . . я не знала. . . я. . .

Р и ч а р д
(*понемногу успокаиваясь*)

Нет, ничего...
Оставьте одного меня, я болен...
А деньги вы возьмите. До свиданья...

Брукли, смущенная, берет деньги, кланяется, приседая, и выходит, оставив дверь незакрытой. Едва она вышла, входят трое колонистов: Джонс. О'Патрик и Мак Гарди.

В с е т р о е
Привет вам! Добрый вечер!

Р и ч а р д
(*отвернулся к статуе, чтобы скрыть свое еще не совсем утихшее волнение*)

Добрый вечер!

Д ж о н с
Работаете?

Р и ч а р д
Да...

О'П а т р и к
(*смотря на статую*)

Что ж это будет?
Вы делаете это по заказу
Какой-нибудь общины?

Р и ч а р д
Нет.

Д ж о н с
Наверно,
Хотите вы продать свою работу
В какую-нибудь церковь?

Р и ч а р д
Нет, куда там!
Едва ли кто ее купить захочет.

Мак Гарди

Тогда зачем вы лепите ее?

Ричард

Сказать по правде, я и сам не знаю.

Мак Гарди

Для развлечения, значит.

О'Патрик

Это кто же?

Святая?

Ричард

Как бы вам сказать? Мечта.

О'Патрик

Ну, хорошо, мечта, но для чего же
Она нужна?

Ричард

Да как мне объяснить вам,
Зачем нам собственно нужна мечта
И что она такое, но, пожалуй,
Никто на свете без мечты не прожил.

Мак Гарди

Да, это так: конечно, молодому
Какие-то мечты на ум приходят.

О'Патрик

Понятно, молодость!..

Ричард

Но ведь с мечтою
Светлее жить не только молодым.

Мак Гарди

Иной, и правда, хоть и седоусый,
А забавляется.

Р и ч а р д

Нет, не всегда
Мечта — забава. За нее порою
Потоки крови люди проливают.

М а к Г а р д и

Храни господь от этого безумья!

Р и ч а р д

Храни господь, хоть нас и не хранил.
Ведь даже в нашей Англии веселой
Из-за мечты лилось немало крови.

О'П а т р и к

Да разве же мечты — вся наша церковь
Епископальная и десятина?
И наш молитвенник?

М а к Г а р д и

А наших «прав
Петиция»? А «пункты»?

Р и ч а р д

Все мечты!

М а к Г а р д и

Что говорите вы? Побойтесь бога!

О'П а т р и к

И мы гнались по морю за мечтою?

Р и ч а р д

Да, нас мечта вела за океан,
За нею мы сквозь пущи пробивались,
И для нее терпели мы невзгоды.

О'П а т р и к

Так что ж за наважденье это было,
По-вашему?

Р и ч а р д

Великая, святая
Мечта, что люди могут быть свободны...

Молчание.

Д ж о н с

(давно отстав от разговора, до сих пор, скучая, прохаживался по комнате; теперь, воспользовавшись перерывом, обращается к Ричарду)

А я по делу к вам, почтенный мастер.
Недавно тут земельку я купил,
И глина есть на ней, а я не знаю,
Хорошая ли глина. Вот смотрите —
Принес я вам образчик.

Р и ч а р д

(рассматривая глину)

Для скульптуры

Не пригодится.

Д ж о н с

Нет, я не об этом...

А на горшки она не пригодится?
Мы все втроем решили основать
Союз гончарный. Мы бы и хотели
Посуду продавать, но не простую,
А деликатную. Ведь, слава богу,
Все богатеют, — может, нам торговля
Пойдет на пользу. У меня вот глина,
Он

(показывает на О'Патрика)

дом дает, а он

(показывает на Мак Гарди)

дает нам деньги.

А вас мы просим образцы лепить, —
Вы человек умелый и бывалый,
Вы видели ведь всякую посуду
В Италии — хороший там товар!
Я думал так, что если мастер Ричард
Здесь от безделья может куклы делать...

Р и ч а р д

(вскочил с места, схватил шапку)

Простите, господа, пора мне в школу...
А там и в церковь... я пойду... простите!
(Быстро выходит.)

Д ж о н с

С ума сошел?

О'П а т р и к

Обиделся.

М а к Г а р д и

Чудак!

Ведь говорил я, что не будет толку.

Д ж о н с

За что же он обиделся?

О'П а т р и к

За куклу.

Д ж о н с

Какая ж тут обида? Ишь какой!
Ну, может быть, немного пошутили...

М а к Г а р д и

А он совсем не понимает шуток.

О'П а т р и к

(смотря в окно)

Смотрите-ка — вон повстречался мастер
В воротах с органистом и магистром...
О чем-то говорят.

М а к Г а р д и

(смотря в окно)

А вот как будто
Сюда направились.

Д ж о н с

Уйдем отсюда,
Мне с этим мастером не по себе.

О'П а т р и к

Уйдем, пожалуй. Нам с людьми такими
Учеными и говорить-то трудно.

Д ж о н с

Да, может, кто-нибудь из нас и смог бы,
А только время не к чему терять.

Все трое уходят. Входят магистр и Ричард впереди, продолжая оживленную беседу, начатую на улице. Органист идет вслед за ними; он сначала не вступает в разговор, а только прислушивается и ходит, осматриваясь, по комнате. Ричард, войдя, закрывает занавес, отделяющий спальню от комнаты.

М а г и с т р

...Вы, мастер Ричард, посмотрите шире,
Ваш кругозор так тесен.

Р и ч а р д

Нет, магистр.
Все дело в том, что смотрим мы различно:
Я вверх, а вы — вокруг себя.

М а г и с т р

Ну, пусть,
Хоть вряд ли так, — построим параллель:
Вам дорого искусство — я не спору,
Достойно ли оно, речь не о том, —
Вам дорого искусство, мне — наука.

Р и ч а р д

Конечно.

М а г и с т р

Так. *Non dubitandum est*¹.
Пойдемте дальше: вы в своем искусстве
Дошли когда-то до высот...

---

¹ Нет сомнения (*лат.*).

Р и ч а р д
(с сожалением)

Когда-то! .

М а г и с т р
(делает движение рукой, словно успокаивая Ричарда)

При диспуте спокойствие хранить —
Conditio sine qua non ¹.

Р и ч а р д
Простите.

М а г и с т р
Известно вам, почтенный мой коллега,
Что Universitas ² меня магистром
Именовал. . .

Р и ч а р д
И что ж — honoris causa ³?

М а г и с т р
Nunc prosequor ⁴: вот вы преподаватель
Вокабул итальянских, я — учитель
По арифметике, хоть я — ученый,
А вы — художник.

Р и ч а р д
Это так, к несчастью
Для нас.

М а г и с т р
Что ж, пусть для нас — не для науки,
Не для искусства. Люди, поколения —
Все это звенья малые в цепи
Всемирной жизни. Никакая сила
Порвать ее не сможет. Архимед
Повержен был рукою негодяя.

---

¹ Непременное условие (лат.).

² Университет (лат.).

³ Ради почета, по заслугам (лат.).

⁴ Теперь продолжим (лат.).

Он не успел окончить теоремы,
Но через год, а может, через сто
Нашлась рука, что дописать сумела
Ту теорему. И никто не скажет,
Где предка дело, где потомка труд —
Они слились в единой теореме.

Р и ч а р д

Позвольте мне, магистр, и вам ответить
Одним примером. Некий славный мастер,
По имени неведомый, оставил
Нам статую без рук. Прошли года,
Века, тысячелетья. . . И доньше
Та статуя без рук. Пришлось мне видеть
Немало проб закончить эти руки —
Художники известные трудились —
И что ж? Попытки эти неудачны,
Работа поколений не слилась.

О р г а н и с т
(вступает в беседу)

Но это значит, что сама скульптура
Окончила свой век. И слава богу!

Р и ч а р д

А если так, какая же тут радость?
Когда бы музыка исчезла, я бы
Не радовался.

О р г а н и с т

Музыка бессмертна.
Какая-нибудь песенка и та
Живет века, меняется и снова
Звучит и в церковь божью переходит.
То христианское искусство.

Р и ч а р д

Разве
Скульптура проклята Христом?

О р г а н и с т

Да нет,
Но все ж скульптура в христианском мире,
Когда она язычеству не служит,
Одна забава.

Р и ч а р д

Как? Буонаротти,
По-вашему, трудился для забавы?

О р г а н и с т

Я никогда его работ не видел,
И мало кто их видит. Те же гимны,
Что в церкви я играю на органе,
Весь христианский мир поет.

М а г и с т р

Но это
Не доказательство.

О р г а н и с т

Что ж, может быть.
Не мастер я на диспуты. Но только
Никто на свете не живет без песни,
А статуи для богачей стоят.

Р и ч а р д

Роса сверкает на былинке каждой,
А бриллиант — на дорогих уборах;
Но оба — дар господень.

М а г и с т р

Это тоже
Не доказательство.

Р и ч а р д

Но если бриллиант
На перекрестке положить иль в церкви,
То каждый мог бы на него смотреть,
Как на росинку.

О р г а н и с т

Нашей бедной церкви
Не покупать брильянтов драгоценных. . .

М а г и с т р

Коллеги, мы от темы отклонились.
Начнем ab ovo, и ad hoc¹ мы примем
Без доказательств, что скульптура вечна.
А может, в самом деле, мастер Ричард,
Вы здесь, как скульптор, перестали жить.

Р и ч а р д

Не лучше ли тогда, чтобы я умер? . .

М а г и с т р

(не обращает внимания, продолжает спокойно дальше)

Вы, как анатом, знания несете
Той молодежи, что своим талантом
Вас может превзойти, и труд ваш долгий,
Упорный, незаметный подготовит
Искусства вашего расцвет блестящий,
Когда для этого пора настанет.
И в этом храме будущем искусства
Вы будете фундаментом незримым.

Р и ч а р д

По-вашему, людские души — камни,
Которые годятся на фундамент?
По-вашему выходит — только тело
Бойтся смерти, а живой душе
Не страшно умирать?

М а г и с т р

Нас вера учит,
Что наши души вечны.

Р и ч а р д

Ах, магистр!
Я в это верил, но теперь я вижу,

---

¹ С начала и применительно к этому (лат.).

Что душу можно раздавить. И даже
Скорей, чем тело.
(Отходит немного в сторону и склоняется к окну,
охваченный грустью.)

Магистр
(не смотря на Ричарда)

Кто ж у нас, коллега,
Здесь душу давит? То в чужих краях, —
У нас, в Род-Айленде, не надевают
Ярма на душу. Вы скажите сами,
Какую же неволю здесь вы знали?
Пришли вы и живете здесь свободно.

Ричард вздрагивает при последних словах.

Органист
(шепотом)

Оставим же его, он, как струна
Расстроенная, весь дрожит.
(Вслух.)

Магистр,
Я тороплюсь домой, а там и в церковь
На репетицию пора. Мы вместе
Пойдем?

Магистр
Пойдем, коллега.

Органист
Приходите,
Я буду ждать вас, мастер, я сыграю
Вам «Stabat mater»¹, что когда-то вам
Понравилась.

---

¹ «Предстояла мать божья» — начальные слова католического гимна.

Р и ч а р д

Спасибо, только я
Прошу, чтоб вы мне Requiem¹ сыграли.

О р г а н и с т

Но я прошу вас, мастер, не грустите!

Р и ч а р д

Я не грущу...

О р г а н и с т

Ну, до свиданья, мастер!

Магистр и органист подают руки Ричарду и идут к двери.

М а г и с т р
(уходя)

А диспут мы когда-нибудь закончим.

Магистр и органист выходят. Ричард минуту стоит опечаленный,
затем быстро подходит к окну, открывает его и кричит.

Р и ч а р д

Коллега Брайд! Почтенный органист!

О р г а н и с т
(подходит к окну)

Что, мастер?

Р и ч а р д

Вы не помните ли песню
О том, как жил да был в траве кузнечик:
Скрипел, хрипел, никто его не слушал,
А умер — все забыли. Там припев —
«Ой горе, о кузнечике забыли!»

О р г а н и с т

К чему спросили вы меня об этом?

---

¹ Заупокойная служба у католиков,

Р и ч а р д

Да так... Уж очень песня хороша.

О р г а н и с т

Я органист, а не певец. Прощайте!
(Оскорбленный, уходит.)

Р и ч а р д

Коллега Брайд!.. Пойдите!.. Рассердился.
Я вовсе не хотел его обидеть.
Не понял он... Но это не впервые,
Что здесь меня не понимают люди.
Да и зачем им понимать? Они
И вправду дали мне приют, работу
И... и свободу. Кто же виноват,
Что у меня так беспокойно сердце,
Что опалил его огонь какой-то,
Тот, что ни печь и ни варить не может
И мог бы только жертвы всеожженья
Сжигать дотла на алтаре великом...
Где ж эти алтари? Я словно воин,
Что на чужбине почитает бога,
Которого никто вокруг не знает...
(Задумывается. Потом смотрит в окно.)
Смеркается... Ложится тень от пущи...
Вон там дорога лентою белеет...
И кто-то, кажется, идет иль едет...
Вот так и я сюда пришел когда-то...
Тяжел был путь, не выдержал бы Дэви...
(Поет вполголоса.)

«— Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, все море в тумане.

— Моя королева, молитесь вы богу,

И легче на сердце вам станет.

— Куда вам спешить, подождите рассвета,
Мой Ричард, все море в тумане».

(Перестает петь.)

Забыл слова, мотив я только помню, —

Бывало, часто мой отец певал...

А мать — та ненавидела баллады...

(Поет.)

«Куда собрались вы так поздно в дорогу,
Мой Ричард, все море в тумане».

(Снова перестает.)

Как здесь внезапно наступает вечер...
А впрочем, так бывало ведь и в пуще...
Нет, я дороги этой не забуду...

(Поет.)

«На море темно — подождите рассвета,
Мой Ричард...»

*(Прерывает пение, всматривается в окно, затем
вскакивает, внимательней всматривается в даль.)*

Кто там в самом деле едет?

Сюда?.. Мне кажется... О, боже мой!

Да это Джонатан!

*(Бросается к двери, встречается с Джонатаном. Они
падают друг другу в объятия.)*

Друг! Джонатан!

*(Ухаживает за Джонатаном, приглашает его к столу
и угощает, вынув из шкафа еду и питье.)*

Садись, мой брат, и отдохни с дороги!
Ты долго проблуждал, наверно, в пуще!
Путь отыскать в ней трудно.

Д ж о н а т а н

Нет, не очень.

Теперь пути в ней проторили люди.
И лет уже прошло с тех пор немало,
Как ты покинул нас.

(Присматривается к Ричарду.)

А все же, Ричард,
Как рано эти годы положили
Тебе на кудри столько серебра.
И я, я так же изменился?

Р и ч а р д

(смотрит на Джонатана)

Нет,

Не очень... Как же ты сюда заехал?
Уж не из-за меня ли?

Д ж о н а т а н

Да, конечно,
Еще и Риверса хотел я видеть,
К нему и дело есть. Он нам недавно
Прощение прислал через людей, —
Не разрешим ли мы ему вернуться.

Р и ч а р д

И что же?

Д ж о н а т а н
Разрешили.

Р и ч а р д

Да? .. Ну, как там
Живут твои?

Д ж о н а т а н
Спасибо, хорошо.

Р и ч а р д
(с видимым усилием и беспокойством)
А как мои?

Д ж о н а т а н
Все живы и здоровы.
Просили передать тебе привет.
Сестра узнать мне у тебя велела,
Не хочешь ли ты к ней сейчас вернуться.

Р и ч а р д
Душа моя к ней рвется постоянно.

Д ж о н а т а н
Ну, так вернись!

Р и ч а р д
Как будто ты не знаешь.
Меня изгнал ведь приговор общины.

Д ж о н а т а н

То был не приговор, скорей — порыв.
Когда б ты мог порыв тот переждать...

Р и ч а р д

Не мог...

Д ж о н а т а н

Ты не хотел.

Р и ч а р д

Не стоит спорить.

Д ж о н а т а н

И правда, это все прошло. Теперь
Община приговор забыть готова.

Р и ч а р д

Что ж, может быть... А кто ж ее просил?
Сама сестра?

Д ж о н а т а н

Нет, в сердце материнском
Слезам пробудила Кристабел
Сочувствие, и согласилась мать
Просить общину о тебе.

Р и ч а р д

О, боже!

Она меня своим признала сыном...

Д ж о н а т а н

Надеется, что ты еще придешь,
Как блудный сын...

Р и ч а р д

Она сказала так?

Д ж о н а т а н

Она сказала это при общине.

Р и ч а р д

Меня назвать при всей общине блудным! . .

Д ж о н а т а н

К тебе была община благосклонна.
Сам Годвинсон сказал, что если б ты
Пришел покорно, полный покаянья,
С сердечной скорбью, — он тебя простил бы,
Как и община.

Р и ч а р д

Как он мог подумать,
Что я приду к нему просить прощенья?

Д ж о н а т а н

Не требует он покаянных слов.

Р и ч а р д

Так, значит, делом каяться я должен?

Д ж о н а т а н

Конечно, делом.

Р и ч а р д

Да, конечно, делом!

Д ж о н а т а н

Советую тебе я покориться,
В покорности и сам ты мир нашел бы,
Тот мир, которого в твоей душе
Вовеки не было.

Р и ч а р д

Да и не будет!

Д ж о н а т а н

Когда-то о себе и я так думал,
Пока не одолел свою гордыню.
А с той поры, как от себя отрекся,
Обрел я в сердце мир и благодать.

Р и ч а р д

Как я давно подобных слов не слышал!

Д ж о н а т а н

Послушай же! И пусть мой голос будет
Не гласом вопиющего в пустыне.
Прошу тебя я, Ричард, покорись,
Прошу и умоляю!

Р и ч а р д

Не могу.

И пусть господь меня рассудит с ними!
Не гнется шея перед Годвинсоном,
Не может сердце вынести неправду,
Хотя б от матери.

Д ж о н а т а н

А для сестры?

Р и ч а р д

Зачем же нужен ей покорный Ричард?
Затем, чтоб положить его во гроб?

Д ж о н а т а н

Оставь ты, Ричард, гордые слова;
Все это — дым, ты вспомни о живых.
Племянника ведь ты любил, как сына.

Р и ч а р д

Что с ним?

Д ж о н а т а н

Да ничего, хороший мальчик.

Р и ч а р д

Не лепит?

Д ж о н а т а н

Нет, но живопись он любит.
Хотел бы он в Голландию поехать
С товарищами, чтобы подучиться,
Да денег нет. А жалко: пишет он
С большой охотой и совсем неплохо,
Не возражают и родные, — что ж,
Греховного он ничего не пишет.

Р и ч а р д

А что он пишет?

Д ж о н а т а н

Больше все портреты.
Свой собственный он написал. И вот. . .
*(Вынимает небольшой портрет, написанный
на дощечке.)*

Тебе его в подарок посылает.

Р и ч а р д

(Присматривается. Голос его дрожит.)

Он стал еще красивей. . . Ус чернеет. . .
А взгляд все тот же дальнозоркий, чистый,
Все та же искра в нем горит. Мой Дэви!
Мой милый мальчик! Сын души моей!

Д ж о н а т а н

Вернись к нему.

Молчание.

Р и ч а р д

Зачем бы я вернулся?
Чтоб душу молодую погасить?
Теперь он будет помнить, что когда-то
Был у него любимый дядя Ричард,
Свободный, смелый и непримиримый,
Покорный только красоте и правде.
Не омрачу его воспоминанья;

Я не хочу, чтобы мой милый Дэви
И юные друзья его кивали
Мне головою вслед и говорили:
«Был конь, да вот изъездился!» — Обидно!

Джонатан

Все это гордость, Ричард. Ты для славы
Готов души спасенье погубить.

Ричард

Для славы? Где же? Где же эта слава?
Ты не терзай мне сердца!

Джонатан

Извини,

Хотел сказать я. . .

Ричард

Что там говорить!

Мы всё сказали, что могли, как будто.

Джонатан

Послушай, Ричард, дома, кроме близких,
Есть у тебя еще друзья.

Ричард

Какие?

Кто эти праведники?

Джонатан

Миссис Томсон.

Ричард

Такой не знаю я.

Джонатан

Она — вдова

По Томсону, когда-то Дженни Кембл.
Она недолго замужем была,
Теперь она уже. . .

Р и ч а р д

Не надо больше! . .
Будь Томсон или Кембл — мне все равно.
Я этой женщины не знаю.

Молчание.

Д ж о н а т а н

Что же
Твоей сестре скажу я о тебе?

Р и ч а р д

Скажи, что я не возвращусь.

Д ж о н а т а н

И это
Твое последнее решенье?

Р и ч а р д

Да.
(Отворачивается.)

Д ж о н а т а н

Напрасно ты свои скрываешь слезы.
Я вижу их. Скажу твоей сестре:
Он плакал, это говоря.

Р и ч а р д

владевая собой)

Как хочешь. . .

А Дэви передай, чтоб непременно
В Голландию поехал. . .

*(Идет к сундуку, вынимает оттуда деньги и дает их
Джонатану.)*

Эти деньги

Отдай ему. Мой заработок горький
На этот раз пусть не на хлеб насущный
Пойдет. Скажи ему: просил твой дядя,
Чтоб мастером ты был и не склонялся
Ни перед кем.

Джонатан

Я деньги передам.

Ричард

А слово?

Джонатан

Нет. Оно греховно.

Ричард

Что ж,
Не говори! Без слов поймет мой Дэви.
Молчание. Джонатан прячет деньги

Джонатан

Как видно, большего я не дождусь.
С тем и уйду.

Ричард

Останься ночевать!

Джонатан

Я к Риверсу пойду. Ну, будь здоров!
Пожимают друг другу руки. Джонатан направляется к двери.

Джонатан
(уходя)

Что матери сказать мне?

Ричард

Ничего.

Джонатан выходит. Во время диалога незаметно наступила ночь. Теперь только слабый звездный свет немного освещает комнату.

Ричард

(прислушивается, как затихают шаги Джонатана,
затем садится у стола)

Как одинок я! Боже, боже правый!
Что ж, я достиг желанного: свободы,
Разбил все цепи жаждущего сердца
И сердце вместе с ними. Я свободен.

И нет ни остановки, ни дороги,
И цели нет... До края доборолся...
Теперь, когда я все преодолел,
Тоска меня же одолеет? Нет!
То, для чего я от всего отрекся,
Пусть и меня спасает. Искра божья!
Мой дом родной когда-то ты сожгла,
Теперь свети, свети мне на чужбине,
Стань очагом домашним.

(Встает, зажигает свечу, ставит ее на постамент, отодвигает занавес, подходит к закрытой статуе, берется за покрывало, немного приподымает его, но останавливается.)

Что хотел
Я изменить в ней? Что теперь мне делать?
Кончать ее? Приблизить ли к природе?
Нет образца... Фантазии дать волю?
Не бьет моя фантазия крылами
Поломанными...

(Опускает покрывало.)

Что ж ты, мысль, молчишь?
Спаси меня!.. Как сердце замирает...
Устало биться?.. Да... И я устал.
(Садится на край пьедестала статуи.)
А может быть, все это только призрак.
И, может, то была не искра божья,
А только лишь болотный огонек,
Что путника уводит в бездорожье...
И, может, все они не ошибались,
А только я один. Я жизнь свою
Неблагодарному кумиру отдал...
В тяжелый час кумир мне изменил...
Так будь он проклят!..

Что я говорю!
И как не грех до этого дожить?
Прости меня... Кого я умоляю?
Пустыню, что ли? Как тут страшно, боже!

Выбегает из комнаты. Убегая, Ричард оставил дверь открытой; от ветра пламя свечи на постаменте дрожит, и черные тени от статуи, от скелета и от скамей пробегают по стенам и по потолку.

Комната некоторое время пуста. Потом входят магистр и мессер Антонио, человек пожилого возраста, у него одежда и манеры венецианского *povile*¹ XVII века.

А н т о н и о

(останавливается у порога и удивленно осматривает комнату)

Позвольте вас спросить, магистр любезный,
Уверены ли вы, что здесь живет он?

М а г и с т р

Ошибки никакой не может быть,
Мессер Антонио.

А н т о н и о

Что ж, это странно...

М а г и с т р

Вы разрешите мне вас здесь оставить?
Уж если так спешите вы покинуть
Род-Айленд наш...

А н т о н и о

Мне надо торопиться!

М а г и с т р

То должен я собрать общину нашу,
Чтоб обсудить нам пункты о торговле.
Переводить с латинского я должен, —
Не все язык здесь этот понимают.

А н т о н и о

От всей души, магистр почтенный,
Я вас благодарю за то, что вы
К моим делам вниманье проявили.
А если же равна ученость ваша
Любезности — а в этом нет сомненья, —
То новая земля гордиться может
Великим, дивным светочем науки.

---

¹ Знатный дворянин (*итал.*).

Магистр

Нет, и ученость и любезность наша,
Признаться надо, далеко отстали
От добродетелей венецианских.

Антонио

Нет слов, чтобы достойно вам ответить,
Сдаюсь на вашу милость, мой магистр.

Магистр

Мессер Антонио, я рад служить вам.

Церемонные поклоны. Магистр выходит.

Антонио

И это студия? О нет, пустыня!
Нельзя сравнить ее с той мастерской
Рикардо молодого, где, бывало,
Общались дружно грации и музы.
Вот эта одинокая фигура —
Как памятник могильный, а над нею
Беззвучно усмехается скелет.
Ужели дому этому под стать
И сам жилец? Подумать страшно!..

На пороге появляется Ричард; увидев Антонио, восклицает.

Ричард

Боже!

Мессер Антонио... Я помешался!
Вы — призрак!

Антонио

Не пугайтесь, милый друг!
Стареет Тонио, но жив и даже
У вас торговлю оживить здесь хочет.

Ричард

(сначала без слов горячо здоровается с ним)
Мой драгоценный друг! Веселым солнцем
Италии ты в дом ко мне вошел!

А н т о н и о

И во-время — у вас здесь темновато.

Ричард бросается, чтобы зажечь большую лампу. В открытое окно вдруг врывается громкое звучание органа.

А н т о н и о

Что это? «Gloria in excelsis»? ¹

Что там за музыка?

Р и ч а р д

Здесь близко церковь.

А н т о н и о
(прислушивается)

А хорошо играет органист.

Р и ч а р д

Он здесь единственный в искусстве мастер.

А н т о н и о

Я вижу — вы, как истый пуританин,
Смиренью научились.

Р и ч а р д

Не смиренью,
А только правде. Мастера другого
Здесь нет — и лишь один играет в церкви.

А н т о н и о

А этой комнаты хозяин кто же?

Р и ч а р д

Я здесь не мастер. Был я гончаром
И каменщиком, а теперь учитель.

---

¹ «Слава в вышних богу» — слова церковного гимна.

А н т о н и о

И мастер в трудный час берет работу
Случайную. Ведь даже Аполлон
Работу каменщика взял однажды.

Р и ч а р д

Когда бы голос Аполлон утратил,
И лиру потерял, и только б строил,
Он звался б каменщиком, а не богом.

А н т о н и о

Ай, ай, маэстро! Это то смирение,
Что паче гордости. Я не поверю,
Чтоб вы талант свой потерять могли
Здесь, в пуще Новой Англии.

Р и ч а р д

Талант?

О, как давно я слышал это слово!
Мессер Антонио, вам я скажу
О том, что я и вымолвить не в силах...
Мне кажется талант мой метеором,
Давно погасшим. Он блеснул внезапно,
Не дав ни света, ни тепла...

А н т о н и о

Но он

Всем взор очаровал, кто только видел
Его полет блестящий.

Р и ч а р д

Кто же видел?

А н т о н и о

Мы, академия, весь цвет искусства.

Р и ч а р д

Пришли ко мне вы, словно Одиссей,
Что вызвал из Эреба Ахиллеса
Умершего и говорил с виденьем
О давних днях, о подвигах героя.

Меж мертвым и живым лежал порог
Эребовых ворот, и та беседа
Печаль в бескровной тени пробудила,
И плакали погасшие глаза...
Academia delle belle arti! ¹
То — свет иной, и мне он стал чужим.

А н т о н и о

Он мог бы вашим быть. И вы, маэстро,
Вы были бы у нас не метеором.
Вы стали бы вторым Буонаротти
И поравнялись славой с Донателло.

Р и ч а р д

Я слышу итальянские concetti.

А н т о н и о

Нет, не concetti, нет не комплименты,
Я только говорю то, что запомнил,
Все, что вы говорили, что творили,
Все это память верно сохранила.

Р и ч а р д

Что говорил, того я не припомню.

А н т о н и о

А кто у нас, в сепасоло ², бывало,
Вздымая просветленное чело
И кубком золотым звеня, в веселье,
Вдруг восклицал так громко, громче всех:
«Evviva l'arte»? ³

Р и ч а р д

Это не вернется.
Прочь покатались золотые кубки,
Зря высыхает доброе вино,
Давно чело поникло молодое
И потемнело.

---

¹ Академия изящных искусств (*итал.*).

² Собрание (*итал.*).

³ Да здравствует искусство! (*итал.*)

А н т о н и о

Что вам не дает
В Италию вернуться, в край счастливый,
Где путь вам устилала лавры, мирты?

Р и ч а р д

Не только лавры с миртами я помню, —
Там были инквизиции декреты.
И вы их, верно, помните?

А н т о н и о

Не бойтесь,
Теперь все изменилось.

Р и ч а р д
(печально)

Да, конечно.
Не будет ни декретов и ни лавров.

А н т о н и о

Наш разговор печален и напрасен.
Вы лучше покажите мне работу, —
Не верю я, чтоб не было ее.
Ведь если руки мастеру отрубят,
Он все-таки творить не перестанет.

Р и ч а р д

И показать-то нечего, как будто...
Вот это разве...

(Идет и открывает статую.)

Вы, почтенный друг,
Всегда «судьей искусств» у нас ведь были.
Теперь от вас я приговора жду.
Вы и не знаете, как драгоценно
Мне ваше слово каждое, ваш суд!
Как будто до сих пор я был в пустыне,
Где голоса людского не слышал,
А тут неожиданно слышу речь родную.
Она мне будет дорога, хотя бы
Я в ней и смертный приговор услышал.

А н т о н и о

О смертном приговоре нет и речи.
Nunc delectandum est ¹.

Долго и внимательно смотрит на статую. Ричард тревожно следит за его взглядом.

Скажите мне,
Когда вы эту начали работу?

Р и ч а р д

Когда я начал? Как бы вам сказать:
Мысль родилась в Венеции когда-то.
Еще тогда я делать стал эскизы,
Во мне всегда жила идея эта,
Где б ни был я. И вот в Массачузете
Я сделал статую... но нет ее.

А н т о н и о

А где ж она?

Р и ч а р д

Пожалуйста, прошу вас
Меня о ней не спрашивать.

А н т о н и о

А эту
Вы скоро собираетесь окончить?

Р и ч а р д

Пожалуй, путь мой раньше будет кончен.

А н т о н и о

Что ж, будет жаль. Хорошая работа.
Хоть и немного все же tormentata ².

Р и ч а р д

Не удивительно. Я сам измучен.

---

¹ Теперь подлежит обсуждению (лат.).

² Вымученная (итал.).

А н т о н и о

Не обижайтесь на меня, маэстро.
Я не хотел сказать, что не хватает
Вам силы творческой, а только то,
Что дали вы господствовать над нею
Рассудку, что видны в создании этом
Сомнения художника. . .

(Умолкает, подыскивая выражение своей мысли.)

Р и ч а р д

Не надо
Меня жалеть, я не прошу пощады.

А н т о н и о

(стараясь скрыть смущение)

Да вам она и не нужна, мой друг.
Вы знаете, что критика обычно
Придирчива, порою даже слишком. . .
Вы только что сказали мне о том,
Что вы эскизы делали. Хотел бы
Я их вот с этой статуей сравнить.

Р и ч а р д

*(идет и достает из шкафа маленькую восковую
фигурку)*

Одна из них здесь у меня осталась,
И ту я вынес, словно тело друга,
Убитого в сражении последнем.

А н т о н и о

(присматривается к фигурке, лицо его быстро принимает восторженное выражение)

Да это ведь жемчужина, маэстро!
И вам грешно ее от мира прятать!
Вы — пуританин, выросли на текстах,
А притчу про таланты и забыли.

Р и ч а р д

Почтенный друг, я эту притчу знаю,
И как никто. . .

А н т о н и о

Во имя Аполлона
И всех Камен! Скажите мне, когда
Жемчужину вы эту сотворили?

Р и ч а р д

Еще в Венеции. Потом немного
Я изменил ее лицо.

А н т о н и о

Как будто
Фигурой ваша статуя похожа
На Каролину Д'Орси.

Р и ч а р д

Может быть.

А н т о н и о

Недаром иностранец гениальный
На итальянку засмотрелся!

Р и ч а р д

Нет!

Вы ошибаетесь. Не засмотрелся.
Хотел постичь я святость красоты.
Я даже профанацией считал бы
Ухаживанье.

А н т о н и о

А сама синьора

(ставит тем временем фигурку на стол возле себя)

Ухаживанье даже одобряет, —
Ведь у нее всегда помимо мужа
Три чичисбея.

Р и ч а р д

Замужем она?

А н т о н и о

Давно. За тем богатым толстым Фьяски.

Р и ч а р д

Она сейчас попрежнему прекрасна?

А н т о н и о

Да, держится. Хотя, конечно, годы...

Р и ч а р д

Мессер Антонио, зачем об этом
Вы рассказали мне?

А н т о н и о

Мой милый друг!

Не удивляйтесь моему рассказу;
Все, что вы слышали, все — это жизнь,
А то, что здесь

(показывает на фигурку)

— одна мечта, и только.

Жизнь и мечта в согласье не бывают
И вечно борются, хоть жаждут мира.
Пока борьба кипит — проходит жизнь,
Мечта же остается. Это значит
Regeat mundus, fiat ars!

Показывает на девиз, начертанный на пьедестале фигурки.
Ричард не отвечает на это и задумывается.

А н т о н и о

(берет Ричарда за руку)

Маэстро!

Как друга и как мастера я вас
Прошу, искусством вашим заклинаю,
В Италию вернитесь! Я уверен,
Там оживут мечты и ваша слава,
И расцветет талант под нашим небом.
А мой корабль готов к услугам вашим
С его хозяином.

(Прижимает обе руки к груди и кланяется Ричарду.)

Р и ч а р д

Спасибо, друг мой.

Нет, не могу принять я приглашенья;
Прошу меня понять и извинить.
Хоть солнце итальянское и ярко,

Оно слепому зренья не вернет,
Лишь вызовет в глазах незрячих слезы.
Теперь уж поздно. Как мне возвратиться
В тот край, где видели меня когда-то
В расцвете, где когда-то на меня
Немалые надежды возлагали?
Что я там покажу? Чем похваюсь?
Так начал я

(показывает на фигурку)

и вот как я окончил!

(Показывает на статую.)

Нет, после этого не воскресают!
Зовете вы меня на свой корабль?
Нет, не берите, друг мой, труп с собою, —
И моряки вам скажут: не годится.
(Горько улыбается.)

Человек

(входит)

Почтенный господин! Там вашу милость
Община на собранье ждет, чтоб дело
Закончить.

А н т о н и о

Я сейчас приду.

Человек выходит.

Я должен

Идти, а там пора мне и в дорогу, —
Давно по Свету Новому я езжу,
А к Старому назад — немалый путь,
Нельзя задерживаться мореходам.
Так что ж, маэстро?

Р и ч а р д

Нелегко сказать

То, что и раз промолвить было трудно...
Венеции прошу вас поклониться
И скульпторам, что помнят до сих пор
Товарища. Синьоре Каролине
При случае прошу вас передать
Привет мой благодарный и почтенье.

Из всех людей, которых знал я в жизни,
Она дала мне больше всех на свете —
Прекраснейшую светлую мечту.
Пусть бог благословит ее за это!
А вас, мой друг, благодарю сердечно
За дружбу верную.

А н т о н и о

Жаль, что она
Вам ни на что, мой друг, не пригодилась!
Пожимают друг другу руки. Антонио идет к выходу.

Р и ч а р д

Мессер Антонио!

А н т о н и о

Что, друг мой милый?

Р и ч а р д

(дает ему фигурку)

Мечту мою возьмите — пусть идет
В тот край святой, где родилась когда-то.
Я не хочу с душою здесь погибнуть.
Возьмите же ее, поставьте там,
Где некогда ее венчали лавром,
Скажите всем: «Вот Ричарда душа!»

Антонио благоговейно, словно святыню, берет фигурку в руки.
Молчаливые поклоны. Антонио выходит.

Р и ч а р д

(один)

Моя душа уйдет за океан,
А я останусь здесь бездушным телом
Среди костей, с созданием вот этим
Мертворожденным.

(Статые.)

Как ты мне противна!
Как ненавистна! От стыда пылает
Мое лицо, что показал тебя!
Так сгинь, проклятая, со мною вместе!

Нет, я себя не в силах пережить, —
Пусть гибнет все, пусть и следа не будет!
(Замахивается, чтобы сбросить статую с пьедестала,
но опускает руки.)

Нет, не поднять руки мне на тебя,
Мое дитя отчаянья и муки.
И жаль тебя, и так мне жаль тебя,
Как жаль отцу несчастного ребенка,
Что родился калекой навсегда...
Тебе не быть ни мрамором, ни бронзой
И своего творца не пережить.
Я не успею в землю превратиться,
Как высохнет и распадется глина.
Так пусть стоит до времени... А я?
Чего мне ждать! Готово завещанье,
Пора бы в вечный путь...

Слышен орган, он играет Requiem.

Мое желанье
Припомнил все же добрый мой коллега
И Requiem играет. Что ж, спасибо,
Я буду слушать...

(Садится у окна и слушает.)

Грозное звучанье...

Оно мне предвещает муки ада...
Я в нем уже сейчас... О!.. Рая отзвук?
Покой... Покой он вечный обещает...
А я когда-то не хотел покоя...
Слабеет сила. Не могу я жить
Единым хлебом... Вот могучий гром!
То ангела труба! То с неба голос!..
Когда ж меня покличет ангел смерти?
Я чувствую: его недолго ждать...

[1898—1909]

НА ПОЛЕ КРОВИ

Драматическая поэма

Глухое место в окрестностях Иерусалима. У глинища, среди колючих кустарников и красноватого бурьяна, растущего на солончаке, расчищена небольшая полоска; несколько кривых деревьев с красной корою разбросано по ней. Человек, худой и изможденный, но от природы крепкий и сильный, вскапывает эту полоску большой мотыгой, часто выбрасывая камни из земли, время от времени останавливаясь и вытирая пот с лица. Странник идет мимо полсски по тропинке, сворачивающей в сторону от большой Иерусалимской дороги. Странник идет, опираясь на палку и тяжело дыша, так как день жаркий. Пустая баклажка, привязанная сверху к палке, болтается и постукивает. Работающий, услышав стук, оторвался на миг, но сейчас же принялся опять за свое дело.

Странник

(останавливается подле работающего)

Благослови господь твою работу,
Мой брат!

Работающий молчит, не отрываясь от своего дела, и не смотрит на странника. Странник тихо сам с собой.

Он, кажется, глухой.
(Громче.)

Дружище!

Будь милосерден, дай-ка мне водицы!
Хоть мало я прошел, а воду выпил
До капли: жарко, знаешь, а баклажка,
На грех, невелика...

Человек

(указывает на кувшин, спрятанный в бурьяне)

Вон, можешь взять.

Странник

(жадно припадает к кувшину и долго пьет; потом, напившись)

Пошли тебе всевышний долгой жизни
За то, что выручил меня.

Человек опять не подает вида, что слышал эти слова.

Скажи,

Где ты берешь тут воду? Я схожу
И нам обоим наберу. Куда тут
Пойти мне за водой?

Человек

Туда.

(Указывает мотыгой в ту сторону, откуда странник пришел, и опять склоняется над работой.)

Странник

Назад...

Ну, знаешь, ты бы старика уважил,
Поизносился я за долгий век,
Ленивы ноги стали...

(Садится на межу под деревом.)

А не близко

Мой дом отсюда! Я из Галилеи.
Ходил в Ерусалим на богомолье,
Там родичи мои — сестра да тетка, —
Я пасху с ними ел. А ты, сынок,
Ерусалимский?

Человек

Нет...

(Поспешно.)

Ерусалимский!

Ну, да! А как ты думаешь, откуда?

Странник

Я ничего не думаю, родимый,
Спросил я так... А поле чье, твое ли?

Человек

Мое, конечно. Чье же быть должно?

Странник

Чудно, сынок, ты говоришь, ей-богу!
Спросил я потому, что вспоминаю,
Когда в Ерусалим я направлялся,
То это место пустошью лежало
И этой будто не было полоски,
Хотя народ уже работу кончил
В полях, на огородах. Что, недавно
Купил ты эту землю?

Человек
(неохотно)

Да, недавно.

Странник

*(оглядывает место внимательным взглядом
крестьянина)*

А сколько отдал за нее?

Человек
(так же неохотно)

Немного.

(С угрюмой насмешкой.)

Ах, ты небось перекупить желаешь?

Странник
(добродушно)

Да нет, на что мне? Я-то ведь нездешний.
А дорого земля, должно быть, стоит
Ерусалимская?

Человек

Как для кого.

Странник

Ну, стало быть, смотря земля какая!

Человек
(злбно)

Да не земля какая, дед! Сказал я —
Как для кого, вот так и понимай!

Странник
(немного смущенный его тоном, приподнимается;
сдержанно)

Я понимаю. Ты вот неимущий,
И дороги тебе казались деньги,
Что ты за землю заплатил. Богач
Сказал бы, может: «Дешева земляца».
Теперь как будто понял я тебя?

Человек
(жестко)

Мне твоего не нужно пониманья.
Напился, отдохнул, ну и ступай.
С тобою некогда мне балагурить.

Странник
(отступил было, оскорбленный, потом остановился)

Но все же так уйти я не могу.
Слова твои черствы, а сердце добро.
Твоя вода как будто впрямь целебна.
Мне даже сил прибавила она,
И я тебя благословить обязан,
Как сына любящий отец. . .
(Приближается к человеку, подняв руки для
благословенья.)

Человек
(*поспешно, словно в страхе*)

Постой-ка!
Там... есть еще вода... Хотел баклажку
Ты, кажется, наполнить... Дай налью.
(*Отвязывает баклажку, переливает в нее всю воду из
кувшина и вновь привязывает ее к палке.*)
Вот... отправляйся... И не говори
Ни слова больше... Мне совсем не нужно
Благословенья твоего... Не нужно...
Ну, что ж? Чего уставился? Иди!

Странник
(*подходит еще ближе и всматривается в человека, не
обращая внимания на его нетерпеливые жесты.*)

Да нет же, погоди, — теперь, сдается,
Ты мне как будто бы знаком... Еще бы!
Ты даже побывал в моей лачуге,
В Капернауме, вместе с тем пророком,
Которого распяли.

Человек
(*вздрагнул и опустил глаза*)

Непонятно,
О чем ты говоришь.

Странник
(*сердечно*)

Меня не бойся,
Сыночек, не предаю я человека,
К тому же доброго. Понятно, сам я
Ничуть не думаю, чтоб твой учитель
И вправду был мессией, сыном божьим,
И хоть я знаю, чей он сын, однако
Пророком я его считаю — он
Такое знал, что знать господь нам не дал.
Да, впрямь он был великий человек.

Человек
Великий? Вот как! Чем же был велик он?

Странник

Чем? Духом тем, что бог в него вложил.

Человек

Каким там духом? Что ты знаешь, старый?
Он был такой, как все!

(Заметив отрицательный жест странника.)

Как все, конечно!

Ничуть не лучше! Он любил вино
И благовония. Любил, чтоб жены
Красивые всегда ему служили, —
Они за ним ходили целым роем,
И им он позволял, чтоб мыли ноги
Ему бесценным нардом и кудрями
Роскошными ему их обтирали.
О, ты его не знал!

Странник

Постой-ка, милый!

Так я ж тебя наверняка видал!
Вот даже вспомнил, как зовут: Иуда
Тебя зовут!

Человек *(смущенно)*

А хоть бы так. Что, мало
Людей на свете с именем таким?

Странник

Да! И с пророком тем пришедших — двое
Звались Иудами! Один — земляк мой,
Другой же — дальний, позабыл я город,
Откуда был он родом...

(Старается вспомнить.)

Человек

А зачем

Тебе понадобился он?

Странник

Да люди
Рассказывали мне в Ерусалиме,
Что будто выдал страже тот Иуда
Учителя...

Человек

Тебе какое дело,
Кто выдавал и как случилось это?

Странник

Вот не хотелось бы, чтоб в самом деле
Им оказался ты...

(Радостно.)

Да нет же, вспомнил!
Передавали, будто удавился
Предатель тот.

Человек
(невольно)

Неправда!

Странник

Как? Неправда?

Всматривается в человека; тому, повидимому, тяжело от этого
взгляда. Странник постепенно отступает.

Теперь я вижу ясно: ты Иуда,
Учителя продавший.

Иуда

*(сознавая безвыходность, сменяет свою прежнюю
угрюмо-таинственную речь на решительную, до
наглости откровенную)*

Ну, и что же?
Ты думаешь, боюсь я слова «продал»?
По-твоему, кто даром отдает,
Тот лучше поступает?

Странник
(отходя еще дальше)

Да... Уж лучше...

Иуда
(подступая к страннику)

Нет, хуже! Даром отдает лишь только
Дурак набитый иль злодей. А тот,
Кто продает, тому потребны деньги,
А больше ровно ничего не значит.

Странник

Так тут же речь идет не о товаре.

Иуда

А что товар? Кто лишнее имеет,
Тот может и продать. Вот у меня
Учитель был, я взял его и продал.

Странник
(со смешанным выражением презренья и
любопытства)

А сколько взял ты за него?

Иуда

Взял тридцать
Серебеников! Разве это мало?

Странник

Да ты бы хоть дороже продавал...

Иуда

Я сам бы рад был выторговать больше,
Но больше не дали за мой товар.
Коль продал бы за тридцать я талантов,
Понятно, было бы куда доходней.
А? Что, не так? Тогда б купил я царство,
А не скупое, нищенское поле,

Солончаковое, что стоит тридцать
Серебреников. Да, признаться, лучшей
Земли за столько не приобрести!
Вот мучусь я, как проклятый, над нею,
А что мне уродит — и сам не знаю.
(Усердно копает землю.)

Стр а н н и к

К чему тебе вся эта суета?

И у д а

(бросил мотыгу и скрестил руки на груди.
Выпрямился)

А что же? Хлебом нищенским до гроба
Существовать? Годами горе мыкать,
Пороги обивая у людей
Да по углам объедки собирая?
С протянутой рукой, промеж людьми
Посмешищем ходить? Ведь я сызмальства
К такому не привык! Ведь я же сын
Отцовский, да единственный при этом!
В наследство получил я виноградник,
И ниву добрую, и сад, и дом,
Все в Қариоте я имел. Ну, нынче
Там низкие людишки богатеют,
А я...

(Хватает снова мотыгу и злобно колотит ею по
твердой земле, выбивая искры из камней.)

Стр а н н и к

(с некоторым сочувствием)

Да как наследства ты лишился?
А может быть, прощения прошу,
Его ты прогулял по-молодецки?

И у д а

(вновь бросает работу)

Я молодецких не имел замашек.
Я был степенным — и теперь жалею.

Уж лучше бы отцовское добро
С гуляками и девками я пропил —
Хоть слово доброе от них слышал бы...

Стр а н н и к

Да только слов тех добрых ненадолго
Хватило бы, поверь! Доколе деньги —
Дотоле честь в компании такой.

И у д а

Да пусть хоть так! Ведь я ж себя позволил
До нитки обобрать — что ж получил?
Что за утеху? С голытьбою всякой
Таскать котомку, клянчить подаянье,
Задаром быть у них на побегушках!
Что ж я слышал за то? Слова какие?
(Подражает чьему-то голосу)
«Лукавец! Маловер!»

Стр а н н и к

Но кто же это
Так измывался над тобой?

И у д а
(с ударением)

Учитель!

Стр а н н и к

Которого ты продал?

И у д а
(вспыхнув)

Да! Я продал!
А он меня ограбил! Нет, похуже!
Он обманул меня!

Стр а н н и к

Как обманул?
Так он имущество твое присвоил?
Ну вот и верь потом пророкам этим!
Ведь он таким казался бескорыстным,
Все только говорил о царстве божьем...

Иуда

Вот-вот, старик! То был тот самый невод,
Куда людские души, словно рыбу,
Он уловлял. . .

(С коротким злобным смехом.)

Чтоб выбросить на сушу!

(Очевидно, пародируя чью-то речь.)

«Эй, рыбонька! К чему тебе вода?

Взгляни на пташек в поднебесье! Разве
Им не привольно там?»

Странник

(смеется)

Да ты прекрасно

Той речи подражать умеешь!

Иуда

(угрюмо)

Хватит!

Наслушался! Набиты уши ею.

И вспоминать противно. . .

Странник

(заинтересовавшись, садится вновь на межу)

Ну, так как же

Оттяпал он наследство у тебя?

Полезно знать, чтоб впредь остерегаться:

Теперь-то их, пророков, расплодилось!

Иуда

*(молчит некоторое время, поглядывая на странника,
будто не решаясь ему довериться, потом не
выдерживает, и речь его прорывается быстрым,
зачастую беспорядочным потоком)*

Так вот как было. К вам в Капернаум

Ловить я рыбу ездил. О, тот город

Мне памятен теперь! Был день базарный,

И отовсюду собрался народ.

Лишь только я приблизился к базару,

Как люди в сторону пустились вдруг;

Товары бросив. Вижу, на обрыве
Стоит, от школы вашей недалеко,
Ессей иль назарей в одежде белой,
Длинноволосый, — держит речь к народу.
Пошел и я туда из любопытства...
О, как он говорил! Какой был голос!
Я вспомнил все, что позабыл давно...
Припомнил мать родную, без которой
Совсем еще ребенком я остался...
Оратор говорил: «Ко мне идите...
Я успокою вас... я вас утешу...»
И не заметил я, как слезы, хлынув,
Лицо умыли — я ж плаксивым не был!
И показалось мне, что для меня
Нигде роднее человека нет
И не было на целом божьем свете...

Пауза.

С соседями в ту пору вел я тяжбу
За пахоту и за поправу, — дело
Житейское! Измучился враждою
Людской и повседневной перебранкой.
Наверно, потому-то и размяк я...
А тут он о любви заговорил —
Слыхал ли, как он толковал об этом?

Странник молча кивает головой.

Ты знаешь сам: в подобные минуты
И лютый враг мог показаться братом.

Ст р а н н и к

А что, ведь правда! Раз я сам соседу
Простил обиду — да еще какую! —
Наслушавшись того пророка...

И у д а

(не обращая внимания на его слова)

Вдруг

Он речь повел о царстве божьем! Веришь,
В тот миг мне показался ваш обрыв —

Бесплодный, меловой — порогом ясным
У врат, ведущих в горние селенья.
Мне показалось: вот лишь перебраться
За тот порог — и все в эдеме будем,
Как люди первые. «Что нам преграда? —
Так думал я. — Ведь не блеснет пред нами
Меч огненный, дорогу заступая.
Туда зовет нас, стирая руки,
Объятья раскрывая, ангел божий,
А может, божий сын!» Так, дед, взаправду
Не я один небось тогда подумал:
Он — божий сын. . . Взглянул я на обрыв
И там, у ног оратора, заметил
Еще гурьбу людей — мужчин и женщин.
Они в лицо оратору смотрели
И с высоты сверкающей своей
И нас оглядывали временами.
Их взгляды, помню, были так счастливы,
Так горды и приветливы. «Вот эти
Живут в раю всечасно!» — размышлял я. . .
Дождь начался, и проповедь прервалась.
Я, сидя под навесом, думу думал.
Дождь перестал. Я позабыл о купле —
Оратора того пошел искать я.
Уж лучше б смерть меня настигла прежде,
Чем я его нашел! Но я нашел
Его — себе на горе. . .

Ст р а н н и к

И ему!

И у д а

Что ты сказал?

Ст р а н н и к

Сказал: ему на горе,
Когда б не ты, еще бы он пожил.

Иуда

Нет,

Он все равно беды не избежал бы,
Хотя б никто не поживился им.

Странник

А все ж это нечестная нажива...
Да и к чему его искать ты вздумал?
Запомнил лучше бы его слова,
Коль очень уж твое задела сердце,
И жил бы праведно в своем поместье,
Что для тебя отец твой нажил честно.

Иуда

(с коротким смехом)

Не так-то просто было! Он, вишь, молвил,
Что только с ним войдем мы в царство божье,
А без него — ни до порога!

Странник

Хитрый!

Иуда

Его найдя, я приступил с вопросом,
Что должен делать я, чтоб для себя
То царство божье заслужить. Спросил он,
Живу ли по закону, не греша.
Я молвил: «Да» — я не солгал нисколько.
«И царства божья все ты не имеешь?» —
Спросил он, как-то странно усмехнувшись.
«Как видишь, нет», — сказал я, и досада
Впервые в сердце шевельнулась против
Него. Я тотчас подавил ее.
«Ну, так раздай все, что имеешь, бедным,
Да и ступай за мной», — сказал он. Молча
Я отвернулся. Трудным показалось
То слово мне.

Странник

Известно, не легко

Его исполнить! Как же все раздать?
Произнести — и то не всякий сможет!

Иуда

Ему совсем не трудно это было!
Он кто? Сын плотника. Что он имел?
Да ничего. А кто такие те,
Что с ним ходили? Рыбаки все больше.
Им что, имущество какое нужно?
Вода-то, слава богу, всем дана, —
Поди лишь да найди, закинул невод —
Вот и готова пища. Среди них
Был мытарь. Что ж, скажи, не все равно ли
На мытнице сидеть иль по дорогам
Ходить да побираться? — честь одна!
А мне-то было ведь о чем подумать.

Странник

И то сказать: отцовское наследство!

Иуда

Вернулся я к хозяйству и вначале
Хотел то слово выкинуть из сердца.
Но тесным показалось мне жилище,
Убогой — рига, скучным — двор и даже
Любимый виноградник — невеселым.
Все чудилось — то райские преддверья,
То золотой престол, а на престоле
Мессия в образе того пророка, —
Как будто судит он живых и мертвых. . .
А около престола разместился
Собор избранников его счастливых,
Прислуживают им народы мира, —
Безмерного они достигли счастья. . .
Я позавидовал им. . . Наконец,
Настал тот день, когда, свое именье
Раздав последней голи кариотской,
Отправился с пустыми я руками
В одной рубашке, даже без котомки,
Искать учителя.

Странник

Так ты с пустыми
Руками в путь пустился? И тебя-то
Таким он принял?

Иуда

Принял сразу.

Странник

Вот как!
Так, значит, он наследства не присвоил?

Иуда

Все ж о себе он думал! Ведь замыслил
Он стать царем всей голи иудейской,
Как оберет имущих он и глупых,
А их добром ту голытьбу оделит.
Он словом ясным не сказал об этом,
Он ясно ни о чем не говорил,
Но скоро эти замыслы я понял.
Ты думаешь, он удовлетворился б
Каким-нибудь поместьем в Кариоте?
Нет, все хотел он или ничего!

Странник

Но все ж он был великий человек.

Иуда

(топает ногою)

Нет, не был он великим! Был рабом он
Великой жадности, великой спеси!
А дела довершить он не умел.
Все у него в словах и расплывалось.
Я это скоро понял. Трижды ясно
Мне это стало тут, в Ерусалиме.
Бывало, на руках его носили,
«Осанна сыну божьему!» — кричали...

Странник

Да, знаю, это видел я воочью.

Иуда

И что же? Он по городу проехал,
Как будто на потеху римским дамам,
Ну, что-то, по обычаю, сказал,
Напал на мелких торгашей у храма
И к Лазарю вернулся своему,
Чтобы среди женщин сетовать безвольно
На то, что, дескать, гибель ждет его
И что с друзьями быть ему недолго...
А люд ерусалимский разошелся,
Обманутый и гневный, по домам.
Эх, дед! Досадно думать, для кого я
Всю жизнь свою напрасно погубил!

Странник

Так почему ж его ты не покинул?

Иуда

Куда ж пойти мне было? В Кариот?
Чтоб хлеба вновь просить у бедноты,
Из рук моих добро заполучившей?
Чтобы меня собаками травили?
Я ж знаю тех людей, среди них я вырос.

Странник

Ну, делом занялся б в Ерусалиме...

Иуда

Да чем я занялся бы — голый, босый?
Торговлей? Не имел я ни гроша.
Ну, правда, был у них я казначеем, —
Затем, что больше я «мирским» считался,
Чем те святые души, только все же
Взять на себя не смел я ничего —
Меня бы кличкой «вора» заклеямили!

Странник

(с добродушным смехом)

Но все-таки ты деньги взять решился?

И у д а
(вспыхнув)

Хочу я знать, что б делал ты, когда бы
Текли сквозь пальцы деньги у тебя,
Повсюду растекаясь и ладони
Твои сухими оставляя! Так
День ото дня. О пище и о крове
Для всей оравы этой и для нищих,
Таскавших за ними, хлопотал я,
А сам, голодный, загнанный, как пес,
Жевал гнилую корку и напрасно
В мечтах лишь богател... И что ни день,
То снова речи смутные я слышал!
Ходила кругом голова от них!
Я не видал им ни конца, ни края...
Уже я знал, чего те речи стоят:
«Я успокою вас... я вас утешу...»
Надейся, верь — еще бы! Издалека
Манил он утешеньем и покоем,
А кто, бывало, уши поразвесит
Да и пойдет за ним, как я, дурак,
Тому ярмо такое клал на шею,
Что в три погибели его сгибало...
Любил загадками он выражаться, —
К тому ж не вздумай задавать вопросы,
Как это делают ученики:
«Учитель, мол, что это означает?»
В нем тотчас нетерпенье подымалось:
«Лукавый род! Доколе буду с вами?
Слепорожденные! Глядят — не видят!»
Слова-то злые, колкие такие,
Что лучше бы уж обругал открыто,
Чем так выматывать живую душу!

С т р а н н и к

Однакоже за ним ходили люди.
Как видно, было им неплохо с ним,
Случалось, и от близких отрекались.
Я сам таких знавал в Капернауме.

Замужняя была там — Саломеей
Звалась, — покинула она детишек
И мужа; точно так же и Сусанна,
Богатая невеста, молодая,
Из рода знатного, — за ним пошла,
Не устрашась молвы и кривотолков.

И у д а
(*пренебрежительно*)

Да что ты мне о женщинах толкуешь!
Они же — как собаки; раз погладь —
Потом лупи их каждый день — все стерпят!
Еще и руки лизут. . .

Ст р а н н и к

Ладно! Все же
Не только женщины, но и мужчины,
Как вспомнил ты, блаженствовали, сидя
У ног его. . .

И у д а

Пустое обольщенье!
Не царством божьим, нет, геенной было
То сборище! Царила зависть в нем —
Уму непостижимо! Каждый метил
На место первое вблизи мессии —
На *первое*, не иначе! И все
Во имя этого терпел обиды.
Своих любимчиков имел учитель,
Мы, зубы сжав, старались услужить им,
Чтобы к нему хоть этим подольститься.
Терпел и я, пока хранил надежду
На царство божье, а потом пришлось бы
Терпеть и без нее — куда б я делся?
Хоть я и думал днями и ночами,
Как вырваться из царства издевательств,
Где слугами не мне народы были,
А я служил отбросам всех народов. . .
И знаешь, дед, никто и никогда
Там ублажить его не мог. Однажды

На трапезе в упор слова такие
Он бросил нам: «Вот, пейте кровь мою,
Вот, ешьте тело!» Боже справедливый,
Чья ж это кровь была, как не моя,
Чье ж это было тело? Горький стыд
Гнал кровь с лица, я сгорбился, иссох я,
Выклянчивая им вина и хлеба...

Странник

Ну, в батраки ты нанялся бы, что ли,
Чтоб вырваться оттуда...

Иуда

Да к кому?
Воображаю, кто меня бы принял!
Нас голытьба любила, а имущим
Едва ли подошел бы человек,
Что был учеником — верней, слугою —
Врага их.

Странник

Это правда, ты попался,
Как в мышеловку! Как ты только жил там!

Иуда

Да, не блаженство райское светилось
В моих глазах, Учитель то заметил.
Он взглядов хмурых не любил. Привык он,
Чтоб, как собаки, мы всегда умильно
Ему в глаза смотрели и ловили
Его слова. И начал он меня
Словами донимать. Сложил, к примеру,
Он басенку про гостя, что угрюмый
И неопрятный пробрался на свадьбу
И был с позором вытолкан. А дальше
Вдруг о предателях повел он речь.
На стол я руку положу — он скажет:
«Рука предателя моей белее».
Хлеб преломлю — заметит он тотчас,
Бывало, скажет, на меня не глядя:

«Предатель нынче хлеб вкушает с нами».
Как будто ненароком, но мгновенно
Все на меня таращатся кругом,
Как будто бы взаправду я изменник...
(*Задумывается, потом подымает голову.*)

Сам виноват! Пожал он, что посеял!
(*Вновь задумывается. Внезапно быстро, порывисто.*)
Что я еще имел взамен? И разве
Я не был вправе обменять его
На то добро, что по его вине
Утратил я?

Стр а н н и к

А как ты это сделал?

И у д а

А как бы сделал ты?

Стр а н н и к

Откуда знать мне,
Я никогда не продавал людей.

И у д а

(*с мрачной иронией*)

Поверь, их так же продают, как все,
Как скот, как птицу. Ну. в цене сойдутся
И по рукам ударят. Что ж ты думал?
Потом из рук передают их в руки
Тому, кто купит. Вот и все Не видел?

Стр а н н и к

А как же выдал ты его? Вот так же?

И у д а

(*внезапно раздраженный*)

Ты что допрашиваешь, как судья!
Противно слушать мне!

Стр а н н и к
(пожимая плечами)

Ну, это дело
Твое! Не хочешь, так не говори!
А только вот молва дурная ходит,
Что будто бы его поцеловал
Ты, предавая.

И у д а
(упрямо)

И меня он предал!

Стр а н н и к

Целуя?

И у д а
(злобно и в то же время с сожалением)

Нет, меня он никогда
Не целовал.

Стр а н н и к
А ты его?

И у д а
(злобно)

Ну, старый,
Скажу тебе, довольно пустомелить!

Стр а н н и к
(вставая)

Коль в самом деле этакую подлость
Ты совершил, уж лучше бы молчал.
(Собирается уходить.)

И у д а
(поспешно)

Как знать, а может, я его любил?
А может, я хотел с ним попрощаться?

Стр а н н и к
(вновь оборачивается к Иуде; с крайним презрением)

Ну вот, Иуда, я теперь скажу:
Довольно пустомелить! Если правда,

Что ты любил его, то это подлость
Еще мерзейшая. Убей, зарежь,
Продай, но хоть без всяких поцелуев!

Иуда

Я пошутил. Тот поцелуй совсем
Холодным был — ведь как-то нужно было
Мне страже знак подать, кого схватить ей.

Странник
(дрожит от негодования)

Молчи! Не разглагольствуй! Теплый гад,
Размякший на припеке иль холодный —
Равно противен!

Иуда

Так теперь я гад?
А кто меня благословить собрался?
Вода моя целебная, как видно,
Раз принял ты ее.

Странник
(быстро отвязывая баклажку)

На, вот она,
Твоя вода! Уж лучше на безводье
Пропасть, чем от тебя принять хоть малость!
(Сливает воду в кувшин.)

Иуда
(хватает его за рукав)
Ну, дедушка...

Странник
(вырывает руку, как будто обожженный
прикосновением Иуды)

Отыди, Сатана!

Баклажка падает, вода разливается. Странник мелкой старческой поступью спешит к тропинке.

Будь проклят!

Иуда

Не тебе бы проклинать,
Ведь сам же он меня простил!

Странник
(оборачивается)

И после
Ты не повесился?
(Плюет.)

Иуда

Нет, не простил!
Вот вспомнил я — он укорял меня.

Странник
(с отвращением передразнивает его)
«Он укорял!»! Тебя прикончить мало!

Поднимает камень и бросает его в Иуду, но камень не долетает до Иуды. Странник, не оглядываясь, спускается по тропинке в овраг и скрывается с глаз. Иуда стоит минуту, стиснув голову руками, потом ударяет себя кулаком по голове, хватается мотыгу и, не разгибаясь, не отирая пота, принимается работать до изнеможения.

2. II. 1909

ИОАННА, ЖЕНА ХУСЫ

Драматический этюд

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хуса, или Хузан — наместник Ирода Антипы, тетрарха галилейского.

Иоанна — его жена.

Мелхола — его мать.

Сабина — его рабыня.

Публий — знатный римлянин.

Марция — его жена.

Управляющий
Виночерпий
Кравчий
Рабы
Рабыни

} в доме Хусы.

Действие происходит в Галилее, в доме Хусы, в евангельские времена.

Комната в доме Хусы, обставленная по-восточному, но с некоторым греко-римским влиянием: в ней находится «триклиний» — три ложа для пирующих у круглого стола. Комната убрана хорошо, но видно, что убранство в ней давно не обновлялось и на всем лежит след не столько запущенности, сколько недостаточной заботы.

Хуса

(Мужчина средних лет, черноволосый, кудрявый, тучный, выражение лица у него не злое, но властное; выходит озабоченный и несколько раз хлопает в ладоши)

Эй, слуги! Кто тут есть? Быстрее сюда!

Входят: Управляющий дома, Виночерпий и Кравчий.

У п р а в л я ю щ и й

Приказывай, мой господин!
(Кланяется, за ним двое других кланяются молча.)

Х у с а
(Управляющему)

Послушай,
Я нынче в доме жду гостей из Рима,
Гостей высоких родом! Так старайся,
Чтоб было все, как надо.
(Кравчему.)

И едú
Подай сюда
(показывает на триклиниум),
как водится у римлян.
Смотри, чтоб не было жаркого мало,
Случилось так, когда в гостях был Анций —
Ведь это страшный был позор! Ты знаешь,
Что в Риме все едят мясного много?
Пусть будут блюда разные! Понятно?

Кравчий кланяется.

А к рыбе чтоб была подливка та же,
Какую подали, когда сам претор
Был у меня в гостях с тетрархом. Претор
Хвалил ее, я помню.

К р а в ч и й
(смущенно)

Господин мой,
Такой подливки мы не приготовим. . .

Х у с а
(строго)

Как так?

К р а в ч и й
Ее лишь госпожа умеет. . .

Х у с а

Ну что ж? Отправься к матери моей
И попроси ее. . .

К р а в ч и й
(еще больше смущаясь)

Не ваша мать,
Супруга господина моего
Готовила подливку по-саронски,
Как дома научилась...

Х у с а
(строго)

Замолчи!
(Виночерпию.)
Подать фиалы греческие, вазы
Этрусские ты не забудь гостям,
А из сосудов наших только кубок
Из яшмы, что в серебряной оправе.

В и н о ч е р п и й
(падает на колени и умоляюще простирает руки
к Хусе)

Пускай не гневается господин мой
На пса негодного, на жалкий прах!..
Нет кубка этого из яшмы!

Х у с а
(грозно)

Как?
Его украли? Вора я найду
Хотя бы под землей.

В и н о ч е р п и й
(падает ниц)

Ох, господин мой,
Он не украден...

Х у с а
Ты разбил его?!
(Хочет ударить его ногой.)

Виночерпий
(защищая голову руками)

Нет, господин! Взяла твоя жена...
Он был в ее приданом...

Хуса
(отворачивается, глухо)

Убирайся!

Виночерпий уходит, как побитый.

Хуса
(Управляющему)

Ты должен комнату устлать коврами
Оранжевыми с золотой ниткой.

Управляющий
(дрожа)

Ковры все проданы...

Хуса
(несколько колеблясь)

А кто их продал?

Управляющий

О, сжался над рабом твоим, хозяин!
И разреши на это не ответить!
(Складывает руки и покорно склоняет голову.)
Ты сам ведь знаешь, чьи это ковры...
(Умолкает.)

Хуса
(дает ему жестом понять, что разговор окончен)

Пойди проси, чтоб мать ко мне пришла.

Управляющий уходит, за ним Кравчий. Хуса, нахмуренный и раздраженный, расхаживает по комнате неровной походкой, пощипывая холеную бороду и отталкивая ногой стулья и другие предметы, попадающиеся ему на пути.
Вскоре входит Мелхола, очень старая женщина, ее ведут под руки две рабыни.

Мелхола
(Хуса)

Зачем мою тревожишь старость, Хуса?
Ведь ты и сам ко мне бы мог явиться.
Совсем заважничал... Я не хотела
Дурной пример показывать рабам,
А то б и не пришла...

Продолжает бормотать что-то невразумительное.
Рабыни усаживают ее на низкое кресло с подушкой.

Хуса

Прости меня,
Я вынужден тебя побеспокоить.
Сегодня, видишь ли, я жду гостей...

Мелхола
(недослышав)

А? Что? Не слышу.

Хуса
(громче)

Жду гостей сегодня!

Мелхола
(ворчливо)

Что мне до этого? Жди, если хочешь...

Хуса
*(падает рабыням знак уйти, те выходят. Хуса садится
у ног матери на маленькой скамейке)*

Единственная у меня ты, мама,
Теперь хозяйка в доме...

Мелхола
(недружелюбно)

Ах! Теперь!..
Куда это годилось, чтобы я
У младшей в подчинении ходила?

Что захотел, то получил. Дал волю
Супруге дорогой — вот благодарность
От молодой твоей хозяйки. Видишь:
Теперь ты ни вдовец, ни молодец. . .
Когда жена вдруг без вести сбежала,
Ты мать зовешь «единственной хозяйкой»...
Надолго ли все это?

Х у с а

Не кори.

И так с меня довольно. . .

М е л х о л а

Ах. . . довольно. . .

Тебе я говорила: вот женись
Здесь, в Галилее; пусть и не богата,
Пусть не знатна, зато послушна будет. . .

Х у с а

Но ведь не гнался я ни за богатством
И ни за знатным родом.

М е л х о л а

Знаю, знаю, —

Пленился ты саронской красотой;
Но красота, как роза из Сарона, —
Раскроется с зарею, а к полудню
Осыплется. . .

Х у с а

Оставим это, мама. . .

Я, видишь, попросить тебя хотел,
Чтоб помогла гостей принять лучше.

М е л х о л а

Откуда ж эти гости? Кто они?

Х у с а

Из Рима.

Высокородный Публий и супруга.

Мелхола

Не знаю их.

Хуса

Они весьма почтенны!
Он родич претора...

Мелхола

Из римлян он?

Хуса

Конечно же.

Мелхола

И римлянка она?

Хуса

(несколько нетерпеливо)

Ну, разумеется.

Мелхола

Не понимаю,
Что делать мне с подобными гостями?

Хуса

А что тут понимать? Достойно встретить,
Почет им оказать, вот и довольно.

Мелхола

А разве без меня ты не сумеешь?

Хуса

Когда бы Публий прибыл без супруги,
Я принял бы его один. На горе,
Я пригласил его с женой.

Мелхола

Зачем?

Хуса

Не так уж мне понадобился Публий,
Как Марция, его жена, гордячка, —
Она из рода цезарей, у ней
И в Палатине есть большая сила.

Мелхола

Где?

Хуса

В Палатине.

Мелхола

Что это за город?

Хуса

Не город это — цезаря дворец!

Мелхола

Далеко?

Хуса

В Риме!

Мелхола

Ты чего кричишь?

Я слышу. . . Ну, дворец какой-то в Риме.
И что мне до того?

Хуса

(пожимает плечами; тихо)

Несчастье с нею!

(Громко.)

Так, видишь, Марция. . .

Мелхола

Кто?

Х у с а

Эта гостья,
Что к нам придет...

М е л х о л а

Та римлянка, сказал ты?

Х у с а
(еще громче)

Да, римлянка. Она замолвить слово
У цезаря и за меня сумеет,
Когда я угожу ей.

М е л х о л а

Угождай.

Хуса кусает губы и отворачивается от матери.

М е л х о л а
(немного мягче)

Коль я той римлянке необходима,
Приму ее на женской половине,
Пускай ко мне приходит, я согласна.
А здесь мне быть совсем не подобает.

Х у с а

Нет, мама, этого никак нельзя:
У римлян принято, когда супруги
Приходят вместе, то встречать их надо
Обоих вместе.

М е л х о л а

И встречай их сам,
Отдельно или вместе, как захочешь...

Х у с а

Ах, мама, разве я тебе не сын,
Что ты мне даже и помочь не хочешь?
Ужель тебе так тяжело будет встретить
Моих гостей? Я не прошу о многом.

Ну, выйди им навстречу, поклонись;
И Марции скажи слова привета. . .

Мелхола

Я не могу по-ихнему.

Хуса

Пустое!

Скажи по-нашему, а я приставлю
К тебе рабыню, что по-римски знает,
Она твои слова переведет.
А гости как-нибудь простят старухе,
Что ей один родной язык доступен.
Я только об одном тебя прошу:
Ты при гостях не говори мне Хуса,
Зови меня Хузаном — так по-римски.

Мелхола

(силится встать, гневно трясет головою)

А это что за выдумка — «Хузан»?
Отец твой звался Хусою, и сыну
Я в честь его дала такое имя!
А ты решил отречься от него
Для этой римской дряни?!

Хуса

Мама, слушай. . .

Мелхола

И слушать не хочу! . . Сюда, рабыни!
Рабыни, эй! . . Куда ты их усрал?
(Хлопает в ладоши.)

Входят рабыни, берут ее под руки, ведут.

Хуса

Пусть будет так, как хочешь. Слушай, мама,
Ты только встретить их и побудь немного
Тут с нами за столом. . .

Мелхола

Я есть должна
С неверными?! Нет, сын мой, я старуха
И не могу ломать обычай древний.

(*Рабыням.*)

Меня ведите!

(*Выходит с рабынями.*)

Хуса

Кара божья с нею!

(*Хлопает в ладоши.*)

Входит Управляющий.

Сабину позови.

Управляющий уходит.

Через некоторое время входит Сабина — молодая красивая рабыня-самаритянка, одетая в греко-римском вкусе, и молча останавливается на пороге.

Хуса

(*Сабине*)

Вот что, послушай...

Сегодня жду к себе гостей из Рима,
Вельможных и *полезных*, — понимаешь?

Сабина

(*манерничая, с усмешкою*)

Сабина понимает все, что надо,
А что не надо, то не понимает.

Хуса

(*немного повеселев*)

Вот так и нужно. Тех гостей хочу я
Принять как можно лучше.

Сабина

Будет Публий
И Марция, жена его?

Хуса

Ты знаешь?

С а б и н а

Сабина знает все.

Х у с а

И может, знает,
Что Марции хотел бы угодить я?

С а б и н а

(медленно, со значением)

Сабина знает все.

Х у с а

(несколько смущен ее тоном)

Ну, ладно, ладно!

Я Марцию хочу принять достойно,
Как следует по званию ее
И роду. Но ведь мать моя — старуха
И принимать таких гостей не в силах.

Сабина иронически улыбается, Хуса делает вид, что не замечает этого.

К тому же римскую матрону в доме
Без женщин принимать недопустимо.
Ты понимаешь?

С а б и н а

Да, я понимаю:

Хоть говорят, что муж есть голова,
Но голове без тела тоже трудно.

Х у с а

(строго)

Сегодня я шутить совсем не склонен, —
Запомни это

Сабина с притворной покорностью склоняет голову.

И возьми наряд,
Тот, лучший, что привез я из Сидона,
Принарядись, ведь Марцию встречать
Сегодня будешь ты.

С а б и н а

Твоя рабыня
Вельможную принять достойна гостью?

Х у с а

Не надлежит ей говорить того,
Что ты рабыня. Назову тебя
Сестрою.

С а б и н а

Публий знает хорошо,
Что у тебя сестры нет.

Х у с а

Пусть, как хочешь:
Свояченицей иль родней люблюю,
Сама придумай.

С а б и н а

Если бы женою,
Для Марции то больше б подходило.

Х у с а

Для Марции?

Сабина смотрит на него искоса из-под опущенных век.

Я уж сказал, Сабина, —
Довольно шуток!

С а б и н а

(тихо, снова со значением)

Может, то не шутка!

Х у с а

(резко, бросает быстрый взгляд на Сабину.)

Я не вдовец. И Публий это знает. . .

С а б и н а

(смелее, подхватывая его слова)

Что было так? Но долго ль может быть
Жене неверной верным муж ее?

Не знает разве наш закон развода?
И если обмануть гостей так трудно,
Пусть настоящая жена их примет.

Х у с а

Сабина, ты, должно быть, позабыла,
Что ты рабыня?

С а б и н а

(с притворным раболепием)

Господина хочет
Благодарить рабыня, что напомнил
Он ей, кто он и кто она. Теперь
Понятно, что не мне, ничтожной тряпке,
Гостей вельможных принимать пристало.
Мой господин хотел лишь пошутить
С рабынею. И пошутил неплохо!

(Смеется фальшивым смехом.)

Пусть разрешит мне взяться за работу,
А то вдруг госпожа в дом возвратится
И наказать меня за лень прикажет.
(Не ожидая ответа, хочет уйти.)

Х у с а

Стой!

Сабина останавливается.

Я еще подумаю о том,
Что ты сказала.

С а б и н а

Времени довольно, —
Ведь Марция прибудет только в полдень.

Х у с а

(раздражаясь)

Теперь я должен это все обдумать?!

С а б и н а

(спокойно)

Мне завтра надо Марцию встречать?

Х у с а

Нет, ты должна ее встречать сегодня!

С а б и н а

Сегодня и обдумать это надо.

Х у с а

Ты для меня уже законы пишешь?
А знаешь ли, что я тебе закон?
Что я могу тебя подвергнуть казни
За непокорность?

С а б и н а

(низко кланяется)

Это воля ваша
И божья. Только мертвая рабыня
Гостей твоих приветствовать не сможет
И Марция почета не получит.

Х у с а

(пристально смотрит Сабине в глаза, она твердо выдерживает его взгляд. Он отступает и, ходя по комнате, говорит как бы сам с собой)

Нет, это невозможно... Чтоб рабыня...
Наложница... безвестного колена...
Простого рода...

С а б и н а

Ирод, наш тетрарх, —
Пускай господь хранит его вовеки! —
Как говорят, рожден он от рабыни.

Х у с а

Но ведь его супруга царской крови!

С а б и н а

Мой властелин не метит ли в цари?

Х у с а

(останавливается в изумлении)

Ты понимаешь, что ты мне сказала?

С а б и н а

(с явной насмешкой в голосе, но с простодушным видом)

Сабина понимает все, что надо,

А что не надо, то не понимает.

Х у с а

(тихо, опасливо)

Ехидна самарийская!..

Входит Р а б.

Р а б

Хозяин!

(Замолк.)

Х у с а

Чего тебе?

Р а б

Там госпожа явилась...

Х у с а

Кто? Марция?

(Засуетился.)

Р а б

Нет...

Х у с а

Кто ж?

Р а б

Хозяйка наша...

Супруга господина...

Х у с а

Как?

Р а б

(падает на колени)

Молю я!

Не покарай раба!

Х у с а

(быстро сменяет гневный тон на холодно-спокойный)

Встань и пойдн

Скажи, что я ее здесь ожидаю.

(Сабине.)

Ты можешь уходить.

Раб и Сабина уходят.

Входит И о а н н а, еще молодая женщина, со следами незаурядной красоты, но преждевременно увядшей; одета бедно, пышные косы медного цвета с золотистым блеском покрыты простым сельским покрывалом. Она останавливается у порога.

Х у с а

(неприветливо)

Так ты вернулась?

И о а н н а

(тихо, покорно, но сохраняя достоинство)

Да, я вернулась.

Х у с а

Ну, а где ж твой плотник?

И о а н н а

Его распяли. Разве ты не знаешь?

Х у с а

Ага, дождался все-таки. . .

Пауза.

Ты веришь,

Что я тебя приму?

И о а н н а

Мой долг — вернуться
К тебе, а примешь ли свою жену,
Или не примешь — сам решить ты должен.

Х у с а

Как ты сегодня думаешь о долге!
О чем ты думала, когда бежала
За назаретским плотником?

И о а н н а

Я, Хуса,
О долге и тогда не забывала.

Х у с а

Шутлива, вижу, стала ты не в меру!
Я раньше этого не замечал!

И о а н н а

Верь иль не верь — я все тебе скажу:
Меня принудил высший долг оставить
Тебя и дом мой.

Х у с а

Что болтаешь зря?
Какой у женщины есть долг важнее,
Чем верность мужу?

И о а н н а

Я не нарушала
Никак той верности.

Х у с а

Еще смеешься?
Ты думаешь, что я совсем глупец?
Какой же муж своей жене поверит,
Что будто бы она осталась честной,

Когда она везде и всюду шлялась
За молодым еще и милѳвидным,
Болтливым и пронырливым пророком?
Не так ли? Для тебя ведь он пророк?

И о а н н а

Что для меня он — я сказать не в силах.

Х у с а
(яростно)

Бесстыдница!!

И о а н н а

Нет, Хуса, не ярись.
И я уверена, что, будь ты с нами,
Ты должен был бы...

Х у с а

Да, конечно, жаль, —
Меня еще там с вами не хватало!

И о а н н а

Я знаю, трудно честности поверить
В неверном нашем свете, только там,
В том свете, что оставила недавно...

Х у с а

Так ты сюда явилась с того света,
Как Самуил-пророк? Вот это ловко!

И о а н н а

(печально и спокойно, хотя видно, что она оскорблена)

Ты, Хуса, зря смеешься надо мною —
Я этого совсем не заслужила.

Х у с а

Не заслужила?! Я тебе скажу,
Чего ты заслужила! Вот чего:
Публично быть побитою камнями!
Прелюбодейка ты!

И о а н н а
(скрещивает руки на груди и гордо выпрямляется)

Побить камнями
Меня ты можешь, только я безвинна, —
Я никогда так чисто не жила,
Так честно, даже свято, как в тот год.

Х у с а
Шатаюсь, как гулящая, по свету?
По-воровски бежавшая из дома?

И о а н н а
Не будучи воровкой, я могла бы
Из дома взять и вдесятеро больше,
Чем я взяла; но не хотела брать я
Из дома ничего, лишь то, что было
Из моего приданого.

Х у с а
А, так?
Так ты меня еще и попрекаешь
Своим богатством?

И о а н н а
Хуса, поняла я,
Что все богатства мира не дороже,
Чем прах, который мы ногами топчем.

Х у с а
Кто этому тебя учил? Пророк?
Иоанна молча кивает головой.
Однако сам он жил не той наукой,
Ведь жен чужих он подбивал бежать
Не с голыми руками.

И о а н н а
Человече!
Он ни единым словом не позвал
Меня к себе!

Х у с а

Зачем же ты пошла?

И о а н н а

Я раз слыхала, как он говорил,
Что норы есть у лис, у птиц есть гнезда,
Ему ж нигде пристанища нет в мире.
Я не могла в палатах оставаться
В добре и роскоши, — пошла за ним.
Своим достатком я ему служила,
И всей его общине помогала,
Чтоб мог везде прибежище найти он,
Чтоб голода и холода не знал,
Чтобы имел приверженцев с собою,
Скитаясь средь людей, ему враждебных.
И было бы грехом его покинуть!
Он исцелил меня, когда лежала
На смертном ложе я!

Х у с а

Большое счастье!
Уж лучше ты бы умерла тогда,
Чем покрывать меня таким позором!

И о а н н а

(с большой искренностью в голосе)

Я никого позором не покрыла —
Ни самое себя и ни тебя.

Х у с а

(пристально взглянув на нее)

Ну, ладно, для тебя он был пророком
Или, не знаю, кем еще. А ты?
Чем для него была ты?

И о а н н а

Я — ничем. . .

Х у с а

По-твоему, я в это должен верить,
Что ты не получала ничего
За все твои услуги?

И о а н н а

Нет, Хузан,
Не говорю я так. Свое ученье
Всем отдавал он и не запрещал
Нам, женщинам, стоять вблизи и слушать.

(Искренне.)

Зачем ты не хотел пойти к нему,
Когда людей учил он в Галилее?
Он новый мир словами открывал!
Мир правды и добра, любви, свободы, —
Хузан, свободы!

Х у с а

Вот чего вам надо,
Смазливым женщинам!

И о а н н а

(охладев, сдержанно)

Не той свободы,
Что ты подумал. Он нам говорил
О царстве божьем, где, прозревши, люди
Не женятся и не выходят замуж,
Где женщина — *ничья*...

Х у с а

(едко)

Она для *всех*?

Иоанна молча смотрит на Хусу таким укоряющим взглядом,
что он отступает.

И о а н н а

(помолчав)

Хузан, дай мне бумагу о разводе.

Х у с а

(хочет как-то смягчить далеко зашедший разговор)

Так ты пришла за этим?

И о а н н а

Не за этим.

Я возвращалась в дом свой и к супругу,
С сердечной исповедью я пришла,
Я думала, что он поймет, поверит,
А от тебя я слышу лишь издевки,
Неуваженье, недоверье... Дай мне
Бумагу о разводе...

Х у с а

Научилась

И этому ты, верно, у пророка,
Что женщина имеет право брать
Развод у мужа за его попреки?

И о а н н а

(хватается за голову, словно что-то вдруг вспоминая)

Как я могла забыть? Ведь наш учитель
Наказывал вовек не разводиться.
Лишь только в случае измены...

Х у с а

Видишь!

Ты, значит, изменила мне, коль хочешь
Развод просить? Так ты сама признала
Свою вину!

И о а н н а

(склоняется перед ним)

Нет, муж и повелитель,
Прошу тебя, прости мне это слово, —
Я век тебе повиноваться буду.

Х у с а

(издевательски)

А может, вновь объявится пророк?

И о а н н а
(*мягко*)

Тогда пойдем за ним уже мы вместе, —
Ведь царство божье на земле настанет,
Когда придет он снова.

Х у с а

А, ты ждешь?

И о а н н а
(*печально*)

Не знаю, суждено ли мне дожждаться...
Ко многим, говорят, он приходил...
И в Галилею звал... Я возвратилась
В надежде, что его хоть раз увижу,
Ходила всюду по его следам...
И не увидела...

Х у с а

Тогда смекнула,
Что где-то тут находится твой муж,
Которому пора уж сесть на шею,
Спустив свое приданое?

И о а н н а

Хузан!!

Х у с а

А это что за норов? Ты уймись,
Будь рада, что к суду я не зову
За то, что ты блудница и мотовка,
А покрываю все для чести дома!
И охранять должна ты эту честь,
Как я велю тебе.

И о а н н а
(*подавленно*)

Покорна буду.

Х у с а

Так вот: пора покончить с болтовнею,
Иди переоденься, — гости будут.
С женою Публий. Торопись, ведь скоро
Приехать могут.

И о а н н а

Может быть, позволишь
Сегодня мне к гостям не появляться?

Х у с а
(властно)

Ни в коем случае! Должна ты встретить
Учтиво их. Иди, быстрее оденься.
А то еще тебя застанут в тряпках.

И о а н н а

Но у меня одно лишь это платье.

Х у с а

Беда с тобой! Безумная ты, право!..
(Хлопает в ладоши, входит Раб.)

Сабину позови мне!
Едва Раб выходит за дверь, появляется Сабина.

Х у с а
(к ней)

Где ты была?

С а б и н а

Отсюда не видать, вертела жернов.

Х у с а
(строго взглянув на нее)

Иди и принеси для госпожи
Свою одежду, только покрасивей.

С а б и н а

А у меня нет лучше той одежды,
Что господин мой мне, рабыне, справил,

Но и царице бы она годилась, —
Ведь господин мой сам мне заказал
Еще в Сидоне, где он был по делу,
А господин мой знает толк в вещах.

И о а н н а

Так это правда, Хуса?

Х у с а

Наряд — сама увидишь;
(Сабине.)
Принеси.

Сабина уходит.

И о а н н а

Не о красе наряда я спросила, —
Ты понимаешь, Хуса?

Х у с а

Ничего мне
И понимать не надо, а тебе
Допрашивать меня ведь не пристало.
Ты для кого-то продала одежду,
А я купил кому хотел. Теперь же
Должна ты быть еще мне благодарна,
Что есть в чем появиться пред гостями, —
Они ж не знают, что наряд — рабыни.
А есть ли у тебя убранство?

И о а н н а

Нет.

Х у с а

Тогда пойдя ты к маме, попроси
У ней и жемчуга, и диадему,
И кольца, серьги, пояс и браслеты.
Ты слышишь? Так иди.

И о а н н а
(у мо л я я)

Не заставляй,
Хузан, у матери просить убранство!

Х у с а

А у кого ж просить их? Может, сбегать
К соседям, чтобы взять у них на время?
Ступай сейчас же к маме!

Иоанна идет как на пытку.

С а б и н а
(п р и н о с и т о д е ж д у)

Вот одежда...
(Хочет уйти.)

Х у с а

Постой, ты госпоже должна прическу
По-римски сделать.

С а б и н а

Пусть велит мне
Мой господин и жернова вертеть,
И коз доить, и бегать за водою, —
Все легче, чем прислуживать хозяйке.

Х у с а

А почему? Хозяйка разве злая?

С а б и н а

Помилуй бог.

Х у с а

К чему капризы эти.
Я не затем учу рабынь по-римски,
Чтобы потом их скотницами делать.

Подходит, берет ее за подбородок и поднимает ее опущенную
голову вверх.

Ты элишься за наряд. Не огорчайся!
Я лучший сделаю!

Прижимает к себе.

С а б и н а

(слегка отодвигается, поглядывая на двери)

Нет, господин мой,
Ведь есть теперь кому принять гостей
И без твоей прислужницы!

Х у с а

(улыбается)

Ну, что там!

Уже теперь никто в том не виновен!
Все к лучшему. Тебе забот поменьше,
И мне уже не надо больше *думать!*
Поверь же мне, что быть гораздо лучше
Такой рабынею, как ты, Сабина,
Чем госпожой такой, как Иоанна.

С а б и н а

Мне рассуждать не следует про это,
Ведь кто твоя рабыня? Господин мой
Все лучше знает. Господин мой хочет
Охотнее прислуживать тетрарху,
Чем быть на месте самого тетрарха.
То божья воля — надо покоряться.

Х у с а

Не будь такой лукавою, Сабина!
Лукавство до добра не доведет!

С а б и н а

Рабыня разве что-нибудь сказала?

Меряются взглядами.

Входит И о а н н а, бледная как смерть, в руках у нее украшения.

Х у с а

(Иоанне)

В порядке все? Иди и одевайся.
Сабина, помоги...

И о а н н а
(*тихо*)

Нет, я сама...

Х у с а

А я велю, чтоб помогла Сабина,
Ведь ты сама того не знаешь, верно,
Какие приняты прически в Риме
Теперь. А Марция подметит сразу,
Когда в нарядах будут неполадки,
А мне не хочется, чтоб наша гостья
Почетная нас осудить могла бы.

С а б и н а

(*Иоанне, льстиво*)

Пусть госпожа позволит положить
Хотя б немного краски на лицо ей —
А то чуть-чуть остался след с дороги.
Твоя рабыня уж себя покажет;
Морщинки все, что тут у самых глазок,
И возле губок, и у бровок тоже
Чудесно так закрасит, и лицо
Вновь станет свеженьким, как было прежде!

И о а н н а

(*неживым голосом*)

Пойдем, что хочешь делай.

Х у с а

Но быстрее!

Иоанна уходит, за ней Сабина с одеждой.

Р а б

(*появляется на пороге*)

Высокородный Публий прибыл в гости!

Х у с а

С женою?

Р а б

Без жены, один он прибыл.

Х у с а

(тихо про себя, озабоченный)

Что б это значило?..

Раб тем временем раздвигает створы дверей, что прикрывали средний вход в комнату; видна передняя, в которую со двора входит П у б л и й. Он еще молодой человек, но у него степенные движения и важное выражение лица; тога на нем так уложена, как полагается человеку старшего возраста, — широкими складками, — и подол спущен низко, почти до пят.

П у б л и й

(еще из передней)

Привет, Хузан!

Х у с а

(бросается ему навстречу)

Будь счастлив день, который дал нам встречу!

Ведет Публия за руку до порога комнаты, на пороге выпускает руку, кланяется и пропускает гостя вперед, делая руками приглашающие жесты. Потом, усадив Публия в кресло, сам садится против него на скамеечке.

Твоя высокородная супруга
Меня, ее раба, не посетила,
Как обещала, почему?

П у б л и й

(после некоторого размышления)

Гм... скажу...

По правде, вместе собрались мы, но
Жена у городских ворот осталась.

Х у с а

(взволнованно)

Случилось что-нибудь?

П у б л и й

Да ничего,

Но мы в дороге кое-что узнали,

Вот Марция и подождать решила,
Пока я дам ей знать, пристойно ль будет
Сюда приехать ей. . .

Х у с а

(делает вид, что ни о чем не догадывается)

Но в чем же дело?
О чем узнали вы? Что вам сказали?

П у б л и й

Да я и на минуту не поверил.
Но если бы в том правда и была, —
Я не люблю касаться дел семейных;
Но вот моя жена, как сам ты знаешь,
Строга на этот счет. И в самом деле,
Ведь женщине, особенно матроне,
Приходится следить за каждым шагом.

Х у с а

Конечно, так. Да я бы не посмел
Такой почтенной гостье сделать что-то,
Что непристойно для нее.

П у б л и й

Понятно. . .

И я ей то же самое сказал.
Но все ж она решила ждать известий.

Х у с а

Каких известий хочет госпожа?
Я к ней тотчас отправлю скорохода
С ответом, только знать бы мне, в чем дело.

П у б л и й

(медленно и неохотно)

В дороге нам наговорили, будто
Твоя жена покинула поместье
И без вести исчезла, а что ты
Как будто с нею должен разводиться
И. . . Нет, и говорить не стоит больше. . .

Х у с а

Прошу тебя, все до конца скажи мне.

П у б л и й

Что будто у тебя хозяйкой в доме
Одна рабыня. . . И что ту рабыню
Ты вознамерился женою сделать!

Х у с а

(всплескивает руками):

Неслыханно! Вот гнусные поклепы!
Хотя бы капля правды! Ну и люди! . .
Моя жена немного заболела
И ездила к отцу в родной Сарон.
Там есть цветочные купанья; это
Ей чрезвычайно помогает. Ныне ж
Моя супруга дома и готова
Служить высокородной госпоже.
Дозволь послать гонца.

П у б л и й

(кивая утвердительно головой)

Прошу тебя.

Х у с а

(хлопает в ладоши и в нетерпении идет сам в переднюю навстречу Рабу. Рабу, еще в передней)

Пошли Габала к городским воротам,
Пусть скажет Марции высокородной:
«Хузанова супруга, Иоанна,
Покорно просит гостью в дом прибыть».

П у б л и й

(громко, не вставая с места)

Добавь, что Публий дал совет не медлить.

Х у с а

(Рабу)

Ты слышал? Пусть Габал бежит скорей!
(Возвращаясь к Публию.)

Моя жена бы снова заболела,
Когда б почтенной Марции и вправду
Пришла охота причинить нам горе,
С дороги вдруг обратно повернувши.
Я сам не знаю, что со мною было б,
Когда бы я такой почет утратил!

П у б л и й

Я знаю, что гостеприимство ваше
Могло бы быть оскорблено, но честь
Не понесла б урона; ведь наместник
Тетрарха — сам значительный вельможа.

Х у с а

О нет, достопочтенный гость, не может
Провинциал, хоть знатный, состязаться
С тем, кто зовется «римским гражданином», —
А ты притом еще особо важный.
Моя жена не из простого рода,
Но все ж она прекрасно понимает,
Какое место ей принадлежит
При той, кто всех матрон знатнее родом.

П у б л и й

К несчастью, не все тут, в Палестине,
Чтят знатность римскую. Есть и такие,
Что были б рады сжить ее со света.

Х у с а

Безумье это!

П у б л и й

Но еще прискорбней,
Что эти мысли в голову приходят,
Казалось бы, и людям просвещенным,
Не только грубой черни.

Х у с а

На позор

И стыд всей Палестине, это правда!
(Придвигается ближе к Публию и говорит тихо.)

По дружбе я могу тебе признаться:
Они ведь отравляют пребыванье
Мне при особе нашего тетрарха —
Пусть бог ему дарует долголетье! —
Но он от них избавиться не может:
Все это родичи его супруги —
Пусть бог пошлет ей крепкое здоровье!
А люди те никак забыть не могут,
Что предки были здешними царями.
Вот их и должен мой тетрарх терпеть,
Хоть горько видеть, как вокруг него
Они сплетают паутину злобы
И замыслов преступных. Страшно мне
За ум и благородство властелина,
Когда исполненные яда змеи
С тетрархом нашим в самой тесной дружбе.

П у б л и й

Да, это все не лучшие друзья
Для верного служаки Риму. Цезарь,
Конечно, не был бы доволен, если б
Узнал об этом.

Х у с а

Я сказал тебе
Лишь частным образом, по нашей дружбе.

П у б л и й

*(словно не расслышав последних слов Хусы,
меняет разговор)*

У вас тут, в Галилее, так красиво!
Куда красивее, чем в Иудее!
Здесь много зелени — лужайки, рощи,
Не так у вас голы и мрачны горы.
Моя жена увидела случайно
За городом неподалеку виллу —
И мне сказала: «Здесь бы я жила, —
Здесь будто Тускулум».

Х у с а
(выражает необычайную радость)

Какое счастье!
Исполнить вмиг могу ее желанье,
Ведь вилла та — моя! Я попрошу
Твою жену принять ее в подарок.
Пускай меня навеки осчастливит!

П у б л и й
Отказываться за жену не буду,
Она сама прибудет очень скоро.

С к о р о х о д Г а б а л
(вбегает, задыхаясь)
Высокородной Марции угодно
Направиться в дом нашего владыки!

Х у с а
(Габалу)
Дай знать моей жене.

Габал выходит.

(Публию.)
Она теперь
Присматривает за моею мамой:
Уже старушка еле-еле ходит,
А доверять рабыням невозможно
Уход за матерью больной.

П у б л и й
Конечно.
Наверно, было трудно без невестки
Тут матери твоей?

Х у с а
Невыразимо!
Они друг друга очень любят. Мать
Все вытерпеть могла, чтоб Иоанна
Восстановила бы свое здоровье, —
Всего дороже это.

П у б л и й
Верно, верно!

Х у с а
(встает)

Позволь же мне сейчас пойти навстречу
Твоей супруге.

П у б л и й
Что же, выйдем вместе.

Идут через переднюю. Публий впереди, Хуса за ним. На ходу Хуса шепчет Рабу-привратнику: «Беги к хозяйке, пусть она не медлит!» Раб быстро уходит.

Некоторое время никого нет, затем выходят — Публий об руку с Марцией, за ними Хуса. Марция уже немолодая матрона, с лицом строгого римского типа, движения медленные, осанка гордая; одежда на ней очень искусно уложена: длинная стола, заглаженная мелкими складками, темная, шелковая, с длинными рукавами, с узенькой, но чудесно расшитой каймой, тянется по земле; на голове у матроны покрывало светлее и из более тонкой материи, чем стола, прижатое тоненькой диадемой из старого золота. Кроме этой диадемы да еще ценной камен у воротника — никаких украшений на матроне нет. Волосы причесаны с искусной простотой, разделены пробором и спущены так, что покрывают большую часть лба и спадают волнистыми кудрями от висков на грудь.

Хуса, усадив гостей, сам не садится.

М а р ц и я
(Хусе)

А почему не вижу я хозяйки?

Х у с а
(едва скрывая свою растерянность)

Она вот-вот придет, чтобы приветить
То счастье, что с тобою воссияло.
Ее, должно быть, задержала мать.
Возни с ней много бедной Иоанне!
Да и сама она болела сильно...

М а р ц и я
(Публию, немного приподнимаясь, словно хочет встать)

Так, может, мы приехали не в пору?

Х у с а

Когда ж не в пору солнышко восходит?!
Да вот моя жена, твоя рабыня.

Входит Иоанна, роскошно наряженная: в серебристой прозрачной одежде, пышно расшитой шелками, с золотым поясом; старомодные большие браслеты на руках, на запястьях и выше локтя, на пальцах несколько колец с драгоценными камнями, на шее крупное жемчужное ожерелье, на голове искусный убор из золотых обручей, шпилек, гребенок и сетки; длинные серьги свисают почти до плеч. Лицо сильно накрашено и походит на маску. Иоанна останавливается на пороге и молча низко кланяется гостям. Публий встает ей навстречу, Марция остается сидеть.

П у б л и й
(Иоанне)

Саронской лилии привет. Я рад,
Что край родной вернул тебе здоровье.

Иоанна смотрит на него, не понимая.

Х у с а
(шепотом ей)

Что ж ты молчишь?

И о а н н а
(равнодушно)

Привет, мой господин.
(Марции)

Прошу тебя: прости твоей рабыне,
Что не могла прийти к тебе навстречу.

Садится около Марции. Хуса садится около Публия.

М а р ц и я
(осматривая Иоанну с головы до ног)

Не диво, — у тебя была работа.

П у б л и й
(Марции)

Ты лучше расспроси хозяйку нашу,
Какие там купанья из цветов
Она брала в Сароне, — может, стоит

Тебе туда поехать на купанья, —
Сарон давно ведь славится цветами.

М а р ц и я

Неужто там лишь славятся цветы?

П у б л и й
(*смотря на Иоанну*)

Еще и женщины своей красою.

М а р ц и я

Да, женщины востока недурны,
Но жаль, что портят красоту свою
Они чрезмерным применением красок,
Того, наверно, требует обычай.
Но, правда, краски лучше здесь, чем в Риме.
У нас не сделали б такого цвета.
(*Показывает на волосы Иоанны.*)

И о а н н а

Волос не красила я, госпожа.

М а р ц и я

Я собственно об этом не сказала,
А лишь нашла, что этого оттенка
Красильщик ни один не сможет сделать,
И редко этот тон в природе встретишь.
Я только раз подобное видала,
Но не у нас, а тут же, в Палестине.

Х у с а
(*с едва заметной тревогой*)

Почтенная, когда же это было?

М а р ц и я

Недавно, этою весной. Мы с мужем
Как раз в Иерусалиме находились.
В том городе с тоски я погибала!
И от безделья посетить решила
Там зрелище: каких-то трех злодеев
Распяли на крестах.

Х у с а

Как госпоже
Понравилось?

М а р ц и я

Не интересно было.
Хоть, правда, я немного опоздала,
Пришла, когда к крестам их прибывали,
Они уже висели и кончались.
Туда людей пришло совсем немного, —
Одна лишь чернь; все плакали, кричали.
Не зрелище то было, а бесчинство!

(*Иоанне.*)

И вот, представь себе, среди той черни
Была одна с такими ж волосами,
Ну вот точнехонько, как у тебя.

Хуса застывает от ужаса. Иоанна смотрит прямо в глаза Марции,
но та спокойно продолжает.

У них была природная окраска,
Та женщина была простолюдинкой, —
Они уж если красят, то в противный
Какой-то рыжий цвет. А у нее
Волос оттенок был, как у тебя.
Лица той женщины я не видала.

Хуса вздыхает с облегчением.

Она лежала, на земле простершись,
Не то без памяти, не то пьяна,
И волосы ее всю покрывали,
Как будто медный щит. Один распятый
От боли что-то крикнул, умирая.
Тут стала женщина, как коноплю,
Рвать волосы без крика, без рыданья,
Как будто ей не больно. Только ветер
Их разносил вокруг. Какая жалость,
Что красоту не сберегают люди!

Какой обычай дикий — проявлять

Так непристойно горе?

(Замечает, что Иоанна отшатнулась и закрыла глаза с выражением глубокого страдания.)

Что с тобою?..

Тебе нехорошо?.. Дать камфоры?

(Достает из мешочка у пояса кусочек камфоры и дает понюхать Иоанне.)

Есть у меня из ландыша лекарство.

Вот выпей, это хорошо для сердца.

(Подает маленький флакончик Иоанне, та не берет лекарство и отрицательно качает головой. Марция с обиженным видом хочет спрятать флакончик в мешочек.)

Я не навязываюсь, раз не нужно.

Х у с а
(строго)

Иоанна, выпей и скажи спасибо!

Берет со столика небольшую чашу, наливает лекарство, взявши его с поклоном у Марции, и подает Иоанне. Иоанна дрожащими руками берет чашу и выпивает лекарство.

М а р ц и я

Что, стало лучше? Правда, помогает?

Х у с а
(наклонившись к жене, якобы с участием, шепчет грозно)

Благодари же!

И о а н н а
(слабым голосом)

Лучше мне... Спасибо...

М а р ц и я
(Публию)

Чудно, как люди здесь боятся крови
И всяких мук! Напомнишь — сразу дурно!

П у б л и й

(Хусе)

А чем вы развлекаете народ?
Ни гладиаторских боев, ни цирка,
И нет театра даже! Редко-редко
Кого-нибудь распнут — и это все?

М а р ц и я

Я ничего хорошего не вижу
В таких распятыях — вытянуто тело,
Распухли руки, ноги...

(Иоанне, которая снова выглядит как мученица.)

Снова плохо?

И о а н н а

(делает усилие и подавляет свою муку)

Ах... голова болит...

М а р ц и я

Как ты слаба!

А знаешь, может быть, тебе и вредно
Носить тяжеловесное убранство:
Вот этот пояс кованый — как гиря!
Браслеты узкие — совсем оковы!
И золота ты носишь полталанта
На голове — так как же не болеть ей?
И тяжки жемчуга — я это знаю.
Таков у вас обычай местный, верно?
Хвала богам, что Рим уже не знает
Подобной дикой моды.

Х у с а

(во время разговора Марции с досады кусает губы)

Это мать

Ее заставила так нарядиться.
Конечно, мать, держась старинных правил,
Не понимает, что нельзя хранить
Обычай вековой и в наше время.

Я сам сказал: зачем все это? Только
Мать сердится, когда ее убранство
Невестка ненаглядная не носит.

(Показывает на драгоценности.)

Старинные все это вещи, видишь.
Про этот жемчуг есть в семье преданье,
Что триста водолазов утонуло,
Его разыскивая в недрах моря.

М а р ц и я

(присматривается к жемчугам, что на Иоанне)

Занятно... Ожерелье не плохое.

Хуса подает Иоанне знак глазами, чтобы та отдала ожерелье
Марции.

И о а н н а

*(снимает ожерелье с шеи и с поклоном подает его
Марции)*

Прошу, прими на память о свиданье.

М а р ц и я

(едва скрывает свою хищную радость, принимая ожерелье. Иоанне гораздо приветливее, чем до сих пор)

Хоть в этом я не очень разбираюсь,
Но память от любезной Иоанны,
Какая б ни была, всегда мила мне!
(Надевает ожерелье.)

Х у с а

Почти своим вниманьем и меня,
О госпожа, твоей подруги мужа,
Прими и от меня подарок — виллу,
Что кажется тебе достойной взора.

П у б л и й

(Марции)

За городом, припоминаешь, в роще.

М а р ц и я
(загорается радостью)

Ах, ту... Отказом оскорбить не смею
Твое великодушие, мой друг.
Не правда ли, обычаи Востока
Мешают отказаться от подарков
И нанести хозяину обиду?

Х у с а

Да, да, у нас такой обычай древний.
И я благодарю за уваженье
Ко мне и к нашим правилам старинным.

М а р ц и я

Когда бы я могла питать надежду,
Что мы приветствовать вас будем в Риме!

П у б л и й

Наш друг придет скоро в Рим по делу,
И очень важному притом.

М а р ц и я

Как мило!

(Хусе.)

Конечно, ты приедешь с Иоанной,
И я ей покажу всю роскошь Рима!

Х у с а

Ужели мы достойны этой чести?

П у б л и й

Уверен я, что цезаря палаты
Цветку Сарона не грозят морозом.

М а р ц и я

(искоса взглянув на Публия, Хусе)

Мое поместье видно ли отсюда?

Х у с а

А как же! Стоит только выйти в сад,
Взойти по лестнице хотя б немного, —
А лестница нисколько не крутая! —
И все поместье словно на ладони.
Пойти изволишь?

М а р ц и я

Я — охотно.

Х у с а

Только

Позволь остаться Иоанне здесь:
Она еще не в силах подниматься.

М а р ц и я

Да, да, конечно, пусть щадит здоровье.
(*Видя, что Публий как будто хочет остаться с Иоанной,
строго взглянула на него.*)
А что ж ты, Публий, разве не идешь?

Марция с Публием выходят в сад, Хуса отстает от них. Со двора доносится голос Марции: «Гляди-ка, Публий, озеро! Как чудно».

Х у с а

(*быстрым, приглушенным тоном Иоанне*)

Чуть-чуть я не забыл тебе сказать. . .
Пошли. . . а то сама ступай на кухню
И расскажи, как надо приготовить
Подливку ту для рыбы по-саронски,
Что как-то ты для претора варила.
Смотри, чтоб сделали ее как надо.
Мне это очень важно.

И о а н н а

Посмотрю я.

Х у с а

А Марцию развлечь я постараюсь,

Пока ты справишься... Да ты не будь
Такой разваренной! Что за манера
Ни слова не промолвить при гостях!
Когда вернешься, чтобы я не видел
Здесь мины похоронной. Слышишь, что ли?

И о а н н а

Я слышу.

Х у с а

С Публием любезней будь,
Но только так, чтоб Марцию не злить.

И о а н н а

(хочет что-то возразить)

Я...

Х у с а

(гневым жестом перебивает ее)

Ну! Смотри же у меня — старайся!
(Грозит пальцем и спешит в сад к гостям.)

И о а н н а

(одна. Падает на колени и вздымает руки)

О господи! Страдать еще мне долго ль?

Учитель мой! Зачем меня покинул?..

Когда же царство божье? Где ж оно?

И сможет ли душа моя дожждаться?..

(Молчаливые, сдавленные рыдания без слез сотрясают все ее тело. Она встает и, шатаясь, словно травинка от ветра, выходит из комнаты.)

3. VI. 1909 г.

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролог

Тот, кто плотины рвет.   Русалка.
Потерчата (двое).   Водяной.

Действие первое

Дядя Лев.   Перелесник.
Лукаш.   Лихорадка (без слов).
Русалка.   Потерчата.
Леший.   Куц.
Мавка.

Действие второе

Мать Лукаша.   Килина.
Лукаш.   Русалка.
Дядя Лев   Тот, кто в скале сидит.
Мавка.   Перелесник.
Полевая русалка.

Действие третье

Мавка.   Мальчик.
Леший.   Лукаш.
Куц   Дети Килины (без слов).
Злыдни.   Доля.
Мать Лукаша.   Перелесник.
Килина

ПРОЛОГ

Старый, густой, девственный лес на Волыни. Среди леса просторная поляна с плакучей березой и огромным столетним дубом. С краю поляны переходит в кочки и тростник, а в одном месте в яркозеленую трясину — то берега лесного озера, образовавшегося из лесного ручья. Ручей этот струится из чащи леса, впадает в озеро, потом на другой стороне озера вновь вытекает и теряется в зарослях. Само озеро — тиховодное, покрытое ряской и водорослями, но с чистым плесом посреди. Вся местность — дикая, таинственная, но не мрачная, — она полна нежной, задумчивой красоты Полесья.

Ранняя весна. На опушке леса и на поляне зеленеет первая травка, цветут подснежники и сон-трава. Деревья еще без листьев, но покрыты почками, которые вот-вот распустятся. На озере туман то лежит пеленою, то клубится от ветра, то раступается, открывая бледноглубую воду.

В лесу что-то заговорило, ручеек ожил и зажурчал, и вместе с его водою из леса выбежал Тот, кто плотины рвет, молодой, белый, синеглазый с буйными и вместе с тем плавными движениями, одежда на нем переливается красками — от мутно-желтой до яркоглубой — и сверкает острыми золотистыми искрами. Бросившись из ручья в озеро, он начинает кружиться по плесу, волнуя сонную воду; туман тает, вода синееет.

Тот, кто плотины рвет

С вершин в долину
Потоками я хлынул!
Мосты разбиваю,
Плотины размываю,
Все гати, все запруды
Свожу на нет повсюду, —
Весенняя вода,
Как воля, молода!

(Волнует воду еще больше, ныряет и вновь показывается, словно ищет что-то в воде.)

Потерчата

*(двое маленьких бледных детей в беленьких рубашках
выплывают из-под водорослей)*

Первый

Чего ты здесь блуждаешь?

Второй

Зачем нам спать мешаешь?

Первый

Мать сама в постель нас клала,
Мягко-мягко нам постлала:
На кореньях, на каменьях
Настелила трав осенних,
Сверху листьями прикрыла,
Пела песню, говорила:
«Люли, люли, люленьки,
Спите, мои гуленьки!»

Второй

Чего же здесь ты рыщешь?

Первый

Кого же здесь ты ищешь?

Тот, кто плотины рвет

Любовь былую —
Русалку молодую.
Кого сравнишь с такою —
С царевной водяною!
Я шел горами,
Долинами, ярами, —
Нигде не встретил краше,
Чем озерянка ваша.
Всю воду разволную —
Найду свою родную.
(*Бурно волнует воду.*)

Потерчата

Не надо, погоди!
Наш домик пощади!
Убога наша хатка —
Бедна, тесна и шатка,
И нет у нас защиты,
Ведь мы отцом забыты...
(*Умоляя, цепляются за его руки.*)

Мы спустимся на дно,
Где холодно, темно, —
На дне русалка снова
Сидит над рыболовом. . .

Тот, кто плотины рвет

Так пусть не ожидает,
Ко мне наверх всплывает!

Потерчата ныряют в озеро.

Встреча настала!

Русалка выплывает и пленительно улыбается, радостно складывая ладони. На ней два венка: один — большой, зеленый, другой — маленький, вроде коронки, жемчужный, из-под него спускается прозрачное покрывало.

Русалка

О, радость долгожданная!

Тот, кто плотины рвет
(грозно)

Где пропадала?

Русалка

*(бросается будто к нему, но проплывает дальше,
мимо него)*

Всю ночку, ночь туманную
Звала тебя, желанного,
Роняла слезы светлые
В ковши свои заветные.
Все до краев наполнила,
Как прошлое припомнила. . .

(Всплеснув руками, раскрывает объятия, снова бросается к нему и снова проплывает мимо.)

На дно червонец кинуть, —
Так через край и хлынут!
(Звонко смеется.)

Тот, кто плотины рвет
(ядовито)

Знать, золото в почете
И здесь, в глухом болоте!

Русалка приближается к нему, но он круто поворачивается от нее, будоража воду.

Тебе уж лучше снова
Торчать над рыболовом,
Следить в тиши подводной,
Чтоб рак да сом голодный
Вдруг не отгрызли чуба, —
И дорого и любо!

Русалка
(подплывает совсем близко, берет его за руки,
заглядывает в глаза)

Уже придрался?
(Лукаво.)

Я что-то знаю тоже,
Мой душегуб пригожий!
(Тихо смеется, он смущается.)

Где сам-то шлялся?
Дочь мельникову встретил, —
Забыл про все на свете.

Зимою — долги ночи,
У той же — кари очи.
Немало панычей
Дарят червонцы ей.

(Грозит ему пальцем и заливается смехом.)

Вижу прекрасно —
Каков ты сокол ясный!
Но я простить согласна,
Ведь я ж тебя люблю!
(С шутивным пафосом.)

Весь долгий-долгий миг тебе я буду верной,
Минуту буду я покорной и примерной,

Измену ж утоплю!
Вода круги смыкает,
Следов не оставляет,

Как и любовь твоя,
Как и печаль моя!

Тот, кто плотины рвет
(порывисто протягивает ей руки)

Ну, мир миром!
Плывем же по-над виром!

Русалка
(берет его за руки и быстро кружится с ним)

Ой, в виру-вибочке,
На желтом песочке,
В жемчужном веночке
Танцую с дружочком!
Ух! Ух!

Ухают, брызжуются, плещутся. Вода бьет в берега так сильно, что шумит осока и птицы стаями взлетают из камышей. Водяной вынырнул посреди озера. Это древний, седой старик. Длинные волосы и длинная белая борода его вместе с водорослями свисают до пояса. Одежда на нем — цвета ила, на голове — корона из раковин. Голос глухой, но сильный.

Водяной

Кто наши воды тихие волнует?

Русалка и Тот, кто плотины рвет, останавливаются и бросаются
в разные стороны.

Опомнись, дочка! Водяной царевне
И стыд и срам кружиться с чужаками!

Русалка

Отец, он не чужой. Ты не узнал?
Он Тот, кто рвет плотины!

Водяной

Знаю, знаю.

Он — не родной, хоть водяного роду.
Изменчивый, лукавый, своенравный,
Весной шумит, и рвет, и баламутит,
Срывает с озера венок роскошный,
Что целый год плетут мои русалки,

Пугает птицу мудрую лесную,
Вдовице-вербе корни подмывает,
Сиротам горьким — бедным потерчатам —
Водою огонечки заливаает,
Он ровные мне портит берега
И старческий покой мой нарушает.
А где он летом? Где он колобродит,
Когда без меры солнце воду пьет
Из кубка моего — с утра до ночи,
Когда от жажды никнут тростники,
На берегу без влаги оставаясь,
Когда головки лилии мои
К воде нагретой клонят, умирая?
Где он тогда?

Во время этого разговора Тот, кто плотины рвет, тайком кивает
Русалке, соблазняя ее убежать с ним по лесному ручью.

Тот, кто плотины рвет
(со скрытой насмешкой)

Тогда я в море, дед.
Меня зовет на помощь океан,
Чтоб и его не осушилась чаша.
Раз царь морской зовет — я подчиняюсь,
На то и служба. Сам про это знаешь.

Водяной

Ага! Тогда ты в море... Ну, а мне,
Когда б не помогал мой друг давнишний,
Приятель верный мой — осенний дождик,
Пришлось бы сгнуться вместе с паром!

Тот, кто плотины рвет, незаметно прячется в воду.

Русалка

Нет же!

Не может сгнуться пар — ведь из него
Вода родится вновь.

Водяной

Ишь умная какая!
Иди на дно! Довольно болтовни!

Русалка

Сейчас пойду. Его ведь здесь уж нету.
Лишь спутанную зелень причешу.
(*Вынимает из-за пояса гребенку, сделанную из раковин,
и причесывает прибрежную зелень.*)

Водяной

Что ж, причеши. Я сам люблю порядок.
Чеши, чеши, а я здесь подожду,
Пока работу кончишь. Да поправь
И листья, чтоб ровнее расстилались,
Да почини ковер зеленый, что порвал
Пройдоха этот...

Русалка

Ладно, все исполню.

Водяной удобно укладывается в камышах, следя оттуда за работой Русалки; глаза его начинают закрываться.

Тот, кто плотины рвет
(*вынырнул и тихо Русалке*)

Укройся за лозою!

Русалка прячется, оглядываясь на Водяного.

Мы поплывем с тобою
Вдаль по протоке —
Под брызги, под потоки,
Сорвем, снесем плотину,
Дочь мельника — в пучину!

Хватает Русалку за руку и быстро мчится с нею через озеро. Недалеко от другого берега Русалка останавливается и вскрикивает.

Русалка

Ой, зацепилась, видно, за корягу!

Водяной просыпается, бросается наперерез и перехватывает Русалку.

Водяной

Так вот ты как! Ты, баламут проклятый,
Еще узнаешь, как губить русалок!

Пожалуюсь я матери твоей --
Метели Горной, — не пеняй тогда.

Тот, кто плотины рвет
(с хохотом)

Покуда суд — успею нагуляться!
Прощай, Русалка, наполняй ковши!
(Бросается в лесной ручей и там исчезает.)

Водяной
(Русалке)

На дно спускайся! И не смей оттуда
Три лунных ночи наверх выплывать!

Русалка
(сопротивляясь)

С каких же пор, скажи, русалки стали
Невольницами в озере? Вольна я,
Вольна я, как вода!

Водяной

В моих владеньях
Знать берега обязана вода.
Иди на дно!

Русалка

Нет, не хочу!

Водяной

Не хочешь?
Отдай тогда веночек жемчужный!

Русалка

Нет!
Мне подарил его морской царевич.

Водяной

Тебе веночек носить не доведется, —
За ослушанье заберет тебя
Тот, кто в скале сидит.

Русалка
(с ужасом)

Нет, мой родимый,
Я буду слушаться!

Водяной

Тогда — на дно!

Русалка
(опускаясь в воду)

Иду, иду... А можно ль забавляться
Мне рыбаком?

Водяной

Ну, что же, забавляйся.

Русалка опустила в воду по плечи и, горько улыбаясь, смотрит
на отца.

Чудная ты! Я о тебе ж забочусь.
Да он тебя навеки погубил бы:
Увлёк бы по камням да по корягам
Ручья лесного, тело молодое
Измял бы, изувечил, да и бросил
Там на безводье.

Русалка

Но ведь он красивый!

Водяной

Ты вновь свое?!

Русалка

Нет, нет, я уйду.
(Ныряет.)

Водяной
(глядя вверх)

Весна уже, и солнце припекает...
Ух, душно как! Не время ль охладиться?
(Ныряет и сам.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

То же самое место, только весна вступила уже в свои права. Опушка леса как бы окутана нежным зеленым покрывалом. Кое-где и верхушки деревьев покрылись зеленой листвой. Озеро стоит полное, в зеленых берегах, как в венке, сплетенном из руты. Из лесу на поляну выходит дядя Лев и его племянник Лукаш. Лев уже старый человек, почтенный и на вид очень добрый. Его по-полесски длинные волосы белыми волнами спускаются на плечи из-под серой войлочной шапки-рогатки. На нем полотняная светлосерая одежда, свитка почти белая. На ногах — постолы. В руках — рыболовная сеть; у пояса на ремешке — нож, за плечами на широком ремне — плетенный из лыка кошель (торба).

Лукаш — очень молодой хлопец, красивый, чернобровый, стройный; в глазах его еще что-то детское. Одет также в полотняную одежду, только из более тонкого полотна. Вышитая рубашка с отложным воротником у него навывпуск. Подпоясан он красным кушаком. Воротник и рукава застегнуты на красные пуговицы. Свитки на нем нет. На голове широкополая соломенная шляпа. На поясе — ножик и ковшик из липовой коры. Дойдя до берега озера, Лукаш останавливается.

Лев

Что ж ты остановился? В этом месте
Не жди улова: мелко здесь и топко.

Лукаш

Да вырезать свирель мне захотелось, —
Уж очень хороши здесь тростники.

Лев

Да у тебя ж и так свирелей много.

Лукаш

Ну, сколько ж их? Из вербы, из калины,
Из липы — вот и все они. А нужно
И тростниковую еще мне сделать, —
Та лучше всех!

Лев

Ну что же, забавляйся,
На то бог праздник дал. А завтра будем
Лачужку строить здесь. Уже пора

Сюда на выпас и скотину выгнать, —
Смотри, трава все больше зеленеет.

Лукаш

Да как же здесь мы можем поселиться?
Нечистое здесь место, говорят...

Лев

Как для кого. А я, племянник, знаю,
Как с кем и с чем мне надо обходиться:
Где кол забить осиновый, где плюнуть,
А где перекреститься. Вот и всё.
Посеем у лачужки мак-видюк,
Перед порогом мы тирлич посадим, —
И не возьмет нас никакая сила...
Ну, я пойду, а ты себе, как хочешь.

Расходятся. Лукаш направляется к озеру и скрывается в тростниках. Лев идет по берегу и тоже исчезает за вербами.

Русалка

(выплывает на берег и кричит)

Дедуся! Леший! Горе нам! Спасайте!

Леший

(небольшой бородатый старичок с серьезным лицом, быстрый в движениях; на нем одежда цвета коры, на голове лохматая кунья шапка)

Чего тебе? Чего кричишь?

Русалка

Там хлопец
Тростник для дудки режет!

Леший

Э-ва!

И вся беда? Какая ж ты скупая!
Они лачужку здесь хотят поставить,
И я — не против. Пусть лишь не берут
Сырого дерева.

Русалка

Лачужку ставят?!

Здесь будут люди?! Ох, уж эти люди
Под крышей из соломы! Не терплю их!
Соломенный мне ненавистен дух.
И я топлю их, чтоб водою свежей
Смыть этот дух. И всех защекочу —
Пусть лишь придут!

Леший

Постой-ка, не спеши!

Сам дядя Лев в лачужке жить намерен,
А он — наш друг. И только в шутку нас
Осиною да тирличом пугает.
Люблю его. И если бы не он,
Давно б столетнего не стало дуба,
Того, что видел столько наших сборищ,
Того, что знает столько тайн лесных.
Его уж немцы меряли. Стояли
Втроем, друг друга за руки схвативши,
И руки их на нем едва сошлись.
За дуб сулили золота немало,
Но дядя Лев своей поклялся жизнью,
Что дуб рубить вовеки не позволит.
Тогда и я поклялся бороною,
Что дядю Льва и всю его родню
В моем лесу никто вовек не тронет.

Русалка

А мой отец их все равно утопит!

Леший

Пускай-ка тронет, — мигом завалю
Все озеро листвою прошлогодней!

Русалка

Ой горюшко, как страшно! Ха-ха-ха!

Исчезает в озере. Леший, ворча, закуривает трубку, усевшись на упавшем дереве. Из тростников слышится голос свирели — мягкий и переливчатый. И когда он делается слышнее, лес оживает: сначала на вербе и на ольхе появляются сережки,

потом на березе распускаются листья. На озере раскрылись белые лилии и зазолотились цветы кувшинок. На шиповнике появились нежные бутоны. Из дупла старой, расщепленной, полузасохшей вербы выходит Мавка в яркозеленой одежде. Черные с зеленым отливом косы распущены. Она разминается и проводит ладонью по глазам.

М а в к а

Ой, как спала я долго!

Л е ш и й

Долго, дочка!

Уж сон-трава повсюду отцветает,
Вот-вот кукушка, маслице сколотит
И, в красные сапожки нарядившись,
Начнет считать — кому и сколько жить.
Из дальних стран уже явились гости:
Вон желтыми пушинками плывут
На чистом плесе дикие утята.

М а в к а

Кто разбудил меня?

Л е ш и й

Да кто ж, — весна.

М а в к а

Весна не пела так еще ни разу,
Как в этот день. Иль это мне приснилось?

Лукаш вновь играет.

Нет. . . стой. . . Вот! слышишь?.. То весна поет?

Лукаш играет, только еще ближе.

Л е ш и й

Нет, то играет хлопец на свирели.

М а в к а

Какой? Ужели Тот, кто рвет плотины?
Такого от него я не слыхала.

Л е ш и й

Нет, человек. Племянник дяди Льва,
По имени Лукаш.

М а в к а

Не знаю что-то.

Л е ш и й

Он здесь впервые. Прибыл издалёка.
Пришел он к нам из тех боров сосновых,
Где наша бабка любит зимовать.
Осиротел он с матерью-вдовою,
И дядя Лев к себе их взял обоих. . .

М а в к а

Хотела бы взглянуть я на него.

Л е ш и й

А для чего?

М а в к а

Наверно, он красивый!

Л е ш и й

Встречаться с хлопцами людской породы
Лесным дивчатам — ох, не безопасно. . .

М а в к а

Каким же, дедушка, ты стал суровым!
Ужель меня держать ты будешь так же,
Как Водяной Русалку?

Л е ш и й

Нет, родная!
Я не держу тебя. То Водяной
Привык в трясине топкой все живое
Засасывать безжалостно. А я —
Люблю я волю. Забавляйся с ветром,
И с Перелесником играй, как знаешь,
Всю силу леса, и воды, и гор,

И воздуха приворожи к себе,
Но не ступай ты на людские тропы:
По ним не воля ходит, а тоска
Свой груз проносит. Обходи их, дочка! —
Раз только ступишь — и пропала воля!

М а в к а
(смеется)

Ну, как же так, чтоб воля — и пропала?
Ведь так и ветер может вдруг пропасть!

Леший хочет что-то ответить, но выходит Лукаш со свирелью. Леший и Мавка прячутся. Лукаш хочет надрезать ножом березу, чтобы нацедить соку. Мавка бросается к нему и хватается за руку.

М а в к а

Не тронь! Не тронь! Не режь! Не убивай!

Л у к а ш

Да что ты, девушка? Я не разбойник.
Я лишь хотел березового соку
Попробовать.

М а в к а

Но это кровь ее!
Не пей же кровь моей родной сестрицы!

Л у к а ш

Березу ты сестрицей называешь?
Кто ж ты сама?

М а в к а

А я лесная Мавка.

Л у к а ш

(не столько удивленно, сколько внимательно смотрит на нее)

А, вот ты кто! От пожилых людей
Про мавок я слыхал, но сам ни разу
Не видел их.

М а в к а

А видеть бы хотел?

Л у к а ш

Хотел бы, да... Что ж, ты совсем такая,
Как девушка... Нет, лучше — словно панна:
И руки бѣлы, и стройна ты станом,
И как-то не по-нашему одета...
Вот только — не зеленые глаза.

(Присматривается.)

Да нет, теперь — зеленые... А были,
Как небо, синие... Вот потемнели,
Как эта тучка... черными вдруг стали...
Нет, карими... Диковинная ты!

М а в к а
(улыбаясь)

А нравлюсь я тебе?

Л у к а ш
(застенчиво)

Я разве знаю?

М а в к а
(смеясь)

Кому же знать?

Л у к а ш
(окончательно смущенный)

Ой, спрашивать такое!

М а в к а
(очень удивленно)

А почему про это не спросить?
Вон, слышишь, роза дикая спросила:
«Ведь я красива?»
И стройный яшень тихо ей ответил:
«Всех краше в свете!»

Л у к а ш

Не знал я, что деревья говорят;
Я думал, дерево — всегда немое.

М а в к а

У нас в лесу нет ничего немого.

Л у к а ш

А ты всю жизнь так и сидишь в лесу?

М а в к а

Я из него не выходила сроду.

Л у к а ш

А ты давно живешь на свете?

М а в к а

Право,
Я никогда не думала об этом...
(Задумывается.)
Сдается мне, что я жила всегда...

Л у к а ш

И все была такой же, как теперь?

М а в к а

Видать, такой...

Л у к а ш

А кто ж твоя родня?
Иль, может, нет ее и вовсе?

М а в к а

Есть!
Есть Леший — тот, кого зову я дедом,
А он меня то дочкою, то деткой.

Л у к а ш

Так кто ж он — дед или отец?

М а в к а

Не знаю.

Не все ли мне равно?

Л у к а ш
(смеется)

Ну, и чудные ж
Вы здесь, в лесу!.. А кто же мать, скажи,
Иль бабушка, иль как вы их зовете?

М а в к а

Мне кажется, что мать моя родная —
Вон эта старая, сухая верба.
Она меня зимою приютила
И устелила мягким белым пухом
Постель мою.

Л у к а ш

Ты там и зимовала?
А что ж, скажи, ты делала зимою?

М а в к а

Спала — и все. Зимою что же делать?
Спит озеро, спит лес и спит тростник...
«Усни», — скрипела верба в тишине,
И сны слетались белые ко мне,
Сияли самоцветы по дубравам,
Стелились чудные цветы и травы —
Такие белые... А над землею
Кружились звезды тихим белым роем
И падали... Кругом — бело и чисто.
И, словно драгоценные мониста,
Все искрилось, блестело и сверкало...
А я спала. Так вольно грудь дышала...
И розовые думы прилетали,
На белых снах узоры вышивали
И ткали грезы — светлые, простые,
Спокойные, лазурно-золотые...

Лукаш
(заслушавшись)

Как говоришь ты!

Мавка

Нравится тебе?

Лукаш утвердительно кивает головой.

Твоя свирель получше говорит.

Сыграй! А я немножко покачаюсь.

Мавка сплетает длинные ветви березы, садится на них и качается тихо, как в колыбели. Лукаш играет, прислонившись к дубу, и не сводит с Мавки глаз. Лукаш играет веснянки Мавка слушает, а затем невольно начинает тихо подпевать.

Мавка

Сладко он играет.

Глубоко́ вздыхает.

Белу грудь мне разрывает, сердце вынимает.

На веснянку где-то откликается кукушка, потом соловей. Ярче зацвел шиповник, забелел цвет калины, стыдливо зарозовел боярышник, даже на черном безлистом терновнике появились нежные цветы. Мавка, зачарованная, тихо качается, улыбается, а в глазах у нее какая-то тоска до слез. Лукаш, заметив это, перестает играть.

Лукаш

Ты плачешь, девушка?

Мавка

Я разве плачу?

(Проводит рукою по глазам.)

И правда!.. Нет, то опустились росы.

Заходит солнце... Вон уж над водой

Встает туман...

Лукаш

Да нет, еще не поздно!

Мавка

Ты б не хотел, чтоб день уже кончался?

Лукаш кивает головой, что не хотел бы.

А почему?

Лукаш
В село нам с дядей нужно...

Мавка
А ты со мной остаться хочешь?

Лукаш утвердительно кивает головой.

Видишь,
Ты отвечаешь мне, как ясень розе.

Лукаш
(смеясь)
По-вашему я должен научиться, —
Все лето с вами жить придется...

Мавка
(радостно)

Правда?

Лукаш
Да, завтра здесь и строиться начнем.

Мавка
Шалаш хотите?..

Лукаш
Может быть, лачужку.
А может быть, и хату.

Мавка
Вы, как птицы:
Хлопчете и строите гнездо,
Чтобы потом оставить.

Лукаш
Нет, мы строим
Навеки.

М а в к а

Как навеки? Ты ж сказал,
Что только лето проживешь здесь с нами.

Л у к а ш
(*смущенно*)

Да... я не знаю... Дядя Лев сказал,
Что даст он мне и землю здесь и хату
И осенью меня, наверно, женит.

М а в к а
(*тревожно*)

На ком?

Л у к а ш

Не знаю. Дядя не сказал,
А может быть, невесты не наметил.

М а в к а

Ужели ж сам ты не найдешь невесты?

Л у к а ш
(*глядя на нее*)

Нашел бы, может, только...

М а в к а

Что?

Л у к а ш

Да так...

Тихо наигрывает на свирели что-то очень грустное. Потом опускает руку со свирелью и задумывается.

М а в к а
(*помолчав*)

Скажи мне, люди сходятся надолго?

Л у к а ш

На целый век.

М а в к а

Вот так у голубей. . .

Я иногда гляжу на них: так нежно
Они воркуют. . . Я же ничего
Не знаю нежного, — одну березу,
Которую сестрицей называю,
Но только очень уж она грустна,
Бледна, понура, все скорбит о чем-то, —
Я часто плачу, глядя на нее.
Ольхи вот не люблю — она шершава;
Осина ж чем-то все меня пугает,
Да и сама боится — все дрожит.
Дуб слишком важен. А лесная роза
Задириста, как и терновый куст.
А клен и ясень слишком горделивы.
Своей красой упоена калина
И ничего кругом не замечает.
Сдается, что и я была такою,
А вот теперь мне почему-то грустно. . .
И, если хорошенько пораздумать, —
Совсем я одинока здесь. . .

(Печально задумывается.)

Л у к а ш

А верба?

Ведь матью ее ты называла.

М а в к а

Да верба что? . . В ней хорошо зимою,
А летом. . . глянь, она почти засохла
И все скрипит, напоминая зиму. . .
Нет, я совсем, совсем я одинока. . .

Л у к а ш

Но не одни ж в лесу живут деревья, —
Здесь, кроме них, полно различной твари.
(Немного колко.)

Да что скрывать? Мы много раз слышали
Про ваши пляски, игры да затей.

М а в к а

Но это все, как тот внезапный вихрь, —
Он налетит, покружится и сгинет.
У нас не так, как у людей: «Навеки».

Л у к а ш
(подходя ближе)

А ты хотела бы?..

Вдруг слышится ауканье дяди Льва.

Г о л о с
Ау, Лукаш, ау!
Го-го-го-го! Где ты!

Л у к а ш
(откликается)

Сейчас иду!

Г о л о с
Иди скорей!

Л у к а ш
Ишь ты, нетерпеливый!
(Откликается.)
Иду, иду!
(Хочет уйти.)

М а в к а
Придешь опять?

Л у к а ш
Не знаю.
(Уходит в прибрежные заросли.)

Из чащи леса стремительно выбегает Перелесник — красивый, молодой, в красной одежде, с рыжими, буйно развевающимися волосами, с черными бровями и сверкающими глазами. Он хочет обнять Мавку, но та уклоняется.

М а в к а

Не тронь меня!

П е р е л е с н и к

А почему?

М а в к а

Ступай

Взгляни, как в поле зеленеют всходы.

П е р е л е с н и к

К чему мне эти всходы?

М а в к а

Да ведь там же

Твоя Русалка полевая в жите.

Она давно уже плетет, наверно,

Яркозеленый для тебя венок.

П е р е л е с н и к

Ее забыл я.

М а в к а

И меня забудь.

П е р е л е с н и к

Не смейся надо мной! Летим вперед!

Я понесу тебя к горам зеленым, —

Ведь ты же видеть пихты так хотела!

М а в к а

Теперь уж не хочу.

П е р е л е с н и к

Но почему?

М а в к а

Так, расхотелось.

П е р е л е с н и к

Вот еще причуды!

С чего бы это?

М а в к а

Просто нет охоты.

П е р е л е с н и к

(льстиво вьется около нее)

Полетим мы в горы! Там мои сестрицы —
Горные русалки — вольные, как птицы,
Будут в хороводе танцевать, резвиться,
Словно те зарницы.

Папоротник сыщем для тебя огнистый,
С небосклона снимем звездные мониста,
Покрывало снегом выбелим мы чистым —
Горным, серебристым.

Чтоб тебе лесную раздобыть корону,
Мы Змею-царицу властно свергнем с трона,
Сделаем мы горы нашей обороной.

Будь моим желанным
Счастьем долгожданным!

Я нарядов груду
Для тебя добуду,

Подарю веночек
Краше дня и ночи,
Унесу, коль хочешь,

К тем морям багряным, где скрывает солнце
Золото литое, где ложится день.

После мы заглянем к звездочке в оконце,
И она, что пряха, даст нам волоконце, —
Из него мы выткем голубую тень.

А потом, с рассветом, когда тучки рядом
Станут в ясном небе, как овечье стадо,
Что в реке широкой воду пьет привольно,
Мы заснем с тобою на цветах...

М а в к а

(нетерпеливо)

Довольно!

П е р е л е с н и к

Как ты обрываешь речь мою сердито!

(Грустно и вместе с тем лукаво.)

Разве уж и лето прошлое забыто?

Мавка
(безразлично)

То, что было летом, так давно минуло!
Что в ту пору пело, все зимой заснуло.
Все я позабыла.

Перелесник
(таинственно и как бы напоминая)

А в лесу что было?..

Мавка

Что ж там? Я искала ягод да грибов.

Перелесник
А быть может, кстати и моих следов?!

Мавка

Там еще рвала я и пахучий хмель.

Перелесник
Чтобы постелить мне пышную постель?

Мавка

Нет, затем, чтоб хмелем волосы убрать.

Перелесник
Думала, что милый будет обнимать?

Мавка

Нет, меня береза нежно приласкала.

Перелесник
Все же ты о ком-то... кажется, вздыхала?..

Мавка
Ха-ха-ха! Забыла,
Если что и было!
Я пойду цветами разукрашу косы...
(Идет к лесу.)

Перелесник

Как бы на те косы да не пали росы!

М а в к а

Солнышко проглянет —
И росы не станет,
И конец беде!
(Исчезает в лесу.)

Перелесник

Где ты скрылась, зорька?
Тяжко мне и горько!
Где ты? Где ты? Где?

Также убегает в лес. Между деревьями несколько мгновений видна его красная одежда и слышатся перекаты эха: «Где ты? Где...» По лесу переливается красный закат солнца, потом он гаснет, Над озером встает белый туман.
Дядя Лев и Лукаш выходят на поляну.

Л е в

(сердито ворчит)

Проклятый Водяной! Чтоб ты засох!
Я, после ловли, только-только выплыл
На чистый плес на лодке, чтоб оттуда
На тот пробраться берег поскорей,
А он вцепился подлой лапой в днище —
И никуда! Чуть-чуть не утопил!
Да я не глуп, — за бороду схватил
И намотал ее, как ту мочалку,
Да ножик из-за пояса — и враз
Отрезал бы ее! Но он, проклятый,
Толкнул меня, и лодка кувыркнулась.
Едва-едва я выбрался на берег,
Всю рыбу растерял. Чтоб он закис!
(Лукашу.)

Да и тебя тут что-то зацепило, —
Аукаю, зову — хоть погибай!
Где пропал?

Лукаш

Я был все время здесь,
Вырезывал свирель.

Лев

Долгонько что-то очень
Свирели ты, племянник, вырезаешь!

Лукаш

(смущенно)

Да право ж, дядя...

Лев

(улыбнулся и смягчился)

Не учись-ка врать!
Ты молод, и язык тебя подводит.
Вот лучше хворосту в лесу собрал бы,
Костер зажег бы. Надо обсушиться, —
Нельзя же мне таким идти домой.
Пока дойдем, еще и та прилипнет —
Не к месту будь помянута! — и станет
Из тела душу вытрясать мою...

Лукаш идет в лес; немного погода слышно, как хрустят сухие ветки.

Лев

*(садится под дубом на толстый корень и пробует
высечь огонь, чтобы зажечь трубку)*

Ну как же! Высечешь! Весь трут намок...
Чтоб ты, злодей, погиб от лихорадки!
Придется поискать — быть может, вырос
На дубе новый...

(Шарит по дубу, разыскивая трут.)

Из озера, из тумана подымается белая женская фигура, похожая больше на привидение, чем на человека. Она простирает длинные руки и, загребая, перебирает тонкими пальцами, надвигаясь на дядю Льва.

Л е в
(в страхе)

Что за наважденье?
А! Знаю, знаю! Счастье, что заметил!

Опомнившись, вынимает из кошелька какие-то корни и травы и протягивает их навстречу Привидению, как бы защищаясь от него. Привидение немного отступает. Он начинает заговор, произнося слова все быстрее.

Девушка-шипучка,
Лихорадка-трясучка!
Ступай от меня ты в глухие болота,
Где люди не ходят, где куры не поют,
Куда не доходит мой голос.
Здесь тебе не пройти,
Белого тела не трясти,
Желтой кости не ломать,
Черной крови не сосать,
Жизни не отнимать.
Вот тебе полынь —
Сгинь, привиденье, сгинь!

Привидение отступает назад к озеру и сливается с туманом. Подходит Лукаш с охапкой хвороста, кладет его перед дядей, вынимает из-за пазухи кресало и трут и разжигает огонь.

Л у к а ш
Садитесь, дядя, грейтесь.

Л е в
Вот спасибо,
Что угождаешь дяде-старiku.
(У костра разжигает трубку.)
Теперь чего ж еще!

(Укладывается против костра на траве, положив кошель под голову. Курит трубку и жмурится на огонь.)

Л у к а ш
Вот если б, дядя,
Вы сказку рассказали мне.

Л е в

Гляди,
Ребенком стал!.. А ты б хотел какую?
Про Оха-чудотворца? Про Тремсына?

Л у к а ш

Те я слышал. Вы знаете другие,
Каких никто не знает.

Л е в
(подумавши)

Ну, так слушай:
Я про Волну-царевну расскажу.
*(Начинает спокойным, певучим, размеренным
голосом.)*

Когда б нам хата теплая
Да люди добрые,
Баяли б мы байки,
Сказывали б сказки
До самого рассвета...

За темными лесами,
Да за глубокими морями,
Да за высокими горами
Находится чудный-пречудный край,
Где царствует Урай.

В краю том солнце не садится
И месяц серебрится.

А ясные звезды по полю ходят,
Хороводы водят...

И вот у самой красивой звезды появился сын —
Белый Полянин.

Лицом белый,
Пригожий, смелый.
Золотые волосы по ветру играют,
Серебряная сабля в руках сверкает...

Л у к а ш

Вы ж про царевну мне...

Л е в

Да обожди!..

Как начал Белый Полянин расти да подрастать,

Стал он себе думать да гадать,

О своей о жизни рассуждать.

«Я, — сказал он, — краше всех на свете,

А судьбы своей еще не встретил.

Дай мне совет, родная мать,

Где пару мне свою искать:

То ль среди боярства важного,

Средь рыцарства отважного,

То ль, может, средь князей,

А может быть, среди простых людей?

А когда б царевну мне, —

Я б доволен был вдвойне...»

(Начинает дремать.)

Вот и пошел он к синему морю,

Разложил на берегу жемчужные бусы...

Л у к а ш

Видать, вы, дядя, что-то пропустили.

Л е в

Неужто?.. Ты мне не мешай!

... Вот разбежалась на море волна большая,

И вылетели кони из волны,

Как жар, красны

И в красную коляску впряжены...

А в той коляске...

(Замолкает, одолеваемый сном.)

Л у к а ш

Да кто же в той коляске был? Царевна?

Л е в

(сквозь сон)

А?.. Где?.. Какая там царевна?..

Некоторое время Лукаш задумчиво смотрит на огонь, потом встает, отходит от костра подальше, прохаживается по поляне и тихо, еле слышно, наигрывает на свирели. В лесу темнеет, но тьма не густая, а прозрачная, как бывает перед восходом месяца. Возле костра блики света и тени как бы пляшут какой-то призрачный танец: цветы, которые растут близко от костра, то сверкают своими красками, то исчезают в темноте. На опушке леса таинственно белеют стволы берез и осин. Вешний ветер нетерпеливо вздыхает, проносясь по опушке, и качает ветви плакучей березы. Туман на озере ширится и белыми волнами придвигается к темной чаще. Во мгле тростник перешептывается с осокою. Из лесу выбегает М а в к а. Бежит она быстро, словно от погони, волосы развеваются, одежда растрепалась. На поляне Мавка останавливается, оглядывается, прижимает руки к сердцу, потом бросается к березе и снова останавливается.

М а в к а

Ой, спасибо, ноченька, ночка — птица-птиченька,
 Что крылом закрыла мое бело личико!
 И вам, стежечки, вам, дороженьки,
 Что меня довели до березоньки!
 Ой, укрой меня, спрячь, сестриченька!
 (*Прячется под березу, обнимая ее ствол.*)

Л у к а ш

(*подходит к березе, шепотом*)

Ты, Мавка?

М а в к а
(*еще тише*)

Я.

Л у к а ш

Бежала?

М а в к а
Словно белка.

Л у к а ш

Ты убегала?

М а в к а

Да.

Л у к а ш

Но от кого?

М а в к а

Да от того, кто, как огонь.

Л у к а ш

А где ж он?

М а в к а

Тсс! . . Не то он прилетит.

Молчание.

Л у к а ш

Ты так дрожишь! Я слышу, как береза
От этой дрожи шелестит листвою.

М а в к а

(отрывается от березы)

Ой, горе! Я боюсь прислониться,
А так шатаюсь.

Л у к а ш

Прислонись ко мне, —
Я удержать и защитить сумею.

Молчание.

Мавка прижимается к нему. Они стоят. Свет месяца начинает переливаться по лесу, стелется по поляне и проникает под березу. В лесу слышатся напевы соловья и все голоса весенней ночи. Ветер порывисто вздыхает. Из озаренного тумана выходит

Р у с а л к а и тайком смотрит на молодую пару.

Лукаш, прижимая Мавку, все ближе наклоняется к ней лицом и неожиданно целует.

М а в к а

(вскрикивает от счастья)

Ой, в грудь звезда упала!

Русалка

Ха-ха-ха!

(Со смехом и всплеском бросается в озеро.)

Лукаш
(испугавшись)

Что это там?

Мавка

Не бойся, то Русалка.

Я с ней дружна, и нас она не тронет.
Ей нравится порою насмехаться,
Но то — пустяк... Все для меня пустое
Теперь на свете...

Лукаш

Ну, а я?

Мавка

О нет!

Ты — сам мой свет. И этот свет прекрасней,
Чем тот, что знала я. Но даже тот
Мне краше стал, как мы соединились.

Лукаш

А мы соединились?

Мавка

Ты не слышишь, —
В честь нашей свадьбы соловьи поют.

Лукаш

Я слышу... вот... они уже не свищут,
Не щелкают, как раньше, а поют:
«Целуй! целуй! целуй!»

(Целует ее долгим, нежным, трепетным поцелуем.)

И зацелую

Тебя я насмерть.

Поднимается ветер, и белый цвет метелицей вьется по поляне.

М а в к а

Нет, я не умру...
А жаль... хотелось бы...

Л у к а ш

Ну что ты говоришь?!
Зачем я так сказал?!

М а в к а

Нет, это сладко —
Сгореть звездой падучей...

Л у к а ш

Погоди!

(Говорит, лаская.)

Про это не хочу! Не говори!..
Нет, говори мне, говори еще!
Чудная речь твоя, но почему-то
Так сладко слушать... Что же ты молчишь?
Обиделась?

М а в к а

Я слушаю тебя,
Твою любовь...
*(Берет в руки его голову, поворачивает ее лицом
к месяцу и пристально смотрит ему в глаза.)*

Л у к а ш

Не надо так! Мне страшно,
Когда ты смотришь прямо в мою душу...
Я не могу так! Говори, шути,
Расспрашивай, скажи, что любишь, смейся...

М а в к а

Твой голос чист, как ручеек лесной,
Но очи — непроглядны.

Л у к а ш

Может, месяц
Неясно светит.

М а в к а

Может быть...

(Склоняется к его груди и замирает.)

Л у к а ш

Устала?

М а в к а

Молчи!.. Я сердце слушаю... Оно
Неясно говорит — как ночь весною.

Л у к а ш

Зачем же слушаешь тогда? Не нужно!

М а в к а

Не нужно слушать? Верно, что не нужно.
Не нужно, милый! Я не буду больше
Прислушиваться, счастье ты мое!
Свою любовь ласкать я жарко стану!
Ты знаешь ласки?

Л у к а ш

Я ведь не любился
Ни с кем ни разу и совсем не знал,
Что так сладка любовь бывает!

Мавка страстно ласкает его. Он вскрикивает от сладкой муки.

Мавка!

Ты мне всю душу вынешь!

М а в к а

Выну, выну!
Певучую себе возьму я душу,
А сердце я словами зачарую...
Губы твои зацелую родные,
Чтобы краснели,
Чтобы горели,
Словно весенние розы лесные!

Заворожу я глаза голубые,
Чтобы играли,
Чтобы сияли,
Чтоб рассыпали огни золотые!
(Внезапно всплескивает руками.)
Да чем же я завлечь тебя хотела?!
Я до сих пор не убрана цветами!

Л у к а ш

Ты и без них прекрасна.

М а в к а

Нет, хочу я
Себя украсить пышно и нарядно —
Под стать лесной царевне!
*(Удаляясь от озера, бежит на другой край поляны
к цветущим кустам.)*

Л у к а ш

Подожди!

Я сам тебя украшу.

(Идет к ней.)

М а в к а
(грустно)

Не нарядны
Цветы ночные. . . ночью спят их краски. . .

Л у к а ш

Тут светляки, я их насобираю,
Они в твоих светиться будут юсах,
Как будто звездный дорогой веноч.
(Бросает несколько светляков ей на волосы.)
Дай посмотреть. . . Ой, как же хороша ты!
(Полный счастья, обнимает ее.)
Я соберу еще. Украшу, наряжу
Тебя, что королевну, в самоцветы!
(В траве под кустами ищет светляков.)

М а в к а

А я цветов с калины наломаю, —
Она не спит: ей соловей мешает.

(Ломает ветки с белыми цветами и украшает одежду.)

Р у с а л к а

(снова появляется из тумана. Шепчет, повернувшись к тростникам)

Потерчата, выходите,
Огонечки засветите!

В тростниках замерцали два блуждающих огонька. Потом вышли потерчата, в руках они держат плошки, которые то ярко вспыхивают, то совсем гаснут. Русалка прижимает их к себе и шепчет, указывая на белеющую вдаль фигуру Лукаша, которая едва заметна во мраке меж кустов.

Взгляните на него, что там блуждает, —
Такой же он, как ваш отец родной,
Что бросил вас и вашу мать обидел.
Он жить не должен!

Первый потерчонок
Утопи его!

Р у с а л к а

Я не могу. Мне Леший запретил.

В т о р о й п о т е р ч о н о к

А нам не сладить, — мы еще малы.

Р у с а л к а

Вы без стежки,
Без дорожки
Пронесите ваши плошки.
В тот кустарник — тише кошки —
Проберитесь в этот час, —
Не услышит Леший вас.
Если ж встретит,
Не заметит:
Свет погас!

Притворитесь светляками
Под кустами,
Над трясиной промелькните,
Закружите, заманите, —
Где он станет,
Там и канет
И не выйдет из болота...
А уж там моя забота...
Ну, раз-раз!

П о т е р ч а т а
(приближаясь один к другому)

Ты — направо, я — налево,
Вот у нас и выйдет дело!

Р у с а л к а
(радостно)

Помчались!

Подбегает к болоту, брызжет воду пальцами себе на спину через плечи. Из-за кочки выскакивает Куц — молодой чертик-паньч

Куц мой, ну-ка,
Поцелуй мне руку!
(Протягивает ему руку, он целует.)

К у ц

Но за что же это?

Р у с а л к а

Завтрак до рассвета
Я тебе сготовлю, только не зевай.
(Показывает вдаль, на Лукаша.)
Видишь? Что, по вкусу?! Твой он будет, знай!

К у ц

Раз он не в болоте, —
Что с него возьмете?!

Русалка

Будет он на дне!
Всем твоим на радость — бабке и жене!

Куц бросается за кочку и исчезает. Русалка из тростников наблюдает за потерчатами, огоньки которых вспыхивают, мигают, мельтешат то там, то здесь.

Лукаш

(ища светляков, замечает огоньки.)

Вот это светляки! летают даже!
Таких я не видал еще! Большие!
Я должен их поймать!

(Гоняется то за одним, то за другим, и они незаметно увлекают его к болоту.)

Мавка

Не надо, милый!
Любимый, не лови! То — потерчата!
Они заманят в топь!

Лукаш, увлеченный погоней, не слышит и отбегает далеко от Мавки.

Лукаш

(внезапно вскрикивает)

Спасите! Гибну!
Попал в болото! Ой, все глубже тянет!..

Мавка прибегает на его крик, но не может дотянуться до него, так как он увяз далеко от твердого берега. Она бросает ему один конец своего пояса, держась за другой.

Мавка

Лови!

Руки Лукаша не могут дотянуться до пояса.

Лукаш

Не дотянусь! Ой, что же будет?

Мавка

*(бросается к вербе, которая стоит, наклонившись над
трясиной)*

Ой, вербонька, родимая, спасай!

Быстро, словно белка, влезает на вербу, повисает над трясиной на суке и снова бросает пояс. На этот раз Лукаш хватает его за конец. Мавка тянет Лукаша к себе, потом подает ему руку и помогает влезть на вербу.

Русалка в тростниках издает глухой стон досады и исчезает в тумане. Потерчата тоже исчезают.

Лев

(проснувшись от криков)

А?! Что такое? Снова наважденье?
Чур-чур меня! Исчезни!

(Оглядывается.)

Эй, Лукаш!

Лукаш

(откликается с вербы)

Я, дядя, здесь!

Лев

А почему ты там?

(Подходит и смотрит на вербу.)

На вербу влез, к тому же — с девкой!

Лукаш слезает с вербы. Мавка остается там.

Лукаш

Дядя!

Я здесь едва в болоте не погиб,
Наткнулся на «окно», да вот она
(показывает на Мавку)

Спасла меня от смерти.

Лев

А зачем же

Ты на ночь глядя бродишь по болоту,
Как дух какой?

Лукаш

Я светляков ловил...

(Обрывает речь.)

Л е в

(замечает светляков на Мавке)

Ба! Так бы сразу мне и говорил!
Теперь я вижу сам, чье это дело.

М а в к а

Я, дяденька, спасла его — и только.

Л е в

Ишь «дяденька»! Племянница нашлась!
А кто ж подстроил для него ловушку?
(Укоризненно качает головой.)
Эх, все вы так! Такая ваша правда! . .
Ну, только пусть мне попадется Леший, —
Не вырвется из рук! Дубовым пнем
Я защемлю покрепче бородищу,
Так будет знать! . . Вишь, девок подсылает,
А сам в сторонке, — дескать, я не я!

М а в к а

(быстро слезает с вербы)

Не виноват он! Пусть Змея-царица
Меня накажет, коль неправда это!
И я права!

Л е в

Ну, вот теперь я верю:
Такою клятвой не клянутся зря.

Л у к а ш

Она спасла меня от смерти, дядя!
Ей-богу, я пропал бы без нее.

Л е в

Ну, девонька, хоть нет в тебе души,
Но сердце — доброе. Прости меня,
Что сгоряча обидел. . .

(Лукашу.)

Да зачем же

За светляками ты полез в болото?
На кочках, что ли, светляки сидят?

Лукаш

Но не такие были, что летают!

Лев

Э-ге! Понятно. Это ж — потерчата!
Ну, обождите ж, приведу я завтра
Щеняток с волчьим зубом, и посмотрим —
Кто заскулит скорей!

Голоски потерчат

(звучат жалобно и похожи на кваканье лягушек)

Нет, нет, дедуся! —
Мы непричастны:
Ягоды красной
Здесь мы искали.
Если б мы знали,
Что вы явились,
Мы б не всплывали,
Мы б не светились...
Ой, мама, ой!
Спрячь нас, укрой!

Лев

Гляди, как скуксилась вдруг эта пара —
Отродье ведьмино! Но погоди,
Я отыщу, кто правый, кто виновный!..

(Лукашу.)

А не пора ль, племянник, нам домой?
Пойдем себе..

(Мавке.)

Будь, девушка, здорова!

Мавка

Вернетесь завтра? Я вам укажу,
Где есть для хаты дерево получше.

Л е в

Я вижу, ты про все уж расспросила.
Быстра!.. Что ж, приходи, я к вам привык,
Теперь и вам привыкнуть к нам придется.
Ну, мы пошли. Прощай!
(Трогаются.)

М а в к а
(больше Лукашу, чем дяде Льву)

Я буду ждать!

Лукаш отстает от дяди, молча стискивает обеими руками руки Мавки, беззвучно ее целует, потом, догнав дядю, идет с ним в лес.

М а в к а
(одна)

Если б ты, ночка, скорей миновала!
Я ведь ни разу еще не встречала
Счастья под солнцем, счастья такого,
Как под твоим повстречала покровом!
Что ж ты, береза, так сиротлива?
Видишь, сестриченька, — я же счастлива!
Верба, не лей же слез над водою, —
Снова, родная, он будет со мною!
Лес мой, отец мой, скажи-посоветуй,
Как скоротаю я ноченьку эту?
Ночь коротка, но долга разлука...
Что суждено мне — счастье иль мука?

Месяц скрывается за темной стеной леса, темнота наплывает на поляну — черная, как бархат. Ничего не стало видно, лишь тлеют угли покинутого костра да по венку из светляков можно заметить, как между деревьями ходит Мавка. Венок этот то светится, как целое созвездие, то сверкает отдельными искрами. Но потом тьма покрывает и его. Глубокая полночная тишина, и лишь порой в лесу слышится легкий шелест, словно вздох во сне.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Позднее лето. На темной матовой листве в лесу кое-где легла осенняя позолота. Озеро обмелело, береговая кайма сделалась шире, тростники сухо шелестят редкими листьями. На поляне уже построена хата, засажен огород. На одной полоске — пшеница, на другой — рожь. По озеру плавают гуси. На березе сушится белье, на кустах висят горшки и крынки. Трава на поляне чисто выкошена. Под дубом сложен стожок сена. По лесу разносится звон колокольчиков — там пасется скотина. Недалеко слышны звуки свирели, которая играет бойкую танцевальную мелодию.

М а т ь Л у к а ш а
(*выходит из хаты и зовет*)

Лукаш, ау! Эй, где ты?

Л у к а ш
(*появляется из лесу со свирелью и палкой, на которой вырезаны узоры*)

Здесь я, мама.

М а т ь

А не довольно ли тебе играть?
Играешь все, а дело-то стоит!

Л у к а ш

Какое ж дело?

М а т ь

Как какое дело?
А кто ж загон хотел загородить?

Л у к а ш

Да ладно же, загорожу, управлюсь.

М а т ь

Когда ж придет оно — твое «управлюсь»?
Тебе бы только бегать по оврагам,
Баклуши бить вон с этою приبلудной!

Лукаш

Кто ж бегаёт? Скотину я пасу,
А Мавка помогает.

Мать

Отвяжись ты

С такой помогой!

Лукаш

Сами ж говорили,
Что больше молока дают коровы,
Коль Мавка их пасет.

Мать

Она ж ведьмачка!

Лукаш

Не знаю, право, чем вам угодить!
Она ли нам деревья не таскала,
Как хату строили? Кто засадил
Нам огород и кто засеял нивы?
А урожай бывал у нас такой?
А вон какие развела цветы
Под окнами, что просто загляденье!

Мать

Нужны ее цветы! У нас никто
Ни женится, ни замуж не выходит...
Тебе ж цветы да песни подавай!

Лукаш нетерпеливо пожимает плечами и хочет уйти.

Куда уходишь?

Лукаш

Городить загон.

Идет за хату, откуда вскоре слышатся удары топора. Мавка
выходит из лесу, пышно убранная цветами, с распущенными
косами.

Мать

(неприветливо)

Чего тебе?

М а в к а

Где, тетушка, Лукаш?

М а т ь

Чего ты все за Лукашом? Дивчине
За парубком не следует гоняться.

М а в к а

А мне про то никто не говорил.

М а т ь

Ну так теперь послушай, — пригодится.
(Недружелюбно смотрит на Мавку.)
Ла что ты все растрепанная ходишь?
Взяла да причесалась бы получше,
А то совсем, как ведьма. Неприлично.
Да что и за одежда на тебе?
Работать в ней — неловко, неудобно. . .
Там от покойной дочери моей
Кой-что осталось, — ты б переделалась,
А это все в сундук бы положила.

М а в к а

Что ж, хорошо. Могу переодеться.

Идет в хату. Оттуда выходит Лев.

М а т ь

Спасибо хоть сказала бы!

Л е в

Сестра,
За что грызешь ты и порочишь девку?
Чем пред тобой бедняга провинилась?

М а т ь

А ты, мой братец, лучше б помолчал,
Коли тебя не трогают! Ты, видно,
Всех ведьм лесных готов собрать сюда!

Л е в

Когда б, сестра, ты дело говорила,
Так я тебя послушал бы, а то...
«Лесные ведьмы!» Где ж они такие?
Все ведьмы — в селах...

М а т ь

Да уж ты, видать,
Насквозь все знаешь... Что же, собирай
Лесную погань, — может, и дождешься
От них добра!

Л е в

А что же, и дождусь.
Все, что в лесу, — не погань, а богатство.
Оттуда все достатки наши...

М а т ь
(насмешливо)

Как же!

Л е в

Такие девки могут стать людьми!

М а т ь

Людьми?! Какими?! Пьян ты нынче, что ли?

Л е в

Да что ты знаешь? Мой покойный дед
Мне говорил, что надо знать лишь слово,
Тогда войти и в лесовичку может
Душа совсем такая ж, как и наша.

М а т ь

Ну, а куда же дух ее бесовский
Тогда исчезнет?

Л е в

Вновь ты за свое!..
Пойду уж лучше да займусь работой,
Чем эту жвачку тут жевать!

М а т ь

Иди!

Я не держу!

Лев, сердито мотнув головой, идет за хату. М а в к а выходит из хаты переодетая: на ней грубая рубаха, плохо сшитая и с заплатками на плечах, узкая юбка из набивной ткани и полинявший полотняный фартук. Волосы гладко зачесаны, и две косы закручены вокруг головы.

М а в к а

Ну, вот переделалась.

М а т ь

Совсем иное дело! . . Ну, теперь
Пойду пока с цыплятами управлюсь.
Хотела я пойти на конопляник,
Да тут еще не кончена работа,
А ты-то к ней не очень. . .

М а в к а

Почему же?

Я, как умею, рада помогать.

М а т ь

То и беда, что мало ты умеешь,
Плохой ты и полольницей была,
И в сенокос все голова болела. . .
Вот так и жать, наверно, будешь. . .

М а в к а

(со страхом)

Жать?!

Хотите вы, чтоб я сегодня жала?

М а т ь

А что ж такого? Нынче ведь не праздник.
(Берет за дверью в сенях серп и подает Мавке.)
Возьми вот серп, попробуй. Как управлюсь,
Сменю тебя.

Уходит за хату, взявши из саней сито с зерном. Вскоре слышится, как она зовет: «Цыпоники, цыпоники, цып-цып-цып!»
Л у к а ш с топором в руках подходит к молодому грабу, чтобы срубить его.

М а в к а

Не тронь его, любимый!

Оно живое.

Л у к а ш

Дай ты мне покой!

Мне некогда.

Мавка грустно смотрит ему в глаза.

Указывай сухое!

М а в к а

*(быстро выволакивает из лесу большое засохшее
дерево)*

Еще найду. Тебе ведь много надо?

Л у к а ш

Порядочно. Одним не загородишь.

М а в к а

И ты со мной чего-то неприветлив...

Л у к а ш

Да видишь... мать ругает за тебя...

М а в к а

А что ей надо? Ей какое дело?

Л у к а ш

Да как же? Я ведь сын...

М а в к а

Ну, сын, — так что?

Л у к а ш

Невестка ей такая не по нраву...

Она не терпит племени лесного...

Тебе она плохой свекровью будет!

М а в к а

В лесу не знают никакой свекрови.
Зачем свекрови эти да невестки —
Не понимаю!

Л у к а ш

Ей нужна невестка
Для помощи. Она уже стара.
Чужую на работу брать — неловко,
Нанять батрачку — тоже ведь не дочка...
Но, видно, ты того не понимаешь...
Чтобы в людских заботах разобраться,
Тебе бы нужно не в лесу родиться.

М а в к а (искренне)

А ты мне расскажи, и все пойму я,
Ведь я люблю тебя... Я ж поняла
Все песни, что играл ты на свирели.

Л у к а ш

Невелика наука — эти песни!

М а в к а

Не унижай цветок своей души,
Ведь из него любовь возникла наша!
Он, словно папоротник, расцветает,
Тая в себе несметные богатства.
И сердце новое во мне забилося,
Лишь я его познала. В ту минуту
Со мной случилось чудо...

(Внезапно умолкает.)

Ты смеешься?

Л у к а ш

Да, право, как-то сделалось смешно...
По-будничному в старое одета,
А говоришь — как в праздник славословишь!
(Смеется.)

М а в к а
(дергает на себе одежду)

Сожгу ее!

Л у к а ш
Чтоб мать совсем загрызла?

М а в к а
Что ж делать, если в этом одеянье
Кажусь тебе другой?

Л у к а ш
Я так и знал! —
Теперь пойдут и слезы и упреки. . .

М а в к а
Нет, милый, я тебя не упрекаю,
Мне только грустно, что своею жизнью
Не можешь ты подняться до себя.

Л у к а ш
Не понимаю, что ты говоришь.

М а в к а
Знай, что люблю тебя я больше жизни
За то, чего ты сам в себе не видишь,
Хотя душа твоя поет об этом
Чудесным, ясным голосом свирели. . .

Л у к а ш
А что же это?

М а в к а
Да оно прекрасней,
Чем весь твой облик милый и любимый,
Но выразить его я не умею. . .
(Грустно, с любовью смотрит на него и несколько
мгновений молчит.)

Сыграй же, мой хороший, на свирели,
Пускай она все горе зачарует!

Л у к а ш

Эх, мне играть теперь совсем не время.

М а в к а

Так обними меня, чтоб я забыла
Размолвку эту.

Л у к а ш
(оглядываясь)

Тише! Мать услышит!
И так она твердит, что ты повисла
На шее у меня...

М а в к а
(вспыхнула)

Знать, кто не с вами вырос, —
Вас не поймет! Ну, что все это значит —
«Повисла»? Что тебя я полюбила?
Что первая открылась? В том ли стыд,
Что сердцем я щедра и что сокровищ
Оно своих не прячет, а без счета
Любимого одаривает ими,
Не ожидая клятв и обещаний?

Л у к а ш

Была надежда — после расплатиться

М а в к а

Мне снова непонятно — «расплатиться»...
Да ты ж мне приносил дары такие,
Как сам хотел, как и мои тебе —
Не считаны, не меряны...

Л у к а ш

Отлично,
Что ничего друг другу не должны мы,
Об этом ты сама сказала, помни.

М а в к а

А для чего мне нужно это помнить?

М а т ь
(*выходит из-за хаты*)

Ты так-то жнешь? А ты загон городишь?

Лукаш поспешно поволок дерево за хату.

Уж если жать ты, девонька, не хочешь, —
Неволить я не стану. Как-нибудь
Сама управлюсь. А настанет осень,
Даст бог, найду невестку на подмогу.
Вдова тут есть — проворная такая,
Сама она расспрашивала как-то. . .
Я согласилась, только бы Лукаш
Не заупрямился. . . Давай-ка серп, —
Другого у меня пока что нету.

М а в к а

Я буду жать. Идите в конопляник.

Мать идет через поляну к озеру и скрывается за тростником. Мавка, замахнувшись серпом, склоняется к житу. Из жита внезапно вынырнула Полевая русалка; сквозь плащ, сотканный из золотистых волос и покрывающий ее небольшую фигуру, то там, то здесь просвечивает ее зеленая одежда: на голове — синий васильковый веночек; в волосах запутались розовые цветы куколя, ромашка, павилика.

П о л е в а я р у с а л к а
(*с мольбой бросается к Мавке*)

Сестрица, погоди!
Красу мою ты пощади!

М а в к а

Я должна!

Полевая русалка
И так все изувечено,
Помято, искалечено.
Цветы мои без времени
Повырваны с кореньями!
Мак мой жаром пламенел,
А теперь он почернел,
Словно кровь текла, лилася
И в бороздке запеклася. . .

Мавка
Сестрица, я должна! Твоя краса
Весной распухнет еще буйнее,
Мое же счастье, коль теперь завянет,
Вовек не встанет!

Полевая русалка
(ломает руки и качается от горя, как от ветра колос)

Ой, горюшко, коса моя!
Коса моя золотая!
Ой, лишенько! краса моя!
Краса моя молодая! . .

Мавка
Сестра, твоя краса недолговечна, —
На то растет, чтоб под серпом ложиться.
И зря меня ты просишь, — срок придет —
Не я, так кто-нибудь другой сожнет.

Полевая русалка
Видишь, как в поле волна расходилась,
С ветром играя.
Горько лишиться нам этого рая:
Лето еще ведь не скрылось,
Рожь не склонилась, не полегла, —
Смерть неминуемая к нам не пришла!
Хоть бы минуточку! минутку! мгновение!
Скоро краса моя в горьком забвении
Ляжет на землю сама. . .
Сжался! не будь, как зима,
Что не умолишь уже, не упросишь!

М а в к а

Рада б я бросить, — не бросишь:
Нет во мне силы, и нет во мне воли.

Полевая русалка
(шепчет, склонившись Мавке на плечо)

А не случилось кому-нибудь в поле
Ранить серпом, повредить себе руку?
Сжался! пойми мою муку!
Мне б для спасенья — лишь капельку крови,
не боле, —
Разве же это большая цена?

М а в к а

(резанула серпом по своей руке, кровь брызнула
на золотые косы Полевой русалки)

Вот тебе, ясонька, на!

Полевая русалка низко кланяется Мавке, благодаря ее, и исчезает во ржи. От озера приближается мать и с ней полнолицая молодница в красном платке с бахромой, в бордовой юбке, мелко и ровно собранной в складки, и зеленом переднике с нашитыми на нем белыми, красными и желтыми полосами; рубашка густо вышита красными и синими узорами. На белой пухлой шее монисто из серебряных монет, пояс тесно перетягивает стан, и от этого полная, плотная фигура молодницы кажется еще пышнее. Молодица идет размашисто, мать едва поспевает за ней.

М а т ь

(молодице, любезно)

Идем, Килинушка, — здесь, у березы,
Трава свежей. А вот и деревьев, —
Вы ж собирались им попарить крынки?
Он, милая, хорош для молока.

К и л и н а

Мне с молоком уж некуда деваться!
Скорей бы ярмарка — купить посуды.
Корова-то турецкого заводу, —
Купил покойный муж, — и бог ты мой,

Молочная какая!.. Хлеб на поле
Я кое-как убрала, да теперь
Домашние работы одолели.
Беда одной — хоть разорвись на части!..
(Прибедняется, поджимает губы.)

М а т ь

Ой, ласточка, так вы уже убрали?
Оно и правда: если кто проворен,
Тоѣ сможет все... А тут одна полоска,
И то бог ладу не дает...

К и л и н а

(смотрит на полоску, где стоит Мавка)

А кто же

Там жнет у вас?

М а т ь

Да так, одна сиротка...
(Шепотом.)

Прости господь, никчемная такая...

К и л и н а

(подходит с матерью к Мавке)

День добрый, жница! Хорошо ли жнется?

М а т ь

(всплеснула руками)

Ой, горяшко, еще не начинала!
Да чем же ты, скажи мне, занималась?
Негодница! Лентяйка! Лежебока!

М а в к а

(глухо)

Я руку ранила...

М а т ь

Нашлась причина!

К и л и н а

А ну-ка, я! Давай скорее серп!

Мавка прячет серп за спину и враждебно смотрит на Килину.

М а т ь

Отдай, коль говорят! Ведь он не твой!

Вырывает серп из рук Мавки и отдает Килине, та бросается к ржи и жнет так быстро, как будто палит огнем, — даже солома трещит под серпом.

М а т ь

(с удовольствием)

Вот это жнет!

К и л и н а

(не отрываясь от работы)

Когда бы кто-нибудь
Крутил мне свясла, так единым духом
Я сжала б все.

М а т ь

(зовет)

Лукаш, иди сюда!

Л у к а ш

(подходит, Килине)

Бог в помощь вам!

К и л и н а

(продолжая жать)

Спасибо!

М а т ь

Вот, Лукаш,
Вязать снопы поможешь молодежи,
А та «помощница» «калекой» стала.

Лукаш начинает вязать снопы.

Ну, жните, детоньки, а я пойду
Сварю кисель — обед вам приготовлю.
(Идет в хату.)

Мавка отошла к березе, прислонилась к ней и сквозь длинные ветви смотрит на жнецов.

Килина некоторое время усиленно жнет, потом разгибается, разминается и смотрит на склонившегося над снопами Лукаша; усмехается, тремя широкими прыжками подскакивает к нему и хлопает ладонью по плечу.

К и л и н а

А ну, быстрее! Не ползай, как улитка!
Эй, увалень!
(Заливается смехом.)

Л у к а ш
(тоже разгибается)

Ишь прыткая какая!
Ты не дразни, не то переборю!

К и л и н а
(бросает серп, упирается руками в бока)
А ну-ка! ну-ка! Кто кого — посмотрим!

Лукаш бросается к ней, она перехватывает ему руки, они «межаются силой», упершись ладонями в ладони. Некоторое время они не могут пересилить друг друга и стоят наравне. Потом Килина, смеясь и играя глазами, подалась немного назад. Разгоряченный Лукаш широко разводит ей руки и хочет ее поцеловать. Но в тот момент, когда их губы уже сблизились, она подставляет ему ножку, и он падает.

К и л и н а
(стоит над ним, смеясь)

Ну, что? Кто поборол? Не я тебя?

Л у к а ш
(встает, тяжело дыша)

Ногой подбить — не дело!

К и л и н а
Неужели?

В хате стукнула дверь. Килина снова бросается жать, а Лукаш вязать Полоска быстро и густо покрылась снопами; несколько еще не связанных снопов лежат на свяслах, как побежденные, но еще не связанные пленники.

М а т ь
(с порога сеней)

А ну, жнецы, идите-ка обедать.

К и л и н а

Я кончила свое, а вон Лукаш
Никак не справится.

Л у к а ш

Да мне недолго.

М а т ь

Ну, ты кончай. Килинушка, идите!

Килина идет в хату. Двери закрываются. Мавка выходит
из-за березы.

Л у к а ш

(немного смутился, увидев ее, но быстро оправился)

Ах, это ты! Вот довяжи снопы,
А я пойду.

М а в к а

Вязать их не могу я.

Л у к а ш

Ты, что ж, сюда подглядывать явилась,
Коли не хочешь помогать?
(Вяжет сам.)

М а в к а

Лукаш,
Пусть эта женщина сюда не ходит, —
Я не люблю ее — она коварна,
Как выдра.

Л у к а ш

Ты ее совсем не знаешь.

М а в к а

Нет, знаю! Слышала и смех и голос.

Л у к а ш

Но этого ведь мало.

М а в к а

Нет, довольно.

Она хищна, как рысь.

Л у к а ш

И что же дальше?

М а в к а

Пускай в наш лес она не ходит больше!

Л у к а ш

(разогнувшись)

А разве ты лесной царицей стала,
Что судишь так — кто смеет в лес ходить,
Кто нет?

М а в к а

(мрачно, с угрозой)

В лесу такие есть провалы, —
Они закрыты щебнем и кустами, —
Ни человек, ни зверь про них не знает,
Пока не попадет. . .

Л у к а ш

А говорит

Про хищность, про коварство, — уж молчала б!
Как видно, я не знал твоей натуры!

М а в к а

Я, может, и сама ее не знала. . .

Лукаш

Так вот же слушай: если у тебя
Я позволения спрашивать обязан,
Кому ходить ко мне, — то лучше снова
Переберусь я из лесу в село.
Уж как-нибудь не пропаду с народом.
Сидеть с тобою, как лиса в ловушке,
Я не хочу.

Мавка

Ловушек для тебя
Не ставила. Ты здесь по доброй воле.

Лукаш

По воле и уйду, коль пожелаю, —
Никто меня ничем здесь не привяжет.

Мавка

Я разве привязать тебя хотела?

Лукаш

К чему ж тогда вся эта болтовня?
*(Довязывает последний сноп и, не глядя на Мавку,
идет в хату.)*

Мавка села на борозде и, грустно задумавшись, наклонилась
над стернею.

Лев

(выходит из хаты)

О чем ты так, бедняжка, загрустила?

Мавка

(тихо, грустно)

Проходит лето, дядя...

Лев

Для тебя

Все это горько... Я уж было думал,
Что вербы на зиму тебе не нужно.

М а в к а

А где б я зимовала?

Л е в

Да, по мне,
С тобой и в хате не было бы тесно...
Да вот сестру никак не уломаешь.
И так и этак говорил я с нею,
А толку нет... Вот если б был я здесь
Хозяином, — и спрашивать не стал бы.
Но отдал я и землю им и хату.
Здесь воля не моя. Я сам к зиме
Уйду в село, в свое жилье родное...
Когда бы там могла ты поселиться,
Я б взял тебя.

М а в к а

В селе я не могу...
А то пошла б. Вы добрый и хороший.

Л е в

Хорош и добр не человек, а хлеб.
Но это правда: очень мне по нраву
Лесное племя ваше. Умирать
Я в этот лес приду, подобно зверю, —
Вот тут под дубом пусть и похоронят...
Эй, дуб-дубочек, будешь ли стоять,
Когда сложу я голову седую?..
Да где уж там! Дубы и не такие
Стояли, да и нет... Так зеленей же
Хоть до морозов, друг ты мой кудрявый,
А там... пошлет ли бог весны дожждаться?..

Стоит, грустно опершись на палку. Мавка не спеша выбирает
полуувядшие цветы из сжатого жита и складывает их в пучок.
Из хаты выходят мать, Килина и Лукаш.

М а т ь
(КиLINE)

Чего спешить? Еще бы посидели.

К и л и н а

Да нет уж, тетушка, пора идти.
Подходит вечер, и одной мне страшно.

М а т ь

Лукаш, ты проводил бы.

Л у к а ш

Что же, можно.

К и л и н а
(*смотрит на него*)

Работа, может, есть?

М а т ь

Да нет, какая ж
Работа вечером? Иди, сынок, иди
Да проводи Килинку до дороги.
Одной под вечер боязно в лесу.
Она еще такая молодая,
Что могут и напасть...

К и л и н а

Ой, что вы, тетя!
Теперь совсем меня вы запугали!
Идем, Лукаш, пока не свечерело,
А то опасно и вдвоем...

Л у к а ш

Чтоб я
В лесу боялся?! Ого-го! Пожалуй!

М а т ь

Он у меня, Килинушка, храбрец, —
У хлопца эту честь не отнимайте.

К и л и н а

Да это ж в шутку все...
(*Заметила дядю Льва.*)
А! дядя Лев!

Вы тоже дома?

Л е в
(*будто не расслышал*)

А? ступайте с богом!
(*Идет в лес.*)

К и л и н а

Ну, оставайтесь, тетушка, здоровы!

Хочет поцеловать старухе руку, но та не дает, вытирает себе рот передником и трижды церемонно целуется с Килиной.

К и л и н а
(*уже на ходу*)

Ну, оставайтесь да добром разживайтесь!

М а т ь

Весело живите да к нам приходите!
(*Идет в хату и закрывает за собою дверь.*)

Мавка встает и тихой, как бы утомленной походкой идет к озеру, садится на склонившуюся вербу, роняет голову на руки и тихо плачет. Начинает накрапывать дождик, густую сеткою заволакивая поляну, хату и лес.

Р у с а л к а
(*подплывает к берегу и смотрит на Мавку
с удивлением и любопытством*)

Ты плачешь, Мавка?

М а в к а

Разве ты ни разу
Не плакала, Русалочка?

Р у с а л к а

О, я!
Коль я заплачу на одно мгновенье,
То кто-то будет дó смерти смеяться!

М а в к а

Ты никогда, Русалка, не любила. . .

Р у с а л к а

Я не любила? Нет, то ты забыла —
Какой на свете быть любовь должна!
Любовь — как та вода: быстра, текуча,
Играет, кружит и, лаская, топит.
Где жар — она кипит, а встретит холод, —
Так станет камнем. Вот моя любовь!
А вот твоя — соломенного духа
Дитя болезненное. Клонится от ветра,
На землю валится. А встретит искру, —
Сгорает без борьбы, и остается
Лишь только гарь да серая зола.
Когда ж ее с пренебреженьем бросят,
Она лежит и киснет, как солома,
В воде досады горькой, и над нею
Дожди раскаянья шумят, шумят.

М а в к а

(поднимает голову)

Раскаянья? А ты спроси березу —
Раскаялась ли та, что по ночам
Весенний ветер расплетал ей косу
Своей рукой?

Р у с а л к а

Чего ж она печальна?

М а в к а

Что милого не может приласкать,
Обнять навеки длинными ветвями.

Р у с а л к а

Но почему ж?

М а в к а

Да он ведь — вешний ветер.

Русалка

Зачем же было ей любить такого?

Мавка

Да он был нежный, ласковый, хороший;
Он с тихой песней колыхал листочки,
Ласкаясь, целовал ее веночек,
Кропил росой молодую косу...
Он был такой... он был совсем весенний.
Иного бы она не полюбила.

Русалка

Ну, и пускай теперь опустит траур
Вплоть до земли! — тот ветер обнимать
Ей не придется — он уже промчался.

Тихо, без плеска, отплывает от берега и исчезает в озере. Мавка снова склонилась, длинные черные косы опустились до земли. Начинается ветер. Он гонит серые тучи, а вместе с ними и стаи черных птиц, отлетающих на юг. Потом от сильного порыва ветра дождевые тучи расходятся, и становится виден лес. От стоит в искрящемся осеннем убранстве на фоне темносинего предзакатного неба.

Мавка

(тихо, с глубокой грустью)

Так... он уже промчался...

Леший выходит из чащи. Он в длинной одежде цвета старого золота с темнокрасной каймой внизу. Вокруг шапки обвита ветка созревшего хмеля.

Леший

Дочка, дочка!

Как тяжело ты страдаешь за измену!..

Мавка

(поднимает голову)

Кому же изменила я?

Леший

Себе.

Покинула могучие вершины
И вниз, на стежки узкие, спустилась.

Кому ты уподобилась? Служанке,
Батрачке, что своей работой горькой
Кусочек счастья заслужить хотела
И не смогла! И только стыд, наверно,
Стать попрошайкой не дает тебе.
А вспомни-ка, такую ль ты была
В ту ночь, когда впервые полюбила?
Ходила ты царевною лесною,
Венок из звезд сверкал на темных косах,
И счастье жадно руки простирало,
Чтобы вручить тебе свои дары!

М а в к а

Что ж делать мне, коли погасли звезды
И на венке и в сердце у меня?

Л е ш и й

Не все венки твои погибли, дочка.
Взгляни вокруг — какой повсюду праздник!
Весь в золото оделся яшень-князь,
Лесная роза убралась в кораллы.
И, белый цвет сменив на гордый пурпур,
Стоит калина, что тебя венчала
Под свадебные песни соловья.
И даже верба старая с березой
Малиновым и желтым принакрылись
На праздник осени. Лишь ты одна
Сорвать лохмотьев нищенских не хочешь.
Ты, знать, забыла, что тоска не может,
Не смеет быть сильнее красоты!

М а в к а

(порывисто встает)

Давай мне праздничный убор, дедуся!
Я буду вновь царевною лесною,
И счастье упадет к моим ногам,
Меня о ласке умоляя!

Л е ш и й

Дочка,
Давно готово платье для царевны,

Она сама лишь где-то пропадала
И ради шутки нищенкой одедаеь.

Распахивает свою одежду и достает запрятанную под ней пышную, вышитую золотом багряницу и серебряное покрывало на голову. Накидывает багряницу на Мавку поверх ее одежды. Мавка идет к калине, быстро ломает ветки с красными ягодами, свивает себе венок, распускает косы, украшает голову венком и склоняется перед Лешим; тот накидывает ей на голову серебряное покрывало.

Л е ш и й

Теперь уж за тебя я не боюсь.
(Важно кивнувши ей головой, быстрым шагом
идет в чащу и исчезает.)

Из лесу выбегает Перелесник.

М а в к а

Вновь ты?
(Собирается убежать.)

П е р е л е с н и к
(снисходительно)

Не бойся, не к тебе. Хотелось
Мне навестить Русалку полевую,
Да вижу, что она заснула... Жалко...
А ты осунулась...

М а в к а
(гордо)

Неправда это!

П е р е л е с н и к

Неправда? Вряд ли... Дай-ка присмотреться.
(Подходит к ней. Мавка отступает.)
Да ты чего пугаешься? Я знаю,
Что ты обручена, и я не трону.

М а в к а

Прочь! Не глумись!

Перелесник

Да не гневись ты, — что ж,
Коли ошибся я... Послушай, Мавка,
Давай мы побратаемся.

Мавка

С тобою?

Перелесник

А почему бы нет? Настала осень,
И даже солнце, видишь, остывает.
И в нас остыла кровь... Да мы ж с тобою
Товарищами были, а потом
Любились иль шутили — неизвестно.
Теперь настал братанья час. Дай руку.
Мавка несколько нерешительно подает ему руку.
Позволь мне, Мавка, братским поцелуем
Поцеловать лицо твое.
Мавка уклоняется, но он все-таки ее целует.

Ой, сразу

Цветы на бледных зацвели щеках! —
Спокойные, осенние, простые...
(*Не выпуская ее руки, смотрит на поляну.*)
Взгляни, как там летает паутина,
И кружится, и вьется на ветру...
Вот так и мы...

(*Внезапно увлекает ее танцевать.*)

Так вот вдвоем

Кинемся, ринемся,

Танец начнем!

Звезды лучистые,

Зори цветистые,

Ясные, красные, искры огнистые —

Все, что сверкает,

Все, что сияет, —

Кружится, вьется, дрожит и играет!

Так вот и я...

Будь же, как искра, любовь ты моя!

Все быстрее танец. Серебряное покрывало на Мавке взвилось
вверх, как блестящая змея, черные косы рассыпались и смеша-
лись с огнистыми кудрями Перелесника.

М а в к а

Стой же ты! .. хватит! ..

П е р е л е с н и к

Сердце растратить
В час иль в минуту — не все ли равно?
Счастье — измена,
Счастье мгновенно,
Тем, что проходит, и сладко оно!

Талец становится безумным.

Взовьемся!
Сольемся!
Мы вихрем взметнемся!
Мчимся!
Помчимся
К огнистому раю!

М а в к а

Пóлно! .. Пусти меня! .. Я умираю! ..

Голова ее падает ему на плечо, руки опускаются. Обомлевшую, он продолжает кружить ее в танце. Вдруг из-под земли появляется темный, широкий, страшный П р и з р а к.

П р и з р а к

Отдай мое. Пусти ее ко мне.

П е р е л е с н и к
*(останавливается и выпускает Мавку из рук. Она
бессильно опускается на траву)*

Кто ты такой?

П р и з р а к

Не знаешь разве? Я
Тот, кто в скале сидит.

Перелесник вздрагивает, быстрым движением бросается прочь и исчезает в лесу. Мавка очнулась, чуть-чуть приподнялась, широко раскрыла глаза и с ужасом смотрит на Призрак, который протягивает руки, чтобы взять ее.

М а в к а

Я не хочу!
Я не хочу к тебе! Ведь я живая!

Тот, кто в скале сидит
Я поведу тебя в далекий край,
Туда, где темные глухие воды
Спокойно спят, как мертвые глаза;
Стоят над ними скалы молчаливо —
Свидетели давно угасших дней.
Спокойно там: ни травы, ни деревья
Не шелестят и грез не навевают
Несбыточных, что не дают заснуть;
Весенний ветер не заносит песен
О воле недоступной; не горит
Огонь всепожирающий; о скалы
Лишь молнии ломаются, не в силе
Пробить твердыню мрака и покоя.
Приют твой там: ты от огня бледнеешь,
И млеешь, цепенеешь от движенья;
Тень — счастье для тебя. Ты умерла.

М а в к а
(поднимается)

Нет, я жива! И буду жить я вечно!
Есть в сердце то, что умереть не может.

П р и з р а к

А почему ты это знаешь?

М а в к а

Мую
Свою люблю и не хочу забыть.
Когда б забыть ее я захотела,
Я б за тобой пошла куда угодно,
Но никакая сила в целом свете
Желанного не даст мне забытья!

В лесу слышится шум шагов.

Вот он идет, кто дал мне эту муку!
Сгинь, Призрак, сгинь! Идет моя надежда!

Тот, кто в скале сидит, отступил в темные кусты и там притаился. Из лесу выходит Лукаш.

Мавка идет навстречу Лукашу. От яркой одежды лицо ее кажется смертельно бледным, в широко раскрытых больших глазах светится надежда; движения ее порывисты и в то же время бессильны: как будто внутри нее что-то обрывается.

Лукаш
(увидя ее)

Какая страшная! Что тебе надо?
(Спешит к хате, стучится в дверь. Мать, не выходя наружу, открывает, Лукаш на пороге — матери.)
Скорее хлеб готовьте для сватов, —
Я завтра, мама, сватаю Килину!
(Входит в хату. Двери закрываются.)

Тот, кто в скале сидит, выходит из кустов и приближается к Мавке.

Мавка
(срывает с себя багрянцу)

Бери меня! Я забытья хочу!

Тот, кто в скале сидит, прикасается к Мавке. Она, вскрикнув, падает ему на руки. Он закрывает ее своей черной одеждой, и оба они опускаются под землю.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Хмурая ветреная осенняя ночь. Последний желтый отблеск месяца гаснет в хаосе голых лесных вершин. Стонут филины, хочут совы, назойливо кричат сычи. Вдруг все это покрывается протяжным тоскливым волчьим воем. Вой разрастается все больше и больше и сразу обрывается. Наступает тишина. Начинается тусклый болезненный рассвет поздней осени. Голый лес едва вырисовывается на пепельном небе черной щетиной, а вдали по опушке стелется растрепанный сумрак. Стены Лукашевой хаты начинают белеть, возле одной из стен чернеет какая-то фигура, бессильно прислонившаяся к косяку двери. В ней едва можно узнать Мавку; она в черной одежде, на голове —

серое покрывало. Только на груди краснеет маленький пучок калины.

Когда немножко посветлело, на поляне стал заметен большой пенёк на том месте, где когда-то стоял столетний дуб. Недалеко от него — свеженасыпанная, еще не поросшая травой могила.

Из лесу выходит Леший в серой свитке и в шапке из волчьего меха.

Л е ш и й

(приглядывается к фигуре, которая стоит у стены)

Ты, дочка?

М а в к а

(немного приблизившись к нему)

Я.

Л е ш и й

Ужели ж отпустил
Тебя назад Тот, кто в скале сидит?

М а в к а

Ты вызволил своим преступным делом.

Л е ш и й

Ты преступленьем называешь месть,
Которой справедливо отомстил я
Изменнику, любимцу твоему?
Да разве ж он познал не по заслугам
Отчаянье, тоску и безнадежность,
Блуждая по лесу, подобно волку?
Теперь он бродит диким вурдалаком, —
Так пусть визжит, и голосит, и воет,
И жаждет крови, но смертельной муки
Он не погасит!

М а в к а

Радуетесь зря.
Его спасла я. Отыскала в сердце
Волшебное живительное слово,
Что зверя превращает в человека.

Леший

(злобно топает ногой и с треском ломает свою палку)

Быть дочерью лесов ты не годишься! —
Дух у тебя не вольный, не лесной,
А избяной и рабский!

Мавка

Если б знал ты,
О, если б знал, как страшно это было! . . .
Спала я каменным холодным сном
В пещере темной, скользкой и глубокой.
Когда пробился искаженный голос
Сквозь мрачную скалу и над водою
Послышалось в пещере завыванье —
Тоскливое, протяжное, глухое —
И разбудило умершее эхо. . .
И я проснулась. Пламенем подземным
Склеп взорвала моя любовь и жалость,
И вновь я вырвалась на свет. И слово
Мои уста немые оживило.
Я совершила чудо. . . Я узнала,
Что мне вовек не будет забытья.

Леший

Где ж он теперь? Чего он не с тобою?
Знать, велика его неблагодарность,
Как и любовь твоя к нему.

Мавка

Дедуся!

Ты б поглядел! . . . Лишь стал он человеком, —
Как яшень срубленный, упал к ногам. . .
И так смотрел тоскливо, безнадежно,
С таким раскаяньем, с такой мольбою! . . .
Лишь только люди могут так смотреть!
Я не успела вымолвить и слова,
Как он вскочил и тотчас от меня
Закрыв лицо дрожащими руками
И бросился, не проронив ни звука,
В густой терновник, — там и скрылся с глаз.

Л е ш и й

А что ж теперь надумала ты делать?

М а в к а

Не знаю... Я теперь брожу, как тень.
У этой хаты: не хватает силы
Ее оставить... Чует мое сердце,
Что он вернется...

Леший молча и грустно качает головой. Мавка снова прислоняется к стене.

Л е ш и й

Бедное дитя!

Зачем от нас ушла ты в край унылый?
Ужель покоя нет в родном лесу?
Смотри, тебя вон ожидает верба,
Она давно постель твою постлала
И все грустит, что ты пропала где-то.
Иди и ляг.

М а в к а

(тихо)

Я не могу, дедуся.

Леший, глубоко вздохнувши, тихонько пошел в лес. Из лесу доносится бешеный топот. Кажется, что кто-то во весь опор гоняет по лесу коня, потом останавливается.

К у ц

(выскакивает из-за хаты, потирая руки, и, увидев Мавку, останавливается)

Ты, Мавка, здесь?

М а в к а

А ты чего блуждаешь?

К у ц

Я их коня за гриву приволок,
Ох, повозил меня он напоследок!
Теперь на нем никто уж не поедет.

М а в к а

Негодник ты! Весь лес наш осрамил!
Ведь мы же клятву дяде Льву давали!

К у ц

Та клятва вместе с дядей умерла.

М а в к а

Как, умер дядя Лев?

К у ц

Вот и могила.
Под дубом старика похоронили,
А возле пня приходится лежать.

М а в к а

Упали оба... Чувствовал старик,
Что зимовать ему уж не придется...
(Подходит к могиле.)

Ой, как же плачет сердце по тебе,
Единый друг мой! Если б я имела
Живые слезы, — оросила б землю,
Бессмертный бы взрастила я барвинок
Здесь на могиле. Да теперь бедна я,
И скорбь моя, как мертвый лист, ложится...

К у ц

Мне жалость не к лицу. И все ж я должен
Сказать, что очень жалко старика:
Всегда умел он с нами жить в согласье.
Он черного козла держал в конюшне,
Чтоб только было мне на чем кататься.
Лечу, бывало, на козле стрелою,
А лошади стоят себе спокойно.
А этим бабам с нами не ужиться:
Срубили дуб и продали козла —
Нарушили свое же обещанье.
Зато и я их лучшего коня
Заездил насмерть. Купят — вновь заезжу.

Еще к тому ж уговорил я ведьму,
Чтоб их коров попортила она, —
Пускай узнают, как не ладить с нами!
А Водяной им сено подмочил,
А семена сгноили потерчата.
И Лихорадка треплет их нещадно,
Что озеро пенькою завалили.
Не будет им добра у нас в лесу!
Уже и злыдни бродят возле хаты.

Злыдни

(маленькие заморыши в лохмотьях, голодные и жадные, появляются из-за угла хаты).

Мы здесь! Кто нас зовет?

Мавка

(загораживает им путь к двери).

Никто. Уйдите!

Никто вас не зовет!

Один злыдень

Слетело слово, —

Обратно не вернешь.

Злыдни

(салятся на пороге)

Хотя б скорее

Открылись двери. — мы изголодались!

Мавка

Я не пушу туда!

Злыдни

Так дай нам есть!

Мавка

(со страхом)

Нет у меня ни крошки.

З л ы д н и

Дай калину,
Вон ту, что ты на сердце носишь. Дай!

М а в к а

То кровь моя!

З л ы д н и

Так что же, — кровь мы любим.

Один из злыдней бросается к ее груди и сосет калину, остальные пытаются оттащить его, чтобы попробовать самим. Они толкаются, грызутся и урчат, словно собаки.

К у ц

Прочь от нее, — она не человек!

Злыдни останавливаются, щелкают зубами и воют от голода.

З л ы д н и

(Куцу)

Давай нам есть, пока тебя не съели!
(Набрасываются на Куца, но он отскакивает.)

К у ц

Ну-ну! Потихе!

З л ы д н и

Есть! Мы голодны!

К у ц

Постойте! Баб я разбужу сейчас, —
Еда вам будет, ну, а мне забава.
(Берет комок земли, бросает в окно и разбивает
стекло.)

Г о л о с м а т е р и

(в хате)

Ой, что такое? Снова нечисть ходит!

К у ц
(злыдням шепотом)

Вот видите, проснулась. А теперь
Покличет вас. Сидите только тише,
А то старуха так начнет вас клясть,
Что вмиг провалитесь, — она такая.

Злыдни скопляются у порога темной грудой. Сквозь разбитое
стекло слышно, как в хате встает мать, потом раздается ее
голос, а немного погодя голос Килины.

Г о л о с м а т е р и

Уже светло кругом, а та все спит.
Килина! Эй, Килина! Ну и спит же!
Чтоб ты навек заснула!.. Эй, вставай!
Чтоб ты вовек не встала!..

Г о л о с К и л и н ы
(сонно)

Да чего там?

М а т ь
(ядовито)

А не пора ль тебе доить корову —
Молочную, турецкого заводу,
Что муж-покойник для тебя купил?

К и л и н а
(проснувшись)

Да нет, уж лучше подою я ваших
И нацежу три кружки молока —
Фунт масла будет.

М а т ь

Не смолчит ни разу.
Кто ж виноват, что молока не стало?
С такой хозяйкою... ой, горе, горе!
Ну и невестка! Где взялась такая
На нашу голову?

К и л и н а

Да кто ж просил
Меня в невестки брать? У вас была ведь
Какая-то сиротка-замарашка, —
Ее бы вы получше приодели,
Вот и была б невестка вам по нраву.

М а т ь

А что ж, — она б действительно была!
Глупец Лукаш, что за тобой погнался;
А та была покорна и добра, —
Хоть к ране приложи. . . Ты замарашкой
Ее зовешь, а вот, поди, сама
Ее одежду мигом перешила
И носишь, — как тебе не стыдно только?

К и л и н а

У вас похвалишься обновкой! . . Как же! . .
Вон муженечка где-то ветер носит,
А ты горюй с проклятою свекровью, —
И ни жена и ни вдова — никто!

М а т ь

Какой же муж с тобою мог ужиться?
Лихое лихо! все, что было, съела
С детьми своими, — вон они сидят!
Чтоб вам на шею злыдни понасели!

К и л и н а

Пусть на того насядут, кто зовет их!

При этих словах она открывает дверь. Куц убегает в болото. Злыдни вскакивают и вбегают в сени. Килина с ведром в руках быстро бежит к лесному ручью, шумно черпает воду и возвращается обратно уже более спокойной походкой. Замечает у двери М а в к у, которая стоит обессиленная, закрыв лицо серым покрывалом.

К и л и н а

(останавливается и ставит ведро на землю)

Ты кто такая? . . То ли оьянела,
То ль, может быть, замерзла. . .
(Тормошит Мавку за плечи.)

М а в к а

(через силу, словно борясь с тяжелой дремотой)

Зимний сон

Берет меня...

К и л и н а

(открывает ее лицо и узнает ее)

Зачем сюда явилась?

Тебе не заплатили за работу?

М а в к а

(так же, как и раньше)

Никто, никто мне заплатить не может.

К и л и н а

К кому же ты пришла? Его здесь нет.

Я знаю, ты к нему! Признайся,

В любви он клялся?

М а в к а

(так же)

День разгорался —

Ясный, веселый, не тот, что сейчас...

Он уже погас...

К и л и н а

Бредишь?! Довольно!

М а в к а

(так же)

Вольна я, вольна...

Тучка скитается в небе раздольном,

Тихая, грустная, плачет и мчится...

Где ж голубая зарница?

К и л и н а

(хватает ее за руку)

Прочь! Не морочь меня! Чего стоишь?

М а в к а

(устало, отходя от дверей)

Стою да смотрю, как счастливо живете.

К и л и н а

А чтоб ты засохла, как верба в болоте!

Мавка мгновенно превращается в вербу с сухой листвой и плачущими ветвями.

К и л и н а

(опомнившись от изумления, враждебно)

Ага! Знать, в добрый час тебе сказала!

Ну-ну, теперь недолго настоишься!..

М а л ь ч и к

(выбегает из хаты. Килине)

Ой, мама, где вы? Есть нам захотелось,

А бабка не дает!

К и л и н а

Да отвяжись ты!

(шепотом, наклонившись к нему.)

Я там пирог припрятала за печкой, —

Как бабка выйдет, вы его и съешьте.

М а л ь ч и к

То вы сухую вербу посадили?

Зачем она?

К и л и н а

Все знать тебе охота!

М а л ь ч и к

Я дудку вырежу из вербы.

К и л и н а

Режь!

Мальчик срезает с вербы ветку и возвращается в хату. Из лесу выходит Л у к а ш, худой, с длинными волосами, без свитки, без шапки.

К и л и н а

(радостно вскрикивает, увидев его, но тотчас же радость сменяется досадой)

Пришел, явился! Где тебя носило
Так долго?

Л у к а ш

Не расспрашивай...

К и л и н а

Ну, вот!

Шатался где-то, пропадал, носился,
А где — так даже и спросить нельзя!
Ох, милый мой, и спрашивать не стоит...
Уж где-нибудь корчма нашлась, наверно,
А в ней и свитка с шапкой загуляли!

Л у к а ш

В корчме я не был...

К и л и н а

Кто ж тебе поверит?

(Начинает причитать.)

Навек свою головушку сгубила
За пьяницею горьким!

Л у к а ш

Не скули!

Килина умолкает и со страхом смотрит на него.

Теперь тебя расспрашивать начну я!
Где старый дуб? Зачем его срубили?

К и л и н а

(сначала смутилась, но быстро оправилась)

Что ж было делать? С голоду подохнуть?
Пришли купцы, купили и — конец!
Большое счастье — дуб!

Л у к а ш

Но дядя Лев
Поклялся не рубить.

К и л и н а

Твой дядя помер.
Какой же толк теперь от этой клятвы?
А мы с тобою клятвы не давали.
Да я весь лес продать была бы рада
Иль вырубить его, — как у людей
Была бы пашня, а не чертов угол,
Где вечером и высунуться страшно!
Скажи, какая польза нам от леса?
Скитаемся, подобно вурдалакам, —
Того гляди, по-ихнему завоем!

Л у к а ш

Молчи! молчи! не говори!
(В голосе его слышится безумный страх.)

Ты хочешь
Продать весь лес... срубить его... тогда уж
Не будет так... как ты сказала?

К и л и н а

Как?
Подобно вурдала...

Л у к а ш
(зажимает ей рот)

Молчи!

К и л и н а
(вырвавшись)

О боже!
Ты пьян иль сглазили тебя, быть может?
Иди-ка в хату.

Л у к а ш

Я пойду... сейчас...

Вот только... выпью чуточку водицы...

(Становится на колени и пьет из ведра. Потом поднимается и задумчиво смотрит перед собой, не двигаясь с места.)

К и л и н а

Ну? Что задумался?

Л у к а ш

Я? Так... не знаю...

(Нерешительно.)

Никто тут не был без меня?

К и л и н а
(жестко)

А кто же

Прийти бы мог?

Л у к а ш
(опустив глаза)

Не знаю.

К и л и н а
(злобно усмехаясь)

Ты не знаешь,
Так я, быть может, знаю.

Л у к а ш
(встревоженно)

Ты?

К и л и н а

А что ж?

Известно мне, кого ты ожидаешь,
Да только — нет! — напрасны ожиданья!
Была — сплыла. Знать, в дерево пошла...

Л у к а ш

Что ты сказала?

К и л и н а

То, что слышал.

М а т ь

*(выбегает из хаты и бросается обнимать Лукаша. Он
холодно ее встречает)*

Сын мой!.

Сыночек мой! Ой, сколько ж натерпелась
Я с этой ведьмою!

Л у к а ш

(содрогнувшись)

С какою?

М а т ь

(указывая на Килину)

С этой!

Л у к а ш

(с горькой усмешкой)

И эта стала ведьмой? Знать, судьба
Судила вам свекровью быть у ведьмы.
Чья ж тут вина? Ведь вы ж ее хотели.

М а т ь

Когда б я знала, что она такая
Неряха, никудышная...

К и л и н а

(вмешивается в разговор)

Ой, горе!

Кто б говорил!.. Таких нерях и ведьм,

Как ты сама, еще и свет не видел!
Ну, уж и мать, мой милый, у тебя, —
Железо разгрызет.

Л у к а ш

А ты, я вижу,
Покрепче, позанозистей железа.

К и л и н а

Вот от тебя и дождалась защиты!
Какая мать — такой, видать, и сын!
На что ж ты брал меня? Чтоб измываться,
Чтоб мною помыкать?

М а т ь
(Лукашу)

Да неужели ж
Не скажешь ей, чтоб рот она заткнула?
Я, что же, на издевку ей досталась?

Л у к а ш

Да дайте ж мне покой! Вы, знать, хотите,
Чтобы не только я ушел из хаты,
А чтоб и свет покинул? И покину!

К и л и н а
(матери)

Что? Дождалась?

М а т ь

Чтобы тебе от сына

Дождаться так!

(Разозленная, идет в хату, на пороге встречается с сыном Килины, который выбегает со свирелью в руках.)

Уйди, отсюда, злыдень!

(Толкает мальчика и входит в хату, хлопнув дверью.)

М а л ь ч и к

Уже вернулись, тату?

Л у к а ш

Да, мой сын.

(Слова «мой сын» он произносит с оттенком иронии.)

К и л и н а

(злобно)

А как же называть тебя он должен?
Быть может, дядей?

Л у к а ш

(несколько пристыженный)

Нет... я ничего...

Поди сюда, мой маленький, не бойся.
(Гладит мальчика по белой головке.)
Ты сам свирель такую сделал?

М а л ь ч и к

Сам.

Да не умею я играть. Вот вам бы...
(Протягивает свирель Лукашу.)

Л у к а ш

Эх, мальчик, кончилось мое игранье!
(Грустно задумывается.)

М а л ь ч и к

(хныкая)

Вы не хотите? Мама, почему он
Не хочет поиграть мне на свирели?

К и л и н а

Еще чего! Нужна его игра!

Лукаш

Ну, дай-ка мне свирель свою.

(Берет свирель.)

Отлична.

Из вербы сделал?

Мальчик

Да, из этой самой.

(Показывает на вербу, в которую превратилась Мавка.)

Лукаш

Я что-то раньше здесь ее не видел.

(Калине.)

Ты посадила?

Калина

Кто ее сажал!

Торчал отросток — вот он и разросся, —
Земля сырая, да к тому ж дожди!

Мальчик

(капризно)

Чего ж вы не играете?

Лукаш

(задумчиво)

Сыграть? . .

Начинает играть сначала тихо, потом громче. Переходит на ту веснянку, которую играл когда-то Мавке. Внезапно свирель начинает говорить человеческим голосом.

«Сладко он играет,
Глубоко вздыхает,
Белу грудь мне разрывает,
Сердце вынимает. . .»

Лукаш
(роняет свирель)

Что это за свирель? Здесь колдовство!

Мальчик, испугавшись крика, убегает в хату.

Ответь, колдунья, что это за верба?

(Хватает Килину за плечо.)

Килина

Да отвяжись! Я ничего не знаю:
С лесным отродьем дружбы не вожу,
Как весь твой род! Сруби ее, коль хочешь, —
Мне все равно. На вот, бери топор!
(Приносит из сеней топор.)

Лукаш

(взявши топор, подошел к вербе, ударил один раз по стволу. Она качнулась и зашелестела сухими листьями. Он замахнулся в другой раз, но тут же опустил руки)

Рука не поднимается чего-то,
И больно сердце сжалось...

Килина

Дай-ка я!

Вырывает у Лукаша топор и широко замахивается на вербу.

В это мгновение с неба огненным змеем-метеором слетает

Перелесник и обнимает вербу.

Перелесник

Спасу тебя, любовь моя, спасу!

Верба сразу вспыхивает пламенем. С ее вершины пламя перекидывается на хату, загорается соломенная крыша, пожар быстро распространяется. Мать Лукаша и дети Килины выбегают из хаты с криком: «Горим! Горим! Спасайте! Ой, пожар!» Мать и Килина мечутся, выхватывая из огня все, что только можно. На мешках и узлах, вытаскиваемых из хаты, сидят, скрючившись, злыдни. После они прячутся в эти мешки и узлы. Дети носят воду и заливают огонь, но он разгорается все сильней.

М а т ь
(Лукашу)

Чего стоишь? Спасай свое добро!

Л у к а ш
(вперив глаза в стропила, охваченные пламенем)

Добро? А может, там сгорит и горе? ..

Стропила с треском рушатся. Искры столбом взвиваются вверх. Потолок проваливается, и вся хата превращается в пылающий костер. Надвигается тяжелая белая туча, и начинает идти снег. Скоро белая снеговая мгла закрывает все. Никого не видно. Только багряный свет пламени указывает место пожара. Немного погодя, когда пламя гаснет и снегопад уменьшается, становится видно черное место пожарища. Оно еще дымитя и трещит от влаги. Ни матери Лукаша, ни детей Кирины, ни узлов с пожитками уже нет. Сквозь снег виден только недогоревший сарай, нагруженная повозка и кое-какие предметы сельскохозяйственного обихода.

К и л и н а
(с последним узлом в руках, дергая Лукаша за рукав)

Лукаш! Лукаш! .. Ты что, остолбенел?
Хотя б помог мне выносить пожитки!

Л у к а ш
Да вы ж давно повынесли всех злыдней.

К и л и н а
Молчал бы лучше! Что пустое мелешь?

Л у к а ш
(смеется тихим странным смехом)

Я вижу то, чего ты не увидишь...
Теперь я мудрым стал...

К и л и н а
(со страхом)

Ой, муженек мой,
Ты говоришь такое... я боюсь!

Лукаш

Чего ж бояться? Дурня не боялась,
А мудрого боишься?

Килина

Мой Лукаш!

Уйдем скорей в село!

Лукаш

Не-ет, не пойду я.

Я из лесу не выйду. Здесь останусь.

Килина

Да что ж ты будешь делать?

Лукаш

Разве нужно

Мне что-то делать?

Килина

Как же будем жить мы?

Лукаш

А жить зачем?

Килина

Лукаш, побойся бога!

С ума сошел ты, или что еще,
Быть может, с перепугу приключилось.
Пойдем в село, там позовем мы бабку,
Чтобы сняла испуг.

Лукаш

(смотрит на нее с пренебрежительной усмешкой)

А кто же здесь

Остатки эти сторожить нам будет?

(Показывает на нагруженную повозку и различные разбросанные предметы).

К и л и н а
(озабоченно)

Ой, правда, правда, — все порастаскают!
Проведают, что был у нас пожар,
Да и нахлынут из села толпою.
Так ты уж здесь пока что оставайся.
Я побегу, в селе достану лошадь, —
Ведь наша лошадь, знаешь сам, сгорела,
Все сложим на воз да и увезем
К твоей родне. . . Быть может, нас и примут. . .
Ой, горе! Надо как-нибудь спастись. . .

Последние слова Килина произносит уже на ходу, по дороге в лес. Лукаш провожает ее тихим смехом. Скоро она исчезает. Из лесу выходит какая-то высокая женская фигура в белой длинной рубашке и в завязанном по-старинному повойнике. Она идет, шатаясь, как будто валится от ветра, иногда останавливается и низко кланяется, словно чего-то ищет. Подойдя поближе к кустам ежевики, что стоят недалеко от пожарища, она выпрямляется, и тогда становится видно ее изможденное лицо, похожее на лицо Лукаша.

Л у к а ш

Кто ты? Чего ты тут ходишь?

Ф и г у р а

Я несчастная Доля.
Заведет меня в дебри
Неразумная воля.
И теперь, чуть живая,
По лесам я блуждаю,
К земле припадаю, где найти, не знаю,
Путь к ушедшему раю,
Позасыпаны снегом
Все тропинки глубоко. . .
Знать, придется мне в дебрях
Погибать одиноко! . .

Л у к а ш

Ты сломай, моя Доля,
Хоть вон ту хворостинку,
Чтобы снег размести, чтоб себе провести
Хоть одну бы тропинку!

Д о л я

Здесь когда-то весной
Я ходила-гуляла,
Я цветы для приметы
По дорожкам сажала.
Ты их с корнем повыврал,
Побросал их под ноги...
Ничего теперь нет, не осталось примет,
Где искать мне дороги.

Л у к а ш

Разгреби, моя Доля,
Ты сугробы руками, —
Хоть единый цветочек
Отыщи под снегами.

Д о л я

Отморожены руки,
Трудно пальцами двинуть...
Плачу я, тоскую, вижу я и чувю,
Что придется мне сгнуться.
(*Со стоном падает.*)

Л у к а ш

(*протягивает к ней руки*)

Ой, скажи, посоветуй,
Как прожить мне без доли!

Д о л я

(*указывает на землю у него под ногами*)

Как засохшая ветка,
Что брошена в поле!

Уходит, шатаясь, и исчезает в снегах. Лукаш наклоняется над тем местом, на которое указала Доля, и находит свирель, сделанную из вербы, ту, которую он бросил; берет ее в руки и идет

через белую поляну к березе. Садится под длинными ветвями, покрытыми снегом, вертит в руках свирель, иногда усмехаясь, как ребенок. Легкая белая фигура, напоминающая Мавку, появляется из-за березы и склоняется над Лукашом.

Ф и г у р а М а в к и

Сыграй, сыграй, дай сердцу голос!
Оно одно осталось от меня.

Л у к а ш

Опять? .. Ко мне явилась ты вампиром,
Чтоб выпить кровь мою? Так пей же, пей!
(Раскрывает грудь.)
Живи моею кровью! Так и нужно
За то, что я сгубил тебя. . .

М а в к а

Нет, милый!
Да ты ж мне душу дал, как острый нож
Дает отростку вербы тихий голос.

Л у к а ш

Я душу дал? А тело загубил!
Что ты теперь? Тень! Призрак! Привиденье!
(С невыразимой тоскою смотрит на нее.)

М а в к а

О, не жалей мое тело!
Ясным огнем засветилось оно,
Чистым, сверкающим, словно вино,
Вольными искрами ввысь улетело.

Примет родная земля
Пепел мой легкий и вместе с водою
Вербу взрастит материнской рукою, —
Станет началом кончина моя.

Тихими стежками люди
Станут весною ко мне приходить.
Радость и горе свое приносить,
И отвечать им душа моя будет.

Встречу я всех, как родных,
Шелестом листьев и ласковой тенью,
Тихую песней свирели весенней,
Теплой росой на ветках моих.

Я расскажу им, сыграю
Все, что когда-то мой милый играл,
Все, что когда-то он мне доверял,
Грезы в лесу собирая...
Милый, играй, умоляю!

Лукаш начинает играть. Вначале мотив грустный, как шум зимнего ветра, как печаль о чем-то погибшем, но незабываемом, но вскоре победная мелодия любви покрывает тоскливый напев. Вместе с песней изменилась и природа: береза шелестит кудрявой листвой, весенние звуки раздаются в зеленеющем лесу. Темный зимний день превращается в ясную лунную весеннюю ночь. Появляется М а в к а в звездном венке, такая же как вначале. Лукаш бросается к ней с возгласом счастья.

Ветер сбивает с деревьев белый цвет. Этот цвет летит, летит, закрывая влюбленную пару, и дальше переходит в сильный снегопад. Когда снегопад немного уменьшается, перед глазами снова зимняя природа. Деревья засыпаны снегом. Лукаш сидит одиноко со свирелью в руках, прислонившись к березе. Глаза его закрыты, на устах застыла счастливая улыбка. Он сидит без движения. Снег шапкой лег ему на голову, запорошил всю фигуру и падает, падает без конца...

25. VII. 1911 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Народные волынские мелодии, выбранные Лесей Украинкой
для «Лесной песни».

Andante 1

Andante 2

Allegro 3

Risoluto 4

Allegro 5

Andante 6

7

Andante

Musical score for section 7, starting with the tempo marking *Andante*. The score consists of five staves of music. The first staff begins with a treble clef and a 2/4 time signature. The second staff continues the melody. The third staff includes the marking *piu mosso*. The fourth staff includes the marking *a tempo*. The fifth staff concludes the section with a double bar line.

8

Andantino

Musical score for section 8, starting with the tempo marking *Andantino*. The score consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef and a 2/4 time signature. The second staff includes the marking *piu mosso* and ends with the marking *riten.*. The third staff includes the marking *a tempo* and then *piu mosso*.

9

Allegretto

Musical score for section 9, starting with the tempo marking *Allegretto*. The score consists of three staves of music. The first staff begins with a treble clef and a 2/4 time signature. The second and third staves continue the melody.

10

Andantino

Musical score for section 10, starting with the tempo marking *Andantino*. The score consists of two staves of music. The first staff begins with a treble clef and a 2/4 time signature. The second staff continues the melody.

Allegro moderato

11

Allegro

12

Allegro

13

Andante

14

Andante

15

Andante

16

По указаниям поэтессы мелодии вставляются в следующих местах пьесы:

Действие первое

Стр. 221. «Из тростников слышится гóлос свирели», — мелодии № 1, 2, 3, 4.

Стр. 222. «Лукаш вновь играет» — мелодия № 5.

Стр. 228. «Лукаш играет» — мелодии № 6, 7, 8.

Стр. 230. «Тихо наигрывает на свирели что-то очень грустное» — мелодия № 9.

Стр. 241. «...наигрывает на свирели» — мелодия № 10.

Действие второе

Стр. 254. «...игрывает бойкую танцевальную мелодию» — мелодии № 11, 12, 13.

Действие третье

Стр. 299. «Начинает играть» — мелодия № 14. «...Переходит на ту веснянку» — мелодия № 8.

Стр. 306. «Вначале мотив грустный» — мелодии № 15, 16, «...Победная мелодия любви» — мелодия № 10, только звучит громче, более страстно, чем в первом действии.

Примечание. Все эти мелодии следует играть solo, без оркестрового сопровождения и без искусственной аранжировки; если трудно переходить от одной мелодии к другой в том порядке, как здесь указано, без долгих искусственных модуляций, то лучше пусть они отделяются одна от другой просто паузами, как это обычно бывает, когда играют деревенские музыканты, потому что именно здесь-то и следует сохранить деревенский стиль без лишних хитростей. Только если для того инструмента, который будет имитировать свирель, какая-либо мелодия не подойдет по тону, то ее сам артист может транспонировать выше или ниже, в зависимости от того, как лучше зазвучит и как легче будет переходить от одной мелодии к другой.

Леся Украинка

АДВОКАТ МАРТИАН

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат Мартиан Эмилий.
Аврелия — его дочь.
Валент — его сын.
Альбина — его сестра.
Люцилла — ее дочь, племянница Мартиана.
Констанций — писец у Мартиана.
Брат Изоген — знатный христианин, принадлежащий к клиру.
Ардепт — молодой христианин.
Мим — немой раб.
Германец — привратник.
Центурион вигилов.
Стража, соседки.

Действие происходит в городе Путеолы у Неаполитанского залива, в доме Мартиана, в III веке н. э.

I

Перистиль (домовый дворик) в жилище Мартиана, окруженный крытой колоннадой, простого, даже строгого стиля, с комнатами, выходящими в колоннаду; с одной стороны комнаты расположены в два этажа, узкая лестница ведет вверх. Дворик посыпан песком и кое-где засажен колючими растениями, главным образом агавами; в разных местах стоят скамейки из серого камня. Посредине круглый бассейн без цветов и украшений; около него большие солнечные часы и меньшие — водяные (клепсидра); там же столб с привязанной к нему медной доской, молотком и большим фонарем сбоку. В глубине перистиля узкие ворота с окошком в одной стороне и калиткой — в другой. За

воротами открывается красивый вид на море. На переднем плане с одной стороны к перистиллю примыкает довольно большой таблин (комната для работы) Мартиана, тоже очень простой, без украшений, заставленный полками и корзинами, где сложены в большом порядке кодексы, таблицы, свитки и подшивки пергаментов, а также письменные принадлежности. В таблине только задняя стена каменная, боковые заменены раздвижными занавесами. Действие происходит одновременно в таблине и в перистилле.

Констанций, молодой человек весьма скромного вида, готовится в таблине все для работы: раскладывает разные документы на столике, придвигает к столику кресло со скамейкой для ног и складной стул-треножник, разглаживает восковые таблицы и оттачивает стиль (палочку для писания).

Мим, немой раб, стирает пыль с солнечных часов, смотрит, куда падает на них тень, потом вдруг начинает бить молотком по медной доске громко и резко, словно в набат, но при этом сохраняет спокойный вид, будто вокруг полная тишина.

Сбоку, из прохода за таблином, выходит Мартиан, пожилой, но еще не старый человек, берет Мима за плечо, улыбается и подает рукой знак — прекратить стук. Мим останавливается, отходит в сторону, берет грабли и разравнивает песок между агавами. Мартиан входит в таблин.

М а р т и а н

Привет Констанцию.

К о н с т а н ц и й

Привет патрону.

М а р т и а н

Мой верный Мим, как рок неумолимый,
Мне не дает проспать часы работы.

(Садится в кресло.)

На очереди что у нас сегодня?

К о н с т а н ц и й

Теперь нам предстоит заняться делом
О конфискации земли церковной
У местной общины.

М а р т и а н

Прекрасно. Дело

Уже я подготовил для защиты,

А ты в законах наших поищи,
На срок какой за погребальным братством
Закреплены права на эту землю, —
Она кладбищенской считалась прежде,
Хотя уже давно там не хоронят.

Констанций достает с полки кодекс, садится на скамейку и просматривает статьи законов. Мартиан берет один из свитков, лежащих на столе, и внимательно читает.

К о н с т а н ц и й
(*несмело, не поднимая головы*)

Патрон, позволь сказать о частном деле.

М а р т и а н

Каком?

К о н с т а н ц и й
Твоем.

М а р т и а н
Что? Я не понимаю.

К о н с т а н ц и й
Твоя жена...

М а р т и а н
(*жестко*)
Нет у меня жены.

К о н с т а н ц и й
Прости... Но я сказать тебе обязан,
Что Туллия уже к суду прибегла,
С тебя взыскать желает половину
Имущества, как будто долю после
Развода вашего.

М а р т и а н
(*явно пораженный, но владея собой*)
Так что ж, пускай.

К о н с т а н ц и й

Ты не поручишь разузнать подробно?

М а р т и а н

Подробности мне скажут на суде.

К о н с т а н ц и й

Я слышал, у нее в суде поддержка,
Ведь муж ее...

М а р т и а н

(сухо)

Мне это безразлично.
Ну что, нашел закон?

К о н с т а н ц и й

Пока не вижу.

Оба читают молча. В это время за воротами раздается какой-то глухой гул голосов, который потом стихает. Открываются ворота, привратник-германец заходит с улицы в перистиль, подает Миму табличку и показывает ему знаками, чтобы он передал ее кому-то на верхний этаж. Мим берет табличку и проходит с ней в таблин. Привратник пробует задержать его, но тот сердито смотрит и качает головой. Привратник машет рукой и снова идет за ворота. Мим входит в таблин и подает табличку Мартиану, а сам останавливается на пороге.

М а р т и а н

Что это? От кого, кому посланье?
Оно без подписи.

(Читает.)

«Я жду тебя

В любое время дня и даже ночи.

Ты будешь, как в раю. Целую крепко

Так, как люблю тебя».

(Пожимает плечами.)

Не понимаю.

(Усмехаясь.)

А это, может быть, тебе, Констанций?

Тогда меня ты извини.

(Подает ему табличку.)

К о н с т а н ц и й
(не беря)

Нет, нет,
Об этом нечего и думать, право!

М а р т и а н

Чего ж ты так пугаешься? Послание
Весьма заманчиво и не без страсти.

Знаками спрашивает Мима, где он взял табличку. Тот указывает на ворота и повторяет жесты, которые ему делал привратник.

М а р т и а н
(уже с досадой)

Все это очень странно!

Подает знак Миму, тот уходит.

К о н с т а н ц и й

Верно, шутка.

М а р т и а н

Но ведь сейчас не первое апреля!
(Выходит в перистиль и на пороге обращается
к Констанцию.)

Пока иди. Я позову попозже.

Констанций с кодексом выходит направо.

М а р т и а н
(зовет, подняв голову)

Аврелия!

А в р е л и я
(отзывается из верхней комнаты)

Иду!

Сбегает по ступенькам вниз к отцу. Аврелия — молодая, красивая девушка, в ее голосе и движениях чувствуется что-то нервное, порывистое.

М а р т и а н

Скажи, ты знаешь,
Кто это написал?
(Показывает ей табличку.)

А в р е л и я
(быстро взглянув)

Ах!..
(Выхватывает табличку, прячет в одежде и хочет бежать назад.)

М а р т и а н
Стой!

Аврелия останавливается.

Кому же
Послание? Оно без обращения.

А в р е л и я
Я думала... а впрочем... я не знаю...

М а р т и а н
(сурово)

Не понимаю, дочь, что заставляет
Тебя держаться, словно ты росла
Невольницею где-то в гинекее.
Посланья тайные... И кто ж тебя
Так дерзко вызывает на свиданье
«В любое время дня и даже ночи»?..
И почему он не придет сюда,
Чтоб честно попросить твоей руки?
Иль понимает сам, что недостойн?

Аврелия молчит.

Ну! Говори!

А в р е л и я
Да то совсем не «он»...

М а р т и а н
«Совсем не он»?.. Ты неудачно шутишь.

А в р е л и я

Я не шучу... Письмо писала мама.

М а р т и а н
(как громом пораженный)

Что говоришь ты?! О, какая наглость!

А в р е л и я

Не говори про маму так! Какая
В том наглость, что она меня так любит?
И я ее люблю! О да, люблю!
Она меня давно к себе зовет,
И я давно бы к ней уйти решилась,
Когда бы не была я так позорно
И непростительно труслива!
(Рыдает.)

М а р т и а н

Вижу,
Какую я ошибку совершил,
Скрывая матери твоей проступки,
Которыми она меня клеймила.

А в р е л и я
(перестает плакать, спокойнее)

Да это все равно. Не мне судить вас;
Пускай она виновна пред тобою,
Но предо мной ничем не провинилась.

М а р т и а н

Она покинула тебя ребенком.

А в р е л и я

Она должна была покинуть дом,
А если я здесь и сейчас живу,
То в том виновен только ты.

М а р т и а н
(гневно)

Опомнись!
Виновен я, что дал очаг родимый,
Что не живешь у отчима под кровлей?
Находишь в этом ты *вину*?

А в р е л и я
Отец мой!
Молчу я, чтобы не гневить тебя.

М а р т и а н
Теперь твое молчанье не поможет.
Уже ты нанесла удар тяжелый.
Так лучше до конца мы объяснимся.
Коль хочешь променять свой дом родимый
На отчима жилище...

А в р е л и я
Ну так что же?
Ведь, замуж выходя, сменить пришлось бы
Мне дом родимый на жилище свекра?
И это было б для тебя ударом?

М а р т и а н
Тут разница большая.

А в р е л и я
Я не вижу.
Вот если б девушка стремилась замуж
Лишь по любви! Но разве не бывает,
Что замуж девушки идут, желая
С родительскою кровлею расстаться?
Страшней, чем отчим, нелюбимый муж,
Но для меня, отец мой, дом родимый
Темницей стал...

М а р т и а н
Да неужели, дочка?

А в р е л и я

Ты погляди, отец, как я живу:
Сама с собой весь день, и даже слуги —
Иноязычные, глухонемые.
Ты слуг таких нарочно подбираешь,
Чтоб пересудами не занимались,
Чтобы никто не знал, что в этом доме
Обряды христианские. . .

М а р т и а н

Ты знаешь,
Что *должен* я таиться.

А в р е л и я

Да, я знаю,
Но мне от этого ничуть не легче.
Ведь ты, отец, был *вынужден* запрятать
Меня за стенами от христианок,
Чтоб я не заражалась от подруг
Мятежным духом и неосторожно
Себя не выдала с тобою вместе,
А если б у меня нашлись подруги
Язычницы, ты был бы недоволен.
Вот потому живу я, как в пустыне.
(С горьким смехом.)

И на пустыню дворик наш похож:
Песком покрыт, репейником колючим,
Агавами! Совсем пустыня!

М а р т и а н (спокойно)

Дочка,
Что я могу тебе сказать на это?
Лишь то, что в нашей общине ты можешь
Найти немало девушек цветущих,
Которые живут тебе подобно,
От пышности отрекшись и веселья,

А в р е л и я

Они своей живою верой живы,
А я ведь ради мертвой погибаю.

М а р т и а н
(в ужасе)

Как «ради мертвой»? Страшные слова...
Так неужели... ты в Христа не веришь?!

А в р е л и я
(печально)

Я верю, но мертва такая вера.

М а р т и а н

Все это бред какой-то несусветный!

А в р е л и я

А я, отец, не создана для света —
Ни для небесного, ни для земного.

М а р т и а н

Аврелия! Меня ты убиваешь
Такою речью!

А в р е л и я

Лучше я умолкну.

(Склоняется, печально и покорно опустив руки.)

М а р т и а н

Нет, дочка, я молю, молчать не надо!
Скажи мне все, откройся — пусть я знаю
Болезнь твоей души! Ее, быть может,
Удастся вылечить.

А в р е л и я

Нет, это трудно...
Чем может жить, отец, такая вера?
Она, как наш слуга, глухонема,
Ей лишь дано следовать, как жизнь тихонько

Передвигается, подобно тени
На солнечных часах. Вот я не смею
Заботиться об узниках и нищих,
Как эти девушки, которых ныне
Ты ставишь мне в пример.

М а р т и а н

На эти средства,
Что должен я потратить для того,
Чтоб двор тебе пустыней не казался,
Я тайно помогаю неимущим. . .
Тебе ходить не надо к заключенным.
Мне легче вызволять их из темницы
И на суде права их защищать,
Ничем не подорвав к себе доверья
И в судьях подозрения не вызвав.

А в р е л и я

И без меня ты мог бы это делать
Гораздо лучше. Жалкую одежду,
Что я ношу, отдал бы неимущим,
Когда б я умерла. . .

(*Нервно.*)

Пожалуй, больше
Я помогла б тебе своею смертью!

М а р т и а н

Речей подобных я не заслужил.
Тобой владеют мелкая досада
И суетность. А «жалкую одежду»
Сменить другою можешь, побогаче.

А в р е л и я

Я не гонюсь за пышною одеждой,
Зачем и для кого мне наряжаться?

М а р т и а н

Ты мне язычницу напоминаешь.
«Зачем и для кого» рядиться? Скоро
У нас настанет пасха, светлый праздник,
Когда и нищий хочет приодеться.

А в р е л и я

Ему среди людей приятно в церкви.

М а р т и а н

Нам разве нужно праздновать на людях?
Ведь то языческие развлечения —
На праздник в шумных оргиях собираться
И дико буйствовать, а христиане
Вдали от глаз людских встречают праздник.

А в р е л и я

Мои, быть может, и греховны мысли,
Но всякий раз, как празднуем мы так,
Замкнувшись ото всех, меж тем как люди
Собираются веселою толпой, —
Мне кажется, что мы все отщепенцы,
Которых бог признать не хочет в небе,
Как мы не признаем его открыто
Перед людьми.

М а р т и а н

Когда-то я так думал,
Но наша община и сам епископ
Меня уверили, что больше пользы
Я церкви принесу работой тайной,
Чем если добровольно смерть приму.

А в р е л и я

Лишь о себе — не о тебе я мыслю.

М а р т и а н

Ужели ты Христа любить не можешь
Глубокою и тайною любовью?

А в р е л и я

Мертва моя любовь, мертва и вера.

М а р т и а н

Аврелия! Страшны твои слова.

А в р е л и я

Страшнее то, что кроется за ними. . .

(После паузы.)

Отец, припомни праздник рождества,
Когда ты мне рассказывал впервые
О том, как бог родился в Вифлееме!

М а р т и а н

Да разве я могу забыть об этом?
Мне вновь хотелось бы увидеть радость,
Которая светилась в детских глазах,
И вновь почувствовать тот сладкий трепет,
Что от тебя воспринял я тогда,
Когда ты на руках моих сидела.

А в р е л и я

(мечтательно)

Я долго не могла заснуть той ночью. . .
И все я думала о сыне божьем,
Родившемся под ангельское пенье,
В сиянии звезды новорожденной.
Я мыслями стремилась к Вифлеему,
Несла дары с тремя волхвами вместе,
Там было золото, и благовонья,
И все, что я могла отдать младенцу.
Я устилала пол ковром пурпурным,
Цветами щедро ясли осыпала,
Ребенка тонкой тканью пеленала,
Дарила самоцветные игрушки.

М а р т и а н

Безгрешны эти мысли для ребенка,
Но взрослая, мечтая так, впадает
В язычество.

А в р е л и я

А ты, отец, не бойся!
Мои мечты погасли. . . Помнишь, ты
На следующий день сказал мне тихо:

«Дитя мое, знай, никому не надо
Рассказывать, что я тебе поведал...»
Об этом с горечью припоминала
Недавно я, когда обряд свершали
Не в церкви, а в обычном доме. «Боже! —
Я думала. — Так вот мои дары!..»

М а р т и а н

Христос не ждет от нас великолепья.

А в р е л и я

А все же я слыхала, что в церквях
Иконы есть, торжественное пенье,
Но это все, увы, не для меня.
Я только без запрета вижу в окна
На улицах языческий обряд:
Веселье сатурналий, и весталок
Процессии, и шествие жрецов,
И думаю: «Хоть ложна эта вера,
Но почему в ней столько красоты,
А наша правда выглядит так жалко?»
Любовь моя от этих дум мертвеет...

М а р т и а н

Аврелия! Умей как христианка
Значенье высшей красоты постигнуть,
Которую язычники не знают.

А в р е л и я

Я этой высшей красоты не вижу!..
Нет, впрочем, раз я видела ее,
Но ты сказал, что мне не надо было...

М а р т и а н

О чем ты?

А в р е л и я

С мамою я как-то в цирк
Пошла... Ты на нее еще сердился...

М а р т и а н

Я знал, что повело ее туда
Пустое любопытство. Для тебя же
То был удар — ты заболела ночью,
В жару металась, в ужасе кричала. . .

А в р е л и я

И все-таки один я только раз
Могла тогда воочию увидеть
Той высшей красоты живую мощь,
Такую страшную. . .

М а р т и а н

Ты вся дрожишь,
Едва припомнишь это. Нет, напрасно
Тебя туда водили!

А в р е л и я

А быть может. . .
Зачем мне было видеть, в самом деле,
Как девушка, вся — красота и юность,
В одежде белой встала на арене,
Как расцвела среди поля золотого
Лилея белая? Зачем пришлось мне
Услышать, как эоловою арфой
Звенел девичий голос: «Аллилуйя»?
Зачем, зачем тогда я пурпур этот
Живой увидела? . . Я понимаю
Тех обезумевших людей, что вдруг
Потоком на арену устремились,
Крича: «Мы христиане! . .»

(Голос ее звучит истерически.)

М а р т и а н

Тише, тише,
Дочь, успокойся.

А в р е л и я
(нервно смеясь)

Что? Услышат люди
На улице, как мы, от всех укрывшись,
Кричим, что мы приверженцы Христа?

М а р т и а н

Я *должен* укрываться.

А в р е л и я

Да, я знаю.

И ты б хотел, чтоб я уста сомкнула,
А только сердцем обращалась к богу?
Не так ли?

М а р т и а н

(тихо и покорно)

Да, конечно, дочка.

А в р е л и я

Знай же,

Что так я не могу. Чтобы молчанье
Хранить, забыть все нужно. Если ж надо
Забыть мне все, что видела я в цирке,
Тогда тебя покинуть я должна.

М а р т и а н

Зачем же, доченька?

А в р е л и я

Тогда забуду

Лилею белую, когда раскроюсь
Прекрасной розою, хоть не святою.
И для того, чтоб я легко забыла
Арену золотую, пусть коврами
Мне златотканными устелют путь.
Пусть гром трубы святой притушит голос,
Эоловою арфою звучавший.
Я позабыть могу кровавый пурпур,
Когда мой стан оденет шелк багряный
И лучших юношей толпа в безумстве
Твердить мне будет: «Мы твои рабы!»

М а р т и а н

(с ужасом смотрит на нее)

Аврелия! Откуда эти мысли?

А в р е л и я

От матери.

М а р т и а н

Она тебя учила?..

А в р е л и я

Она мне с кровью все передала,
Ведь я *ее* дитя!

М а р т и а н

А не мое?

А в р е л и я

Ты сам хотел лишить меня наследства.
Уста замкнувши, ты замкнул и сердце,
Я не хочу прислушиваться больше
К тому, что стонет в сердце, как в темнице.
Пусть даже стон замолкнет... Отпусти же
Меня ты к матери.

М а р т и а н

Ты ожидаешь,
Что отчим твой тебя тотчас нарядит
В багрец и золото?

А в р е л и я

Мать говорила,
Что деньги, и немалые, получит
Откуда-то.

М а р т и а н

Откуда, ты не знаешь?

А в р е л и я

Не спрашивала я. Мне безразлично.

М а р т и а н

Она *с меня* взыскать судом желает
Владенья половину.

А в р е л и я
(неприятно удивленная)

Так ли это?

М а р т и а н

Тебя она затем зовет, как видно,
Чтоб требовать имущество вернее.

А в р е л и я

Не говори так! Я не буду слушать!..
Нехорошо, что мать отнять решила
Имущество... А впрочем... Если взвесить...
Она действительно имеет право.

М а р т и а н
(резко)

Недурно взвесила!

А в р е л и я

Отец, подумай,
Все ж мать тебе и жизни половину
И молодость когда-то отдала.

М а р т и а н

Стыдись! Зачем бросаешься словами?
Ужель ты думаешь, что так и надо
Жизнь продавать за звонкую монету
И отдавать ее тому, кто купит?
Иди! И впрямь ты не мое дитя!

А в р е л и я
(тоже разгорячившись)

Да! Не твоя! Твоей быть не хочу я!
Твоею быть и значит все отдать:
И молодость, и красоту, и душу,
Замкнуться и от жизни отказаться,
А что же мне взамен? Лишь рабский жребий,
Тоска, бесцельное существованье!

М а р т и а н

Все это можно вытерпеть за деньги,
По-твоему?

А в р е л и я

Я все уже сказала,
Все, как я думаю, и мне теперь
Уж нечего добавить.

(Поворачивается, чтобы уйти, но останавливается.)

Мама завтра

В Египет едет, потому что отчим
Туда легатом цезаря назначен.
И если к ней приду еще сегодня,
Она меня возьмет в Александрию,
Где буду в роскоши я жить царевной
Египетскою!

М а р т и а н

Дочкой Клеопатры?

Аврелия молча метнула в отца взгляд, полный ненависти, и
быстро пошла вверх по ступеням.

М а р т и а н

(бросился было за ней, но остановился)

Нет... Что я ей скажу?..

(Обессиленный, опускается на каменную скамейку.)

Как недостойно,

Как низко все! Зачем сказал я это?

Из комнаты, что в глубине перистилия, выходит В а л е н т, молодой человек, напоминающий Мартиана не только красивой внешностью, но и движениями, хотя у него и нет отцовской сдержанности и самообладания.

В а л е н т

Приветствую тебя, отец.

М а р т и а н

О, сын мой,
Когда бы мог узнать мое ты горе!

В а л е н т

Я слышал все, что вы тут говорили.

М а р т и а н

И что ж?

В а л е н т

Сестра кой в чем была права.

М а р т и а н

Да?..

В а л е н т

(мягко, но решительно)

Разумеется, она по-женски
Несдержанно с тобою говорила,
Но нелегко дался ей разговор.
Аврелию я понимаю. Сам я
Себя считаю в этом доме лишним.
Отец, зачем мы здесь нужны тебе?

М а р т и а н

Так не спросил бы ты, детей имея.

В а л е н т

Я знаю, ты нас любишь. Мы тебя
Ведь тоже любим.

М а р т и а н

Но твоя сестра
Не доказала этого.

В а л е н т

Что делать?

Не виноваты мы, что ты не видишь
От нас с сестрой ни помощи, ни счастья.
Мы у тебя лишь можем *находиться*,
А *жить* не смеем, потому что станем
Камнями преткновенья на пути
Твоим тяжелом. Разве не разумней,

Чтоб мы из дома твоего ушли?
И если ты нас любишь, неужели
Тебе не тягостно и самому,
Что для тебя мы губим наши жизни?

М а р т и а н

Зачем ты говоришь все «мы»? Конечно,
Я воспитать твою сестру не мог,
Но ведь тебя я воспитал иначе:
Ты в школе был и окружен друзьями,
Тебя ведь я не прятал от людей.

В а л е н т

От этого не легче. Ведь не знает
Аврелия, как тяжело с людьми,
А то б не жаловалась на «пустыню»...
Терпел я в школе ежедневно муки,
Нет, пытки подлинные! Школяры
На «римлян» и на «христиан» делились,
Раздоры, драки часто поднимали;
Два лагеря непримиримых были,
Как на войне. И эти и другие
Меня дразнили «междуверцем», даже
Теперь за мной осталась эта кличка, —
Все потому, что, твой завет храня,
К религии кажусь я равнодушным,
Среди язычников и христиан —
Холодным и бесстрастным отщепенцем...
Никто не знает, что кипит во мне!

М а р т и а н

Мой сын, господь во все проникнет тайны,
За все воздаст тебе.

В а л е н т

За что, отец?
И чем я заслужил почет у бога?
Чем сам себе я славу заслужил?

М а р т и а н

Кто научил тебя тщеславью?

В а л е н т

Ты.

Я трепетал, когда ты вел рассказ
О входе господя в Иерусалим,
И там толпа огромная народа
«Осанна сыну божьему!» — кричала,
И лес ветвей над нею колыхался,
То был триумф!

М а р т и а н

Не наивысший, сын мой.
Терпя и надругательства и муки,
Сын божий возносил венец терновый
Над царскими. Вот *это* был триумф.

В а л е н т

И то не наивысший. Там, на небе,
Воссел Христос направо от отца,
А в судный день, при громогласных трубах,
Пришествия второго явит славу. . .

М а р т и а н
(набожно)

Да будет так, Валент. Но все же слава
Принадлежать должна Христу — не людям.

В а л е н т

Но был апостол Павел человеком,
И все же он прославился везде.
Ареопег и мудрецы седые
Склоняли головы пред ним. Народы
Различных стран его твердили имя.
Он светочем был веры. Ах, отец мой,
Все мог бы я стерпеть за эту жизнь!

М а р т и а н

Не всем дано такое.

В а л е н т

Знаю, слава
Святая мне вовек не суждена, —

Ведь сыном-проповедником не вправе
Обзаводиться Мартиан Эмилий.

М а р т и а н

Сын адвоката может приучиться
К делам отцовским. Правда, тут задача
Скромней. . .

В а л е н т

А я, отец, не отвергаю
Твоих задач, но не влечет меня
Законов свод и комментарий к ним.
К тому же христианские дела
Встречаются не часто.

М а р т и а н

Слава богу!

В а л е н т

Так вот. . . С тобой я буду откровенен. . .
Я б не насытился такою славой,
Какая у тебя. Был я в суде,
Когда ты выступал. Мне непонятно,
Как мог ты говорить! И на трибуну
Еще ты не вступил, как там клепсидра,
Холодный часомер, роняла капли,
Ведя неумолимый счет минутам,
Которые короткий час слагали,
Что для защиты правды предназначен.

М а р т и а н

Так что ж, Валент? Небесные светила
И те имеют свой порядок точный
И знают, как, когда светить им надо.
К порядку я привык. Быть может, речь
Плохой тебе казалась?

В а л е н т

Нет. Напротив.
Она была прекраснейшей на свете.

И что же? Перед кем ты сыпал перлы
Ума? Засушенные старики
Тем временем в пергаментях искали
Параграфы карающих законов,
А ты взывал к сердцам и душам судей!

М а р т и а н

Ведь судьи соблюдать должны законы,
А я к народу с речью обращался,
И отклик я как будто находил.

В а л е н т

Толпа рукоплескала не тогда,
Когда ты достигал вершин искусства,
А лишь когда ты становился плоским,
И я краснел от тех аплодисментов.

М а р т и а н

Всегда ли так бывает?

В а л е н т

Может, нет,
Но все ж, отец, я за тебя обижен.
Последний проповедник из предместья
Добился большей славы у народа,
Чем ты, у нас первейший адвокат!
Я б этого не потерпел!

М а р т и а н

Послушай,
Неужто слава — высшая награда?
И ничего почетней лавра нет?
Священный дуб, оливковая ветка
И пальмовая ветвь — не равноценны ль
Они все лаврам славы?

В а л е н т

Может статья,
Кому что нравится. Моя сестра
Лилеей хочет быть, а то и розой.
А я желаю лавров. Вот какой я!

Я исходил уже дороги к славе:
Писать стихи пытался, прозу, драмы,
Наукой занялся, но все напрасно,
К писанью нет таланта у меня.
Живое дело и живое слово —
По мне. Я сын оратора недаром!
Но предо мной стеной, сырой и серой,
Вставала на дороге осторожность.
Пробить я эту стену не старался,
Твои, отец, советы почитая,
И вот теперь нашел я путь окольный,
Который повредить тебе не может...

М а р т и а н

Какой же это путь?

В а л е н т

Пойду я в войско.

М а р т и а н

О боже мой!

В а л е н т

Отец, ты ужаснулся?
А разве мало христиан военных?

М а р т и а н

Но христиане служат поневоле,
А ты лить хочешь добровольно кровь,
Под цезарским орлом, приняв венцы
Из рук нечистых!

В а л е н т

Руки, что почище,
Венцы не держат для таких, как я.
Людские души я спасти не смею
От дьявола, так буду отгонять
От нас германцев варварские орды.
Пойду туда, где закипает битва,
А там меня никто уже не спросит
Про веру. Там нужна одна отвага

И крепкий меч, а это все найдется.
Сегодня запишусь я в легион.

М а р т и а н

Сегодня?!

В а л е н т

А зачем мне дольше медлить?
В поход когорта выступает завтра.
И все готово у меня.

М а р т и а н

Ах, сын мой!

К о н с т а н ц и й
(входит)

Прости, патрон, что я тебя тревожу.
Брат Изоген пришел к тебе по делу.

М а р т и а н

Проси в таблин.

Констанций уходит.

Валент, поговорю
С тобой потом. Прошу, не отлучайся.

В а л е н т

Пожалуй, час еще я здесь побуду.

Идет через перистиль в свою комнату. Мартиан направляется в таблин, где встречается с Изогеном, старым, степенным, сдержанно строгим человеком.

И з о г е н

Мир брату моему.

М а р т и а н

Мир и тебе.

(Указывает Изогену на кресло. Тот садится.
Мартиан — против него на скамейке.)

Изоген
(всматриваясь в Мартиана)
Мне кажется, ты в тяжком горе?

Мартиан
Брат мой,
Ох, гибнут мои дети!

Изоген
Что же с ними?
Я видел их здоровыми недавно.

Мартиан
Они больны не телом, а душою.
Я их обоих потеряю. Дочь
Уходит к матери, а сын — в войска.
Обоим — гибель верная.

Изоген
Ужасно!
Зачем же ты пускаешь их на гибель?
Ты им отец — сдержи своею властью!

Мартиан
Не смею, брат мой. Говорил я с ними,
Но не как власть имеющий, — как тот,
Кто в глубине души вину скрывает.

Изоген
А в чем твоя вина?

Мартиан
Я, как язычник,
Детей обрек на жертвоприношение
И их держал на медленном огне —
Теперь они бегут.
(Замолкает, тяжело подавленный.)

Изоген
Брат Мартиан,
Тебя я все еще не понимаю,
Хотя готов помочь тебе советом.

М а р т и а н

(с внезапным порывом надежды схватил Изогена за руку)

Да, брат мой, дай совет и помоги
Моих детей мне привести к спасенью!
Ты из любви к Христу спаси нас, брат мой!

И з о г е н

Я ль не хочу помочь, но что мне сделать?

М а р т и а н

Проси епископа, чтоб он позволил
Мне к церкви приобщить моих детей.
Я буду сам просить, ты поддержи.

И з о г е н

Теперь не время.

М а р т и а н

Брат мой! Ни минуты
Ждать больше не могу!

И з о г е н

И мы не можем.
Епископа в темницу заточили.

М а р т и а н

Когда?!

И з о г е н

Сегодня. Завтра будет суд.

М а р т и а н

Как это, так внезапно?

И з о г е н

Ты ведь знаешь,
Что вновь для нас пришло плохое время.
Закон для христиан — уж не отец,

А отчим злой. Затем я и пришел
Тебя просить, чтоб к завтрашнему дню
Ты подготовился к защите.

М а р т и а н

Трудно.

Короткий срок. И я не знаю дела.

И з о г е н

Со мной все относящееся к делу,
Я передам тебе. Прочти и взвесь,
Как повести защиту.

Подает Мартиану груду пергаментов. Тот внимательно рассматривает их. Тем временем Аврелия быстро и осторожно сбегает вниз и идет к воротам. Посредине перистилия останавливается и хочет направиться в таблин, но, решительно тряхнув головой, идет к воротам. По дороге срывает лист агавы, накальвается, но, сдержав боль, прячет листок под покрывало и, не оглядываясь, выбегает в калитку за ворота.

М а р т и а н

(рассмотрев пергаменты)

Очень трудно,

Но выполнимо, если бог захочет.

(Решительно.)

Что ж, брат мой, я готов с большим усердием
Всю ночь до утренней зари трудиться,
Чтоб сделать все, что только в наших силах.
Но удели мне времени немного,
Позволь сюда позвать моих детей,
Сам расспроси ты их о нашей вере —
Я их учил, как наш закон велит, —
И тут же, коль они достойны будут,
Введи их в общину.

И з о г е н

Нет, не могу.

Как раз теперь особенно высоко
Стоять в глазах язычников ты должен.

М а р т и а н

Но это ведь не я вступаю в церковь!

Изоген

Ты думаешь, никто и знать не будет,
Чьи дети в общину со мной придут?
Известие о том молниеносно
Весь город облетит! И только выйдешь
Ты на трибуну, как толпа завоет:
«У адвоката дети — христиане!»
Тебе и слова не дадут промолвить.
А где ж теперь защитника найти нам?
Ты знаешь сам, что нет у нас другого,
Да и к другим нельзя нам обратиться:
Все адвокаты здесь — не христиане,
И ни один из них тебе не равен.
Из Рима звать нет времени у нас.
К тому же ты влиятелен в столице,
Друзей имеешь при дворе, в сенате,
Лишь ты — никто другой нам не поможет!

Мартин

Подумай, брат мой, я же человеком,
Отцом обязан быть! И как покинуть
Своих детей, чтобы во мраке гибли?

Изоген

Но ты их просветил Христовым словом!

Мартин

Зерно пустило буйные побеги,
Упавши в благостную целину.
Коль не собрать посева, колос ляжет
И загниет. Принявши слово, дети
Стремятся к делу. Ты ведь знаешь, брат,
Когда не может путник отыскать
Родник для утоленья жажды, должен
Хотя б из грязной лужи он напиться,
Чтобы не умереть. Вот так и дети
На все готовы. Их за это бог
От сердца не отринет. Дочь моя
Высокою мечтою одержима, —
Бывают мученицами такие.

У сына моего отважный нрав,
Он был бы проповедником хорошим.

Изоген

Весьма возможно. Только наша церковь
Теперь уже не тем сильна, чем прежде.
При родах ведь всегда и льется кровь,
И крик стоит, но время то минуло.
А вот теперь приходится нам кровь
Щадить, ее во млеко претворяя.
И стала церковь, ласковая мать,
Теперь благоразумна. Наш епископ
Учил всех наших девушек смиряться,
Не добывать себе венцов терновых,
Но господу служить смиренно, тихо.
А проповедников у нас хватает, —
Тебя не могут дети заменить.
Теперь ты наш краеугольный камень,
Поддерживаешь все строенье наше,
Хоть ты сокрыт от всех; но чуть качнешься,
Опора рухнет и падет наш дом,
Епископа осудят на изгнание,
Церковное имущество изымут, —
Чем будут жить тела и души наши?
Враг точно знает, в чем опора церкви,
Не гонится за овцами, а целит
Он в пастырей, чтоб разогнать все стадо;
С земли он верующих не сгоняет,
А вырывает землю из-под ног.
И против этого помочь не могут
Кровь, пролитая на арене цирка,
И проповедей гром.

Молчание.

Как знать, быть может,
Твои бы дети вред нам принесли. . .

М а р т и а н
(удивленно)

Как?

Изоген

Трудно нам справляться с молодежью.
Она, как буйный конь, поводья рвет
И ни за что ходить не хочет в шорах.
Вчера епископ на собрание шумном
Решил от церкви отлучить Ардента.

Мартин

Ардента?! Да возможно ли? За что?

Изоген

За неповиновение, ясно. Знаешь,
Что там, на конфискованных угодьях,
Где некогда часовенка стояла,
Теперь для культа цезаря воздвигли
Алтарь и статую?

Мартин

Я это знаю.

Изоген

Ардент задумал статую разбить.

Мартин

Мой бог! Ему грозит такая кара!

Изоген

Он кары не боится. Но опасно,
Что он беду на христиан обрушит.
Его молили этого не делать,
Но ведь Ардент настойчив и упрям.

Мартин

Таким же был его отец покойный —
«Орканом» мы его прозвали в школе, —
И мой горячий друг родному сыну
Чистосердечие принес в наследство.
Мой ум никак не может согласиться,
Что церковь отказалась от Ардента...

Изоген

Решенья нет другого, разве только
Он отречется от своей затеи.
Но я, надежд на это не питая,
Заблаговременно составил письма,
Об отлучении оповещая,
И я готов их разослать повсюду —
По общинам и разным учрежденьям,
Языческим, а также христианским, —
В тот день, когда он замысел исполнит.
К тебе ж с большою просьбой обращаюсь —
И лично и от клира: не берись ты
Защитником Ардента выступать,
Хотя б его суду предать решили.
Тебе же лучше будет сделать вид
Перед людьми, что ты его не знаешь.

Мартин

Но ведь отец Ардента был мой друг
И перед смертью отдал мне его
На попечение.

Изоген

Ты формально не был
Опекуном. В твой дом Ардент не вхож.
Легко ты можешь в стороне стоять,
Когда захочешь. Брат мой, ты *обязан*
Повиноваться нам, как раб господень,
Как церкви-матери покорный сын.

Молчание.

Мартин (в тяжком раздумье)

Но разве мне под силу эти жертвы?
От друга отказаться. . . и позволить
Любимым детям души погубить. . .
Кто из людей все это мог бы сделать?

Изоген

Когда твой друг сожжет твое жилище,
Что ж, и тогда останется он другом?
И разве в час осады не бывает,
Что и отец ворота не откроет
Родимым детям, гибнущим от жажды,
Не пустит их воды напиться в поле,
Чтоб враг не мог ворваться в те ворота?

Мартин

Ох, брат мой! Это души, души гибнут!

Изоген

Их души господу ты поручи, —
Он может их спасти от львиной пасти,
От печи огненной.

Мартин тяжело вздыхает и молча опускает голову.

Изоген

(после паузы)

Так что же, брат мой?
Епископа возьмешь ты под защиту?

Мартин

(упавшим голосом, словно все ему безразлично)

Об этом даже спрашивать не надо.

Изоген

(встает)

Не буду отнимать я время. Брат мой,
Останься с миром.

Мартин

Мир тебе, мой брат.

Когда Изоген вышел, Мартин, откинув занавеску, зовет.

Валент!

Валент входит в таблин и останавливается перед отцом.
Мартин молча смотрит вниз, не поднимая глаз на сына.
Молчание.

В а л е н т

Что ты хотел сказать, отец, мне?

М а р т и а н

Я думал, что найду совет благой. . .

В а л е н т

Какой?

М а р т и а н

Просил я брата Изогена
Ввести вас в общину.

В а л е н т
(*радостно*)

Его просил ты?

О! Мой отец!

(*Целует отцу руку.*)

М а р т и а н

Не радуйся, Валент, —
Брат Изоген не хочет.

В а л е н т

А мы сами
Туда вошли бы, если б ты позволил.

М а р т и а н

Не примет церковь.

В а л е н т

Разве Изоген
Принять иль отказать имеет право?

М а р т и а н

Он знает хорошо, что надо клиру.

В а л е н т
(в запальчивости)

Когда губить угодно клиру души,
То мы всей общине объявим это!
Пускай рассудят сами прихожане!
Я речь произнесу. И ты увидишь —
Я имени отца не опозорю!

М а р т и а н

Нет, сын, не наноси удара церкви,
Не делай жизнь мою совсем напрасной.

В а л е н т

Отец, ведь это рабство духа!

М а р т и а н

Нет,
Прошу не из слепого послушанья
Тебя пред волей братскою смириться.
Брат Изоген настаивал сурово
На принесенье жертвы, и осталось
Склонить мне только голову.

В а л е н т

Пугал он
Тебя гоненьем новым?

М а р т и а н

Сын, поверь мне,
Я ни своей бы жизни не щадил,
Ни вашей молодой, цветущей жизни,
Когда бы знал, что то во славу веры.
Но господа пути неизъяснимы,
Кто их постигнет? Может быть, нужны
И господа рабы глухонемые.

В а л е н т
(печально)

Утешиться я должен этим?

М а р т и а н

Сын мой,
Утешься тем, что ты еще так молод, —
Когда господь возьмет меня к себе,
Ты будешь волен...

В а л е н т

Пусть другие тешат
Себя такой надеждой, но не я.

Молчание.

Теперь, отец, с тобой я попрощаюсь.
Благослови меня.

(Склоняется перед отцом.)

М а р т и а н
(едва владея собою)

Зови сестру.
Ее благословить хочу я тоже.

В а л е н т
(тихо)

Она ушла.

М а р т и а н
Ушла?! Не попрощавшись!
(Закрывает лицо той.)

В а л е н т
(еще тише)

Отец, ты плачешь?

М а р т и а н
Я хотел бы плакать,
Но не умею.

В а л е н т
(падает на колени перед отцом)

Мой отец, прости!
Я вижу, мы тебе разбили сердце!

М а р т и а н
(поднимает его)

Я больше виноват: разбил вам души.
Пускай господь помилует нас всех!

Молчаливое прощанье. Валент уходит через перистиль за ворота, вытирая слезы. Мартиан, отдернув занавес в таблине, провозжает его долгим взглядом.

II

То же место действия и тот же день, только немного позже. Мартиан один работает в таблине. По временам его взгляд блуждает в пространстве и затуманивается от тяжелых мыслей, но он большим напряжением воли принуждает себя работать и наклоняется над пергаменатами. За воротами слышится гул голов, сначала тихий, но постепенно усиливающийся. Потом прорывается тоненький, дрожащий, но встревоженно-резкий голосок девочки: «Ой, мама! Я боюсь! Что с нами будет? Куда же мы приехали?» Другой, более спокойный и глухой женский голос отвечает: «Подожди». Потом за воротами слышен стук, который тотчас же обрывается, словно не по своей воле. Мартиан, услышав голоса, насторожился, выглянул из таблина, пошел к воротам, обойдя Мим а, наклонившегося над клепсидрой, и открыл окошко в воротах.

М а р т и а н
(выглянул в окошко на улицу)

Сестра моя! Альбина!

Быстро открывает калитку и выбегает за ворота. Слышны радостные возгласы. Через минуту привратник-германец отпирает ворота и делает знак Миму; оба вносят в перистиль легкую лектику (носилки с балдахином и с занавесками, на четырех ножках, как ложе). В лектике сидит, откинувшись на подушки, Люцилла, тоненькая, очень болезненная девочка-подросток. За лектикой идет рядом с Мартианом Альбина, еще не старая, но очень бледная женщина с седоватыми волосами и печальными, усталыми глазами. По знаку Мартиана слуги ставят лектику вблизи бассейна, вносят вещи прибывших в комнаты в глубине дома; Мим остается в комнатах, а привратник возвращается за ворота и запирает их за собой.

А л ь б и н а

Мартиан мой,
Что у тебя такой привратник странный?

Не хочет отпирать, не разрешает
Стучать в ворота.

Л ю ц и л л а

Да еще кричит
По-варварски, я даже испугалась!

М а р т и а н

Германец он, по-нашему не знает.
А не пускал вас потому, что я
Гостей не принимаю, если занят,
И стука не люблю. А все клиенты
В другие двери входят.

Мартиан с Альбиной садятся на скамейку недалеко от лектики
но не рядом с ней.

Л ю ц и л л а

Дядя, где
Аврелия?

М а р т и а н

(нагнулся, словно поднимая что-то)

Ее нет дома.

Л ю ц и л л а

Жалко!
Я так хотела повидать сестричку!

А л ь б и н а

Еще увидишь, верно ненадолго
Она ушла.

(Мартиану.)

Не правда ль?

М а р т и а н

Я не знаю.

А л ь б и н а

А мы, идя сюда, там под горою
Вдруг юношу увидели. Похож он
Был на тебя. Не твой ли то Валент?

М а р т и а н

Должно быть.

А л ь б и н а

Если б я наверно знала,
Остановила бы его, а так
Я не решилась.

Л ю ц и л л а
(*Мартиану*)

Скоро ль будет братец?

М а р т и а н

Не думаю.

А л ь б и н а
(*взглянув на брата, тихо*)

Ты хочешь...

М а р т и а н
(*тоже тихо*)

Нет, не стоит.

Потом скажу...

Л ю ц и л л а

Ах, дядечка, скажи,
Сегодня день счастливый?

М а р т и а н

Да, счастливый,
Раз вы приехали.

Л ю ц и л л а

Нет, ты не знаешь...
Боюсь я, чтобы не был день феральный.

А л ь б и н а

Да нет же, доченька, ведь я сказала.

Л ю ц и л л а

Три корабля мы, дядя, пропустили
В Александрии — все они отплыли
По дням феральным.

А л ь б и н а

Ну, и пропустили.
И все равно нас на море качало.

Л ю ц и л л а

Пускай! Зато доехали живыми.
Могло бы хуже с нами быть!

М а р т и а н
(*тихо*)

Альбина,
Ужель язычица твоя Люцилла?

А л ь б и н а
(*тоже тихо*)

Да боже сохрани, из-за болезни
Она слаба душою.

Л ю ц и л л а

Мама! Дядя!
Что вы там шепчетесь? Скажите правду:
Феральный день?

А л ь б и н а

Да что ты!

Л ю ц и л л а

Календарь!

Ой, дайте календарь! . .
(*Болезненно кривится и хватается за сердце.*)

А л ь б и н а
(*в тревоге бросается к ней*)

Дай, Мартиан,
Прошу тебя. Сейчас, сейчас, дочурка!

Мартиан идет в таблицу и приносит календарь — мраморный кубик с текстом, написанным в три столбца на каждой стороне.

Люцилла
(просмотрев один столбец)

И вправду день Венеры. . . Слава богу!
(Успокоенно откидывается на подушки, но снова встревоженно начинает что-то искать.)
Где, мама, булла?

Альбина
(вынимает из мешочка за поясом небольшой медальон на цепочке)

Вот!
(Хочет снова спрятать.)

Люцилла
Нет, дай сюда,
Ты можешь потерять.
(Берет буллу и надевает на шею.)

Мартин
Что ж в этой булле?

Люцилла
Там камешек — «змеиный глаз» зовется, —
Что дал жрец Эскулапа в Сиракузах,
Там мама в храм ходила.

Мартин
(Альбине)
Так, Альбина?

Альбина
(незаметно для Люциллы сделала отрицательный жест)

Она заставила. . . Что с нею делать?

Люцилла
А в храм Либитины пойдем мы вместе,
Когда я отдохну. Не хочет мама,
Но женщина одна мне говорила,
Что там недуг снимают как рукою.

М а р т и а н

Да ты и так поправишься, Люцилла.

А л ь б и н а

Вот на поправку я и привезла
Ее к тебе. Всегда весна в Египте
Приносит вред ей; раскаленный ветер —
Дыханье ада.

Л ю ц и л л а

Тут я, как в раю, —
Мне так легко дышать. . .
(Глубоко дышит, радостно улыбаясь.)

А л ь б и н а (тоже улыбается)

Вот видишь, дочка, —
Я говорила — хорошо у дяди!

Мим приходит, видит, что круг солнечных часов покрылся тенью, и поднимает молоток, собираясь ударить в доску, но Мартиан подает ему знак, чтобы не делал этого, и указывает рукою на ворота. Мим, оставив молоток, открывает калитку, толкает привратника и показывает ему на боковой проход во дворе; тот выходит во двор, закрывает калитку, запирает ворота тяжелым засовом и удаляется направо через двор в боковой проход.

Мим возвращается и наливает кружкой воду в клепсидру.

Л ю ц и л л а (тревожно ищет что-то на груди, с отчаянием)

Ой, мама, горе! Потеряла рыбку! ¹

А л ь б и н а

Как, доченька? Она ж была на шее.

---

¹ Рыбк а — известная эмблема первых христиан; она возникла следующим образом: греческое слово ἰχθῦς (рыба) складывается из начальных букв греческих слов, что означает: «Иисус Христос, сын божий-спаситель». (Прим. Леся Украинки.)

Л ю ц и л л а

Шнурок, наверно, оборвался...
(Ломает руки и поднимает их.)

Боже!

Прости меня! Прости!.. Ой, мама, мама!
Зачем же я тебя в тот храм послала!
Господь прогневался за Эскулапа
И рыбку отобрал, чтобы не смела
Я, грешная, позорить знак Христов.
Ох, мамочка, наверно я умру!
Напрасно ты ходила к Эскулапу!

Альбина беспомощно смотрит на Мартиана.

М а р т и а н
(тихо Альбине)

Скажи, что не ходила.

А л ь б и н а
(так же, качая головой)

Хуже будет.

Л ю ц и л л а
(неожиданно замечает в руках у Мима свою рыбку;
радостно)

Дай, дай сюда! Ты где ее нашел?

Мим не двигается, спокойно разглядывая искусно сделанную рыбку.

Она моя, отдай!
(Мартиану, раздраженно.)

Не понимает?

Он тоже варвар?

М а р т и а н

Нет, глухонемой.
(Берет у Мима рыбку и подает Люцилле, она радостно
прижимает рыбку к сердцу и целует ее.)

Люцилла
(взглянув на Мима)

Какой он страшный!

Мартин

Нет, совсем не страшный.
Мим — добрый и послушный. Если хочешь,
И на руках тебя носить он будет.
(Знаками спрашивает Мима, будет ли он носить Люциллу на руках. Мим кивает головой и приветливо улыбается Люцилле. Она тоже улыбается.)

Люцилла
(Мартину)

Скажи ему, чтоб отворил ворота.
Мне кажется, отсюда видно море, —
Я посмотрю. . .

Мартин

Там улица, там люди,
И любопытные во двор заглянут.

Люцилла
(испуганно)

А ты боишься? Тут, наверно, люди
Камнями побивают христиан?
(Матери.)

Ты никуда отсюда не ходи,
Я не пушу на улицу и в церковь.
И никого не надо прятать в доме!
Ты слышишь? Никого! Я не хочу!
А то я заболēju и умру!

Альбина

Храни тебя господь! Ты не тревожься.
Куда ж я тут пойду? Кого я спрячу?
Я не знакома тут ни с кем.

Люцилла

Но в церкви
Ты скоро познакомишься со всеми.
(*Мартину, нервно, постепенно все больше
возбуждаясь.*)

Ты, дядечка, не знаешь, что случилось...
Когда я маленькой была... отец мой
Ходил все в церковь и ходил... И люди
У нас скрывались... И однажды ночью...
Явилась стража, забрала людей...
А с ними и отца... Его в темницу
Упрятали... пытали... жгли железом...
Его к столбу жестоко пригвоздили
И... и...
(*Задыхается, хватая себя за грудь и стонет.*)

Альбина
(*бросается к ней*)

Люцилочка!

Люцилла

Воды! Воды!

Мим по знаку Мартина подает ей воду.

Люцилла
(*напившись и полежав некоторое время молча,
матери*)

Так не пойдешь ты?

Альбина

Не пойду, родная.
Я не пойду, всегда с тобою буду.

Люцилла

А люди? Может быть, их дядя прячет?

Мартин

Нет, у меня не прячется никто.
И ты не бойся, нас никто не тронет.
Меня здесь уважают.

Люцилла
(облегченно вздыхает)

Хорошо!

(Закрывает глаза.)

Пожить бы мне хоть годик так спокойно,
Я стала бы здоровой.

Мартин

Дай-то, боже!

Не год, а до замужества живи тут.

Люцилла

Какой ты добрый!.. Право, нет счастливей
Аврелии! Есть у нее отец..

(В голосе ее дрожат слезы.)

Альбина

(Мартину)

Позволишь в комнату ее внести?
Уже темнеет.

Мартин

Для нее готовы

И комната удобная и ужин.
Вы у себя поужинать хотите
Или в триклинии?

Альбина

С тобою вместе.

Мартин

Я ужинать не стану. Надо срочно
Исполнить неотложную работу.
Сейчас велю внести Люциллу.

Люцилла

Нет.

Сама пойду.

Альбина

Тебе же трудно, дочка.

Люцилла

Сама пойду! Дурная есть примета,
Коль в новый дом приносят на руках.

Альбина

А кто тебе сказал?

Люцилла

Сама я знаю, —
Так девушку в дом жениха относят
Или в могилу.

Альбина

Бог с тобою, дочка!

Мартин

Уж если верить в эти предрассудки,
То думай, что ты скоро выйдешь замуж,
Гостя в моем дому.

Люцилла

Ах, нет, не то!
У христиан ведь к жениху не вносят,
Как у язычников, — я ж христианка.

Мартин

Тогда не надо верить предрассудкам.

Люцилла

(упрямо)

Я все-таки сама пойду.
*(Сходит с лектики; Альбина помогает ей. Сделав
несколько шагов останавливается и вскрикивает.)*

Ой, боже!

Альбина

Что? Что с тобой?

Люцилла

Зачем я разрешила
Внести себя сюда?

(Стонет и всхлипывает.)

Альбина

Пустое, дочка, —
Ведь это в перистиль, а не в жилище.

Люцилла

(спокойнее, но недоверчиво)

Ты вправду думаешь?

Альбина

Конечно, дочка!

Не думаю, а твердо это знаю:

Зовут в Египте домом все строенье,

Но перистиль здесь домом не считают.

Уводит дочь, тихо успокаивая ее, через боковой проход во внутренние комнаты. Мартиан, проводив Альбину и Люциллу, тотчас возвращается и знаками дает Миму приказание подать гостям ужин, а сам идет работать в таблин, но, убедившись, что там уже темно, а в лампе нет масла, снова выходит в перистиль. Пока Мим носит через перистиль ужин гостям из кухни, Мартиан, оставшись один, заходит в комнаты своих детей; из комнаты Аврелии выносит цепочку и лилию, из комнаты Валента — какие-то таблички, которые несет, прикрывая тогой, и прячет в ящик в таблине.

Альбина

(подходит к занавесу в таблине; в руках у нее миска с какой-то едой и чаша с вином)

Прости. Я, Мартиан, тебе мешаю?

Я только на минутку. Не найдешь ли

Лекарство из алоэ?

Мартиан

Есть как будто.

Сейчас зажгут огонь, тогда поищем.

Выходит и приказывает Миму зажечь свет. Тот приносит масло, наливает в лампу и в фонарь около клепсидры, потом приносит горящую лучину и зажигает свет в таблине и перистиле, Мартиан тем временем разговаривает с Альбиной.

М а р т и а н
(увидев у Альбины еду и вино)

Ты что, мне принесла сюда мой ужин?

А л ь б и н а
(в замешательстве ставит принесенное на скамейку)

Да, нет... Люцилла непременно хочет,
Чтоб принести твоим пенатам жертву.

М а р т и а н
Нет у меня ни алтаря, ни статуй.

А л ь б и н а
Не слушает! Ее я убеждала.
«Ты, говорит, лишь в атриум поставишь —
Пенаты вмиг найдут».

М а р т и а н
Сестра, мне тяжело,
Что дочь твоя, рожденная от Феста,
Не бога чтит, а призраки пустые!

А л ь б и н а
Она чтит бога и его боится,
Но у нее есть страх, вернее ужас,
Пред всем, что представляется ей грозным
Или таинственным... Ах, Мартиан мой,
Пылающая рана жжет мне сердце,
Все это — суеверье! Но что делать?
Ты видел же... Есть матери, что сами
Своих детей предать готовы смерти
За веру, я же... Мартиан, должно быть,
Меня осудишь ты?

М а р т и а н
О нет, Альбина,
Я никого не осуждаю.

А л ь б и н а

Легче

Тем матерям — их дети гибнут *сразу*,
Однажды терпят муку, я же вечно...

М а р т и а н

С какого времени?

А л ь б и н а

Со смерти Феста.

Семь лет уже прошло в тяжелых муках.
Люцилла родилась такую слабой,
Ведь я жила тогда в тревоге вечной...
Порою я свое терзаю сердце,
Что перед девочкою виновата, —
Я ради церкви часто покидала
Младенца хворого и отравляла
Своим перегорелым молоком.
Еще в утробе я ее травила
Своею кровью, что горела жаром
Высоких устремлений!.. Но потом,
Когда ее отец скончался в муках,
Решила я, что — господи, прости! —
Уже семья родная заплатила
Кровавый долг. Я больше не могла
Сиротку-девочку напрасно мучить...
Ах, брат мой! Ты не думай, что душа
Моя нашла успокоенье. Где там!
Теперь попала в вечную неволю
Моя душа, да, жаль, не умерла...

М а р т и а н

К чему «неволя вечная»? Ты можешь
На волю вырваться.

А л ь б и н а

Когда умру?

М а р т и а н

Да нет, еще на этом свете.

А л ь б и н а

Брат мой!
Как утешать меня ты можешь этим?
Я смерти не могу желать ребенка!

М а р т и а н

Не смерти — лишь выздоровленья. Дочка
Вернет себе здоровье, выйдет замуж,
И ты опять почувствуешь свободу.

Альбина тяжело вздыхает, безнадежно махнув рукой.

А л ь б и н а

Дай боже, Мартиан, чтоб никогда ты
Не знал такой беды с детьми своими!..

М а р т и а н

(глухо)

Я знаю худшую, быть может.

А л ь б и н а

Что ты?

М а р т и а н

Пренебрегла ты верой для ребенка,
А я — наоборот.

А л ь б и н а

Ужели выгнал
Ты за язычество детей своих?

М а р т и а н

Нет, дети — христиане, но я знаю —
Им тяжело в доме, где дышит вольно
Лишь раб глухонемой.

А л ь б и н а

Не понимаю...

М а р т и а н

Спокойно можешь обещать Люцилле,
Что в церковь ты совсем ходить не будешь,

Пока вы тут. Я не хожу ведь тоже
Туда.

А л ь б и н а

Ты отлучен от церкви, что ли?

М а р т и а н

Совсем не то — христианин я тайный.
И это воля общины моей.
Своих цепей не сброшу я до смерти.

Молчание. Альбина сжимает брату руку.

Г о л о с Л ю ц и л л ы
(издалека)

Ну, мама! Где ты?

А л ь б и н а
(откликается)

Здесь я, здесь я, дочка!

(Торопясь.)

Дай мне лекарство, Мартиан. Пойду я.

Мартиан выносит из таблина склянку. Альбина берет ее и уходит к дочери. Мартиан отдает Миму еду и вино, что принесла Альбина, и велит вынести. Мим выходит. Полная тишина. Свет лампы в перистиле борется с тьмой, наплывающей из углов. Мартиан сидит в таблине, склонившись за работой. Вдруг слышится тревожный стук в ворота, Мартиан вскакивает и бежит к воротам.

М а р т и а н
(еще на ходу)

Кто там?

Г о л о с за воротами

Ардент... Скорее спрячь меня!

Мартиан открывает окошко в воротах. При мерцающем свете фонаря видно бледное, изуродованное и окровавленное лицо Ардента.

М а р т и а н

С тобой беда?

А р д е н т

Я статую разбил.

Мартиан всплескивает руками.

Они увидели... бегут... скорее
Укрой меня!

М а р т и а н

Я не могу. Не смею.
Беги быстрее, тут лекарь недалеко,
И у него укрыться безопасней.

А р д е н т

Я не дойду... Я истекаю кровью...
Меня толпа избила... Ради бога!
Спаси меня! Христа припомни раны!

М а р т и а н

Не смею, сын мой!

А р д е н т

Я и вправду сын твой.
Отец мой завещал...
(Замолкает, прислушивается. Издалека слышится рев
толпы и топот ног.)

Молю, скорее

Пусти меня!

К о н с т а н ц и й

(выбегает из своей комнаты, что у самых ворот)

Патрон, позволь мне спрятать
Арденда у себя?

М а р т и а н

Нет, невозможно.
Нельзя у нас укрыть Арденда.

Констанций

Боже!

Умрет он здесь, у самого порога!
Пушу его! Смотреть нет больше силы!
Его убьют, затопчут, растерзают!

Мартиан молча удерживает его за руку, чтобы тот не открывал запора. Констанций старается освободить руку, порываясь к воротам.

Арде н т

Пусти меня!

М ар т и а н

Тебя пустить нельзя мне.

Арде н т

Господь тебя не пустит в царство божье!
Проклятие тебе! Пилат!!

Исчезает за окошком. Рев толпы приближается.

М ар т и а н
(отпускает Констанция)

Арде н т мой!

(Хочет отодвинуть засов, чтобы открыть, но сильный стук нескольких кулаков в ворота пугает его, и он останавливается.)

М ар т и а н
(дрожащим голосом)

Кто там стучит?

Несколько голосов

Открой! Народ и стража!

М ар т и а н
(стараясь овладеть собою)

Что надо вам?

Г р у б ы й г о л о с

Ты спрятал здесь злодея!

М а р т и а н

Какого?

Тот же голос

Сам ты знаешь! Открывай!

А л ь б и н а
(выбегает)

Что это тут?

М а р т и а н

Иди, сестра, к Люцилле,
Я постараюсь отвести беду.

Альбина уходит.

М а р т и а н
(уже твердым голосом)

Я не открою никому. Лишь слугам
Закона.

Г о л о с

Открывай скорей, тут стража!

М а р т и а н

А кто мне поручится, что толпа
Не забежит в мой дом?

Г о л о с

Центурион

Вигилов здешних.

М а р т и а н

Ты?

Г о л о с

Да, я.

(Тот же голос обращается к толпе.)

Эй, люди!

Сюда идти не надо. Поглядите,
Не побежал ли он по той дороге.
(Затем Мартиану.)
Теперь спокойно открывай.

Мартиан открывает. Стража входит в перистиль, впереди —
центурион.

Мартиан
(центуриону)

Прошу вас,
Служебный долг без шума выполняйте, —
Здесь у меня больная.

Стража расходится по комнатам возле перистилия, осматривает
таблин, заходит налево в помещение для рабов и из левого про-
хода выводит Мима и привратника. Другие вигилы за-
держивают Констанция.

Центурион
(указывая на задержанных)

Мартиан!

Кто это?

Мартиан
Двое тех — мои рабы,
А тот — писец.

Центурион
(страже)

Из них тут нет похожих
На беглеца?

Несколько голосов из стражи
Да нет же! Тот избитый,
В крови, и внешность у него другая.

По знаку центуриона стража отпускает задержанных. Центу-
рион идет к правому проходу. Мартиан останавливает его.

Мартиан
В одну лишь комнату я вас просил бы
Не заходить, больную не тревожить.

Центурион

Кто болен, разберем!

(Страже.)

Ищите всюду!

Стража идет в проход, отеснив Мартиана, так что он не успевает пройти раньше нее. Через минуту раздается резкий крик. Люцилла в белой ночной тунике с широкими рукавами выбегает в перистиль, за нею встревоженная Альбина, Мартиан бросается за ними.

Альбина

Куда ты, доченька?

Люцилла

(мечется)

Ах, где нам скрыться?

(Натыкается на лектику и взбирается на нее.)

Сюда, ко мне, скорее, мама! Прячься!

Альбина

Зачем же?

Люцилла

Чтобы стража не схватила.

Альбина

Не стража это... это...

(Тихо брату.)

Мартиан,

Что ей сказать?

Мартиан

Да это... к сыну гости...

Легионеры...

Люцилла

(сдавленным голосом)

Нет! Неправда! Нет!

Слышится бряцанье оружия, стража возвращается в перистиль. Люцилла поспешно задергивает занавески лектики.

Центурион
Вы всюду здесь искали?

Один из стражи

Всюду.

Люцилла издает глухой стон. Центурион подбегает к лектике.

Центурион

Кто тут?

Альбина
(хватает его за руку)

Я умоляю! Не смотри!

Центурион

Я должен.

Раздвигает занавеску и заглядывает в лектику. Люцилла с хриплым криком приподнимается, тотчас же падает, лежит неподвижно в обмороке.

Центурион
(Альбине, немного растерянный)

Прости, матрона, я не знал...

Снова стук в ворота.

Голос за воротами

Эй, стража!

Нашли его! Нашли! Вот здесь он! Здесь он!

Центурион
(Мартиану, вежливо)

Прости нас, господин, за беспокойство,
Но мы обязаны, ты знаешь...

Мартиан молчит. Центурион подает знак страже и уходит вместе с ней за ворота.

Альбина
(тем временем ухаживавшая за Люциллой,
вскрикивает)

Боже!

Люцилла холодеет!

М а р т и а н
(склонился к Люцилле, вздрогнул и быстро отвел руки
Альбины от Люциллы)

Нет, сестричка. . .

То обморок. . .
(Подает знак рабам, те уносят лектику с Люциллой
направо.)

А л ь б и н а
(бьется у него в руках)

Пусти меня, пусти!

М а р т и а н
Сестра моя, иду и я с тобою.
(Выходит направо.)

Рабы возвращаются, привратник уходит налево. Мим остается в перистиле. Немного погодя слышатся горькие рыдания Альбины. Мартиан выходит и стучит в дверь к Констанцию, тот выходит из комнаты.

М а р т и а н
Прошу тебя, ты позови соседок,
Нельзя же так ее оставить с трупом.

К о н с т а н ц и й
Ужель твоя племянница скончалась?

М а р т и а н
Да.

К о н с т а н ц и й
Мир ее душе. . . Иду, патрон мой.

Выходит. Мартиан идет к Альбине. Мим тем временем спокойно поправляет фитили ламп в таблине и в перистиле, смотрит на клепсидру, заравнивает около нее растоптанный и взрытый ногами песок. Констанций проводит двух женщин через перистиль в правый проход, что-то им шепчет, те грустно качают головами и вздыхают. Проводив женщин, Констанций возвращается в свою комнату.

М а р т и а н

*(ведет Альбину под руку и усаживает ее на скамейку
подальше от света)*

Сядь здесь, сестричка. Матери не надо
Смотреть на эту горькую работу.

Альбина плачет у него на плече.

А л ь б и н а

(переставая плакать)

Она сказала правду. . .

(Снова плачет.)

М а р т и а н

(тихо)

Что?

А л ь б и н а

Зачем

Внесли ее мы на руках в твой дом!

(Сильнее плачет.)

М а р т и а н

Сестра, не следует об этом думать.
То божья воля.

А л ь б и н а

Правда, Мартиан мой,
Господь меня карает по заслугам!
Отступница! Ленивая раба!

М а р т и а н

Господь наш милосерден. То не кара.
Нет, он свое создание успокоил
И дал ему почить от тяжких мук.

А л ь б и н а

*(после минутного успокоения снова раздражается
плачем)*

Ой, доченька! За что же ты меня
Так наказала?

*(Внезапно отрываясь от Мартиана, берет его за руку
и шепчет.)*

Как она умела

Читать все сокровеннейшие мысли. . .

Она сказала раз: «Ты ненавидишь
Свою любовь ко мне. . .»
(Сдвинула брови и погрузилась в тяжкое раздумье.)

М а р т и а н

Не береги
Воспоминаний. Снова бог зовет
Тебя к работе. Так иди покорно.

А л ь б и н а
(не меняя выражения лица)

Куда?

М а р т и а н

Туда, где ты трудилась с мужем.
Там будешь среди братьев.

А л ь б и н а

Ты — мой брат,
А все ж меня ты гонишь; и они
Не примут и «изменницей» окрестят.

М а р т и а н

Сестра, в ком сердце — тот не бросит камень
В тебя.

(Тихо, проникновенно, печально.)

А я уже не в силах больше
Цепями сковывать родные души.
Я должен быть один. Таким, как я,
Немыслимо иметь семью родную,
Немыслимо кого-нибудь звать другом.
Так далеко тебе уехать надо,
Чтоб тень моя тебя не достигала,
Живи там на свету, а не во мраке.

А л ь б и н а
(снова плачет)

А как же я Люциллочку покину?
Смотреть кто будет за ее могилой?

М а р т и а н

Родных лишь мертвыми принять могу я
В своем доме, и твой ребенок сможет
Последним сном в моем саду забыться.
Я не сажал еще цветов — теперь же
Взращу здесь дивный сад.

А л ь б и н а

(с рыданиями падает в его объятия)

Спасибо, брат мой!

Мим подходит к клепсидре, смотрит на часы и начинает громко
бить молотком по доске.

А л ь б и н а

(вскочила)

Что это?

М а р т и а н

Службу исполняет Мим,
Знак подает, что нам пора ложиться.

А л ь б и н а

(встает)

Тебе пора на отдых.

М а р т и а н

Нет, я буду
Работать до утра.

А л ь б и н а

Так я пойду.

Пойду... последний раз взгляну на дочку...

Ой, доченька! Да как же без тебя

Мне тяжела свобода!

(Уходит плача.)

М а р т и а н

(подходит к дверям комнаты Констанция)

Ты не спишь,

Констанций?

Констанций
(выходит)

После потрясений можно ль
Забыться сном?

Мартин

Тогда пойдем со мною.
Нам надо этой ночью поработать.

Констанций
Как можешь ты работать?

Мартин

Но я должен.

Идут в таблин, Константин впереди, садится к столу, приготовляет таблички.

Констанций
Боюсь, что буду я писать неровно,
Рука дрожит.

Мартин

Неважно, разберу.
Я все равно потом скажу иначе,
А это так, для прояснения мысли.
Так легче думать.

(Садится в кресло.)

Констанций
(поднимает голову и вскрикивает)
Мой патрон! Ужасно!
Ты стал совсем седым!

Мартин

Неважно это.

Диктую.

(Диктует. Константин пишет.)

«Уважаемые судьи!

Холодным разумом прошу вас взвесить
И разобрать простое это дело.

Оно прозрачным станет, как хрусталь,
Когда его не замутит дыханьем
Пристрастья. Разглядеть хрусталь нам легче
При ровном и спокойном освещенье...»

К о н с т а н ц и й
(*выпускает стиль из рук*)

Прости... Нет сил...

М а р т и а н

Дай. Я окончу сам.

(*Берет стиль и табличку и пишет медленно,
но твердой рукой.*)

24.XI.1911 г. Х[они].

КАМЕННЫЙ ХОЗЯИН

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Командор дон Гонзаго де Мендоза.
Донна Анна.
Дон Жуан¹.
Долорес.
Сганарель — слуга дон Жуана.
Дон Пабло де Альварес } отец и мать
Донна Мерседес } донны Анны.
Донна Соль.
Донна Консепсьон — грандесса.
Маркита — горничная.
Дуэнья донны Анны.
Гранды, грандессы, гости, слуги.

I

Кладбище в Севилье. Пышные мавзолеи, белые фигуры статуй, мрамор между кипарисами, много ярких тропических цветов. Больше красоты, чем печали. Донна Анна и Долорес. Анна одета в светлое, с цветком в волосах, вся в золотых украшениях. Долорес в глубоком трауре, стоит на коленях у могилы, убранный свежими венками из живых цветов.

Долорес

(встает и вытирает платком глаза)

Пойдем, Анита.

---

¹ Здесь имя дано во французском, а не испанском произношении: «Жуан», а не «Хуан»; такое произношение освящено вековыми традициями в мировой литературе. По той же причине дана итальянская форма слова «донна», а не испанская — «донья». (Прим. Леси Украинки.)

А н н а
(садится на скамью под кипарисом)

Погоди, Долорес.
Тут хорошо.

Д о л о р е с
(садится рядом с Анной)
Ужель тебе мила
Могильная краса? Тебе, счастливой!

А н н а
Счастливой? . .

Д о л о р е с
Да, ты счастлива, конечно.
Ведь ты идешь по собственной охоте
За командора?

А н н а
Кто б меня заставил?

Д о л о р е с
И нареченного ведь ты всем сердцем,
Наверно, любишь?

А н н а
Разве дон Гонзаго
Того не стоит, милая Долорес?

Д о л о р е с
Я этого не говорю. Но странно
Ты отвечаешь на мои вопросы.

А н н а
Ты ставишь необычные вопросы.

Д о л о р е с
Ну, что тут необычного, Анита?
Ведь мы с тобою верные подруги,
И ты могла бы мне сказать всю правду.

А н н а

Сначала покажи пример, Долорес.
Ведь у меня нет тайны от тебя,
А у тебя их много.

Д о л о р е с

Много тайн?

А н н а
(смеется)

Ну что, признайся, разве ни одной?
Нет, дай я загляну в твои глаза.
(Заглядывает ей в глаза и смеется.)

Д о л о р е с
(со слезами в голосе)

Не мучь меня, Ани та!

А н н а

Даже слезы!
О господи, здесь подлинные страсти!

Долорес закрывает лицо руками.

Довольно же! Прости!
(Берет в руки серебряный медальон, висящий на
черном шнурке на груди у Долорес.)

А это что?
Что в этом медальоне? Тут, наверно,
Портрет твоих родителей покойных?
(Раскрывает медальон раньше, чем Долорес успевает
схватить ее за руку.)
Кто он такой, прекрасный этот рыцарь?

Д о л о р е с

Он... мой жених.

А н н а

Жених? А я не знала,
Что ты невеста, милая Долорес.
Что ж никогда я вас не вижу вместе?

Д о л о р е с

И не увидишь.

А н н а

Почему? Он умер?

Д о л о р е с

Нет, жив.

А н н а

Он изменил тебе, Долорес?

Д о л о р е с

Он мне ни в чем не изменял.

А н н а

(нетерпеливо)

Довольно

С меня загадок. Скрытничай, коль хочешь.

Я не люблю вторгаться в душу силой.

(Хочет встать. Долорес удерживает ее за руку.)

Д о л о р е с

Сядь, Анна, рядом. Разве ты не знаешь,
Как трудно сдвинуть каменную глыбу?

(Кладет руку на сердце.)

А у меня лежит на сердце камень,

Такой тяжелый... так давно... что, право,

Он вытеснил из сердца все стремленья

И все желанья, кроме одного.

Ты думаешь, я плачу по моим

Умершим близким? Нет, моя Анита,

То камень выдавил из сердца слезы...

А н н а

Так ты давно невеста?

Д о л о р е с

От рожденья.
Ведь были наши матери — подруги.
Они еще тогда нас обручили,
Когда рожденья ждали моего.

А н н а

Как это неразумно!

Д о л о р е с

Нет, Анита.
То, верно, воля неба, чтобы я
Его своим по праву называла,
Хотя он и не мой.

А н н а

Да кто же он?
Мне странно то, что я его не знаю.

Д о л о р е с

Он — дон Жуан.

А н н а

Какой? Ужели тот? . . .

Д о л о р е с

Да, тот, тот самый. Кто еще другой
Из сотен тысяч всяческих Жуанов
Так просто может зваться «дон Жуан»,
Без титула и без других отличий?

А н н а

Теперь я понимаю. . . Впрочем, как же?
Ведь много лет, как нет его в Севилье. . .
Ведь изгнан он?

Д о л о р е с

Я видела его.
В последний раз, как в Кадиксе мы были.

Скрывался дон Жуан тогда в пещерах,
Жил контрабандой. . . И порою плавал
С пиратами. . . Тогда одна цыганка
Покинула свой табор и бежала
С ним за море и где-то там исчезла.
А он вернулся в Кадикс и привез
Какую-то алжирскую пиратку.
Пиратка эта отравила брата
Из-за Жуана. . . А потом пошла
В монахини.

А н н а

Все это точно сказка.

Д о л о р е с

Однако это правда.

А н н а

А за что

Его изгнали? Что-то я слышала
Неясное. . .

Д о л о р е с

Он, будучи пажом,
На поединок вызвал принца крови
Из-за инфанты.

А н н а

А инфанта эта

Его любила?

Д о л о р е с

Говорят. Но я

Не верю.

А н н а

Почему?

Д о л о р е с

Когда б любила,
То для него покинула б Мадрид
И королевский двор.

А н н а

Легко ли это?

Д о л о р е с

Любви не надо легкого пути.
Ведь стала же толедская еврейка,
Дочь старого раввина, для Жуана
Отступницей.

А н н а

А после?

Д о л о р е с

Утопилась.

А н н а

Он, право, странен, нареченный твой.
И вкус его, признаться, тоже странен...
Цыганка, басурманка и еврейка.

Д о л о р е с

Ты забываешь про инфанту!

А н н а

Ну,
С инфантою еще неясно дело!

Д о л о р е с

Однако он в изгнание бежал
С благочестивой, гордой аббатиссой.
Сам инквизитор — дед ее.

А н н а

Да что ты?

Д о л о р е с

И после аббатисса та держала
Таверну для контрабандистов.

А н н а
(смеется)

Ах,
Он не без юмора, твой дон Жуан!..
А ты как будто этим всем гордишься,
Своих соперниц помнишь, как трофеи,
Что жениху достались на турнире.

Д о л о р е с

Я горько им завидую, Анита.
Зачем я не цыганка, не могу
Отречься от свободы для Жуана?
Зачем я не еврейка? Я бы веру
Втоптала в прах, чтобы ему служить!
Корона — дар ничтожный! Я бы, Анна,
Родных бы для него не пожалела...

А н н а

Долорес, бойся бога!

Д о л о р е с

Ах, Анита,
Завидую я этой аббатиссе,
Что отдала спасение души,
Что отреклась от рая для Жуана!
(Сжимает руки Анны.)
О, этой страшной зависти и боли
Тебе вовек, Анита, не понять.

А н н а

А я бы не завидовала им,
Покинутым, несчастным... Ах, прости,
Забыла я, — он и тебя покинул!

Д о л о р е с

Меня он не покинет никогда!

А н н а

Опять загадки! Почему, Долорес?

Долорес

Ходила я к Жуану в ту пещеру,
Где он скрывался...

Анна

(с горячим интересом)

Ну и что же, что же?

Долорес

Лежал он раненый. Жену алькада
Хотел украсть и увезти. Алькад
Жену убил, а дон Жуана ранил...

Анна

Но как же добралась ты до него?

Долорес

Теперь уж я сама не понимаю...
Все было как в горячечном бреду...
Ходила я за ним, носила воду,
Запекшиеся раны обмывала,
И выходила...

Анна

Ну, а дальше что?

Иль это все?

Долорес

И это все. Он встал,
Здоров и цел, а я домой вернулась.

Анна

Такой же, как была?

Долорес

Такой же, Анна,
Как от причастия. И ты не думай,
Что он добился моего согласия.
О, никогда!

А н н а

Но ты, Долорес, любишь
Его безумно.

Д о л о р е с

Это не безумье!
Таится в сердце у меня любовь,
Как будто кровь таинственная в чаше
Святого Граля. Да, невеста я.
И чистоты моей не замарает
Никто на свете, даже дон Жуан.
Он это знает.

А н н а

Как?

Д о л о р е с

Душою знает.
Конечно, он ко мне питает чувство,
Но только это чувство — не любовь,
Ему названья нету... На прощанье
Он перстень снял с руки моей и молвил:
«О, благороднейшая сеньорита,
Когда вас будут мною попрекать,
Ответьте им, что я жених ваш верный,
Я перстнями с другой не обменяюсь
Уже вовек, даю вам слово чести».

А н н а

Он так сказал? Быть может, это значит,
Что он одну тебя на свете любит?

Д о л о р е с

(грустно качает головой)

Лукавым словом сердца не обманешь...
Меня с любимым лишь мечта связала,
Таковыми обрученными, как мы,
Пристало быть на небе райским духам,
А тут — какое адское страданье!

Ты не поймешь. Ведь у тебя, Анита,
Сбываются все сны и все мечты...

А н н а

«Все сны и все мечты»... Да так ли это?

Д о л о р е с

Чего ж еще тебе недостает?
Есть у тебя любовь, богатство, юность
И скоро будет честь и уважение,
Пристойное супруге командора.

А н н а

(засмеявшись, встает)

Но где же тут «все сны и все мечты»?

Д о л о р е с

(со слабой усмешкой)

Они тебе уж не нужны, пожалуй.

Обе девушки прогуливаются между памятниками.

А н н а

Кто может без мечтаний жить, Долорес?
Одну мечту я с детства сохранила.
Она, наверно, выросла из сказок,
Что бабушка рассказывала в детстве.
Я так любила их...

Д о л о р е с

О чем мечта?

А н н а

Да так, причуды!.. Вижу, как в тумане,
Я неприступную, крутую гору,
На той горе суровый, крепкий замок —
Орлиное гнездо... И в этом замке
Принцесса молодая... И не может
Никто добраться до ее покоев
По страшной круче... Рыцари и кони,

Срываясь, разбиваются, и кровь
Багровыми ручьями омывает
Подножье...

Д о л о р е с

О, жестокая мечта!

А н н а

В мечтах все можно. А потом, Долорес...

Д о л о р е с
(перебивает)

Потом один герой достиг вершины,
Добился он руки и сердца девы...
Сбываются уже твои мечтанья:
Прекрасная принцесса — ты, Анита,
А рыцари разбившиеся, верно,
Те женихи, которых ты отвергла,
А тот счастливый рыцарь — дон Гонзаго.

А н н а
(смеется)

Нет, командор мой — он сама гора,
А рыцаря счастливого как будто
И нет на свете...

Д о л о р е с

Это даже лучше.

Ну, что ты можешь рыцарю вручить
В награду?

А н н а

Приготовлю лимонад
Для прохладенья!

(Замолкает. Меняет тон.)

Посмотри, Долорес,

Как странно свет мерцает в этом склепе...
То ярче, то слабее. Видишь?.. Видишь?..
Там кто-то есть.

Д о л о р е с

Да нет же, это мыши
Летучие вокруг лампы выются.

А н н а

Постой, я загляну туда, Долорес.
(*Заглядывает в решетчатые двери склепа, хватается
Долорес за руку и указывает внутрь склепа.
Шепотом.*)

Смотри — там вор. Я сейчас кликну стражу...

Бросается бежать. В эту минуту раскрываются двери склепа.
Долорес вскрикивает и опускается без чувств на скамью.

Д о н Ж у а н

(*выходя из гробницы, к Анне*)

Прошу вас, сеньорита, не бегите
И не пугайтесь, я совсем не вор.

Анна возвращается и наклоняется над Долорес.

Д о л о р е с

(*очнувшись, стискивает ей руку*)

Он, Анна, он!.. В своем ли я уме?

А н н а

Вы дон Жуан?

Д о н Ж у а н

(*кланяясь*)

К услугам вашим, донна.

Д о л о р е с

Как вы сюда попали?

Д о н Ж у а н

На коне,

Потом пешком.

Д о л о р е с

О боже мой, он шутит!
Вы головой рискуете своею!

Д о н Ж у а н

Впервые слышу я, чтобы ценилось
Во мне не сердце, полное до края,
А голова, в которой, сеньорита,
Хоть мысли есть, да небольшого веса.

А н н а

А что тяжелого есть в вашем сердце?

Д о н Ж у а н

О сеньорита, пусть узнает это
Лишь та, что сможет взять его в ладони.

А н н а

Так ваше сердце взвешено не раз.

Д о н Ж у а н

Вы думаете?

Д о л о р е с

Прячьтесь! Вы погибли,
Коль вас увидят!

Д о н Ж у а н

Если уж теперь,
Прекрасных глаз выдерживая взгляды,
Я не погиб, то где ж моя погибель?

Анна улыбается. Долорес опускает на лицо черную вуаль
и отворачивается.

А н н а

(махнув рукой)

Ступайте уж назад в свое жилище!

Д о н Ж у а н

О, только ручка женская одна
Беспечно может посылать в могилу.

Долорес
(снова поворачиваясь к дон Жуану)

Ужели вы живете в этом склепе?

Дон Жуан

Как вам сказать? Я должен тут прожить
Лишь день один да ночь — с меня довольно.
Здесь, при дворе могильном, этикет
Суровее, чем при дворе кастильском,
А я и там, при всем своем усердьи,
Всех церемоний выдержать не мог,
Так где уж тут!

Анна

Куда же вы пойдете?

Дон Жуан

И сам еще не знаю.

Долорес

Дон Жуан,
Здесь есть тайник под церковью, вы спрячьтесь.

Дон Жуан

О, вряд ли веселее там, чем здесь.

Долорес

А вам бы все веселье!

Дон Жуан

Почему же

Не веселиться?

Анна

Ну, а если б кто
На маскарад позвал вас — вы пошли бы?

Дон Жуан

С великой радостью.

А н н а

Тогда, прошу вас,
Сегодня ночью в нашем доме бал
Дает отец мой Пабло де Альварес,
Последний бал перед моею свадьбой.
Все будут в масках, кроме стариков,
Родителей, меня и жениха.

Д о н Ж у а н
(Долорес)

Вы будете, надеюсь, сеньорита?

Д о л о р е с
Как видите, я в трауре, сеньор.
(Отходит в сторону.)

Д о н Ж у а н
Я траура совсем не признаю
И ваше приглашение принимаю.
(Кланяется.)

А н н а
Какой у вас костюм?

Д о н Ж у а н
Еще не знаю.

А н н а
Жалею. Я б хотела вас узнать.

Д о н Ж у а н
Узнаете по голосу.

А н н а
Ужели
Я голос ваш запомню с первой встречи?

Д о н Ж у а н
Тогда по перстню, что ношу на пальце.
(Показывает перстень на мизинце.)

А н н а

Он постоянно с вами?

Д о н Ж у а н

Постоянно.

А н н а

Вы так верны?

Д о н Ж у а н

Так верен, сеньорита.

Д о л о р е с

(выходя из боковой аллеи)

Сюда идут! Я вижу дон Гонзаго!

Дон Жуан скрывается в склепе. Анна идет навстречу
Командору.

К о м а н д о р

(медленно приближается; он не очень молод, важен и сдержан, с большим достоинством носит белый командорский плащ.)

Вы тут одни? А где ж дуэньи ваши?

А н н а

Они в соборе. Милая Долорес
Не любит лишних глаз, когда бывает
На дорогих могилах!

К о м а н д о р

(сдержанно кивая Долорес)

Понимаю.

(Анне.)

А я искал вас, дорогая Анна,
Затем, чтобы спросить, в каком наряде
Вы будете сегодня на балу.

А н н а

Я буду в белом. А зачем вам это?

К о м а н д о р

Так, некоторые соображенья...

А н н а

Меня узнаете в любом наряде.
Я не надену маски.

К о м а н д о р

Превосходно.
Я даже и представить не хотел,
Что будете вы в маске.

А н н а

Почему же
Вы мне о том ни слова не сказали?

К о м а н д о р

Я вашу волю не хотел стеснять.

Д о л о р е с

Как странно слышать мне, что нареченный
Стеснять боится малым принуждением
Желанья той, которую так скоро
С собою свяжет узами навеки.

К о м а н д о р

Ее свяжу не я: закон и небо.
Я сам ее свободнее не буду.

Д о л о р е с

Мужчины так не часто говорят,
А говорят — так редко держат слово.

К о м а н д о р

Теперь я понимаю, сеньорита,
Зачем не вышли замуж вы доньне.
Без веры в брак не следует вступать.

А н н а

А все ль питают веру?

К о м а н д о р

Донна Анна,
Когда б я вам или себе не верил,
Я б тотчас возвратил вам ваше слово,
Пока не поздно. А когда дадим мы
Великий тот обет. . .

А н н а

Мне стало страшно!

К о м а н д о р

Любви глубокой не страшны обеты.
Ужель вам страшно, Анна?

А н н а

Это шутка.

(К Долорес.)

Ведь я тебе сказала: он — гора!

К о м а н д о р

Вы шутите? Вы веселы сегодня.

А н н а

А почему бы мне не веселиться,
Когда на вас надеяться могу я
Не меньше, чем на каменную гору!
Не правда ли?

К о м а н д о р

*(подает Анне руку, чтобы вести ее. Анна
принимает)*

Надеюсь, донна Анна,
И постараюсь доказать вам жизнью,
Что вы не ошибаетесь.

Идут. Долорес немного позади.

А н н а

(неожиданно громко обращается к Долорес)

А знаешь,
Он на портрете мне казался лучше,
Чем в жизни.

Долорес испуганно, молча глядит на Анну.

К о м а н д о р

Кто это?

А н н а

Жених Долорес.

К о м а н д о р

Кто он такой?

А н н а

Покуда это тайна.
Он будет на балу у нас сегодня.

Все трое уходят.

С г а н а р е л ь

*(слуга дон Жуана; выходит, оглядывается,
приближается к склепу)*

Эй, господин!

Д о н Ж у а н

(выходит)

Как? Ты уже вернулся?

С г а н а р е л ь

Привет от донны Соль. Она не хочет,
Чтоб к ней вы шли. Она молвы боится.
У ней дуэнья старая и злая.
Она решила вырваться из дому,
Прийти сюда одна...

Д о н Ж у а н

Уже? Так быстро?

С г а н а р е л ь

Вы словно недовольны?

Д о н Ж у а н
(не слушая его)

Раздобудь
Мне где-нибудь костюм для маскарада,
Да понарядней.

С г а н а р е л ь

Как же вы узнали,
Что будет донна Соль на маскараде
У молодой невесты командора?
Вы, значит, там с ней встретиться решили,
Чтоб взять сюда?

Д о н Ж у а н
(занятый другими мыслями)

Кого?

С г а н а р е л ь

Да донну Соль!
Кого ж еще? Иль не из-за нее
Сюда мы прискакали?

Д о н Ж у а н
Я не знаю.

Посмотрим.

С г а н а р е л ь

Ну, а если вы, сеньор,
Идя на маскарад, с ней разминетесь?
Она придет и не застанет вас,
То что тогда велите делать с нею?

Д о н Ж у а н

Ступай в таверну, а ее пошли
Обратно к мужу.

С г а н а р е л ь

Ах, сеньор, сеньор!
Я выказал бы больше благородства,
Будь господином — я, а вы — слугой.

Уходит. Дон Жуан скрывается в склепе.

II

Внутренний дворик (patio) в доме сеньора Пабло де Альварес в мавританском стиле, засаженный цветами, кустами и невысокими деревьями, окруженный строениями с галереей под аркадами, расширенной выступом крыльца и лоджией (глубокой нишей); кровля галереи — плоская, с балюстрадой, как восточная крыша, расширенная в середине так же, как и галерея внизу; на оба этажа галереи ведут из дворика отдельные лестницы, широкие и низкие — вниз, высокие и узенькие — вверх. Дом и галерея ярко освещены. Внутри дворика света нет. На переднем плане — беседка, заросшая виноградом. Дон Пабло и донна Мерседес — отец и мать Анны — разговаривают с Командором во дворике. Наверху по галерее прогуливаются несколько гостей, их еще немного — с ними донна Анна.

Командор

Могу ли попросить я донну Анну
Спуститься на минуту к нам сюда?

Донна Мерседес

Спустись, Анита, к нам! Здесь дон Гонзаго!

Анна

(наклоняясь через балюстраду, глядя вниз)

А вам так трудно к нам наверх подняться?
Иль вверх всходить горе не подобает?
(Смеется, сбегает по лестнице во дворик.)

Донна Мерседес

Анита, ты смеешься слишком громко.

Дон Пабло

И шутки мне не нравятся твои.
Обязана ты помнить...

Командор

Не браните

Сегодня молодую сеньориту
За то, что даже близкое венчанье
Веселости девичьей не смутило.
Я привыкаю к шуткам донны Анны.

Донна Мерседес

Пожалуй, нам пора к гостям подняться.

Командор

Побудьте здесь. В Кастилии у нас

Не принято, чтобы жених с невестой

Наедине до свадьбы оставались.

Но я не задержу вас, донна Анна.

Примите этот маленький подарок

В знак искренней любви и уваженья.

*(Вынимает из-под плаща дорогой жемчужный
головной убор и склоняется перед Анной.)*

Донна Мерседес

Какие жемчуга!

Дон Пабло

О командор!

Не слишком ли подарок этот дорог?

Командор

Для донны Анны?!

Анна

Вот вы для чего

Меня спросили утром о наряде!

Командор

Быть может, неудачен выбор мой,

Но мне казалось — к белому наряду

Подходит белый жемчуг...

Анна

Дон Гонзаго,

Вы быть хотите полным совершенством,

А это слишком, это угнетает.

Донна Мерседес

(тихо толкая Анну)

Опомнись, Анна! Поблагодари!

Анна молча отвешивает Командору глубокий церемонный поклон.

Командор
(подымает диадему над ее головой)

Так разрешите возложить мой жемчуг
На эту непокорную головку,
Склоненную впервые предо мною.

Анна
(сразу поднимая голову)

А разве вам иначе не достать?

Командор
(надевая диадему на голову Анны)

Как видите, достал.

Дворик наполняется толпой нарядных гостей в масках и без масок; одни спустились с верхней галереи, а другие вошли через входные ворота. Между теми, которые вошли в ворота, маска в черном, очень широком домино, лицо тщательно закрыто маской.

Голоса из толпы гостей
(которые спустились с галереи)

Где наш хозяин?

Хозяйки где?

Дон Пабло

Здесь, дорогие гости.

Донна Мерседес
(к вновь прибывшим)

Толпа гостей нарядных, благородных
Наш дом украсит.

Пожилая гостья
(из вновь прибывших другой, прежней, шепотом)

Верно, уж смекнула,
И сколько нас, и сколько будет стоять...

Вторая гостья
(тоже шепотом к первой)

Да, Мерседес в подсчетах не замедлит,
Скорей замешкает в гостеприимстве...

Гостья - девушка
(здороваясь с Анной)

Анита, как же ты нарядна нынче!
(*Тише.*)

Но только в белом ты бледна немного.

А н н а

О, ничего, теперь такая мода.
(*Еще тише.*)

Могу я одолжить тебе белила,
А то твой лоб, пожалуй, слишком красен.

Д е в у ш к а

Спасибо, не хочу.
(*Отворачивается и начинает поправлять маску
и волосы так, чтобы закрыть лоб.*)

Молодая дама
(*тихо, указывая глазами на Анну*)

Какой убор!

Другая молодая дама
(*с иронией*)

Единственная радость бедной Анны!..

С т а р ы й г о с т ь
(*дону Пабло*)

Ну что, дон Пабло, вас теперь наверно,
Его величество к себе приблизит, —
Такого зятя тесть вы...

Д о н П а б л о

Наш король
Не по зятьям, а по заслугам ценит.

С т а р ы й г о с т ь

Порой мы слишком долго ждем оценки.

Д о н П а б л о

Ну, это вам, пожалуй, лучше знать.

(Поворачивается к другому гостю.)

Вы, граф? Как счастлив я! Какая честь!

Хозяин, хозяйка, Командор и гости идут в дом по широкой лестнице. Маска «Черное домино» остается во дворике, незаметно отступая в тень кустов. Анна с молодыми дамами появляется на верхнем крыльце. Слуги разносят лимонад и другие прохладительные напитки.

Д о н Ж у а н

(в мавританском костюме, в маске, с гитарой появляется во дворике, останавливается против галереи и поет)

У меня в краю родимом
Есть одна гора крутая,
И сверкает на вершине
Диамантовый дворец.

Горе мое, Анна!

В том дворце в хрустальном зале
Чудо-роза распустилась,
На атласных лепесточках
Не роса, а жемчуга.

Горе мое, Анна!

И на ту крутую гору
Нет ни лестниц, ни тропинок.
Во дворце из диамантов
Ни дверей, ни окон нет.

Горе мое, Анна!

Но кому-то и не надо
Ни ступенек, ни тропинки, —
С неба спустится он к розе
На живых крылах любви.

Счастье мое, Анна!

Во время песни «Черное домино» слегка выступает из кустов, в конце песни снова скрывается.

К о м а н д о р

(выходит на верхнее крыльцо к концу песни)

Что это тут за песни, донна Анна?

А н н а

Не знаю, мавританские, должно быть.

К о м а н д о р

Я спрашиваю не о том.

А н н а

О чем же?

(Не дождавшись ответа, берет у слуги стакан лимонаду и спускается к дон Жуану.)

А н н а

(дон Жуану, подавая лимонад)

Угодно ли вам жажду утолить?

Д о н Ж у а н

Благодарю. Не пью я лимонада.

Анна бросает стакан в кусты.

К о м а н д о р

(идя следом за Анной)

По вкусу ли вам песня, донна Анна?

А н н а

А вам?

К о м а н д о р

Признаться, вовсе не по вкусу.

Д о н Ж у а н

Жалею, что не угодил сеньору.
Мне думалось, счастливым обрученным
Приятна будет песня о любви.

К о м а н д о р

Припев у вашей песни неуместный.

Д о н Ж у а н

Его, увы, не мог я опустить, —
Ведь эта песня в мавританском стиле.

А н н а

А вы к костюму подобрали песню?

С галереи спускается толпа молодежи; заметив Анну,
окружает ее.

Г о л о с и з т о л п ы

О донна Анна, донна Анна, просим
Поласковее быть в последний вечер
Девической несвязанной свободы!

А н н а

Чем, господа, могу я вам служить?

П е р в ы й р ы ц а р ь

Мы просим, чтоб вы сами указали,
С кем танцевать желаете сегодня.

А н н а

Чтоб я сама просила?

В т о р о й р ы ц а р ь

Не просите, —
Приказывать вы можете, мы будем
Рабами в этот вечер!

А н н а

Хорошо,
Что только в этот вечер. Я не знаю,
Что вам на это скажут ваши дамы.
Иль, может, вас от них спасают маски?

Т р е т ь и й р ы ц а р ь
(срывая маску)

Все звезды меркнут перед солнцем!

А н н а

Верно.

Ваш комплимент без маски обойдется
Он слишком стар для этого, пожалуй.

Рыцарь снова надевает маску и скрывается в толпе.

А н н а
(к молодежи)

Что ж, станьте в ряд, я буду назначать!

Все встают в ряд, Дон Жуан тоже.

К о м а н д о р
(тихо, Анне)

Что это, местный ваш обычай?

А н н а
Да.

К о м а н д о р
Мне тоже стать?

А н н а
Не надо.

Командор отходит в сторону.

Кавалеры,
Готовы ль вы?
(Дон Жуану.)

Зачем же вы, поклонник
Изменчивой планеты, тоже стали?
Ведь вам обычай запрещает танцы?

Д о н Ж у а н
Для необычной я забыл обычай.

А н н а
За это я даю вам первый танец.

Дон Жуан кланяется по-восточному: прикладывает правую руку к сердцу, к губам и ко лбу, потом складывает руки накрест на груди и склоняет голову. При этих движениях на мизинце его блестит золотой перстень.

Д о н Ж у а н
Один?

А н н а
Один. Второго вам не будет.
(Обращается к остальным рыцарям.)

А вам, сеньоры, дам я знак рукою.
Пусть каждый помнит очередь свою.
(Быстро показывает рукою на каждого кавалера
по очереди. Один кавалер остается неуказанным)

Последний кавалер
А как же я? Когда же мой черед?

Один из толпы
Вы будете последним, очевидно.

Смех. Кавалер стоит смущенный.

Анна
(последнему)

Со мной танцует первым мусульманин
Лишь потому, что в светлом царстве божьем,
Повидимому, будет он последним.
А вы, сеньор, я думаю, католик,
И вам не страшно танцевать последним.

Последний кавалер
Впервые в жизни я хочу быть мавром!

Дон Жуан

Не в очередь попал ваш комплимент, —
Вам, видно, суждено души спасенье!

Анна
(хлопает в ладоши)

Мои рабы! Довольно! Время танцев!

Первая поднимается вверх, за ней молодежь. Со второго этажа гремит музыка. Начинаются танцы, которые распространяются на оба этажа галереи. Донна Анна идет в первой паре с дон Жуаном, потом ее перехватывают по очереди и другие кавалеры. Командор стоит в углу ниши, прислонившись к выступу стены, и смотрит на танцы. «Черное домино» следит снизу и незаметно для себя выходит в освещенное место перед крыльцом. Дон Жуан, окончив танец, склоняется через перила, замечает «Черное домино» и сходит вниз. «Черное домино» в это время поспешно скрывается в тень.

Маска подсолнечник
(подходит сбоку и хватает дон Жуана за руку)

Ты дон Жуан! Я знаю!

Дон Жуан

Я хотел бы
Знать так же верно, кто под этой маской.

Маска подсолнечник
Ты знаешь хорошо! Я донна Соль!
(Срывает с себя маску.)

Дон Жуан

Простите, но в подсолнечнике трудно
Узнать большое солнце¹.

Донна Соль

Ты смеешься?
Ты мало надо мною насмеялся?

Дон Жуан

Когда же? Где же?

Донна Соль
(запальчиво)

Я иду с кладбища.

Дон Жуан

Кто видел вас?

Донна Соль

Еще недоставало!
Никто, конечно.

Дон Жуан

Ну, так в чем же дело?
Как будто встретиться на маскараде
Не веселей, чем где-то на кладбище?

---

¹ Игра слов: имя донны Соль означает по-испански «солнце».

Донна Соль
(шарит рукой за поясом)

О, я забыла дома свой кинжал!

Дон Жуан
(с поклоном подает ей свой стилет)

Прошу, сеньора.

Донна Соль
(отталкивает его руку)

Прочь!

Дон Жуан
(пряча кинжал)

Не понимаю!

Чего же хочет милая сеньора?

Донна Соль

Не знаете?

Дон Жуан

Нет, признаюсь, не знаю.

Донна Соль

Вы помните, что вы мне написали?

Дон Жуан

Я вам писал, сеньора: «Бросьте мужа,
Коль он вам ненавистен, и бегите».

Донна Соль

С кем?

Дон Жуан

Разве непременно нужен спутник?
Ну что же, я могу вас проводить.

Донна Соль

Куда?

Д о н Ж у а н

До Кадикса.

Д о н н а С о л ь

Зачем?

Д о н Ж у а н

Не понимаю!

Ужели мало вырваться на волю?

Д о н н а С о л ь

Так вы затем назначили свиданье,
Чтоб это мне сказать?

Д о н Ж у а н

А для чего же
Зы на свиданье шли? Иль вы хотели
Лишь подсластить немного горький ужин
Супружеских обязанностей? Право,
Я сладких блюд готовить не учился.

Д о н н а С о л ь

(направляясь к ступенькам крыльца)

Вы мне еще заплатите за это!

Черное домино

*(выходя на свет, преграждает путь донне Соль.
Неестественно измененным голосом)*

Твой муж тебе позволил плату брать?

Донна Соль вскрикивает и стрелой выбегает за ворота. «Черное домино» хочет скрыться в тень, но дон Жуан преграждает ему путь.

Д о н Ж у а н

Ты кто такая, маска?

Черное домино

Тень твоя.

Стремительно убегает от дон Жуана, прячась за кустами, вбегает в беседку и стоит там, притаившись. Дон Жуан, потеряв из виду «Черное домино», направляется в поисках его в другую сторону. На верхнем выступе галереи донна Анна танцует сегидилью.

Первый рыцарь
(когда Анна окончила танец)

Сейчас вы танцевали, донна Анна,
По рыцарским сердцам.

Анна

Да неужели?

Я думала, что по полу танцую.
Иль так сердца у рыцарей тверды?

Второй рыцарь
(подходит к Анне и кланяется, приглашая ее танцевать)

Теперь со мной.

Анна
(складывая ладони)

Помилуйте, сеньор.

Второй рыцарь
Я подожду. Но очередь за мной?

Анна

Конечно.

(Встает и, смешиваясь с толпой гостей, исчезает из виду. Появляется снова на узенькой лестнице, спускается во дворик и направляется к беседке. «Черное домино» поспешно, но бесшумно выбегает оттуда и прячется в кусты. Анна в изнеможении падает на широкую скамью, стоящую в беседке.)

Дон Жуан
(приближаясь к Анне)

Вы здесь одна? Вам дурно, сеньорита?

А н н а
(садится прямее)

Нет, я устала.

Д о н Ж у а н
На гору взбираться?

А н н а
Признаться вам, всего сильней устала
Я нынче от бесчисленных острот.

Д о н Ж у а н
Я не острил.

А н н а
Но что ж еще?

Д о н Ж у а н
Я думал
О том, что заставляет сеньориту
Стремиться так в нагорную темницу?

А н н а
В темницу? Мне казалось, просто в замок,
А замки на горе стоят обычно.
Величественней там и неприступней.

Д о н Ж у а н
Я очень уважаю неприступность,
Когда основа у нее не камень,
А что-нибудь живое.

А н н а
На живом
Не долго устоишь, устанешь скоро.
Нет, властная и гордая душа
Жить может только на горе высокой.

Д о н Ж у а н

Нет, донна Анна, там не будет воли.
С вершины горной видны человеку
Свободные просторы, только сам он
Навек привязан к узкому пространству.
Неверный шаг — и он сорвется в пропасть.

А н н а (задумчиво)

Так где же в мире нам искать свободу? ..
Ужель она в такой судьбе, как ваша?
Вы меж людьми живете диким зверем,
Затравленным охотниками в поле.
Лишь маска вас спасает.

Д о н Ж у а н

Между нами
Взаимная охота, сеньорита.
А маска — лишь охотничья уловка.
Сейчас ее не будет.

(Срывает маску.)

Донна Анна,
Поверьте мне, лишь тот свободен в мире,
Кого отвергло общество. В изгнание
Я лишь обрел желанную свободу.
Видали вы людей, идущих смело
За верным зовом собственного сердца,
Не думая о том, что скажут люди?
Смотрите, я таков. И потому-то
Мир никогда не будет мне темницей.
Я легкою фелукой пролетаю
В морских просторах. Перелетной птицей
На берега далекие лечу
И узнаю манящие красоты
Чужих краев, неведомых доныне.
В лучах свободы все края прекрасны,
Все рощи представляются Эдемом,
Все воды отражают небеса!

А н н а
(тихо)

Да... это жизни!

Пауза. Наверху снова музыка и танцы.

Д о н Ж у а н

Как странно! Снова танцы...

А н н а

Что ж странного тут?

Д о н Ж у а н

Если умирает
Больной и старый, все вокруг рыдают.
А тут хоронят юную свободу,
А все танцуют...

А н н а

Разве вы, сеньор мой,
Не танцевали?

Д о н Ж у а н

О, когда б вы знали,
Что думал я тогда!

А н н а

А что?

Д о н Ж у а н

Я думал:
«Когда б, не выпуская из объятий,
Домчать ее на лошади горячей
До Кадикса!»

А н н а
(встает)

Однако слишком много
Вы позволяете себе, сеньор!

Д о н Ж у а н

Ужели так нужны вам, донна Анна,
Ничтожные законы этикета,
Расшатанная изгородь, которой
Окружено достоинство сеньоры?
О донна Анна, никогда я силой
Не посягну на вашу честь, не бойтесь.
Не тем я страшн женщинам.

А н н а

(снова опускается на скамью)

Сеньор,

Я не боюсь вас.

Д о н Ж у а н

Я впервые слышу
Такую речь из женских уст. Быть может,
В себе вы этим будите отвагу?

А н н а

Моя отвага мне не изменяла
Еще ни разу в жизни.

Д о н Ж у а н

И сейчас

Вы в ней уверены?

А н н а

Как никогда!

Д о н Ж у а н

Скажите мне всю правду, донна Анна,
Знавали ль вы хотя бы миг свободы?

А н н а

Во сне.

Д о н Ж у а н

И в грезах?

А н н а

Да, в мечтах чудесных.

Д о н Ж у а н

Что ж вам мешает гордую мечту
Осуществить? Ведь только за порог
Переступить — и целый мир широкий
Откроется для вас! Я вам готов
И в счастье и в несчастье быть опорой,
Быть другом вам, хотя бы даже сердце,
Жестокая, передо мной замкнули.
Всего дороже для меня — спасти
Ваш гордый, вольный дух! О донна Анна,
Я вас искал так долго!

А н н а

Вы искали?

Ведь вы меня не знали до сих пор!

Д о н Ж у а н

О, я не знал лишь вашего лица
И как зоветесь вы. Но я искал
По разным странам, в разных женских лицах,
Хотя бы отблеск ясного сиянья,
Пылающего в вашем гордом взоре,
И если нам не суждено быть вместе,
То, значит, в мире, сотворенном богом,
Нет правды, справедливости и смысла!

А н н а

Молчите! Не дурманьте разум мой
Горячей речью. Дон Жуан, мне хватит
Отваги и решительности твердой,
Чтоб вместе с вами выйти в мир широкий.

Д о н Ж у а н

(вскакивает и протягивает Анне руку)

Идемте!

А н н а

Нет. Одной отваги мало.

Д о н Ж у а н

Что ж держит вас? Ужели этот жемчуг?
Колечко это, может быть?

А н н а

Нисколько!

*(Снимает жемчуга с головы, кладет их на скамью.
Снимает с пальца обручальное кольцо и держит его на
протянутой ладони.)*

Сюда же положите этот перстень.
(Показывает на кольцо дон Жуана.)

Д о н Ж у а н

Зачем он вам?

А н н а

Не бойтесь, не надену.
В Гвадалквивир хочу швырнуть все это,
Когда мы будем мост переезжать!

Д о н Ж у а н

Нет, перстня я отдать вам не могу.
Просите, что хотите. . .

А н н а

Я не стану
Вас ни о чем просить. Хотелось мне
Проверить лишь на деле, есть ли в мире
Хотя б один свободный человек,
Иль это только «мавританский стиль»
И жалко вам во имя вашей воли
Пожертвовать несчастным этим перстнем.

Д о н Ж у а н

Всю жизнь мою берите!

А н н а

(снова протягивает руку)

Перстень!

Д о н Ж у а н

Анна!

Что в перстне этом! Он — не знак любви.

А н н а

А что ж? Кольцо из цепи? Дон Жуан,
И вам не стыдно в этом признаваться?

Д о н Ж у а н

Я слово чести дал его носить.

А н н а

Ах, слово чести?

(Встает.)

Что ж, спасибо, сударь, —

Вы мне напомнили об этом слове.

*(Надевает снова жемчуга и кольцо и порывается
отойти.)*

Д о н Ж у а н

(падая на колени)

Я умоляю, донна Анна!

А н н а

(возмущенно)

Будет!

Что это за комедия! Вставайте!

*(Оборачивается и видит приближающегося к беседке
Командора.)*

Прошу вас, дон Гонзаго, проводите
Меня на галерею.

К о м а н д о р

Донна Анна,

Скажите имя этого сеньора.

А н н а

Жених Долорес, вот кто этот рыцарь,
Иначе он не смеет называться.

Д о н Ж у а н

Но у меня есть имя — дон Жуан.
Испании знакомо это имя!

К о м а н д о р

Вы тот преступник изгнанный, лишенный
По королевской воле привилегий,
Лишенный чести? Как же вы посмели
Сюда явиться, в честный дом?

Д о н Ж у а н

П р а в а

Король дает, король и отнимает.
А честь моя со мной, как эта шпага.
Ее никто и никогда не сломит!
Быть может, вы испробовать хотите?
*(Вырывает шпагу из ножен и становится в позу, гото-
вый к поединку.)*

К о м а н д о р

(складывает руки накрест)

С изгнанником встречаться в поединке
Не к чести командору короля.
(К Анне.)

Идемте.

*(Берет Анну под руку и, повернувшись спиной
к дон Жуану, уходит.)*

Дон Жуан бросается вслед за Командором и хочет проткнуть
его шпагой. Из кустов появляется «Черное домино», хватая дон
Жуана за руку обеими руками.

Ч е р н о е д о м и н о

(не меняя голоса, так что можно узнать голос Долорес)

Неблагодарно сзади нападать.

Анна оглядывается. Дон Жуан и Долорес убегают за ворота.

К о м а н д о р

Не оборачивайтесь!

А н н а

Их уж нет.

Командор
(выпускает руку Анны и меняет спокойный тон на грозный)

Как он сюда пробрался, донна Анна?

Анна

Я вам сказала: он жених Долорес.

Командор

Зачем же было падать на колени?

Анна

Кому?

Командор

Ему, конечно, перед вами!

Анна

Но ведь не мне? О чем же ваш вопрос?

Командор

И вы могли позволить...

Анна

Боже правый!

Ну кто на это просит разрешения?

Быть может, ваш кастильский этикет

Приказывает спрашивать у дамы:

«Позвольте опуститься на колени».

У нас за это просто осмеяли б.

Командор

Как любите вы надо всем смеяться!

Анна

Но смилуйтесь! Когда б я всякий раз,

Отказывая, проливала слезы,

То я б давно проплакала глаза!

Ужели вам бы этого хотелось?

Вам странно то, что я за ним вослед

Не простираю рук, не плачу горько,

Не каюсь перед вами на коленях
В любви преступной, налетевшей бурей
На сердце беззащитное мое.
Была бы я Изольдой из романа,
Да что-то нет сегодня настроенья,
Хотела б я в фанданго закружиться.
О, там уже играют! Ла-ла-ла...
Пойдемте, дон Гонзаго, я помчусь,
Как белая волна, в певучем танце,
А вы спокойно стойте, точно камень,
Который знает: танец своевольный
Волна окончит у его подножья.

Командор ведет Анну под руку наверх, туда, где танцуют.

III

Пещера на берегу моря вблизи Кадикса. Дон Жуан сидит на камне и точит свою шпагу. Рядом стоит Сганарель.

Сганарель

И что вы точите все эту шпагу?

Дон Жуан

Привычка.

Сганарель

Вы теперь на поединки
Уже ведь не выходите.

Дон Жуан

Да не с кем.

Сганарель

Людей не стало, что ли?

Дон Жуан

Есть, да только
Не стоят этой шпаги.

С г а н а р е л ь

Может, шпага

Кого не стоит?

Д о н Ж у а н
(грозно)

Помолчи!

С г а н а р е л ь

Простите

Бессмысленную шутку. Сам не знаю,
Откуда эта дурь во мне берется.
Как будто кто толкает!

Д о н Ж у а н

Не мешай!

Сганарель, усмехнувшись, отходит в сторону. Дон Жуан продолжает точить шпагу.

Ах, зазубрилось лезвие! Проклятье!
(Отбрасывает шпагу.)

С г а н а р е л ь

(бегом возвращается, шепотом)

Сеньор, бежим скорее!

Д о н Ж у а н

Что случилось?

С г а н а р е л ь

Открыли нас. Поблизости, я видел,
Монах какой-то бродит.

Д о н Ж у а н

Что ж такого?

С г а н а р е л ь

Наверно, инквизиции шпион
Или палач с отравленным стилетом.

Д о н Ж у а н

Шпионов не боюсь, я к ним привык,
А шпага у меня длинной стилета.
Веди его на краткую беседу,
Скажи ему, что исповеди просит
Великий грешник дон Жуан.

С г а н а р е л ь

Отлично.

Вы не дитя, а я при вас не нянька.

Выходит и сразу же возвращается, ведя за собой монаха невысокого роста, стройного, в одежде «невидимок», с черным капюшоном, закрывающим все лицо, с прорезанными отверстиями для глаз

Д о н Ж у а н

(встает навстречу со шпагой в руке)

Отец мой, или, может, лучше, брат мой,
Скажи мне, чем обязан я такому
Святому посещению?

Монах делает рукой знак в сторону Сганареля.

Д о н Ж у а н

(Сганарелю)

Ступай.

(Видя, что тот медлит, говорит ему шепотом.)

А у монаха женская рука!

С г а н а р е л ь

Чтоб их!

(Махнув рукой, выходит.)

Дон Жуан кладет шпагу на камень. Монах откидывает капюшон, открывается лицо Долорес.

Д о н Ж у а н

Долорес?! Вы? Опять в пещере этой...

Д о л о р е с

Я снова здесь, чтоб снова вас спасти.

Д о н Ж у а н

Меня спасти? Но кто же вам сказал
О том, что я в спасении нуждаюсь?

Д о л о р е с

Сама я знала это.

Д о н Ж у а н

Я не болен.
Как видите, силен, свободен, весел.

Д о л о р е с

Вам хочется, чтобы казалось так.

Д о н Ж у а н

*(на миг задумывается, но тотчас резким движением
вскидывает голову)*

Я вижу, сеньорита, вас одежда
В монашеские ввергла настроенья.
Но вам в грехах моих я не покаюсь.
Мои грехи не для ушей девичьих.

Долорес молча вынимает два пергаментных свитка и протяги-
вает их дон Жуану.

Простите, сеньорита. Не хотел я
Обидеть вас. Мне было б это горько.
А это что такое?

Д о л о р е с

Прочитайте.

Д о н Ж у а н

(быстро разворачивая пергаменты)

Здесь булла папы. . . Короля декрет.
Прощаются мне все мои проступки
И все грехи. . . Но почему? Откуда
Бумаги эти взяли вы, Долорес?

Д о л о р е с

(потупив глаза)

Вы не догадываетесь?

Д о н Ж у а н

Долорес!

Я понимаю. Снова перед вами
В долгу великом я. Но вам известно,
Что я привык платить свои долги.

Д о л о р е с

А я сюда пришла не за долгами.

Д о н Ж у а н

Я верю вам. Но я-то не банкрот.
Я вам в залог вручил когда-то перстень,
Теперь готов я выплатить весь долг.
Уж не изгнанник я, а гранд испанский,
И не должно быть стыдно вам, Долорес,
Стать под венец со мной.

Д о л о р е с
(стонет)

О боже правый!

Я думала, что может так случиться...
Зачем должна я схоронить навеки
Последнюю мечту...

*(Голос ее прерывается спазмой долго сдерживаемых
рыданий.)*

Д о н Ж у а н

Я оскорбил вас?

Но чем, Долорес?

Д о л о р е с

Вы не догадались?

Вы думаете, если гранд испанский
Осиротевшей дочери гидальго,
Как будто нищей кошелек с деньгами,
Швыряет обручальное кольцо,
То девушка должна запеть от счастья,
Не захлебнуться горечью?

Д о н Ж у а н

Долорес,

И вы меня обязаны понять.

Ни пред одною женщиной на свете
Не виноват я от рожденья.

Долорес

Правда?

Пред женщинами вы не виноваты
Совсем ни в чем?

Дон Жуан

Ни в чем не виноват.

Я каждый раз давал им очень много:
Порыв, мечту и счастья краткий миг.
С них этого хватало. А иным
И этого казалось слишком много.

Долорес

А вы-то сами большего хотели?

Пауза.

На этот раз платить вам не придется.
Назад возьмите золотой залог.

(Хочет снять перстень с правой руки.)

Дон Жуан

(задерживает ее руку)

Но это ваше по святому праву.

Долорес

Нет. Я сама отныне не своя.
И видимое тело не мое.
Душа, что в этом теле, — только дым
Зажженной мною жертвенной лампы,
Которая горит за вашу душу
Пред богом...

Дон Жуан

Ничего не понимаю!

У вас глаза сейчас такими стали,
Как у заколотой, кровавой жертвы...
Откуда эта булла и декрет?..
Как вы добыли их? Я умоляю,
Скажите мне!

Долорес

Зачем вам это знать?

Дон Жуан

Быть может, должен я от них отречься.

Долорес

Отречься вы не можете, я знаю.
А как они добыты? Не впервые
Для вас погубит женщина себя.
Хоть это было бы в последний раз!

Дон Жуан

Скажите мне, не то я буду думать,
Что их позорным способом добыли,
Затем что честного скрывать не надо.

Долорес

«Позорный»... «честный»... Как теперь далеко
Все это от меня... Ну что ж, скажу:
Я за бумаги заплатила телом.

Дон Жуан

Что?..

Долорес

Больше не могу я объяснять.
Вы знаете обычаи двора,
Велят за все платить, когда не златом,
Так...

Дон Жуан

Боже мой! Как страшно мне, Долорес!

Долорес

Вам страшно, дон Жуан? Не ожидала.

Дон Жуан

А вам не страшно?

Долорес

Мне ничто не страшно.
Зачем мне беспокоиться о теле,
Когда не побоялась я и душу
Свою отдать, чтоб заплатить за буллу?

Дон Жуан

Но кто ж душою платит?

Долорес

Все, кто любит
Душою чистой. Я горда, Жуан,
Тем, что душою выкупаю душу.
Не каждой женщине такое счастье!
Святой отец освобождает вас
От адских кар за то, что я решилась
Окончить жизнь в суровом покаянье
За ваши все грехи. В монастыре
Я по жестокому уставу буду
Простой монахиней. Обет я дам
Молчанья, бичеванья и поста.
Должна я отказаться от всего...
От самых дорогих воспоминаний
И от мечты... Вы слышите, Жуан?
Я о душе лишь вашей помнить буду,
Забуду о своей. Моя душа
Пойдет за вас на вечное страданье.
Прощайте.

Дон Жуан стоит молча, потрясенный, подавленный. Долорес
делает шаг к выходу, но сразу останавливается.

Нет! Еще последний раз!

Я загляну в глаза его. Отныне
Уж больше мне они светить не будут
В могильной тьме того, что будет зваться
Моею жизнью... Этот ваш портрет
Возьмите у меня, Жуан. Навеки.

(Срывает с себя медальон и кладет его на камень.)

Должна я помнить только вашу душу
И больше ничего...

Дон Жуан

А если бы я

Сейчас сказал вам, что одно мгновенье
Земного счастья с вами для меня
Дороже рая вечного без вас?

Долорес

(в экстазе, как мученица во время пытки)

Я не прошу меня не искушать!
Полубобман!.. Когда б он мог до края
Наполнить недоверчивое сердце!
Святая дева, дай мне принести
И эту жертву за него!.. Жуан,
О, говорите мне слова любви,
Твердите мне слова любви! Не бойтесь,
Я не поверю в них!.. О дон Жуан,
Возьмите перстень ваш.

*(Снимает и протягивает дон Жуану перстень, но рука
бессильно опускается, и перстень падает наземь.)*

Дон Жуан

(поднимает перстень и надевает снова на руку Долорес)

Нет, никогда

Я не возьму. Носите вы его
Или мадонне дайте. Как хотите.
На этот перстень можно в покаянье
Глядеть монахине. Он не пробудит
В ее душе воспоминаний грешных.

Долорес

(тихо)

Да, это так.

Дон Жуан

А вашего вовеки

Я не отдам.

Долорес

Зачем он вам, Жуан?

Д о н Ж у а н

Есть у души желанья и привычки,
Как у тела. Я б хотел, Долорес,
Чтоб вы могли меня понять сейчас.

Д о л о р е с

Пора уж мне идти... Я вас прощаю
За все, что вы...

Д о н Ж у а н

За что? Не омрачайте
Воспоминания об этом миге!
За что меня прощать? Теперь я вижу,
Что я ни в чем не виноват пред вами.
С моею помощью достигли вы
Высокой и пречистой благодати!
Ужель меня прощать за это надо?
О нет, наверно, вы ошиблись в слове?
Могло ли ваше ласковое сердце
Родить такое слово? Не нужны вам
Слова такие. Вы отныне выше
И чести и позора. Так, Долорес?

Д о л о р е с

Мне кажется, что больше слов не нужно.
(Хочет идти.)

Д о н Ж у а н

Еще одно мгновенье... Вы в Мадриде
Проведали сеньору де Мендоза?

Д о л о р е с

(останавливается)

Вы... спрашиваете меня о ней?

Пауза

Д о н Ж у а н

По-моему, вам рано в монастырь.

Д о л о р е с

(превозмогая себя)

Я видела ее.

Дон Жуан
Как ей живется?

Долорес
Я, кажется, счастливее ее.

Дон Жуан
Меня она уже забыла?

Долорес
Нет.

Дон Жуан
Почем вы знаете?

Долорес
Я чую сердцем.

Дон Жуан
Ну, это все, что мне хотелось знать.

Долорес
Я ухожу.

Дон Жуан
Вы даже не спросили,
Зачем мне это нужно?

Долорес
Не спросила.

Дон Жуан
И вам не тяжело?

Долорес
Легкого пути
Я не искала никогда. Прощайте.

Дон Жуан
Прощайте. Я всегда вам буду верен.

Долорес послешно опускает капюшон и, не оглядываясь, выходит из пещеры. Входит Сганарель и с укором глядит на дон Жуана.

Д о н Ж у а н
(*скорее самому себе, чем слуге*)

Чудеснейшую выковал я душу!

С г а н а р е л ь

Свою небось?

Д о н Ж у а н

Вопрос ты задал едкий
Без умысла.

С г а н а р е л ь

Вы думаете так?

Д о н Ж у а н

А ты как думаешь?

С г а н а р е л ь

Сказать по правде,
Я видел вас, сеньор, и наковальней-
И молотом, но кузнецом ни разу.

Д о н Ж у а н

Еще увидишь.

С г а н а р е л ь

Поздно!

Д о н Ж у а н

Почему?

С г а н а р е л ь

Судьба сеньора в монастырь ушла.

Д о н Ж у а н

Так ты подслушивал?!

Сганарель

А вы не знали?

Кто держит слуг, тот должен бы привыкнуть,
Что он находится в исповедальне.

Дон Жуан

Но чтобы так бесстыдно признаваться!..

Сганарель

Ведь ваша искренность, сеньор, известна.

Дон Жуан

Ну, замолчи!.. То тень моя ушла,
А не судьба. Судьба моя в Мадриде.
Седлай коня! Мы полетим за нею!

Сганарель уходит. Дон Жуан берет в руку шпагу и, усмехаясь, проводит ладонью по лезвию, пробуя, насколько оно отточено.

IV

Дом Командора в Мадриде. Спальня донны Анны — большая, пышно, но в темных тонах убранная комната. Высокие узкие окна с балконами доходят почти до полу. Жалюзи на них спущены. Донна Анна в сером с черным полутраурном платье сидит у столика, перед открытой шкатулкой, перебирая драгоценности и примеряя их перед зеркалом.

Командор
(входя)

Куда вы собираетесь?

Анна

На завтра

К наряду выбираю ожерелье.
Хочу пойти взглянуть на бой быков.

Командор

Как, в полутрауре?

А н н а
(с досадой отодвигая шкатулку)

Ах, этот траур!
Когда ему конец!

К о м а н д о р
(спокойно)

Еще дней восемь.
По дяде траур тянется недолго.

А н н а

Но любопытнее всего, что я-то
Его ни разу даже не видала.

К о м а н д о р

О, это ничего! Ведь вы теперь
Принадлежите к дому де Мендоза,
И всех усопших родственников память
Должны вы чтить.

А н н а

Пошли им долгой жизни,
Великий бог! Теперь по дяде траур,
А раньше был по тете, перед ней же —
Не ошибиться бы! — мы чтили память
Какого-то троюродного, что ли,
Не то четвероюродного брата...

К о м а н д о р

Но на кого вы сердитесь?

А н н а

Я только
Припомнить захотела, сколько дней
Я не носила траура по ком-то
С тех пор, как вышла замуж.

К о м а н д о р

Целый месяц!

А н н а
(с иронией)

Ах, целый месяц? Это много, правда?

К о м а н д о р

Не понимаю я досады вашей.
Ужели вы для праздного веселья
Готовы пренебречь так беззаботно
Старинными обычаями?

А н н а
(встает)

Что вы?

Когда обычаи я нарушала?
Что сделала позорного? Скажите!

К о м а н д о р

Ах, о позорном речи быть не может.
Но каждый самый маленький проступок —
Уже ступенька в пропасть. Не забудьте,
Что мне достался командорский плащ
Не просьбами, не силой, не деньгами,
А только честностью. В роду Мендоза
Все доблестные рыцари без страха,
Все дамы без упрёка. Допустимо ль,
Чтоб были вы осуждены толпою,
Когда вы завтра...

А н н а
(раздраженно)

Не пойду. Довольно!
Запрусь вот здесь и за порог не выйду.

К о м а н д о р

Но почему же нужно запираяться?
Мы с вами завтра вместе выйдем в церковь.

А н н а

Но я совсем не собиралась в церковь!

К о м а н д о р

Однако мы обязаны пойти.
Там проповедь читает брат Иньиго.

А н н а

Но он скучнейший в мире проповедник!

К о м а н д о р

Согласен с вами я, но королеве
Он нравится, и потому-то ходит
Весь двор туда, а если из грандесс
Лишь вас одной не будет, все заметят.

Анна тихо вздыхает. Командор вынимает из кармана молитвенные четки из дымчатого хрусталя.

Я к полутрауру купил вам четки,
А позже закажу из аметистов.

А н н а

(берет четки)

Спасибо, но зачем. . .

К о м а н д о р

Затем, что надо
Вам пышностью всех дам превосходить.
Я вас прошу, когда придем мы в церковь,
Не позволяйте донне Консепсьон
Сесть рядом с королевой. Это место
Принадлежит лишь вам. Прошу вас помнить,
Что наше место первое повсюду
И нас никто не может заменить, —
Да будет в том порукой честь Мендоза
И ордена священный чистый стяг.
Когда не только донна Консепсьон,
Забуть захочег это королева,
То я немедленно покину двор,
Все рыцари мои пойдут за мною;
И пусть его величество король
Тогда корону держит хоть руками,
Чтоб не слетела. Верьте, я сумею
Хранить отважно рыцарское право,

Но нужно, чтобы рыцари мои
Во всем и всюду были безупречны.
И потому должны мы соблюдать
Не только предписанья нашей чести,
Но всякое веленье этикета,
Хоть вам оно и кажется порой
Назойливым, бессмысленным и лишним...

А н н а

Терпение святое!

К о м а н д о р

Это верно,
Поможет лишь терпение святое
Тому, кто хочет устоять на гребне
Высоких прав и трудных обязательств.
Права без обязательств — произвол.

Анна снова вздыхает.

Вздыхаете? Что ж, было **вам** известно,
Какие вас обязанности ждут.
Сознательно судьбу вы **избирали**,
Раскаянье пришло к вам **слишком поздно**.

А н н а
(гордо)

Раскаиваться я **не собираюсь**.
Я отдаю вам **должное**. Вы **правы**.
Мои причуды **вовсе не серьезные**,
Они прошли уж. **Позабудьте их**.

К о м а н д о р

Вот это речь, **достойная грандессы!**
Теперь я узнаю свою **супругу**.
Какой-то миг я был в вас **не уверен**,
И так тогда мне стало **одинок**о,
И показалась **трудною борьба**,
Борьба за то, что нас должно **поставить**
Ступенью **выше**.

А н н а
(оживляясь)

Но ступенью выше
Лишь трон один!

К о м а н д о р
Да, только трон.

Пауза.

Давно бы
Я вам поведал план свой, если б видел,
Что вы живете тем же, чем и я.

А н н а
Вы этого не видели?

К о м а н д о р
Я каюсь.
Отныне же хочу я верить в это.
Все вместе с вами делать — каждый шаг.
Так знайте: высочайшая вершина
Увенчана достойно лишь тогда,
Когда совет на ней гнездо орлица.

А н н а
Орлица?

К о м а н д о р
Да Одна орлица может
На самом остром, самом гладком пике
Надежное гнездо себе построить
И жить в гнезде том, не боясь ни жажды,
Ни солнечных лучей, ни грозных молний.
За это ей наградой — высота...

А н н а
(подхватывая)
...В кристально чистом воздухе нагорном,
Где нет влекущих запахов долин!
Не так ли?

К о м а н д о р

Так. Дайте руку.

(Анна подает руку, он крепко пожимает ее.)

Спокойной ночи, Анна.

А н н а

Уходите вы?

К о м а н д о р

Я на совет капитула собираюсь,
Быть может, задержусь. Спокойной ночи.

(Выходит.)

Анна сидит задумавшись. Входит горничная М а р и к и т а.

А н н а

Ты, Марикита? Где моя дуэнья?

М а р и к и т а

Она себя почувствовала худо
И прилегла. Когда велит сеньора,
Я тотчас позову ее.

А н н а

Не надо,
Пусть отдыхает. Заплети мне косы
И уходи.

М а р и к и т а

(заплетает Анне косы)

Сеньора, я хотела
Вам кое-что сказать. Я дожидалась,
Пока сеньор отправится...

А н н а

Напрасно.
От мужа у меня секретов нет.

М а р и к и т а

Я знаю это. Вы, моя сеньора,
Совсем святая! Так я и сказала
Тому слуге, когда брала цветы.

А н н а

Какой слуга? Что за цветы?

М а р и к и т а

Недавно

Один слуга принес цветы граната
Сеньоре от кого-то.

А н н а
(гневно)

Быть не может!
Цветы граната, говоришь ты? Мне?

М а р и к и т а

Не знаю. . . Он сказал. . . Оно, пожалуй,
Немножко дерзко. Ведь цветы граната —
Знак страсти. Но зачем я поясняю!
Ведь это вам известно.

А н н а

Марикита,
Я знать должна, кто оскорбил меня!

М а р и к и т а

Он не назвал себя. Он лишь сказал,
Цветы мне отдавая: «Донне Анне
От мавра верного».

Анна вскрикивает.

Сеньора знает,
Кто их прислал?

А н н а
(растерянно)

Не надо мне цветов. . .

М а р и к и т а

Я принесу, хоть взглянете.

А н н а

Не надо!

Марикита, не слушая, выбегает и тотчас же возвращается с гроздью гранатовых цветов.

А н н а

(отталкивая цветы рукой и отворачиваясь)

Прочь выбрось их!

М а р и к и т а

Я б их себе взяла,

Когда они сеньоре не угодны. . .

Я так люблю цветы. . .

А н н а

Возьми, конечно. . .

М а р и к и т а

Вот завтра и цветами уберусь.

А н н а

Ступай, ступай!

М а р и к и т а

Не отворить ли окна?

Здесь душно!

А н н а

(задумчиво, безразлично)

Отвори.

М а р и к и т а

(отворяя)

И жалюзи?

А н н а

Нет, будет видно с улицы.

М а р и к и т а
(отворяя жалюзи)

Ну, где там!
Теперь на улицах совсем безлюдно.
Тут не Севилья! Ах, теперь в Севилье
Все улицы звенят, гремят от песен
И воздух вьется в быстрой мадриленье!
А тут... тут воздух каменный...

А н н а
(нервно)

Довольно!

Марикита, болтая, высовывается из окна и оглядывается по сторонам; неожиданно делает рукой какое-то резкое движение, словно выбрасывая что-то.

А н н а
(заметив это)

Ты что там, Марикита?

М а р и к и т а
(невинно)

Ничего.

А н н а
Ты бросила цветок кому-то?

М а р и к и т а
Что вы?
Я отгоняла муху... Что, сеньоре
Я не нужна уж больше?

А н н а
Нет, ступай.

М а р и к и т а
(кланяется, приседая)
Хороших снов сеньоре!

А н н а

Доброй ночи!

Марикита вышла, оставив в комнате гранатовый букет. Анна, оглянувшись на дверь, замечает это и, взяв букет дрожащею рукою, с грустью глядит на него.

(Тихо.)

От мавра верного. . .

Дон Жуан бесшумно появляется в окне, ловко спрыгивает в комнату, падает на колени перед Анной и покрывает поцелуями ее платье и руки.

А н н а

(роняя букет, вскрикивает)

Вы?!

Д о н Ж у а н

Я! Ваш рыцарь!

Ваш верный мавр!

А н н а

(опомнившись)

Сеньор, кто вам позволил? . .

Д о н Ж у а н

(устало)

Зачем нам лицемерить, донна Анна?
Ведь я видал, как вы сейчас держали
Цветы мои.

А н н а

О, это я случайно!

Д о н Ж у а н

Благословляю случаи такие!
(Протирает руки к Анне. Она пытается оттолкнуть их.)

А н н а

Я умоляю вас меня оставить!

Д о н Ж у а н

Боятесь вы меня?

А н н а

Я не должна

Вас принимать...

Д о н Ж у а н

Бессильные слова!

Когда-то я слышал от вас другое!

О Анна, Анна, где же те мечты

Прекрасные?

А н н а

Девические грезы...

Пустая сказка...

Д о н Ж у а н

Почему же, Анна?

Не в сказке ли живем мы? На кладбище,

Сквозь смех и слезы родилась та сказка,

В веселом танце расцвела впервые,

А выросла, печальная, в разлуке...

А н н а

Пора уж ей окончиться.

Д о н Ж у а н

Но как?

Пусть верный рыцарь вызволит принцессу

Из каменной темницы, и возникнет

На смену сказке песня о свободе.

А н н а

(качает головой)

Нельзя ли, чтобы тем кончалась сказка,

Что рыцарь тот воротится обратно,

Поняв, что опоздал спасти принцессу?

Д о н Ж у а н

О нет! Такого в сказке не бывает!

Так может получиться только в жизни,

И то в ничтожной лишь.

А н н а

Мне ничего
От вас не нужно. Я вас не прошу
Спасать меня, жалеть иль веселить.
Я ни на что не жалуясь.

Д о н Ж у а н

О Анна,
А разве сам не вижу я?..
(*Нежно.*)

Глаза,
Когда-то гордые и огневые,
Теперь надели траур, погасили
Лучистые огни... А эти руки
Когда-то **были** нежными стеблями, —
Теперь **они**, как из слововой кости,
Как руки мученицы... Это тело...
Оно волною вольной изгибалось,
Теперь оно, как та кариатида,
Что вечно держит каменную тяжесть.
(*Берет ее за руку.*)
Любимая, стряхни же эту тяжесть!
Разбей холодный камень!

А н н а (*бессильно*)

Не могу...
О, этот камень... он не только давит,
Он душу каменит... всего страшнее...
Страшна усталость каменная эта...

Д о н Ж у а н

Нет, это только страшный сон под камнем!
Я разбужу тебя своей любовью!
(*Жадно обнимает Анну, она склоняет голову к нему на
плечо и рыдает.*)

Ты плачешь? Эти слезы просят мести!

Слышно, как издали звенит ключ в замке, потом по лестнице
слышны тяжелые уверенные шаги Командора.

А н н а

Шаги Гонзаго! Дон Жуан, бегите!

Д о н Ж у а н

Бежать? О нет! Теперь, когда могу я
Ему уже не уступать дороги. . .

К о м а н д о р

(входит и видит дон Жуана)

Вы? Здесь?

Д о н Ж у а н

Я здесь, почтенный командор!
Пришел благодарить вас за любезность,
Оказанную мне когда-то. Ныне
Я ровня вам. Известно ли вам это?

Командор молча обнажает свою шпагу, дон Жуан — свою, и
оба вступают в поединок. Донна Анна вскрикивает.

К о м а н д о р

(оглядываясь на нее)

Приказываю вам молчать!

В эту минуту дон Жуан вонзает шпагу ему в шею. Командор
падает мертвым.

Д о н Ж у а н

Конец!

(Вытирает свою шпагу краем плаща Командора.)

А н н а

(бросается к дон Жуану)

Что сделали вы?

Д о н Ж у а н

Только победил
Противника на честном поединке.

А н н а

Но это не признают поединком.
Вы понесете кару за убийство.

Д о н Ж у а н

Мне это, право, все равно.

А н н а

Но мне
Не все равно, чтоб люди называли
Меня двойной вдовою — и по мужу
И по любовнику.

Д о н Ж у а н

Но мы ведь с вами
Любовниками не были.

А н н а

И это
Известно только *нам*. А кто поверит?
Я не хочу с позорною печатью
Изменницы нечестной и коварной
В гнезде осином этом оставаться.

Д о н Ж у а н

Бежим отсюда!

А н н а

Вы с ума сошли!
Нести с собой в дорогу тяжкий камень?
Уйдите от меня, иначе криком
Я созову людей и всем скажу,
Что вы меня хотели обесчестить,
Предательски убивши командора,
Сеньора де Мендоза.

Д о н Ж у а н

Донна Анна,
Ужель вы это скажете?!

А н н а
(твердо)

Скажу.

Д о н Ж у а н

А если я скажу, что вы моя
Любовница, что вместе мы убили?

А н н а

Так не по-рыцарски.

Д о н Ж у а н

А вы, сеньора?
А вы иначе поступить хотите?

А н н а

Я только защищаюсь. Если вы
Оставьте мой дом сию минуту,
То я скажу, и все тому поверят,
Что ночью к нам разбойники проникли.

Дон Жуан стоит в нерешительности.

Ну, что еще? Вам не о чем и думать!

Дон Жуан молча удаляется через окно. Анна несколько минут
глядит в окно, ожидая, пока он отдалится от дома. Потом хват
ает драгоценности из шкатулки, выбрасывает их в окно и на
чинает отчаянно кричать.

А н н а

Разбой! Грабеж! Сюда! Спасите! Люди!

На ее крик сбегаются лю д и. Она падает как бы без чувств.

Кладбище в Мадриде. Памятники преимущественно из темного камня, строгий стиль. В стороне гранитная часовня старинной архитектуры. Ни цветов, ни растений. Холодный сухой зимний день. Донна Анна в глубоком трауре медленно проходит аллеей, неся в руках серебряный надгробный венок. За ней идет старая дуэнья. Обе подходят к могиле, на которой возвышается памятник Командору — большая статуя с командорским жезлом в правой руке, опирающаяся левой рукой на меч с развернутым над рукоятью меча свитком. Анна молча опускается на колени перед могилой, кладет венок к подножью статуи и, перебирая четки, шевелит губами.

Дуэнья

(дождавшись, пока Анна перебрала все четки)

Осмеливаюсь я просить сеньору
 О разрешение на одну минутку
 Мне удалиться. Рядом, у ворот
 Живут мои родные, я хотела
 У них себе перчатки попросить.
 Свои я, как на грех, забыла дома,
 А холод лютей.

Анна

Это непристойно,
 Чтоб я осталась здесь совсем одна.

Дуэнья

Прошу прощенья, добрая сеньора.
 Ведь я стара, страдаю ревматизмом.
 Сеньора видит, как опухли руки,
 От боли не спала я в эту ночь.

Анна

(взглянув на протянутые руки дуэньи)

Опухли, верно. Что ж, тогда ступайте,
 Но только возвращайтесь поскорее.

Дуэнья

Моя сеньора — ангел милосердия!

Уходит. Как только дуэнья ушла, из-за ближайшего памятника
появляется дон Жуан. Анна вскакивает.

Дон Жуан

О, наконец я вижу вас!

Анна

Сеньор!

Так это вы дуэнью подкупили?

Дон Жуан

О нет, я только улучил минуту.
Но если б даже это было правдой,
То в этом виноваты только вы.

Анна

Я? Почему?

Дон Жуан

Но кто еще другой
Виновен в том, что я брожу часами
По кладбищу и поджидаю вас?
И лишь затем, чтоб издали увидеть,
Как вы здесь под охраною дуэньи
Читаете притворные молитвы
Над гробом «незабвенного»...

Анна

(останавливает его движением руки)

Молчите!

Во-первых, вас никто не заставляет,
А во-вторых, — честны мои молитвы,
Затем, что я, хотя и против воли,
Была причиной смерти человека,
Что так любил и чтил меня.

Дон Жуан

Сеньора,

Безмерно велики успехи ваши.

А н н а

В чем?

Д о н Ж у а н

В лицемерии.

А н н а

Я не желаю
Выслушивать все это!
(*Хочет уйти.*)

Д о н Ж у а н
(*удерживает ее за руку*)

Донна Анна!

Я не пушу вас!

А н н а

Я начну кричать.

Д о н Ж у а н
(*выпускает ее руку*)

Прошу вас, Анна, выслушать меня.

А н н а

Согласна я, но вы, сеньор, оставьте
Язвительность. И говорите кратко.
Я не хочу, чтоб кто-нибудь увидел
Нас тут вдвоем.

Д о н Ж у а н

Не понимаю, Анна,
Зачем носить вам цепи добровольно?
Я думал — наконец разбился камень,
Исчезла тяжесть, ожил человек!
Но нет, непроницаемей и тверже
Покров из камня, замку в час осады
Подобен дом ваш. Двери на замках,
На окнах жалюзи не пропускают
Ни взгляда, ни луча. И даже слуги
Мрачны, суровы, неподкупны...

А н н а

Уж вы пытались подкупать их? Значит,

Д о н Ж у а н

Анна,
Есть у отчаянья свои права!
Ведь, приходя к вам честно, слышишь только:
«Сеньора никого не принимает».

А н н а

Ну, посудите сами: разве можно
Вдове недавней в трауре глубоком
С таким беспутным рыцарем, как вы,
Наедине встречаться?

Д о н Ж у а н

Анна, Анна!
Мне кажется, что я теряю разум!
Ужели это в самом деле вы?
Черты все те же, и осанка та же. . .
Но вот слова. . . Кто научил вас им?
Кто подменил вам душу?

А н н а

Дон Жуан,
Моя душа такая же, как прежде.
Моя душа была с рожденья гордой,
Такой же и осталась. Потому
Живу я, как в твердыне неприступной,
Чтоб никогда никто не смел сказать:
«Обрадовалась вдовушка, как видно!»
Ужели сами вы стерпели б это?

Д о н Ж у а н

Но у меня есть шпага, донна Анна!

А н н а

Так что ж — вы обезлюдите Мадрид?
Не уничтожить вам свою шпагой

Косые взгляды, шепоток, усмешки,
Намеки, пожимания плечами,
Которые меня встречали б всюду
И всюду провожали бы, Жуан.

Д о н Ж у а н

Бежим отсюда!

А н н а

Ха-ха-ха!

Д о н Ж у а н

Смеетесь?!

А н н а

Когда б не засмеялась, то зевнула б.
Вам было бы приятнее?

Д о н Ж у а н

Сеньора! !.

А н н а

Я в третий раз выслушиваю это.
Уж, право, надоело мне.

Д о н Ж у а н

Я вижу,

Вы сами камень, без души, без сердца.

А н н а

Но не без разума — вы признаете?

Д о н Ж у а н

Я это признаю.

А н н а

Зачем, скажите,
Нам убегать теперь? Какой в том смысл?
Когда невинных дев вы обольщали
И крали мужних жен, вам приходилось
Скрываться с ними, убегать от света.

А кто изгнанник, тот всегда беглец.
Но самого себя послать в изгнание,
И для чего? Чтобы связать судьбу
С вдовою независимой? Нелепость!
И чем была б я вам, когда пошла бы
Сейчас вослед за вами? Верно, только
Короткою забавой.

Д о н Ж у а н

Донна Анна,
Я никого так не любил, как вас!
Всегда вы были для меня святыней.

А н н а

Зачем же вы все время порывались
Свою святыню свергнуть с пьедестала?

Д о н Ж у а н

Но мне она была нужна живая,
Не мертвая, не каменная!

А н н а

Камень
Необходим для тех, кто хочет строить
Свою судьбу и счастье.

Д о н Ж у а н

Неужели
Доныне верить в каменное счастье
Вы продолжаете? Но я-то видел,
Как задыхались вы под этим камнем!
Но я-то слышал, как рыдали вы,
Мне на плечо склонясь! За эти слезы
Он жизнью заплатил.

(Указывает на статую.)

А н н а

Не провинившись.

Д о н Ж у а н
(отступает от нее, пораженный)

Ну, если так...

А н н а

Не он виновен был
В моей неволе. Он страшнее тяжесть
Носил всю жизнь.

Д о н Ж у а н

По собственной охоте.

А н н а

И я пошла по собственной охоте
На этот брак. Но он меня любил
И потому без ропота сносил
Свою судьбу. Большое это счастье
Поставить пред собою на вершине
Того, кого ты любишь.

Д о н Ж у а н

Ах, вершины...
Вы знаете мои об этом мысли.

А н н а

Что стоят мысли перед светом счастья?
Ну, разве мне страшна была б неволя
За каменной стеною этикета,
Когда б я знала, что в моей твердыне
Меня любимый ждет? Что все замки
И жалюзи на окнах лишь скрывают
От праздных глаз святилище мое...

Д о н Ж у а н

Опять, как раскаленное железо,
Вонзаются мне в сердце ваши речи!
Вы мне рисуете картину счастья,
Чтобы опять сказать: «Не для тебя».
Когда и чем я заслужу вас, Анна?

Я из-за вас в стыде каком-то тайном
Считаюсь неприкаянной душою
Среди чужих людей, врагов лукавых
Живу я жизнью серой и бесцветной,
Пустой, негодной, я сказал бы, даже
Бесмысленной! И что вам нужно, Анна?
Иль должен я сложить у ваших ног
Свою так буйно вскормленную волю?
С отчаянья, поверите ли, Анна,
Мне даже это в мысли приходило
Настойчиво.

А н н а

С отчаянья, сеньор?

Д о н Ж у а н

Ужели вы хотите между нами
Поставить принужденье? Не боитесь,
Что победит оно любовь живую,
Дитя свободы?

А н н а

(указывая на статую командора)

Он сказал однажды:
«Любви глубокой не страшны обеты».

Д о н Ж у а н

В минуту эту ничего другого
Вы не нашли, одно воспоминание
О нем?!

А н н а

Но что еще мне вам сказать?

Д о н Ж у а н

(хватая ее за руку)

Нет, так не может дальше продолжаться!
Иначе, я клянусь вам, что тотчас же
Я расскажу, что я убил. . .

А н н а

Угрозы?

Дон Жуан

Нет, не угрозы, а предсмертный стон.
Я изнемог под каменной ношей,
И стынет сердце! Не могу я, Анна,
С остывшим сердцем дальше жить. Спасите
Или добейте!
(*Стискивает ее руки в своих и весь дрожит, глядя ей в глаза.*)

Анна

Стойте... я должна
Еще подумать...

Задумывается. От стены по аллее медленно идет донна Консепсьон — важная грандесса — с девочкой и дуэньей. Анна их не видит, так как стоит спиной к дорожке. Дон Жуан первый замечает идущих и выпускает руки Анны.

Девочка
(*подбегает к Анне*)

Добрый день, сеньора!

Донна Консепсьон
Сеньора молится. Оставь, Розина.

Анна
(*растерянно*)

О донна Консепсьон, дитя! Я рада
Увидеть вас... Такая неприятность...
Моя дуэнья к родичам зашла
И задержалась... А идти домой
По городу одной мне...

Донна Консепсьон

Донна Анна,
Ведь с вами рыцарь, он проводит вас.
(*Дон Жуану.*)

Приветствую сеньора де Маранья,
Не знала я о том, что вы в родстве.

Обязаны развлечь вы донну Анну,

А то недолго захворать с тоски.

(Девочке, убежавшей вперед.)

Розина, подожди! *(Анне.)* Мое почтенье!

Дон Жуан кланяется. Донна Консепсьон едва кивает ему в ответ и проходит дальше за девочкой. Дуэнья, идущая позади нее, несколько раз с любопытством оглядывается на Анну и дон Жуана.

А н н а

Ступайте и убейте эту даму.

Но это не конец. Еще немало

Работы вашей шпаге предстоит.

Что ж, радуйтесь! Уже вам не придется

Карабкаться до замка на вершине.

Сама принцесса упадет с горы!

(В отчаянье хватается за голову.)

Я знаю, вы надеялись на это,

Меня подстерегая из засады.

На то, что я, покрытая позором,

В отчаянье теряя силу воли,

Достанусь вам, как легкая добыча!

Не будет этого!

Д о н Ж у а н

Клянусь вам, Анна,

Я этого не мог желать, поверьте!

Я презираю легкие победы.

Скажите мне, что я могу исправить?

Готов я сделать все, что вы велите,

Чтобы не видеть вас в таком смятенье.

Пауза. Анна думает.

А н н а

Я завтра созову гостей на ужин.

Вы приходите тоже. Я приму вас.

Пристойнее нам видеться на людях.

И я, быть может. . . Ах, идет дуэнья!

Д у э н ь я
(приближаясь, извиняющимся тоном)

Моя сеньора...

А н н а
Вы не виноваты
В том, что стары для службы.

Д у э н ь я
(жалобно)

О!..

А н н а
Пойдем.
(Молча кивает головой дон Жуану. Тот низко
кланяется. Анна с дуэньей уходят.)

С г а н а р е л ь
(выходя из часовни)

Могу ли я поздравить господина?
Вы, кажется, приглашены на ужин?
Не рады вы как будто... Это правда..
В том доме ужин... Угостят, пожалуй,
Еще с тарелок этого сеньора...
(Указывает на статую Командора.)

Д о н Ж у а н
Так что ж такого?

С г а н а р е л ь
Ничего такого.
Но если б находился командор
Напротив вас на завтрашней пирушке...

Д о н Ж у а н
Ты думаешь, я дрогнул бы? Нисколько!
Ведь я уже встречался с ним не раз.

Сганарель

До смерти. Но мертвец страшней живого
Душе христианина.

Дон Жуан

Не моей!

Сганарель

Однако вы б его не пригласили
Туда на завтра...

Дон Жуан

Разве приглашают

Хозяина?

Сганарель

Ну, хоть оповещают.

Дон Жуан

Так что ж, ступай, оповести его.
Ты, видно, стал держаться этикета
С тех пор, как служишь у меня, у гранда,
А не изгнанника.

Сганарель

А как сказать?

От имени сеньора?

Дон Жуан

Ну конечно.

Сганарель

Зачем же мне? Пожалуй, проще вам.

Дон Жуан

То беспокоился об этикете,
А то внезапно ищешь простоты!
Эх, Сганарель, ты заячьей породы!
Нет, не пошел тебе Мадрид на пользу.

С г а н а р е л ь

А вам Мадрид ничем не повредил?

Д о н Ж у а н

Ну, ну, ступай, оповести его!

С г а н а р е л ь

(делает шаг вперед, но останавливается и оглядывается на дон Жуана)

А если я вам принесу ответ?

Д о н Ж у а н

Еще бы! Я его и дожидаюсь!

С г а н а р е л ь

(подходит к статуе, низко кланяется и произносит насмешливо, но с дрожью в голосе)

О господин, недвижно величавый!
Я вам принес привет от дон Жуана,
Сеньора де Маранья из Севильи,
Маркиза де Тенорио и гранда.
Мой господин достиг высокой чести,
Он приглашен в ваш дом сеньорой Анной,
Супругой вашей доброю, на ужин.
Но если это каменному гранду
Хоть в малой мере будет неуютно,
Мой господин на ужин не придет.

Д о н Ж у а н

Ну, это ты напрасно.

С г а н а р е л ь

Нет, сеньор.

Иначе ни к чему все это.

(Вскрикивает.)

Сударь!

Он отвечает! Даже на бумаге!

Д о н Ж у а н

Какой ответ? Что ты несешь, несчастный?
Что ты бормочешь?

Сганарель
(читает)

«Приходи, я жду».

Дон Жуан подходит. Сганарель указывает на свиток пергамента в левой руке статуи.

Дон Жуан
(после паузы)

Ну что ж, я тоже помню свой девиз.

Уходят с кладбища.

VI

Парадная зала для приемов в доме Командора. Не очень большая, но красиво убранная резными шкапами, буфетами с дорогой посудой, оружием и пр. Посредине длинный стол, накрытый для званого ужина, вокруг стола массивные дубовые стулья. Стол упирается в стену, на которой висит большой портрет Командора с черным крепом на раме. На противоположной стене, над другим концом стола, висит длинное узкое зеркало, достигающее до пола. Стул, стоящий на почетном месте, находится напротив портрета, спинкой к зеркалу. Слуги становятся за стульями, готовые прислуживать у стола. Один из слуг распахивает дверь в соседнюю комнату. Донна Анна вводит группу гостей. Гости преимущественно пожилые, важные, надменные. Почти все в темном. Сама Анна в белом платье, отделанном широкой черной каймой.

Анна

Прошу садиться, дорогие гости.
(Самому старшему из гостей, указывая на центральное место.)

Сеньор, вот ваше место.

Старший гость

Нет, сеньора,
Простите, я не сяду. Пусть сегодня
Оно пустует. Будет нам казаться,

Что наш хозяин где-то задержался
И очень скоро должен появиться.
Мы без него впервые собрались,
И трудно привыкать к печальной мысли,
Что взгляд его закрыт рукою смерти.

А н н а

(сидится в конце стола под портретом Командора, против центрального места, оставшегося свободным; подает знак слугам, чтобы начинали обносить гостей, уже занявших свои места)

Мои друзья и гости, угощайтесь,
Бокалы подымайте, пейте, ешьте.
Простите, если плохо занимает
Беседа вдовья. Нелегко вдове
Поддерживать в хозяйстве тот порядок,
Какой приличен рыцарскому дому
Достойному.

Д о н н а К о н с е п с ь о н

(шепотом своей соседке, более молодой даме)

Как будто бы достойно
Без уваженья, нарушая траур,
Устраивать парадные приемы.

Д о н н а К л а р а

(соседке донны Консепсьон)

Но донна Анна до сих пор во всем
Вела себя достойно.

Д о н н а К о н с е п с ь о н

Д о н н а К л а р а!

Я знаю то, что знаю.

Д о н н а К л а р а

(бросив на Анну косой взгляд)

Неужели?..

С л у г а
(с порога)

Маркиз Тенорио.

А н н а
Проси сюда!

Дон Жуан входит и останавливается у дверей.

А н н а
(отвечая ему на поклон, обращается к гостям)

Позвольте вам представить, господа,
Сеньора де Маранья из Севильи,
Маркиза де Тенорио.

(Дон Жуану.)
Сеньор,

Прошу садиться.

Дон Жуан ищет глазами место за столом и садится на центральное место. Увидев против себя портрет Командора, вздрагивает.

А н н а
(слуге)

Дай вина сеньору.

Слуга подносит дон Жуану самый большой и лучший кубок.

Первый гость
(сосед дон Жуана)

Я узнаю ваш кубок. Надо вспомнить
Того, кто из него недавно пил.
(Протягивает свой кубок к дон Жуану.)
Да будет вечно дух его отважный
Витать над этим благородным домом.
Да будет вечной память...

Д о н Ж у а н
(чокаясь с гостем)

...и покой.

Старая грандесса
(сидящая справа от Анны, шепотом, склоняясь к хозяйке)

Я плохо знаю этих де Маранья.
Не дон Жуан ли это?

А н н а

Он зовется

Антонио-Жуан-Луис-Уртадо.

С т а р а я г р а н д е с с а

Ага, тогда не тот!

Д о н н а К о н с е п с ь о н

(услышав этот разговор, иронически улыбаясь, шепчет соседке)

Как раз тот самый!

С т а р ы й г р а н д

(своему соседу, молодому гранду)

Не знаете, чем этот де Маранья
Достойнее других, что так нескромно
На это место сел?

М о л о д о й г р а н д

(мрачно)

Не знаю, право.

С т а р ы й г р а н д

Наверно, тем, что честь его *моложе*,
А наша уж состарилась.

М о л о д о й г р а н д

Должно быть.

Д о н н а К о н с е п с ь о н

(дон Жуану, громко)

Скажите мне, пожалуйста, сеньор, —
Вчера я расспросить вас не успела, —
Мне не хотелось перебить беседу,
Которую вели вы с донной Анной
Над свежей могилой: командора, —
Но все-таки мне интересно знать:
В каком же вы родстве между собою?

Д о н Ж у а н

Мы с донной Анной не в родстве.

Д о н н а К о н с е п с ь о н

Ах, так! . .

Тогда у вас отзывчивое сердце!
И вы верны священному писанию:
«Скорбящего утешь. . .»

А н н а

(слегка повышенным голосом)

Мои родные!
Позвольте мне сейчас вам пояснить,
Зачем я так внезапно, необычно
На ужин позвала вас. . .

(Дон Жуану.)

Ах, простите,
Вы, кажется, сказать хотели что-то?

Д о н Ж у а н

Прошу вас, продолжайте, донна Анна.

А н н а

(рыцарям)

К почтенным родственникам обращаюсь!
Скажите мне, мои родные, прямо,
Бывало ль, что ронять мне приходилось
Честь рода вашего?

Р ы ц а р и

О, никогда!

А н н а

(дамам)

Но вы-то, дамы, знаете отлично,
Как женщине, живущей в высшем свете,
Защита и совет необходимы.

А где искать защиты и совета
Вдове несчастной, если бог всевышний
Ее не взял в святейшую обитель?
Мой траур — слишком тонкая преграда
Для всех сердец, надменных и недобрых,
Желающих колючим осуждением
Невинную пронзить несправедливо.
Скажите, братья, укажите, сестры,
Где мне искать защиты?

Д о н н а К о н с е п с ь о н

Было б лучше,
Чтоб не от чего было защищаться!

Д о н Ж у а н

Еще верней — насмешек не бояться,
Не отдавать себя им на съеденье.

С т а р е й ш и й г о с т ь
(пытливо глядя на дон Жуана)

О, донна Анна ведь вполне свободна
И может делать все, что не пятнает
Достоинства семейства де Мендоза.
А если кто-нибудь ей помешает
Держать высоко знамя нашей чести,
Кто б ни был он — пускай запомнит твердо:
В роду Мендоза рыцарей довольно
И шпаги их всегда к услугам дамы.

Д о н Ж у а н

Так много шпаг не надобно сеньоре,
Пока еще остра моя одна!
(До половины вытаскивает свою шпагу из ножен.)

С т а р е й ш и й г о с т ь
(Анне)

Достаточно ль вам только этой шпаги,
Чтоб защититься?

Д о н Ж у а н

Если мало шпаги,
То я найду защиту и другую.

С т а р е й ш и й г о с т ь
(*снова Анне*):

Он вправе так держаться, Анна?

А н н а

Да.

С т а р е й ш и й г о с т ь

Мы лишние, сеньоры, в этом доме.

(*Встает. За ним другие гости.*)

Маркиз еще, как видите, не выбрал
Удобнейшего средства для защиты.

Наедине он, может быть, решится

Быстрее, чем публично, и решенье

Он сообщит нам не позднее, чем завтра,

Иначе сами мы его отыщем.

(*Кланяется Анне и выходит. Следом за ним удаляются все гости. Донна Анна и дон Жуан остаются наедине.*)

Д о н Ж у а н

Вот и сомкнулись каменные стены!

(*Горько, желчно усмехаясь.*)

Нежданно сказка кончилась! И рыцарь

С принцессою в темнице оказались!

А н н а

Чем неприятен вам такой конец?

Зачем вам этот замок называть

Темницею, а не гнездом орлиным?

Его сама свила я на утесе,

Преодолев и труд, и страх, и муку,

Привыкла к поднебесной высоте.

Так почему бы вам со мною вместе

На этой высоте не поселиться?

Ужель боится ваш крылатый дух

Скалистых круч и пропастей бездонных?

Д о н Ж у а н

О нет, боюсь я лишь того, что может
Сгубить свободу.

А н н а

Нет у вас свободы,
Ее давно лишила вас Долорес.

Д о н Ж у а н

Она меня свободы не лишала.
Долорес за меня распяла душу
И умертвила сердце!

А н н а

Для чего?
Чтоб возвратить вам цепи светской жизни,
Когда-то ненавистные для вас!

Д о н Ж у а н

О, верно, я б не выдержал их долго,
Когда б не вы. Я б разорвал их снова.
Другого, видно, нет пути к свободе.

А н н а

Кто их на миг наденет добровольно,
Тому они навек вопьются в душу —
Я это знаю хорошо, поверьте! —
Уже с души стряхнуть их невозможно,
Но можно силой и упорством духа
Их сделать неразрывной цепью власти,
Которая скует весь мир и кинет
Вам под ноги как жалкую рабыню!
Без власти нет свободы!

Д о н Ж у а н

Может быть.
Я власть имел над душами людскими.

А н н а

Так вам казалось только. Эти души
Под вашей властью лишь испепелялись
И превращались в прах. И лишь одна
Осталась неразрушенной — моя,
Затем, что я равна вам.

Д о н Ж у а н

Потому-то
Я так стремлюсь вас победить!

А н н а

Напрасно.

Не лучше ли, соединяя силы,
Нам овладеть крутой горою вместе?
С таким трудом я на нее всходила,
А вам довольно только этот перстень
С мизинца снять и мне надеть на палец.

Д о н Ж у а н

Я должен вам отдать кольцо Долорес?!

А н н а

А почему бы нет? Ведь я ее
Не убивала, между тем, как вы
Убили в этом доме человека,
Который должен бы лежать меж нами
Порогом страшным, непереходимым.
Но я готова преступить и этот
Крутой порог. Отваги мне достанет.

Д о н Ж у а н

Меня во многом обвиняли люди,
Но признавали все мои враги
И все друзья мою отвагу.

А н н а

Хватит

Отваги вам, чтоб выбраться отсюда.

Вас не пугают шпаги де Мендоза,
Я это знаю.

Д о н Ж у а н

Что же будет с вами?

А н н а

Ах, обо мне, сеньор, не беспокойтесь.
Любое горе легче мне, чем помощь
Неискренняя ваша.

Д о н Ж у а н

Вот мой перстень!

(Срывает перстень с мизинца и протягивает его Анне.)

А н н а

(меняясь с ним перстнями)

А вот и мой. И скоро я вручу вам
Еще один, чтобы печати ставить
На командорских актах.

Д о н Ж у а н

Что вы!

А н н а

Да,
Добьюсь — и сделаю вас командором.
Избранник мой, должны вы стать высоко
В глазах двора и света. Всем известно,
Что рыцарем бесстрашным были вы
И в горестные времена изгнания,
А уж теперь вы станете примером
Всех рыцарских достоинств. Вам легко!

Д о н Ж у а н

По-вашему, легко мне захлебнуться
В бездонном океане лицемерья,
Каким давно привык я называть
Суровый кодекс рыцарских достоинств?

А н н а

Жуан, Жуан, к чему слова пустые?
Что значит «лицемерие»? Признайтесь,
И вы порой неискренни бывали,
И вам порой случалось лицемерить,
Чтоб обольстить девическую душу.
Откуда же теперь такая строгость?
Иль цель для вас чрезмерно высока?

Д о н Ж у а н
(в раздумье)

Так мне дается место командора
От мертвого хозяина в наследство? . .
Как это странно. . . рыцарю свободы
Дается в руки каменный таран
Для добыванья городов и замков. . .

А н н а

Но, кажется, в изгнании вы были
Морским пиратом?

Д о н Ж у а н

Был я принужден. . .

А н н а

Принуждены? Так где же тут свобода?
Лишь принужденье убивать и грабить,
Чтоб не убили люди или голод.
Свободы я не вижу тут.

Д о н Ж у а н

Но власть

За мною признаете?

А н н а

Никогда.

Была то лишь «взаимная охота», —

Я помню, как вы это называли, —
А ловчим быть — невелико уменье!
О, вы еще не видывали власти,
Не знаете, что значит обладать
Не парой рук, а тысячею сильных,
Вооруженных рук, готовых к бою,
Умеющих и разрушать и строить
И добывать всемирные престолы.

Д о н Ж у а н
(увлеченный)

О, гордая мечта!

А н н а
(приближаясь, страстно шепча)

Добыть престол!

Да, вы должны в наследство получить
Мечту и эту вместе с командорством!

(Подбегает к шкафу и достает оттуда белый командорский плащ. Дон Жуан вздрагивает, но не может отвести глаз от плаща, увлеченный словами Анны.)

А н н а
(продолжает)

Жуан, взгляните! Этот белый плащ —
Одежда командора! Он, как знамя,
Вокруг себя отважных собирает,
Всех тех, кто не боится слез и крови,
Чтобы спясть навеки воедино
Гранит и мрамор, мужество и власть
Для памятника славы!

Д о н Ж у а н

Донна Анна!

Не женщина вы! Я не знал вас раньше.
И чары ваши больше женских чар!

А н н а
(приближается к дон Жуану с плащом в руке)

Наденьте этот плащ.

Д о н Ж у а н
(хочет взять плащ, но останавливается)

Не надо, Анна.
Мне кровь на нем мерещится еще.

А н н а

Нет, это плащ ни разу не надетый.
А если б даже так? А если кровь?
С какой поры вы так боитесь крови?

Д о н Ж у а н

Да, это верно. Нечего бояться.
Давайте плащ мне. Я его надену.
Я полностью наследство принимаю.
Теперь хозяин в этом доме — я!

А н н а

О, это вы по-новому сказали!
Я жажду вас скорей таким увидеть,
Каким должны вы сделаться навек.
(Протягивает ему плащ. Дон Жуан надевает его. Анна
снимает со стены и дает ему меч, командорский жезл
и шлем с белыми перьями.)
Взгляните, как величественны вы!

Дон Жуан подходит к зеркалу, вглядывается и вдруг вскрикивает.

А н н а

Что с вами?

Д о н Ж у а н

Он! .. его черты!
(Бросает меч и жезл и закрывает лицо руками.)

А н н а

Не стыдно ль?!
Что вам привиделось? Взгляните снова.
Да вы ли это, смелый дон Жуан?

Дон Жуан

(со страхом открывает лицо. Смотрит. Сдавленным от сверхъестественного ужаса голосом)

Не я! . . Он . . каменный! . . Меня не стало . . .

Шатаясь, отскакивает от зеркала в сторону и прижимается к стене, дрожа всем телом. В это время в зеркале появляется фигура Командора, такая же, как на памятнике, только без меча и жезла, выступает из рамы, идет тяжелой каменной походкой прямо на дон Жуана. Анна бросается между Командором и дон Жуаном. Командор левой рукой ставит ее на колени, а правую кладет на сердце дон Жуана. Дон Жуан застывает, пораженный смертельным оцепенением. Донна Анна вскрикивает и падает ниц к ногам Командора.

1912 г. 29 IV.

ОРГИЯ

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А н т е й — певец.
Г е р м и о н а — его мать.
Э в ф р о з и н а — его сестра.
Н е р и с с а — его жена.
Х и л о н — его ученик.
Ф е д о н — скульптор.
М е ц е н а т — богатый, знатный римлянин,
потомок известного Мецената.
П р е ф е к т.
П р о к у р а т о р.
Г о с т и на оргии, рабы, рабыни, тан-
ц о в щ и ц ы, м и м ы, х о р п а н е-
г и р и с т о в.

*Действие происходит в Коринфе во время
римского господства.*

1

Садик у дома певца-поэта Антея, небольшой, обнесенный глухими стенами, с калиткой в одной из них; в глубине садика — дом с навесом на четырех столбах и с двумя дверьми — одна ведет в андронит, другая — в гинекей.

Гермиона, старуха мать Антея, сидит на пороге гинекея и прядет шерсть.

Слышен стук в калитку.

Г е р м и о н а
(не поднимаясь с места)

Кто там стучит?

Г о л о с
(за калиткой)
Хилон Алкмеонид.

Г е р м и о н а
(кричит в другие двери)
Антей, к тебе твой ученик пришел!
(Сидит попрежнему, только ниже спускает покрывало.)

А н т е й
(молодой, но мужественный, выходит и открывает
Хилону калитку)
Сегодня ты, Хилон, явился поздно.
Ученики все разошлись.

Х и л о н
(совсем молодой человек, говорит заикаясь, с явной
неловкостью)
Прости...
Но... я, признаюсь, не пришел учиться...

А н т е й
(приветливо)
Будь гостем.
(Садится на скамейку под деревом и указывает Хилону
место рядом с собой, но тот стоит.)
И садись же.

Х и л о н
Я по делу...

А н т е й
Столь неотложному, что сесть не можешь?

Х и л о н
Да нет, конечно... но прости... я должен
Тебе сказать спасибо за ученье...
Я больше не приду.

А н т е й

Как так?

Хилон молчит.

А впрочем,
Мне спрашивать об этом не пристало.
Должно быть, я тебе не угодил
Своим ученьем? Что же, не стыдись, —
Мне — не тебе — приходится стыдиться.

Х и л о н
(искренно)

Нет, нет, учитель мой! Ты так не думай,
Свидетель Аполлон, что я ученье
Твое не меньше чту, чем культ мистерий!

А н т е й

Тогда не понимаю...
(*Перебивает сам себя, ударив ладонью по лбу.*)
Догадался!

(*Видно, что и ему несколько неловко.*)
Хилон, послушай... подождать могу я,
Пока окончишь ты мою науку...
Да и совсем не брать хотел бы деньги
Я от тебя, когда платить не можешь...

Х и л о н

Учитель мой, и ты ведь не богат.

А н т е й

Хилон, тебе скажу я откровенно,
Хоть молод ты еще, чтоб это слышать,
Но трудно мне иначе объяснить...
Да, песня, слово, музыка приносят
Мне заработок, но свое искусство
Ценю неизмеримо выше денег.
Я никому еще не дал таланта
И дать не мог — во власти бога это, —
Так если я учу людей, простых,
Не тронутых рукою Аполлона,
Я их немногому лишь обучаю:

Перебирать рукой умелой струны
И выражать возможно ярче мысли, —
За это мне они немного платят —
И с ними мы в расчете. Если ж бог
Избранника пошлет мне молодого,
Чтоб я служил ему своим умением,
И вижу я, что мертвые те формы,
Которые ему я излагаю,
Воспринятые им, вдруг оживают,
А гений молодой и в старой форме
Бурлит, сверкая самоцветом, точно
Сок виноградный в хрустале старинном, —
Тогда мой труд оплачен. Даже больше,
Я словно чувствую свою вину,
Что не могу ему служить как надо,
Как бы хотел. Теперь ты понимаешь?

Х и л о н

Учитель мой...

*(Волнение мешает ему говорить, он низко опускает
голову и прикрывает лицо ладонью.)*

А н т е й

Когда теперь твой гений
Уж перерос те формы, ту науку,
Которой я владею, что ж, мой мальчик, —
Покинь меня, советую тебе я.
Но только — заклинаю Аполлоном! —
Ученье не бросай. Иди в Афины,
Ты сможешь там найти, наверно, то,
Чего нельзя найти у нас в Коринфе.
А после, школы разные окончив,
Учись еще и знание добывай
Из книг и у людей, повсюду в мире,
Но никогда не говори себе:
«Окончил я ученье».

Х и л о н

Твой совет,
Учитель мой, в меня вливает смелость.

Признаюсь я тебе, что не покину
Ученья, удалившись от тебя,
Ведь я вступаю в школу...
(Снова замолкает.)

А н т е й

А в какую?

Х и л о н

В ту школу, что открыл здесь Меценат.

А н т е й

Латинскую?!

Х и л о н

Да все латинским стало...

А н т е й

Как? Я, и ты, и наша речь родная —
Уже латинские?

Х и л о н

Что ж, я ошибся,
Их римскими скорей назвать бы мне.

А н т е й

Когда ты у меня не научился
Ошибки понимать, то в новой школе
Ошибок больше сделаешь *таких*.
И я не знаю, что ты там усвоишь, —
Ошибки лишь. В поэзии латинской,
Мне кажется, тебе ведь я открыл
Все то, что изучения достойно.
Не верю я, чтоб риторы в той школе
Тебе могли бы новое открыть,
Ведь я их знаю. Думаю, ты мог бы
Их поучить.

Х и л о н

И я уверен тоже,
Что там учителя ни в чем не могут
С тобой сравниться. Все же я обязан
Пойти туда.

А н т е й

А кто тебя заставил?

Х и л о н

Когда б остался я с тобой, учитель,
Моя судьба с твоей была бы схожа.

А н т е й

А почему тебя пугает это?
Неужто я среди певцов последний?

Х и л о н

Нет, не среди певцов. . .

А н т е й

Среди людей?

Х и л о н

Я не скажу последний, только все же
Ты в обществе не занимаешь места,
Которого достоин по таланту.

А н т е й

А ты чего добиться в жизни хочешь,
Когда окончишь школу Мecenата?

Х и л о н

Могу я ритором стать в этой школе,
А позже в академии, пожалуй.
А то поеду в Рим. Там хорошо
Живут воспитанники Мecenата,
Ведь род его ту силу сохраняет,
Которой Августом был наделен.
Но и теперь, пока еще учусь я,
Вступить могу я в хор панегиристов
На службу к Мecenату.

А н т е й
(возмущенно)

Ты? Ты вступишь
В тот хор панегиристов, в эту свору
Врагов искусства жалких и продажных?
О, лучше б ты навеки онемел,
Лишился рук, оглох, чем пасть так низко!..
И это был мой лучший ученик!..

Пауза.

Х и л о н

Прими ж, учитель, эту благодарность...
(*Подает Антею деньги, достав их из кошелька.*)

А н т е й
(отводит его руку)

Я ничему тебя не научил!
Уйди ты с глаз моих!

Хилон, понурившись, уходит.

Г е р м и о н а

Антей, напрасно
Не взял ты денег. Ведь стократ богаче
Его отец, чем мы. И как-никак,
А все ж ты честно заслужил.

А н т е й

Нет, мама!
Один позор я заслужил — не больше.

Г е р м и о н а

А в чем же твой позор? Не понимаю.
Быть может, в том, что заработок свой
На ветер ты пускаешь. Так, сыночек мой,
Как нищим нам с тобой придется жить.
И хорошо ли это будет, если
Твоя семья пойдет просить подачек
У римлян тех, что ты так ненавидишь?

А н т е й

Еще нам хлеба своего хватает.
Ты не гневи богов.

Г е р м и о н а

На все их воля...
Наверно, так хотелось Афродите,
Чтоб вместо девушки богатой я
Взяла в свой дом невестку — дочь рабыни,
Танцовщицы...

А н т е й

Опять ты упрекаешь?

Г е р м и о н а

Нет, это не упреки, только правда.
И разве ты не выкупил Нериссу,
Отдав отца наследство и свои
Доходы?

А н т е й

Все-таки не Афродиту
Вини ты. Эллинские боги *все*
Мне выкупить велели из неволи
Ребенка эллинского рода. Так же
Могла попасть бы в рабство дочь твоя,
Моя сестра...

Г е р м и о н а

Ох, сын мой, между ними
Различия почти не существует!
Хватило денег выкупить Нериссу,
А вот приданое для Эвфросины
Мы дать едва ли сможем. Чем же доля
Рабыни хуже доли старой девы?

А н т е й

И без приданого сестра дороже
Всех дочек богачей.

Гермиона

Кто это знает?

Она у нас — не римлянка, не ходит
Везде и всюду. Вечно в гинекее
И за работой. Если ж и пойдет
Она на праздник, то в таком наряде
Никто и не посмотрит на нее.

В дверях гинекея появляется Эвфрозина, но Гермиона, не замечая ее, продолжает.

Нерисса все ж принарядиться может,
У Эвфросины же и ленты нет.

Эвфрозина

(молодая, но не совсем юная, одета по-будничному, видно только что оторвалась от работы. Нагибается и обнимает мать)

Ах, мамочка! Зачем мне эти ленты?
Для красоты не нужно украшенье,
А нет ее, и ленты не помогут!
(Смеется, целует мать и поднимается.)
Как, мамочка, заправить голубей?
Я уж сварила их.

Гермиона

(встает)

Не тронь, не тронь,
Я их сама заправлю — ты не сможешь!
(Поспешно идет в дом.)

Эвфрозина

(подходит к Антею и кладет ему руку на плечо)

Ты почему печалишься, мой братик?
Наверно, мама снова тут ворчала?
Пустое — лишь старушечья привычка.

Анте́й

(отвечает не сразу, словно не слышит ее. После паузы слова прорываются у него как бы через силу)

Хилон меня покинул.

Э в ф р о з и н а
(удивленно)

Что случилось?

А н т е й

Вступить он хочет в хор панегиристов.

Э в ф р о з и н а

Да что ты говоришь?!

(На минуту немеет от удивления и гнева, затем овладевает собой.)

А впрочем ясно,

Он в мыслях неустойчив.

А н т е й

А талантом

Учеников всех превзошел, как на смех!

Э в ф р о з и н а

Мне кажется, Аполлодор, который
Пришел к тебе из школы Мёцената,
Не только мыслями, талантом тоже
Хилона превосходит. Я слыхала,
Как он читал отрывок «Антигоны» —
Речь Гемона, — и я едва смогла
Сдержать душившие мне горло слезы!

А н т е й

(с мягкой улыбкой, обнимая сестру за плечи)

Ты у меня сама ведь Антигона!
Мне кажется, что я б простил Хилону,
Когда бы совершил он свой поступок,
Чтобы спасти в беде сестру такую.

Э в ф р о з и н а

Зато уж я сестре той не простила б!

А н т е й

О, ты б не приняла ни этой жертвы
И ни другой. Однакоже, сестричка,
Когда бы стать хотел я богачом, —
То для тебя лишь.

Э в ф р о з и н а

О, напрасно это,
Я не хочу.

(Смеется.)

Мне мама бы тотчас же
За деньги жениха купить сумела,
И это было бы плохой покупкой.

А н т е й

Да где уж там богатство! Если б мог я
Тебя избавить от нужды...

Э в ф р о з и н а

Нужды?

А в чем ее ты видишь?

А н т е й

Коль не вижу,
То в этом я тебе одной обязан.

Э в ф р о з и н а

И маме и Нериссе.

А н т е й

Нет, ты знаешь...
Мать отработала уже свое...
А вот Нерисса...

Э в ф р о з и н а

Та еще успеет.
И разве жизнь твоя уж так сладка,
Что и медовый месяц вам не нужен?

А н т е й

Мне как-то стыдно наслаждаться счастьем,
Когда я думаю, что за него
Ты платишь тяжкою работой... Счастье
Берем себе, а что тебе досталось?

Э в ф р о з и н а

Мне брат достался. Пусть навеки буду
Безбрачной я — завидовать не стану
Ни женщинам, ни матерям счастливым,

Ведь их любовь семье одной лишь служит,
Моя ж — Элладе всей. В тебе, Антей мой,
Надежда наша вся.

А н т е й

О Эвфрозина,
Как можно всю надежду возлагать
На одного?

Э в ф р о з и н а

Один лишь Аполлон
Из всех богов не разлюбил Элладу,
И есть еще у ней надежда жить.
Пока жив на Парнасе Аполлон,
И музы будут с ним.

А н т е й
(с улыбкой)

Я не бесславен,
Хоть ты одна приносишь мне триумфы,
Ты для меня Нике!

Э в ф р о з и н а

Нике должна ведь
Свою работу знать. Вот подожди.
*(Отламывает с лаврового куста две ветки, сплетает их
в венок и становится на цоколе колонны в позе богини
Победы — Нике, простирая руки с венком.)*
Приди, склоняя гордое чело!

Антей подходит, не переставая улыбаться, и склоняет голову перед Эвфрозиной, а у нее улыбка борется со слезами искренней взволнованности, когда она возлагает на голову брата лавры.

Н е р и с с а

(молоденькая, стройная, очень изящная, красиво одетая, появляется на пороге гинекея и удивленно вскрикивает)

Что тут такое?

Эвфрозина, застыдившись, соскакивает с цоколя.

А н т е й

Тут Нике венчает
Поэта своего. Когда ж Харита
Ему гранат протянет или розу,
Тогда иметь он будет все дары,
Которые лишь смертный пожелает.

Э в ф р о з и н а

*(неловко чувствует себя от холодного взгляда
Нериссы)*

Вот роза расцвела...
(Антею.)

Нике, однако,

Должна идти на кухню — маме в помощь.

Сегодня прямо оргия у нас:

Купили рыбы, и как раз нам тетка

Дала вина и пару голубей.

А если я медовики спекла бы,

Сам Меценат завидовал бы пиру!

*(С несколько вынужденным смехом исчезает в дверях
гинекея.)*

Н е р и с с а

Чудная Эвфрозина — все смеется.

А н т е й

Что ж, молода...

*(Снимает лавры с головы, держит их в руке, а при
последнем разговоре кладет рядом с собой на
скамейку, на которую садится.)*

Н е р и с с а

Но я моложе, верно,

И все ж...

А н т е й

«И все ж есть у меня причуды», —

Хотела ты сказать?

*(Смеясь, обнимает ее, она сдержанно принимает его
ласки.)*

Да что с тобой?

Уж не больна ли ты, иль кто обидел?

Н е р и с с а

А ты не знаешь? Верно, и соседи.
Все выучили наизусть **те** речи
О выкупе моем и о приданом
Твоей сестры, что мать **твердит** все время.

А н т е й

Уж так все время!

Н е р и с с а

Что же, это правда.
Мне и самой неловко **Эвфрозине**
Глядеть в глаза.

А н т е й

Тебя ведь **Эвфрозина**
Ни в чем не обвиняет.

Н е р и с с а

Знаю это.
Она твоя недаром **Антигона**...

А н т е й

Нериссочка! Вот это просто стыд, —
Подслушать, а потом прийти с упреком.

Н е р и с с а

Подслушать! Не такие здесь палаты,
Чтобы повсюду не было все слышно.

А н т е й

(немного обиженный)

Палаты есть теперь у римлян только.
Тебе за **Мецената** надо б **выйти**,

Н е р и с с а
(мягче, чем до сих пор)

За бедность я тебя не укоряю,
Но разве каждая жена не хочет
Для мужа своего больших достатков?

А н т е й

И для себя притом.

Н е р и с с а

И для себя.

А разве это плохо? Я, признаться,
Не приспособлена ходить в ярме
Так, как твоя сестра.

А н т е й

Ты и не ходишь.

Н е р и с с а

Ты думаешь, от этого мне легче?

А н т е й

А раз не легче, так сама работай.

Н е р и с с а

Есть у людей на то рабыни.

А н т е й

Это,

Нерисса, странно слышать от тебя.

Н е р и с с а

Не оттого ль, что я была рабыней?
Так что ж, я б заработала на воле
Тем, чем тогда, коль ты бы мне позволил.
А если никому я не нужна
И всем мешаю, как порог высокий,
Ты виноват один.

А н т е й

Родная, хватит...

Н е р и с с а

Так разреши мне выступать в театре,
И я твою сестру озолочу,
А матери невесткой стану милой.
Я больше заработаю за танцы,
Чем ты за пенье и свое искусство.

А н т е й

Нерисса, будет! Это голос горя,
И в этом я повинен. Извини!
*(Целует ее, она прижимается к нему с видом
обиженного ребенка.)*

Любимая! Сокровище! Не дам,
Не дам тебя толпе на поруганье!
И к ней на оргию ты не пойдешь, —
Она понять не может, что такое
Святая оргия, служенье богу!

Н е р и с с а

А ты бывал на оргиях?

А н т е й

Давно.

Еще подростком. Здесь, в Коринфе, тайно
Гетерия певцов существовала:
Ведь римляне содружество любое
Считают преступленьем.

Н е р и с с а

Что же, были

Те оргии пышны?

А н т е й

Представь себе:

В таких домах мы собирались часто,
Как этот мой...

Н е р и с с а
(разочарованно)

Ах, так!..

А н т е й

У нас в кратёрах

Вода торжествовала над вином.
Цветы у нас бывали лишь в ту пору,
Когда они цвели в садах и в поле,
Когда ж сходила в тартар Персефона,
Она все украшенья отнимала.

Н е р и с с а

А оргии бывают без цветов?

А н т е й

У нас бывали, шумные какие!

Н е р и с с а

Они же были тайными, сказал ты?
Так что же, буйства оргий не слышали
Чужие со двора?

А н т е й

А разве можно
Услышать было, как сердца стучали,
И разве глаз горячее сиянье
Могло пройти сквозь каменные стены?

Н е р и с с а

А ваши песни?

А н т е й

Вдохновеньем были
Они сильны, — не гулом голосов,
И в сдержанном вздыханье тихих струн
Угадывать могли мы ураганы,
Что бушевали у певца в душе.

А кудри буйные вились как тирсы,
Кричали взоры там: «Эвоэ Вахх!»
Когда б одна вода была в кратерах,
И то бы пьяными мы возвращались.
Хотел бы я, чтоб ты хоть раз попала
На нашу оргию! В святом безумстве
Ты в танце бы менадою зашла.

Н е р и с с а

Бывала я на оргиях не раз.

А н т е й

А все ж не на таких!

Н е р и с с а

Зато на лучших.

А н т е й

Не может это быть.

Н е р и с с а

Не знаю, право,
Какими были ваши, только те,
Которые ребенком я видала,
Как сон прекрасный были.

А н т е й

Преступленья
Водить детей на оргии такие!

Н е р и с с а

Но мать моя *должна* была!

А н т е й

Я знаю...
Прости меня, сказал я, не подумав,
Я должен был бы знать, как тяжело
Танцовщицы-рабыни билось сердце,
Когда она единственную дочку,
Едва забывшую свои пеленки,
Вела на то позорище.

Н е р и с с а

Об этом

Мне мама ничего не говорила.
Всегда на оргию я шла веселой,
Там лакомства я получала вдоволь,
Мне иногда игрушки доставались,
Ласкали все меня. . .

А н т е й

Не вспоминай!

Меня бросает в дрожь при мысли. . . Ясно,
Что ласки их бесстыдными все были,
А слово каждое дышало грязью!

Н е р и с с а

Не знаю, я тогда не понимала
Ни взглядов грязных, ни бесстыдных слов,
Но красоту я знала и ребенком,
Мое сердечко от похвал дрожало,
Как струночка под плектроном на лире.
И мы вдвоем на возвышенья были —
Две радуги — большая с малой — вместе
На ясной высоте. А покрывала,
Прозрачные и пестрые, мелькали,
Вились дугой средь облачков густых
Курений золотисто-ароматных.
Тогда казалось мне, что я танцую
На облаках небесных, а с земли
Кю мне цветы одни лишь долетают.
То гости нам наверх цветы бросали,
Теряя свой разгоряченный разум. . .

А н т е й

А в тех цветах невидимо таился
Холодный змей разврата и бесстыдства.

Н е р и с с а

Я ж говорю, что я того не знала!

А н т е й

Зато теперь ты знаешь, чем для римлян
Рабы-танцовщицы всегда бывают,

И понимаешь, что с тобою было б,
Когда б ты выросла среди этих оргий,
Подобно матери твоей несчастной,
Погибшей, как разбитая игрушка,
Больной, покинутой, презренной всеми.

Н е р и с с а

Тебя должна благодарить я, знаю.
Не бойся, этого я не забуду.

А н т е й

Я разве этого хочу, Нерисса?

Н е р и с с а

Нет, нет, забыть я не имею права,
Что из меня ты сделал человека,
Из «маленькой танагрской обезьяны».

А н т е й

Оставь! Я не люблю речей подобных
И прозвища того я не терплю,
Что грубо римляне ребенку дали,
Прекрасной нежной девочке Эллады.
Их зависть разбирала: неуклюжи,
Грузны все римлянки, когда сравнить
С моею «ветроногою» Нериссой!

Н е р и с с а
(задумчиво)

Зачем мне это?..

А н т е й

Что, моя родная?

Н е р и с с а

Вот эта «ветроногость», как сказал ты...
Уж не танцовщица я больше.

А н т е й

Как?

Ужель тебя не радует, Нерисса,
Хвала моя, моих друзей сердечных?

И разве мало в нашем скромном доме
Сокровищем сокрытым быть, но ценным,
Таким, что даже цезарь не владеет?

Н е р и с с а

«Сокровищем сокрытым». . . Так, признаться,
Тебя счастливее я уродилась,
«Сокровище сокрытое» ведь ты,
А я, Антей, не радуюсь, что лиры
Твоей не слышит свет широкий, — я лишь
И узкий круг твоих учеников.
Когда бы я могла, то я тебя бы
Поставила на пьедестал высокий,
Как будто Аполлона-Кифареда!
Пускай весь мир твои узнал бы песни,
Творимые тобой на пьедестале!

А н т е й

Ты, верно, думаешь, что вдохновенье
От пьедестала подниматься может?

Н е р и с с а

Я в том уверена!

А н т е й

Да ты ребенок. . .
Но если ты так любишь пьедесталы,
Так утешайся: изваял Федон
По твоему подобию Терпсихору
И дал ей пьедестал вполне высокий.

Н е р и с с а

Что будет с этой статуей он делать?

А н т е й

Нам принесет.

Н е р и с с а

Оставит здесь?

А н т е й

Наверно,
То будет от Федона дар в знак дружбы.

Пауза.

Ты приумолкла, словно загрустила.
О чем, Нерисса?

Н е р и с с а

Думаю о том,
Как много этот дом еще схоронит
Сокровищ скрытых, будто бы гробница...

А н т е й

Я не люблю подобных разговоров.

Н е р и с с а

Вот будет каменная Терпсихора,
Я у нее молчанью научусь.

А н т е й

Нерисса, ты капризная сегодня.

Н е р и с с а

Раз так, я уйду...
(Встает.)

А н т е й

(задерживает ее, обнимая)

Нет, нет, родная!

Н е р и с с а

(освобождаясь)

Пусти меня!

Слышен стук в калитку.

К тебе стучится кто-то.

Нерисса уходит в гинекей. Антей открывает калитку и впускает
Федона — молодого скульптора.

А н т е й

Привет, Федон!

Здороваются.

Ф е д о н

Я только на минутку,
Мне некогда.

А н т е й

А что? Работать надо?

Ф е д о н

Свою работу я пока закончил,
Но есть еще заботы — должен быть я
На оргии в палатах Мецената!

А н т е й

(пораженный)

Ты приглашен туда?

Ф е д о н

С тобою вместе.

А н т е й

Что это, шутка иль издевка?

Ф е д о н

Правда,
Я и пришел затем, чтоб приглашенье
Вручить.

А н т е й

А кто тебе его принес?

Ф е д о н

Сам получил у Мецената в доме.

А н т е й

Ты у него был? Для чего?

Ф е д о н

По делу...
И знаешь, я никак не мог подумать,
Что он такой.

А н т е й

Какой?

Ф е д о н

Он так приветлив,
И странно, чтобы знатный господин
Так разговаривал...

А н т е й

Чему дивишься?
Что бедняка-художника пускает
Вельможа знатный на порог? Тому ль,
Что кое-как и римлянин приемлет
Красу искусства?

Ф е д о н

Нет, не «кое-как»,
Ведь он знаток большой и настоящий!
Вот и тебя он первый оценил.

А н т е й

Он первый? Но давно имел я школу,
Когда в Коринфе Мecenат и не был!

Ф е д о н

Что школа! Далека она от славы,
Как глиняная чаша от скульптуры.

А н т е й

Похожее на славу что-то было,
Раз господин услышал обо мне.

Ф е д о н

Сказать по правде, случай лишь слепой
Помог тебе: один твой ученик,
Вступить желая в хор панегиристов,
Пропел, чтоб показать свое искусство,

Эпиталаму ту, что ты сложил
На собственное бракосочетанье.

Антей делает жест оскорбленного, но Федон, не обращая внимания, продолжает.

Мы с Меценатом этого коснулись,
Я рассказал ему, кто автор песни,
И он мне дал тотчас же порученье
Позвать тебя на оргию к нему,
А это стоит многого, мой друг.

Антей

(сдерживая досаду, вызванную последними словами Федона)

С каким ты мог к нему явиться делом?

Федон

Купил мою скульптуру он недавно,
Так я ее к нему доставил, чтобы
Рабы-носильщики не повредили.

Антей

Какую ты ему скульптуру продал?

Федон

Прости... Мне не мешало б заручиться
Твоим согласием... только господа
Не любят ждать...

Антей

Так ты Нериссу продал?

Федон

Нет, статую богини Терпсихоры.

Антей

Ты б самую богиню тоже продал,
Когда сумел бы, в римский дом разврата!

Федон

(встает обиженный)

Ты этого не смеешь говорить мне!

А н т е й

Обидчивость тебе ведь не к лицу:
Ты лучшее творенье продал тем,
Кто презирает все для нас святое.

Ф е д о н
(с запальчивостью)

Никто там ничего не презирает!
Там ценят гений, и там дарят славу,
Не только деньги. Я не продавал
Скульптуру Терпсихоры. Я оставил
Ее для созерцанья, словно в храме.
Не слишком ли она свята для храма,
По-твоему?

А н т е й

По-моему, кощунство —
Приравнивать дом римлянина к храму!
За деньги иль за славу, — ты продался,
Отдав творение свое.

Ф е д о н

Антей!
Ты хочешь привести меня к тому,
Чтоб я пошел и выкупил обратно
Скульптуру. Но едва ли вероятно,
Чтоб Меценат ее вернул за деньги.
А может, вдохновенье не угасло
Во мне, и я еще создать сумею
Получше что-нибудь — на выкуп ей.

А н т е й

Ты купишь новый грех потяжелее.

Ф е д о н

Я не пойму, что от меня ты хочешь!
Чтоб был я вынужден весь век сидеть,
Как ты, без хлеба и без славы?

А н т е й

Должен
Терпеть все эллин, если хлеб и славу
Добыть он может лишь из римских рук.

Ф е д о н

Кто к славе не стремится, тот не эллин, —
Влечение к ней отцы нам завещали,
Наследовав от предков.

А н т е й

Предки брали
Свои венки от матери-Эллады,
Отцы позволили связать ей руки
И тем своих детей венков лишили.
Но вот, когда в бесславии Эллада,
Пойми, Федон, что каждый эллин должен
Желанье славы в сердце заглушить.

Ф е д о н

И увеличить родины бесславье?
А чем прославится сама Эллада,
Когда ей дети лавров не добудут?

А н т е й

Но не из вражьих рук их принимать!

Ф е д о н

А почему? Гомер сказал, что «сладко
Хвалу врага принять».

А н т е й

На поле боя,
А не в плену!

Ф е д о н

Пускай в плену —
Все слава будет славой.

А н т е й

Не надейся!

Не славою теперь венчают нас,
А славу Рим берет, как будто дань.
Тобою проданная Терпсихора
Прославит не Элладу, не тебя,
А тот богатый Рим, что все ограбил
Во всех краях руками Меценатов.
Твое создание его прославит,
А не тебя, ты только раб, который
Своим искусством оргию украсит,
Та оргия останется господской,
Хотя б рабы трудились для нее.

Ф е д о н

Рабам на оргии не будет чести,
Но тот, кто гостем должен быть на ней,
Как я и ты...

А н т е й

Не лъсти себя надеждой,
Что я пойду на оргию с тобою!
Ищи господского расположенья,
А я «без хлеба и без славы» буду,
Как ты сказал, но, может, не без чести.

Ф е д о н

Я от души советую пойти.

А н т е й

Конечно! И волам сподручней в паре
Носить ярмо.

Ф е д о н

Я вижу, ты не веришь,
Что я тебе могу желать добра.
А все ж, хоть сильно ты меня обидел,
Я не забыл, что мы друзья с тобою.

А н т е й

Так я тебя, не ты меня обидел?!

Ф е д о н

Я Терпсихору все же откуплю,
А ты обидных слов вернуть не можешь.

А н т е й

И ты не выкупишь того, что сделал.
Ты ведь свое искусство опозорил.
Богиню сделал ты простым товаром.
Пускай из плена выйдет Терпсихора,
Она богиней все равно не будет.
А мрамор — коль не бог, так просто камень.

Ф е д о н

Но если богом стал он, — снова в камень
Не обратится. Так, твое творенье
Всегда созданием искусства будет.
Твоя эпиталама прозвучала
Не хуже и в просторной римской школе,
Чем у тебя в убогом, тесном доме.
А если б ты еще и сам пропел
Ее в палатах гулких Мецената,
На дорогой подыгрывая лире...

А н т е й

Федон! Не говори мне этих слов,
Тебя я навсегда возненавижу!

Ф е д о н

Антей! Твое упрямство непонятно.
Ведь не впервые эллинам хвалу
От чужеземцев слышать, — в чем позор тут?

А н т е й

Мне от захватчиков хвалы не надо.
Захватчик лишь тогда хвалить согласен,

Когда чело склоняет побежденный
К его ногам и пыль от ног его
Целует.

Ф е д о н

Так у персов лишь бывало
И у восточных варваров. Но в Риме
Никто от нас не требовал таково.

А н т е й

Не требовал? А кто прошел по грекам,
Как по мосту в храм славы мировой?
Кого на спинах мы своих несли
Из бездны варварства к вершинам горным?
Ложился кто краеугольным камнем
Под мавзолей захватчиков из Рима?
И мы еще должны быть очень рады,
Когда в палатах гулких нам позволят
Играть на лире, краденной у нас?

Ф е д о н

Безмолвствовать той лире лучше, что ли?

А н т е й

Да, лучше!

Ф е д о н

Нет, я думаю, что хуже.
Все ж лучше созидать нам мавзолеи,
Хотя бы не себе, чем просто быть
Травкою придорожной под ногами
Захватчика того же. Лишь захочет,
Растопчет вмиг железною пятою
Всю нашу гордость, буйные мечтанья...

А н т е й

Что ж? Лучше нам самим все растоптать,
Чтоб не давать врагам работы лишней?
Жрец красоты так говорит и мыслит?
Осталось лишь одно — вот так и сделать.

Ты не продался, — хуже! Ты отдался
Своим врагам, как мертвенная глина,
И каждый может вылепить, что хочет.
Так кто ж вдохнет в тебя огонь живой,
Коль из творца ты сделался твореньем?
Иди, прислуживайся Меценату,
Забудь великие заветы красоты,
Забудь тираноборца Прометея
Бессмертный образ, и Лаокоона,
За правду мученика, и забудь
Самоотверженную Антигону,
Электру-мстительницу. И не помни
Эллады, скованной, как Андромеда,
Чудовищу оставленная в жертву,
Что ждет в тоске защитника Персея.
Ты не Персей, ты в камень обращен,
Не сознаешь ты высшей красоты
Стремления, хотя бы без надежды. . .

Федон

Нет красоты в упрямстве от бессилья. . .
С тобою, вижу, мне не сговориться!
Так будь здоров. Я уйду.

Антей

Прощай!

Федон

Уже мы не друзьями расстаемся?

Антей

Боюсь, как бы не встретились врагами.

Федон, поведя плечами, уходит.

Нерисса

*(выходит из гинекея, едва закрылась калитка за
Федоном)*

Антей, я не могу понять тебя!
Так резко ты с Федоном обошелся,
А чем он виноват?

А н т е й

Ты все слыхала?
Так надо было слушать хорошенько.
Быть может, это по сердцу тебе,
Что на позор для нас твоя фигура
Поработителя украсит дом?

Н е р и с с а

Какой позор? И кто поработитель?
Чем Меценат виновен, если дед
Его иль прадед с эллинами бились?
Теперь же Меценат не отбирает
У нас сокровищ никаких насильно,
А покупает и недурно платит...

А н т е й

Тем золотом, что римляне сдирают
С порабоженных, даже с нас самих.

Н е р и с с а

Не сам же Меценат его сдирает.
Ты, получив отцовское наследство,
Не спрашивал, кто, как его добыл.

А н т е й

Я знал — оно добыто было честно.

Н е р и с с а

Так, верно, думает и Меценат
О том наследстве, что отец оставил.
Немало он Элладе возвращает,
А ты его за это ненавидишь.
По-твоему, так нужно, чтоб у нас
Произведения искусства чахли,
Чтоб с голоду творцы изнемогали,
Чтоб мрамор плесень ела, струны — ржа,
Чтоб эллины как варвары тупели,
Все для того, чтоб Риму не служить?

А н т е й

Довольно служат им, а я не буду.

Н е р и с с а

Никто тебя служить не принуждает.
И разве презирает Меценат
Тебя, к себе как гостя приглашая?

А н т е й

Как гостя? Думаешь и в самом деле,
Что Меценат певца зовет к себе
На оргию для дружеской беседы,
А не для пения гостям в усладу?

Н е р и с с а

А если б ты и спел гостям немного?
Там все равно твои звучали песни.

А н т е й

Но я тут ни при чем.

Н е р и с с а

Как «ни при чем»?

Ты дал ученикам списать те песни
И, значит, сам их выпустил на свет.
А то, что римлянин их оценил
Получше земляков, — другое дело,
Вини, коль хочешь, в этом Мецената.
Теперь в Элладе только тот прославлен,
Кого похвалит Рим. Коринф оценит
Певца, когда его он потеряет.
Когда б ты в Рим собрался с Меценатом
И там стяжал заслуженный триумф, —
Ведь Рим умеет прославлять таланты! —
А после этого в Коринф вернулся,
Родные лавры вешнюю травую
Тебе бы под ноги тогда стелились.

А н т е й

Топтать родные лавры не хочу я.
Триумфы в Риме — для меня позорны.

Н е р и с с а

Чего ж ты ждешь?

А н т е й

На родине признанья
Без помощи захватчиков любезных.

Н е р и с с а

Когда ж оно придет? Когда умрешь?
Посмертной славой жить — удел обычный
Таких певцов, как ты. Пока живут,
Никто о них не знает, их не слышит,
Как будто похоронены в могиле.
Уйдя глубоко в мысли и мечтанья,
Певцы такие словно недвижимы,
А мимо вакханалией несется
Цветами разукрашенная жизнь,
Бросает розы и венки из лавра
Тому, кто их подхватит на лету.
А вот таким, как ты, достаться могут
Надгробные венки из вялых листьев.
Уж не собрался ль ты повергнуть Рим
Могильной неподвижностью такую?
Будь я, как ты, его б я ослепила
И гением Эллады и своим,
На всех бы сценах царствовала я,
Все фóрумы и портики взяла бы,
Мое бы имя прозвучало громче,
Чем имя Цезаря. Была бы это
Победа подлинная!

А н т е й

Все б сказали:

«Каких певцов купить умеет Рим!

Совсем уже Эллада обнищала!»

(Берет в руки лавровый венок Эвфросины.)

Нерисса, вот единственный венок,
Который я стяжал, но он дороже,
Чем все твои хваленые триумфы.
И коль на гроб венки такие лягут,
Так что ж, пускай скорей приходит смерть!
(Надевает на голову венок с гордой, спокойной
улыбкой.)

Н е р и с с а

Антей, пойми! Я больше не могу
Терпеть все это. Можно задохнуться
В могильном воздухе у нас в дому.
Хоть одному из нас быть нужно в свете.
Я так тебя люблю, что я согласна
На то, чтоб славою твоею жить,
Но не могу я жить совсем без славы —
Я эллинка!

А н т е й

И хочешь добиваться
У римлян этой славы?

Н е р и с с а

Пусть у них
Иль у других, но мне потребна слава,
Как хлеб, как воздух, как вода. И если
Ты для меня того добыть не можешь,
Что мне дороже жизни, я сумею
Сама добыть, а только умирать
Я не хочу, — еще я молодая.

А н т е й

Так чем же ты себе добудешь славу?

Н е р и с с а

Тем, чем добыл бы ты, — своим искусством.

А н т е й

Ты все-таки пойти на сцену хочешь?
(После паузы.)

Ну, что ж, Нерисса, я скажу открыто —
Когда тебя туда влечет не прихоть,
А муза Терпсихора, я не смею
С богиней состязаться. Может, правда,
Ты для Коринфа возродить сумеешь
Таинственные игры Диониса.

Н е р и с с а

О нет, не для Коринфа! Знай, меня
Не здешние рукоплесканья манят.
Хочу, чтоб первенство живой Нериссы
Над каменной Терпсихорой было,
Когда она Танагры танец спляшет
У Мецената нынче.

А н т е й

Что ты, бредишь?

Н е р и с с а

Нет, не в горячке я.

А н т е й

Но ты не можешь
На оргию пойти!

Н е р и с с а

А почему?

Повсюду ходят римлянки — и мы
Могли бы перенять такой обычай...
Приду, скажу: «Мой муж теперь болеет,
Но чтобы не обидеть Мецената,
Прислал меня, свою жену, к вам в гости»...

А н т е й

Нет, не пойдешь ты!

Н е р и с с а

Ты меня запрешь?
Тогда уже я твердо буду знать,

Что ты меня перекупил для рабства.
Но помни, и рабыни убегают.
Ты не надейся на замки.

А н т е й

Нерисса!!

Н е р и с с а

Что, господин мой?

Пауза.

Так решай сейчас же:

Ты или я.

А н т е й

Когда б имел я силу
Из сердца вырвать навсегда тебя,
Как ядовитую змею, и бросить
Под ноги римлянам!

Н е р и с с а

(с отрывистым, злым смехом)

Раз ты не можешь,
Так должен покориться. И, пожалуй,
Потом меня благодарить ты будешь.
От слова своего не отступлюсь я, —
Не ты, так я добыть сумею славу,
Сегодня же. Достаточно ждала я.

А н т е й

(после тяжелого молчания)

Так я пойду. Приятнее мне будет
Там, среди римлян, чем с тобою здесь.

Н е р и с с а

Иди. Но прежде надо с головы
Снять ветки — неужели так пойдешь ты?

Антей прикасается к голове, снимает лавры, с проникновенной тоской смотрит на них и молча кладет туда, где стояла Эвфрозина, когда надевала на него венок.

Г о л о с Э в ф р о з и н ы
(раздается из глубины дома)

Нерисса! Где Антей? Пора обедать!
Уже большая оргия готова!

Антей мгновенно бросается к калитке.

Н е р и с с а
(догоняя его)

Куда же ты? Переодеться надо!

А н т е й

Пусти меня! Нас ищет Эвфрозина,
А я не смею ей взглянуть в глаза.
(Выбегает за калитку.)

Э в ф р о з и н а
(выходит из дверей)

А где ж Антей?

Н е р и с с а

На оргию пошел.
Он приглашен сегодня к Меценату.

Э в ф р о з и н а
Ты шутишь очень странно.

Н е р и с с а

Не шучу я.
Вот там венок домашний вялых лавров, —
Сегодня он нам свежий принесет,
Приняв от знатоков...
(Гордо подняв голову, уходит в дом.)

Э в ф р о з и н а
(хватаясь за голову)

Так это правда?!

II

В доме Мецената, потомка того знаменитого Мецената, который жил при Августе.

Большая, пышно убранная для оргии комната, разделенная аркой на две неравные части: в первой, меньшей (на переднем плане), поставлен триklinиум для хозяина дома — Мецената и двух самых почетных гостей — Прокуратора и Префекта, и устроен невысокий помост, застланный коврами, для выступления певцов, мимов и прочих артистов; в другой, большей (на заднем плане), много столов, то с ложами вокруг — на греческий лад, то с табуретами — на римский, там сидят и возлежат гости разного положения и возраста, греки и римляне. Пир еще только начался и идет как-то вяло, видно, что гости еще мало знакомы между собой и чувствуют себя неловко перед взорами знатного триklinия, расположенного в основной части комнаты. На помосте хор панегиристов, среди них Хилон заканчивает пение.

Хор панегиристов (поет)

Свет лишь от света
Вечно рождается,
Так и пресветлый
Род Мецената
Светит лучами,
Переливаясь
Блеском своим!

Когда хор закончил петь, Меценат слегка кивнул головой корифею и сделал рукой жест, не то приказывающий, не то приглашающий, чтобы хористы заняли места на пире в задней части комнаты. Хор размещается за самыми дальними столами, в глубине. Рабы разносят напитки и яства, рабыни раздают цветы.

Меценат (движением пальца зовет раба-домоправителя)

Пускай попрыгают немного мимы,
Потом давай «бескостных» египтянок,
Что будут делать фокусы с мечами,
Но чтобы это все недолго длилось:
Минуту-две даю для выступления,
И чтоб никто не смел являться дважды.
(Прокуратору и Префекту.)

Подумайте, и эти обезьяны
Неравнодушны к славе: им похлопай —
И трудно их потом согнать с помоста.

Тем временем домоправитель вышел с поклоном, и на помосте стали появляться мимы, разыгрывая коротенькие фарсы без слов, акробатки египтянки с мечами, жонглеры и жонглерки с пестрыми мячами и т. п. Гости награждают их хлопками, иногда бросают им цветы и лакомства. Мало обращая внимания на все это, Меценат и двое его почетных гостей беседуют между собой. Меценат чуть приглушенным голосом, Префект мерно, однотонно и несколько небрежно, Прокуратор громко и непринужденно.

Меценат

Вся эта оргия, признаться должен,
Слегка напоминает царство теней
Перед Плутоновым триумvirатом.
Вы не поверите, как я стараюсь,
Чтоб одолеть немного эту дикость
И недоверчивость, чтобы сплотить
В одну семью две части населения
Коринфского — и эллинов и римлян.

Префект

Мой друг, и так ты многого добился:
Завел прекрасный хор панегиристов,
Такой и в Риме не всегда услышишь.

Меценат

(махнув рукой)

Э, что это за хор!.. Сказать по правде,
Такой поэзии на кухне место,
Объедки для нее — милей награда,
Чем лавры. . . Я прошу у вас прощенья,
Что жалким зрелищем вас угощаю

(еще тише)

Пригодно это все лишь для толпы, —
Но я в дальнейшем постараюсь дать вам
Иное нечто. Мне певца назвали
Чудесного. Не очень он прославлен,
Но грекам в том позор, а не ему.
Я покажу коринфянам, что нужен
Им римлянин, чтоб оценить искусство,
Иначе ни к чему искусство это.

Прокуратор

А скоро явится певец?

Меценат

Не знаю.

Я пригласил его, но был ответ
Мне не совсем понятен.

Прокуратор

Вот еще!

Их приглашать... ты просто б приказал!

Меценат

Приказывать никак тут не годится.
Антей не раб, а вольный гражданин.

Префект

Он *римский* гражданин?

Меценат

О нет, конечно,
Но все ж он рода честного. В Коринфе
Его семью глубоко уважают,
Когда-то из нее герои вышли.

Прокуратор

У этих греков все подряд герои!
Кто в ссоре бросит миску через стол
И в лоб соседу влепит — уже зовется
Discobolos!..¹

(Смеется.)

Такие ж их поэты:

Горация по-гречески испортит,
И вот уже в венке лауреата!
В Афинской академии ты купишь
Лауреатов пару за обол —
Один поэт, другой философ будет!
Но все ж разумней — не давать оболы.

---

¹ Метатель диска (*греч.*).

М е ц е н а т

Не надо забывать, мой друг, что боги
Неблагодарности не любят. Помни,
Что римляне у греков обучались.

П р е ф е к т

Известно, что негоден ученик,
Когда учителя не превзойдет он.

М е ц е н а т

Пусть так, но должен быть он благодарен.

П р е ф е к т

Рим щедро заплатил за ту науку:
Он Греции покой дал и закон,
Чего ей спокон веку не хватало.

П р о к у р а т о р
(в том же тоне)

А Греция, прославленная школой,
Рим научила только бабским сказкам,
Религию подвергла поношенью
И разумом вилять нас приучила
Без всякой цели, словно пес хвостом.
И в этом вся наука. Больше греки
Не знали ничего, не сотворили.
У них и языка нет своего!

М е ц е н а т

Ну что ты! Почему же нет? Ты, друг,
Нам говоришь неслыханные вещи.

П р о к у р а т о р

У них был ионийский диалект,
Аттический, еще какой, не знаю, —
Что ни писатель, то другой язык,
Но крепкого устойчивого слова,
Единого, всемирного, как наше,
У греков сроду не бывало.

М е ц е н а т

Верно.

П р е ф е к т

А их поэзия, скажу я честно,
Не стоит ничего в сравнение с нашей.
Изыщества Горация достигнуть
Грек не сумел и никогда не сможет.

М е ц е н а т

А все же уважать родную речь
Нас грек учил. Поэзии латинской
Отец — не римлянин, а пленный грек.

П р о к у р а т о р

Он речь господ усвоить был обязан,
А господин имел важнее дело,
Чем речь родную превращать в трохей.

П р е ф е к т
(*Меценату*)

Но ты, мой друг, не станешь уверять,
Что этот стих не выглядел дубовым,
А тот язык сплошным уродством не был?

М е ц е н а т

Кто знает, друг мой, чем была та искра,
Что людям принесла огонь на землю?
Быть может, это уголек чуть тлевший,
А все же чтить ее нам надлежит
И прославлять титана Прометея,
Хотя, возможно, был он просто вором.

П р о к у р а т о р

(*Префекту, кивая на Мецената*)

Вот это плод от греческой науки!

П р е ф е к т

Наш Меценат известный «грекофил», —
Еще возьмет и отделит от Рима
Коринфскую республику!
(*Смеется.*)

Прокуратор

Ты шутишь,
А Риму от такого грекофильства
Все ж может выйти вред.

Меценат

Не беспокойся,
Учительница старая ведь знает,
Что ей при дряхлости нужна опора;
Когда бы, рассердясь, отвергнул Рим
Ее, она бы закричала: «Гибну!»

Префект

И все же прав наш друг: вред несомненен.
Заигрыванье наше с чужаками
Уже нас привело к тому, что мы
В каких-то варваров преобразились,
Напичкавшись «латынью африканской»
От «римских граждан», только черномазых.

Меценат

Ну что ж, без варваров не обойтись нам:
Ведь обновлять необходимо кровь,
Трудом испорченную и пирами.
Хотел бы ты, чтоб наши все народы
Всегда по-варварски бы говорили?
Едва ли то прибавит славы Риму!

Прокуратор

Пускай молчат, пока не овладеют
Как следует латынью!

Меценат

Трудновато!
Овладевать произношеньем молча —
И Демосфен того бы не добился.

Прокуратор

Так что же делать?

М е ц е н а т

То же, что и я:
Учите милостью, дарами даже,
Всех знатных чужеземцев Рим любить.
Кто любит, тот становится подобен
Любимому и телом и душою.

П р о к у р а т о р

Ну, ты совсем размяк от грекофильства!
Хотел бы знать, как ты бы собирал
С них подати лишь «милостью с дарами»?
Вот много б насбирал!

М е ц е н а т (смеясь)

Ну, тут я должен
Сложить оружие. Сильней ты в этом.

Р а б - а т р и е н з и й (входит)

Пришел певец Антей.

М е ц е н а т

Зови сюда.
Постой! Когда он петь начнет, я знак
Подам, — пускай танцовщицы выходят
Сюда, но ты смотри, чтобы не раньше!
Иди и точно выполняй.

Атриензий выходит.

Рабы

Мне постоянно портят распорядок.
Им не понять, что оргия — не скачки.

А н т е й (у порога)

Привет вам, достославные.

М е ц е н а т

Привет!

Поближе подойди. Любимцу музы
Стоять не подобает у порога.

Антей подходит ближе, но места для него нет, он стоит перед
возлежащими гостями.

М е ц е н а т

(гостям)

Друзья, вот самый драгоценный перл
Коринфского залива.

А н т е й

Ты, преславный,
Чрезмерной милостью меня осыпал,
Коринфу же воздал ты мало чести.

М е ц е н а т

Как, мало чести?

А н т е й

Но ведь невозможно
Все перлы сосчитать в заливе нашем,
Чтобы решить, какой из них дороже.

П р е ф е к т

Всем надлежит любить родимый город,
Но забывать при том не надо правду
И благодарность. Если есть в Коринфе
Жемчужины искусства и науки,
То в этом лишь заслуга Мецената.

М е ц е н а т

Заслуга петушина, мой друг.

П р о к у р а т о р

Как это, Меценат, понять прикажешь?

М е ц е н а т

Я, как петух, в навозных кучах роюсь,
Выискивая перлы дорогие.

Префект

Но ты их не глотаешь как петух,
А им даешь оправу.

Антей молча идет.

Меценат

Стой, Антей!

Куда идешь?

Антей

Туда, где быть я должен.

Меценат

Я вижу, ты обиделся.

Прокуратор

На диво

Обидчивы все греки!

Антей

Это верно,

И как же до сих пор мы не привыкли,
Что победитель волен звать наш край
Навозной кучею, а нас, пока мы
Не вставлены в «оправу», — лишь навозом.

Меценат

Моим словам *ты* придаешь колючки,
Не я. И вся моя вина лишь в том,
Что мой язык немного поскользнулся, —
Его ведь боги скользким сотворили.
Вини Юпитера иль Прометея, —
Кто больше виноват, ты лучше знаешь.

Префект

Я обойду на этот раз виновных
И обращусь к заслугам. Меценат,
Сейчас хочу поднять я тяжбу против
Тебя.

М е ц е н а т

Не понимаю.

П р е ф е к т

Этот жемчуг.

Не ты, а я открыл впервые.

М е ц е н а т

Правда?

П р е ф е к т

И тем еще моя заслуга больше,
Что я, найдя, его не проглотил,
Хоть проглотить, конечно, был обязан.

М е ц е н а т

Хотел бы это я понять яснее.

П р е ф е к т

Здесь тайны нет! В Коринфе я когда-то
Открыл или, верней сказать, закрыл
Гетерию, что скрыто собиралась.
Среди певцов, туда входивших, этот
Был самым младшим. Пощадил его я,
Принявши во вниманье возраст нежный,
И он один из всех остался жив.
Я знаю хорошо, что в целом крае
Гетерий больше нет и их не будет.

А н т е й

Ты ошибаешься, — все ж есть одна.

П р е ф е к т

Где?

А н т е й

На Парнасе. Девять и один —
Для тайных оргий сходятся они там
И закрываются от глаза власти
Густыми тучами.

М е ц е н а т

Ха-ха! Вот метко!

П р е ф е к т

(сменив свой однообразно-небрежный тон на резкий)

Не так-то уж и метко, Меценат!
Те «девять и один» — Феб и камни —
Не тайная гетерия все это,
А хор панегиристов. Им ведь нужно
Амброзию и нектар заработать,
Вот и должны они кого-то славить.

А н т е й

Кого?

П р е ф е к т

Конечно, только гений Рима.
Парнас, Олимп и все святые горы
Теперь его империи достались,
И только тем богам живется сладко,
Кого мы взяли в римское гражданство,
К кому благоволит наш Меценат,
Всемирный, знаменитый гений Рима.
Те ж боги, что ему не покорились, —
Те были изгнаны или распяты.

А н т е й

И что ж? Они от этого погибли?

М е ц е н а т

(шепотом, наклоняясь к Префекту)

Любезный друг, прости, но для толпы
Все эти шутки выглядят кощунством.

П р е ф е к т

(снова сдержанно)

Простят пусть боги, — римлянин не мог
Слова последние оставить греку.

М е ц е н а т
(громко Антею)

От языка людей уже мы сыты,
Пора ответить языком богов
Тебе, Антей.

А н т е й

Прости меня, преславный,
Но муза помогать мне не желает,
Не голодна она сегодня, верно,
Я без нее — как лира без струны.

М е ц е н а т

Мой друг у ней отбил охоту, что ли?

П р е ф е к т

За правду извиняться я не буду,
А музе, что не голодна *сегодня*,
Знать надо, что и у богов есть *завтра*,
Но лишь тогда, когда его заслужат.

А н т е й

Не раз пред тем, кто забывает завтра,
Открыта вечность.

В атриуме слышен шум.

М е ц е н а т

Что это за шум?

А т р и е н з и й
(с порога)

Преславный господин, одна гречанка
Пришла и просит разрешить войти,
Чтоб постоять у вашего порога,
Пока певец Антей исполнит песни.

М е ц е н а т

Да кто ж она? Какого рода?

А т р и е н з и й

Будто
Она себя зовет женой Антея.

М е ц е н а т

Что ж, пусть войдет.

Атриензий уходит. На пороге появляется Нерисса и молча кланяется.

А н т е й

Зачем ты здесь, Нерисса?

Нерисса молчит и стыдливо закрывается покрывалом.

А н т е й

Вернись домой!

М е ц е н а т

Антей, прошу прощенья!
Здесь я хозяин и не разрешаю
Своих гостей отсюда прогонять.
Ты волен оставаться или нет,
Но и твоя жена свободна тоже,
Пока она в гостях у Мецената.

А н т е й
(Нериссе)

Ты хочешь здесь остаться?

Н е р и с с а
(тихо, но твердо)

Я останусь.

П р о к у р а т о р
(тихо Меценату)

Ты сделал хорошо, — она смазлива.
И где он раздобыл такую нимфу?

М е ц е н а т

Такие ножки лишь найдешь в Танагре.
Уж мне поверь, я разбираюсь в этом.
(Нериссе.)

Вы замужем давно?

Н е р и с с а

Нет, первый месяц.

М е ц е н а т
(Антею)

Антею, ужель тебе еще нужна
Подмога музы в твой медовый месяц?
И так ты должен петь, подобно богу,
Коль эта грация перед тобою!
Но почему она под покрывалом?

А н т е й

Так ей велит наш эллинский обычай.

М е ц е н а т

Но в доме у меня обычай римский,
И у него свои права. Ты должен
Позволить ей откинуть покрывало.

Нерисса, не ожидая ответа Антея, открывает лицо и стыдливо
смотрит на Мецената.

О боги! На нее, друзья, взгляните!
Ведь это мраморная Терпсихора,
Которую купил я у Федона!
Случайность? Нет, случайности такой
Не может быть!

(Нериссе.)

Он изваял тебя?

Н е р и с с а

Да, господин.

М е ц е н а т

Ты танцевать умеешь?

Н е р и с с а

Не знаю...

М е ц е н а т

Как не знаешь? Терпсихора
Не знает, что она богиня танца?

А н т е й

Нет, вовсе не танцовщица она
И танцевать вне дома не умеет.

М е ц е н а т

Так я приду когда-нибудь в твой дом.

А н т е й

Мне этим честь окажешь. Но не знаю,
Придется ли тебе Нериссу видеть:
Ведь у меня жена и мать с сестрою
Лишь в гинекее могут находиться,
А я тебя там принимать не смею.

М е ц е н а т

Плохой у вас обычай!

А н т е й

Он — старинный,
Не я его установил, преславный.

П р о к у р а т о р

Но ты его охотно принимаешь!

М е ц е н а т

Не удивительно. Я понимаю
Антея ревность. Вот и я поставил
Не в атриум фигуру Терпсихоры,
А в свой таблин, подальше от людей.

А н т е й
(искренно)

За то благодарить тебя я должен.

М е ц е н а т

Так докажи нам делом благодарность
И спой.

(Рабу.)

Эвтим, ты принеси скорее
Ту лиру, что сегодня я купил.

Эвтим приносит большую, пышно украшенную лиру.

Антей, вот эта лира — дар всемирный:
Рога у ней от туров пущ германских,
Слон Африки дал кость для украшения,
Край аравийский золото прислал,
А дерево — индийский лес дремучий,
Мозаика — из дальнего Китая,
И струны итальянские, всех лучше,
Оправлены британским серебром.

А н т е й

Лишь эллинского ничего нет в лире?

М е ц е н а т

Вся будет греческой, твоей лишь станет,
Ты в дар ее получишь от меня,
Коли захочешь. Прикоснись же к струнам.

А н т е й

*(небрежно касается струн, не беря лиру из рук раба.
Струны отзываются тихим, но удивительно красивым
и чистым звуком. Антей вздрагивает от удивления)*

Какой прекрасный, небывалый звук!
Дай лиру, мальчик!

(Берет в руки лиру.)

Тяжела она!

М е ц е н а т

Держать ее тебе ведь не придется.
На то есть раб. Эвтим, стань на колени!
И как певец прикажет, так держи.

Эвтим становится на колени и поддерживает Антею лиру.

А н т е й

Нет, к этому ей привыкать не надо.
Рабов в своем я доме не имею,
Ей, верно, в воздухе висеть придется,
На ремешке.

М е ц е н а т

Как у рапсодов древних!
Прекрасно! Так повесь ее, Эвтим,
Туда, где, видишь, та большая лампа.

Эвтим вешает лиру на большой канделябр, сняв с него светильник. Антей поднимается на помост и ударяет по струнам сильнее, чем прежде. Услышав аккорд, Хилон и Федон одновременно вскакивают со своих мест.

Х и л о н

(товарищам-хористам, которые сидят там же за задними столами, занятые едой и разговорами)

Внимание, друзья! Антей играет!

Ф е д о н

Антей! Пропой свою эпиталаму!

Антей останавливается, опускает руки и склоняет голову.
Пауза.

М е ц е н а т

Скажи, Антей, мне, что с тобой? Ты болен?
Иль, может, эта лира неудобна?

Н е р и с с а

(Меценату, говоря с порога)

Мой муж недавно перенес болезнь.

(Антею, заботливо и нежно.)

Антей, ты слишком напрягаешь силы.

Прошу, позволь мне лучше за тебя

Здесь выразить большую благодарность

Преславному. Танцовщицей не бывши,

Станцюю по обычаю Танагры,

Как мать меня учила. Пусть простят мне.

М е ц е н а т

Согласен я, хотя бы лучше было,
Когда бы сочетались в вас обоих
И музыка и танец воедино.

А н т е й

Моя жена сказала, не подумав,
Я нахожу в себе довольно силы,
Могу играть и петь — без всяких танцев.
Меня просили так, — я дал согласие,
А танец твой, Нерисса, не для оргий.
Остановился я, перебирая
В уме те песни, что сейчас уместны.

Ф е д о н

Пропой эпиталаму! Это кстати!

А н т е й

Совсем некстати, — мы ведь не на свадьбе!

М е ц е н а т

А почему? Представь, что в этом доме
Мы Рим с Элладой венчаем нынче.

А н т е й

Я вижу оргию перед собою,
Не свадебный напев я вспоминаю,
Скорей вакхический.

П р о к у р а т о р

Вот это лучше!

Антей снова подходит к лире. Меценат делает знак, чтобы гости замолчали; шум голосов затихает, только изредка слышен звон посуды там, где гости пьют.

Антей первую строчку произносит медленно и без музыки, затем быстро без прелюдии начинает петь, подыгрывая себе, громко, уверенно, в темпе вакхического танца.

А н т е й

Теперь, талант могучий, послужи певцу.
Звени! Звени! Играй! Играй!
Духа оргии пробуди!
Голос дай немоте рабов!
Оживи в нас вялую кровь!
Волю дай нашей силе скрытой!

Меценат делает знак атриензию, вбегают танцовщицы и корибанты и пускаются в вакхический танец.

Вакхический танец начнем!
Сменит оргию пыл весны!
Сгинет в душах холод и страх,
Как от солнца нагорный снег!
Дионис! Ты яви нам чудо!

Играет в том же темпе наигрыш без слов и не видит, что Нерисса незаметно очутилась в группе танцовщиц. Спустя некоторое время Антей меняет темп на более медленный и мягкий, переходя на другой тон.

Мерного танца
Лад гармоничный,
Тихое, ясное лето
Вслед за безумной, шумной весной —
И воцарится торжественный праздник.

При перемене темпа танцовщицы остановились, только Нерисса танцует, все время находясь позади Антея; танцует беззвучно, тихо, плавно, мерно. Антей все не видит ее, захваченный игрой, и снова берет прежний темп, с еще большим пылом.

Звени! Звени! Играй! Играй!
Дай изведать нам страсти мощи!
Дай упиться избытком сил!..

Танцовщицы и корибанты снова окружили Нериссу в вакхическом хороводе, но Меценат останавливает их внезапным движением и громким окриком.

Меценат

Все стойте! А Нерисса пусть танцует!

При этом окрике Антей останавливается, оборачивается и не может сразу опомниться от удивления и обиды, увидя Нериссу во главе танцовщиц. Меценат, заметив это, хлопает в ладоши.

Меценат

Эй, музыка! Вакхическую пляску!

Появляются музыканты с двойными флейтами, кимвалами, тимпанами, играют вакхический танец. Нерисса, после недолгой растерянности, блеснув глазами, пускается в быстрый танец с неистовыми, но прекрасными движениями менады. Некоторые из гостей прихлопывают им в лад ладошами и прищелкивают пальцами. Меценат, движением позвав Эвтима, шепнул ему что-то на ухо, тот приносит изящную шкатулку и подает ее Меценату.

А н т е й

Нерисса! Стой!

М е ц е н а т

О нет, танцуй, богиня!

Танцуй, прекраснейшая Терпсихора!

(Вынимает из шкатулки бриллиантовое ожерелье, поднимает его обеими руками вверх и манит им к себе Нериссу.)

Нерисса, не переставая танцевать, приближается к Меценату, глаза ее горят, движения напоминают ловкие увертки хищного звереныша. Гости вскакивают с мест и толпятся, каждый стараясь лучше увидеть Нериссу. Ее осыпают цветами и рукоплесканиями.

Г о л о с и з х о р а п а н е г и р и с т о в

Вот наша муза!

П р о к у р а т о р

(с возделением)

Лакомый кусочек!

П р е ф е к т

Да, эта муза голодать не будет.

Нерисса, приблизившись к Меценату, опускается перед ним на одно колено и откидывается назад, словно готовая упасть в изнеможении, но прекрасная и манящая улыбка играет на ее устах. Прокуратор бросается, чтобы поддержать ее, но Меценат опережает его, надев ожерелье на шею Нериссе и тем же движением поддержав ее.

Н е р и с с а

Спасибо, господин!

(Хочет поцеловать его руку.)

М е ц е н а т

Не так, богиня!

(Целует ее в губы.)

Нерисса встает.

Префект
(с места, немного приподнимаясь с ложа и протягивая чашу с вином)

Иди, вакханка, отдохни у тигра!

Нерисса, улыбнувшись, направляется к нему. В толпе сдержанный смех. Антей вдруг срывает лиру с канделябра и с размаху бросает ее в Нериссу. Нерисса, пошатнувшись, падает.

Нерисса

Спасите! Он меня убил!

Антей наклоняется к ней и видит, что она умирает.

Антей

(тихо и как будто спокойно)

Убил...

Префект
(кричит рабам)

Сюда вигилов!

Антей

Стой, дай мне закончить.

(Срывает с лиры одну струну. Обращается к Хилону и Федону, которые стоят впереди толпы.)

Друзья мои, вот вам пример хороший.

(Душит себя струною и падает мертвый рядом с Нериссой.)

Египет, 28.III.1913 г.

ДРАМАТУРГИЯ ЛЕСИ УКРАИНКИ

1

В январе 1914 года в театральной жизни Киева произошло знаменательное событие. Украинская труппа М. К. Садовского, выдающегося актера и режиссера, впервые поставила драму Леси Украинки «Каменный хозяин».

Спектакль оставил незабываемое впечатление у зрителей, впервые соприкоснувшихся с искусством Леси Украинки-драматурга. Здесь все было необычно для украинского театра: глубокая философская насыщенность драмы, обращение к феодально-дворянской Испании, к прошлому, сквозь которое отчетливо вставала актуальная общественно-политическая тема. В спектакле участвовали такие замечательные актеры, как И. А. Мазьяненко, ныне народный артист СССР, игравший роль дон Жуана, и М. К. Садовский, создавший сильный, впечатляющий образ Командора. Характерно, что украинский театр того времени, располагавший великолепными артистическими силами и всегда собиравший свою демократическую аудиторию, был настолько беден, что не мог своими средствами осуществить сложную постановку «Каменного хозяина». Украинская общественность пришла на помощь и собрала средства, необходимые для оформления спектакля.

Если не считать неудавшейся постановки первой незрелой драмы Леси Украинки «Голубая роза» труппой М. Л. Кропивницкого в 1898 году в Киеве и нескольких последующих любительских попыток перенести на сценические подмостки ее

маленькие драматические поэмы («Айша и Мухаммед» и др.), то при жизни Леси Украинки в репертуар театра ее драматические произведения не включались. Между тем поэтесса годами страстно мечтала о сценическом воплощении своих образов. В ее письмах к родным и друзьям часто встречаются сетования на то, что ей никак не удастся увидеть на сцене то или иное произведение, вышедшее из-под ее пера. «Голубую розу» поэтесса сама перевела с украинского на русский язык в надежде увидеть драму в исполнении русских актеров. Она радовалась любительской постановке «Айши и Мухаммеда» и давала режиссерские советы по поводу предполагавшейся постановки «Вавилонского плена» и «На руинах». В 1912 году Леся Украинка выражала надежду, что М. К. Садовский поставит «Лесную песню», и тут же высказывала тревожное опасение: «Боюсь не провала, а подмены мечты бутафорией». Действительно, драматургия Леси Украинки отличается не только сложностью тем и идей, но и глубоким лиризмом, «мечтой», которая легко при свете рампы может превратиться в «бутафорию».

Было много причин, по которым драматургия Леси Украинки не завоевала себе подобающего места на сцене современного ей украинского театра. Тут и необычность тематики, и гонения со стороны царских властей, и строгая цензура, пресекавшая любые проявления свободолюбивых мыслей и ограничивавшая репертуар главным образом пьесами из крестьянской жизни.

Леся Украинка усвоила лучшие демократические традиции русских и украинских драматургов, своих предшественников и современников. Она была воинствующим художником, борцом за социальную справедливость, защитником прав человеческой личности. В украинском театре, родившемся в начале 80-х годов из любительских кружков, уже намечалась и развивалась борьба между демократическим и буржуазно-националистическим направлениями. Если реакционные драматурги идилично изображали жизнь украинского села, затушевывая классовые противоречия, или идеализировали прошлое в своих романтико-националистических драмах, то передовые демократические драматурги стремились к реалистическому изображению действительности.

Леся Украинка принадлежала к тому течению украинской культуры, которое продолжало и развивало традиции Тараса Шевченко и его единомышленников. Но поэтесса шла своим пу-

тем. Она смело брала сюжеты и образы из мировой истории или из богатого и красочного мира народного творчества. Иногда раздавались голоса критиков, ошибочно утверждавших, что Леся Украинка нарочито уходила от современности в прошлое или фантастику, потому что, мол, не знала подлинной жизни своего народа. Но стоит прочесть очерки, повести и рассказы Леси Украинки, чтобы увидеть, как точно и глубоко отражена в них жизнь трудовых крестьян и их эксплуататоров на родной Волины. Нет, Леся Украинка обращалась к далеким векам и народам чаще всего потому, что хотела привести читателя и зрителя к широким выводам и обобщениям, основанным на правильном понимании завоеваний, ошибок и заблуждений человечества на его великом историческом пути.

Большие полотна, которые создавала Леся Украинка, требовали обилия и многообразия персонажей. В ее драматических произведениях действуют герои античного мира и рыцарского средневековья, библейские и евангельские образы, обитатели североамериканских прерий, христиане первых веков нашей эры, римские патрици и воины, граждане французской революции XVIII века, рабочие, штурмующие твердыню старого мира, сказочные существа воыльских гор, рек и лесов, — всего и не перечислишь! Леся Украинка сама говорит о себе как об «одержимой», захваченной «толпой образов», ждущих реального, полнокровного воплощения. В творческом облике поэтессы проявляется во всей полноте сочетание художника и мыслителя. Она находила образное выражение для своих философских, общественно-политических и эстетических взглядов. Даже в критике и публицистике поэтесса всегда мыслит образами, и естественно, что в ее драматургии эти образы приобретают самую действенную жизнь, ее герои существуют, мыслят и чувствуют в определенной исторической обстановке.

Поэтесса не сразу нашла свою творческую манеру в драматургии. Она сделала попытку обогатить репертуар родного театра психологической драмой. Ее драма «Голубая роза» и эту «Прощание» призваны раскрыть сложную и противоречивую психологию интеллигентов конца прошлого века, их страстные поиски далеких и туманных идеалов, их разочарование и неспособность найти подлинный смысл жизни. Среди бумаг поэтессы сохранились наброски, свидетельствующие о том, что она бралась за бытовую драму из крестьянской жизни, но не довела своих замыслов до конца.

С 1901 года в течение двенадцати лет Леся Украинка написала около двадцати драматических произведений, которые именвала то «драматическими поэмами», то «драмами» (в собственном смысле слова), то давала им особые названия «фантастической драмы» («Осенняя сказка») или «драмы-феерии» («Лесная песня»). При всем разнообразии этих терминов почти все драматические произведения Леси Украинки объединены общей творческой манерой, при которой идейное содержание неразрывно связано с реалистическим показом действительности. Поэтесса добивалась, чтобы ее персонажи были живыми людьми, а не «рупорами духа времени», по выражению Энгельса. Леся Украинка отвергала ту прямую и назойливую тенденцию, которая лишала произведение жизненной правды и делала его обнаженно дидактическим. Когда жрецы «чистого искусства», декаденты, упрекали поэтессу в «тенденциозности», Леся Украинка гордо отвергала эти упреки, справедливо утверждая, что без «тенденции», то есть верности своим идеалам, не могло бы существовать поэзии Данте, Байрона, Гейне, Шевченко и многих других великих поэтов. Разумая под «тенденцией» идейность произведения, Леся Украинка стремилась к воплощению этой идейности художественными методами: «Если я буду тенденцию за волосы тянуть, — писала поэтесса, — то всем будет слышно, как волосы у несчастной трещат. А она, если захочет, то и сама ко мне придет, тогда уж я ее не прогоню».

Драматическим произведениям Леси Украинки присуща тенденциозность в лучшем революционно-демократическом толковании этого понятия.

В рамках этой статьи невозможно охватить все стороны богатого драматургического наследства Леси Украинки. Остановимся здесь лишь на основных идеях и образах драматургии поэтессы.

2

Когда ищешь то главное, что объединяет столь разнородные по жанрам и сюжетам драматические произведения Леси Украинки, припоминаются слова А. Пушкина, ставившего вопрос о сущности трагедии, о тех высоких требованиях, которые надо применять к драматургу: «Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ — судьба человеческая, судьба народная... Что нужно драматическому писателю? Философию,

бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка. . .»

Мысль о «судьбе человеческой, судьбе народной» воодушевляла Лесю Украинку, когда она брала сюжеты из библейских сказаний и евангельских легенд, обращалась к историческому конфликту между христианством и язычеством, извлекала образы и характеры из христианского средневековья. Однако нельзя проводить прямые аналогии между положением Украины, испытывавшей социальный и национальный гнет при царизме, и порабощением древней Иудеи или Эллады, изображенным в драматических поэмах «Вавилонский плен», «На руинах» и «Оргия».

Драматургия Леси Украинки основана на больших философских обобщениях и чужда мелкой аллегоричности вроде постановки того или иного героя из прошлого на место современных Лесе Украинке политических и культурных деятелей.

В одном письме к О. Кобылянской Лесья Украинка объяснила, почему ее влекло к библейским сюжетам и темам. Она находила в них «много беспокойного, страстного элемента» и подчеркивала, что она «именно это любит в поэзии и, наверное, никогда не будет эпическим поэтом». Другими словами, Лесья Украинка с полным правом утверждала, что она по преимуществу лирик, которому дороже всего не «эпический объективизм», а мысли и переживания ее героев, чьим характерам она любила придавать эмоциональность и страстность.

В драматической поэме «Вавилонский плен» (1903) Лесья Украинка изобразила эпизод пленения иудейского народа вавилонянами. Картина страданий пленников, потерявших родной кров и национальную самостоятельность, свободу и родину, развернута с поразительной силой. Горит закат над водами Тигра и Евфрата, и в его кровавом огне на широкой равнине разбросаны группы оборванных и измученных людей. В их коротких репликах, выкриках, столах и жалобах определяются отдельные характеры. Здесь и отчаявшиеся люди, и ждущие какого-то чуда, и готовые сразиться с горестной судьбой, — но всем им не хватает решимости. В лагере пленников идут раздоры между левитами и самарийскими пророками, и это делает положение пленников еще более трагическим. На безотрадном фоне вырисовывается фигура пророка Елеазара. Певец огромного таланта, он мог бы «глаголом жечь сердца людей». Но это не дано

Елеазару: струны его арфы могут лишь звучать глубокой горестью по утраченной славе народа. Леся Украинка осуждает Елеазара за безвольные сетования, но вместе с тем она выражает надежду, что он может еще выпрямиться и принести пользу своему народу. Ведь поэтесса не раз обращалась с боевыми призывами к своим современникам, «плакальщикам» по горестной судьбе Украины:

Над старым горем Украины
Горюем-тужим всякий раз
И ждем, рыдая, той години,
Когда спадут оковы с нас.

И растрavляем раны снова, —
Зажить им слезы не дают.
Заржавеют от слез оковы,
Но все же сами не спадут!

Что пользы плакать в мире гнета?
Для нас возвратных нет путей.
Возьмемся лучше за работу,
Добьемся новых, светлых дней!

(«Повсюду плач . . .»)

Образ певца, призывающего к созидательному труду, к борьбе против поработителей, создан поэтессой в другой драматической поэме «На руинах» (1904), являющейся как бы дополнением к «Вавилонскому плену». И здесь слышатся тяжкие страдания поработленного и обездоленного народа. Но уже не скорбный Елеазар, а гордая, сильная, волевая пророчица Тирца в центре поэмы. Она бросает в реку легендарную арфу пророка Иеремии, потому что струны этой арфы способны только стонать и рыдать. Тирца — фигура трагическая. Ее призывы остаются тщетными. Лишенный воли народ, смущаемый раблепными вожаками, осуждает Тирцу, бонится, что она втягивает его в новые несчастья. Тирцу изгоняют в пустыню, где она, возможно, обречена на гибель. Но она уходит с полной уверенностью в своей правоте. Заблудший народ не скоро найдет свой путь, и это наносит тяжелый удар Тирце. Поэма кончается аккордом, полным трагизма, но последние слова Тирцы дышат такой непоколебимой верой в будущее, что развязка все же не пессимистична. В ней как бы угадывается то тревожное, но целеустремленное настроение поэтессы, которое охватывало ее в преддверии революционных боев 1905 года.

В такой исторической обстановке, когда передовые силы страны готовились к штурму самодержавного режима, возникала насущная задача борьбы со всеми проявлениями реакционной идеологии «непротivления злу», с евангельской проповедью смирения и покорности, всепрощения и классового мира на земле. Драматическая поэма «Одержимая» (1901), написанная на сюжет евангельской легенды о Мессии (Христе) и Мириам (Марии), дает решительный отпор тем проповедникам «толстовства», которые медоточивыми речами о всепрощении и любви даже к врагу старались ослабить революционные настроения, все глубже проникавшие в народные массы.

Мириам первый по времени женский образ, созданный Лесей Украинкой как воплощение глубокой и жертвенной любви. Впоследствии поэтесса не раз рисовала образы женщин, глубоко преданных своей идее, готовых умереть за нее, будь это идеалы любви или новой жизни. Таковы Иоанна («Иоанна, жена Хусы»), Присцилла («Руфин и Присцилла»), Долорес («Каменный хозяин»), Мавка («Лесная песня»), Эвфрозина («Оргия»).

Мириам полна любовью к Мессии. Она ненавидит его врагов, хотя учитель призывает любить их. Но Мириам, жертвенно преданная Мессии, не может принять этой проповеди. Она — земная, страстная женщина, не приемлющая абстрактных идеалов добра и всепрощения. Мириам видит, что враги готовы в любую минуту погубить Мессию, и от этого ненависть ее растет, крепнет, становится преобладающим чувством, захватывающим все ее существо:

О, каждая усмешка фарисея
Мне ненавистней скорпиона злого.

· · · · ·
В моих глазах тогда сверкают копы,
В моих словах оружие бряцает.

Тщетно Мириам призывает Мессию остерегаться врагов. Они побивают Мириам камнями. Ее жертва оказалась бесполезной, а учение Мессии о «непротivлении злу» — пагубным не только для нее, но и для его учеников и приверженцев.

Несмотря на тематическое и сюжетное различие драматических поэм, написанных поэтессой в период, предшествующий революции 1905 года, — через все эти произведения проходят неустанные размышления об исторических судьбах родного народа и о путях борьбы за его социальное и национальное освобождение.

Леся Украинка часто обращалась к Библии не только по соображениям, которые приведены выше, но и потому, что, следуя традициям Тараса Шевченко и Ивана Франко, она снимала религиозно-мистические покровы с событий и персонажей, освященных традицией христианства. Атеистические взгляды Леси Украинки определились довольно рано. Она всегда обнаруживала большой интерес к истории и философии религии и читала множество книг по этим вопросам, уделяя особенное внимание мифам о Христе. Проявляя материалистическое понимание религии, она отрицала самое существование Христа и считала своим революционным долгом разоблачать эксплуататорскую сущность религии. Наиболее последовательно Леся Украинка раскрыла антирелигиозную тему в драматической поэме «В катакомбах» (1905). Поэтесса показала, что уже в ранней христианской общине первых веков нашей эры существовал классовый антагонизм. Те демократические принципы равенства бедных и богатых, которые якобы содержались в проповеди Христа, очень скоро предстали перед первыми христианами, как сплошное лицемерие и обман со стороны церковной верхушки — епископов и клира.

По существу «В катакомбах» представляет собой диалог-спор между Епископом и Рабом-неофитом. Что привело Раба-неофита в катакомбы? Только страстное стремление найти какую-то новую правду на земле, освободиться от гнета и унижения, которому он подвергается. Он горит желанием «хоть издалека увидеть свободу»:

Чтобы мой сын, мой внук, мой дальний правнук
Дождался дня, когда само названье,
Позорное названье «раб» исчезнет.

Что же обещает этому искателю свободы Епископ? «Царство божье», блаженную жизнь «на том свете». Как бы ни хитрил Епископ, какими бы туманными обещаниями он ни соблазнял Раба-неофита, все равно Раб видит обман церковников. Он понимает, что и в катакомбах существует резкое деление на господ и рабов и так же должно выглядеть то царство божье, которое обещает Епископ за покорность на земле. Спор между Епископом и Рабом-неофитом приводит к полной моральной победе последнего. Раб-неофит осознает, что путь к свободе идет не через христианскую общину, а только через лагерь рабов-повстанцев, куда он и отправляется.

Леся Украинка показывает, как постепенно проясняется сознание Раба-неофита, отказывающегося от всякой религии, ибо она ведет к оправданию рабства:

Мне все равно, один ли бог на небе,
Три бога, или триста, хоть мирьяды,
Ни за какого погибнуть не хочу...
С меня довольно рабства в этой жизни.

Так Раб-неофит становится борцом за освобождение. Но самая борьба остается за рамками драматической поэмы.

В другом произведении, возникшем в том же 1905 году, «Осенней сказке», впервые в драматургии Леси Украинки выступают Рабочие во главе со Строителем, штурмующие оплот тирании. «Осенняя сказка» в фантастической форме воссоздает вполне реальные события начала революции 1905 года. И здесь, как в других драматических произведениях Леси Украинки, нет прямых аналогий. Но многие персонажи «Осенней сказки» являются типическими для своего времени. Это относится, например, к образу Рыцаря. В начале он предстает как узник короля-тирана. Но свободолюбивые мечты Рыцаря быстро выветриваются за тюремной решеткой. Выйдя на волю, он пугается размаха революционного движения и хочет уйти подальше от борьбы. Таким образом, Рыцарь из мнимого революционера превращается в ренегата и пособника реакции. Леся Украинка, сохраняя стиль фантастической сказки, раскрывает в Рыцаре двоедушие, увертливую трусость буржуазных либералов, на недолгое время становившихся попутчиками революции.

Труднее поддается истолкованию образ Принцессы. Злая воля тирана заключает ее в темницу на вершине стеклянной горы. Восставшие рабочие взбираются на гору, чтобы освободить Принцессу. Делались попытки объяснить Принцессу как олицетворение интеллигенции. Но вряд ли Леся Украинка могла представлять дело буржуазно-демократической революции только как освобождение интеллигенции от самодержавного гнета. Точно так же нельзя под Принцессой подразумевать искусство, как это делают иные критики. Это было бы односторонним и неверным изображением подлинных целей революции. Вернее всего, что для Леси Украинки Принцесса — олицетворение свободы. Самый смысл сказки заключается в том, что рабочие ценой жертв и тяжелой борьбы добиваются свободы и для этого взбираются на неприступную гору, на вершине ко-

торой заключена Принцесса. В другой сказке, написанной приблизительно в то же время, — «Сказке про Оха-чародея», говорится о Принцессе, заключенной в подземелье, которую должен освободить храбрый молодец. Здесь еще определеннее выступает образ Принцессы — Свободы. Напомним, что борьба за освобождение Принцессы идет под революционным красным знаменем:

Товарищи! Кто красную рубаху
Или платок имеет, пусть скорее
Привяжет к палке — это будет знамя.
На каждой же ступени, что мы выьем,
Воткнем мы также красные флажки,
Чтоб издали их люди увидали.
Пушкой по ним товарищи узнают,
Где нашей кровью заалелась воля
И где нужна нам братская их помощь.

Организованная дружная сила рабочих ломает королевские твердыни, и у читателя создается уверенность, что свобода будет завоевана. «Конец, может быть, когда-нибудь будет», — такой ремаркой завершила свою сказку Леся Украинка.

Интересно отметить, что подлинным героем фантастической драмы является народ, и вершиной действия надо признать победоносный поход рабочих, борющихся за свободу. Ни в одном другом драматическом произведении Леси Украинки не показаны в столь прямой форме революционные действия восставшего народа, как в «Осенней сказке».

3

Леся Украинка постоянно и упорно думала о роли художника в обществе, о значении слова и искусства вообще для народа. В ранней поэме «Лунная легенда» этот вопрос был поставлен, но не нашел еще надлежащего разрешения. В поэме «Старая сказка» (1893) Леся Украинка создала положительный образ поэта, который, не боясь угроз и принуждений со стороны власть имущих, горячим и страстным словом призывает народ к восстанию. В своих лирических стихотворениях поэтесса приравнивала слово к «боевой стали» и считала его оружием, способным разить врагов наповал. Проблема, волновавшая Лесю Украинку всю ее сознательную жизнь, стала основой драматической поэмы «В пущи». Почти десять лет поэтесса работала над

этим произведением. Первоначальный замысел видоизменялся и принимал новые формы. Леся Украинка начала писать свою поэму в боевые предреволюционные годы, а закончила ее в пору реакции, наступившей после поражения первой русской революции. Таким образом, воинствующий тон первого действия «В пуще» и все поведение Ричарда Айрона вполне объясняются общественными настроениями того времени, когда созрел и осуществлялся первоначальный замысел этого произведения. Но в пору реакции на очередь встал вопрос о ренегатах, отказавшихся от революционной борьбы, и Леся Украинка показала на примере своего героя, Ричарда Айрона, чего стоит такой отказ. Конечно, Ричард Айрон — не ренегат и не предатель. Он художник-одиночка, не чувствующий поддержки народа и потому погибающий как творческая личность.

Борьба Ричарда Айрона с пуританской средой — это борьба светлого и жизнерадостного гуманистического восприятия мира с мрачным и догматическим, глубоко реакционным мировоззрением фанатиков и мракобесов. Если Епископ в поэме «В катакомбах» очерчен несколько отвлеченно, лишь как воплощение христианского лицемерия и аскетизма, то пуританский проповедник Годвинсон — реалистически четко выписанная фигура, зловеще жестокая, давящая все свободолобивое на своем пути ради сухой догмы.

Годвинсон яростно выступает против искусства Ричарда Айрона, объявляя его скульптуры «греховными». Художник, воспитанный в Италии и привыкший жить «среди грез и красоты», тяжело переносит гнет ханжей и изуверов. Затравленный и обессиленный, лишенный какой-либо поддержки, Айрон вынужден покинуть колонию. Ему приходится переселиться в захолустье, где, как ему кажется, он сможет свободно говорить. Но там его искусство никому не нужно: скульптуры Айрона могут служить для обывателей Род-Айленда лишь манекеном портнихи или детской игрушкой.

Отказ от борьбы приводит Ричарда Айрона к внутренней опустошенности. Его новые скульптуры выглядят жалкими, вымученными созданиями. И в сердце художника происходит разлад: он хочет тишины и покоя, а вместе с тем не может примириться со своей моральной гибелью.

Ричард Айрон — фигура трагическая. Леся Украинка не возвеличивает его, но внушает к нему сочувствие, как к жертве жестокой и порочной среды.

Ричарду Айрону противопоставлен его друг Джонатан. Он сразу подчинился фанатикам пуританам и лепит подсвечники для церковной общины. Гордый, свободолюбивый Ричард Айрон не может согласиться с угодливостью и уступчивостью Джонатана. Их пути различны, хотя одинаково характерны для положения художника в обществе, основанном на угнетении.

Пророчица Кассандра из одноименной драматической поэмы также наделена большим даром. Она предвидит будущее и открыто, без всякой утайки, говорит о нем людям, как бы неприглядно и тяжело оно ни было. Кассандра знает, что падение осажденной Трои, ее родного города, неотвратимо. Сограждане Кассандры не хотят слышать правду из ее уст. Они боятся этой правды, и им дороже та утешительная ложь, которую приносит им брат Кассандры, жрец Гелен. Он хитрый и изворотливый обманщик, усыпляющий сознание людей, вводящий их в прямой обман. Философия Гелена — деляческая и оппортунистическая:

Что правда? Что неправда? Эту ложь,
Что сбудется, все правдою зовут...

...чертою тонкой

От правды ложь когда-то отделялась,
А в настоящем нет уж и черты.

Не удивительно, что Гелен со своей философией личной выгоды становится изменником родины.

Иные черты даны гордой пророчице Кассандре: она, даже став пленницей, сохраняет собственное достоинство. Трагическая вина Кассандры состоит в том, что она не способна бороться, она пассивна.

Ни Гелен, ни Кассандра не могли указывать народу путь борьбы: обман одного, бессильная правда другой парализовали волю, усыпляли бдительность сограждан и ускорили падение Трои.

Создавая сложные, часто противоречивые образы, Леся Украинка, не отрывая их от исторической обстановки, в которой они действуют, вместе с тем всегда как бы в проекции видела свою современность. В «Кассандре», как и в последующей по времени, самой большой по объему драме «Руфин и Присцилла», поэтесса затрагивала и разрешала важные для своей эпохи морально-этические и общественные вопросы — служения гражданскому долгу, преданности высоким идеалам и самоотверженности.

Атеистическая тема, уже прозвучавшая в драматической поэме «В катакомбах», нашла свое дальнейшее развитие в «Руфине и Присцилле». И эта тема обличения религии как средства порабощения массы была актуальной, особенно в эпоху реакции, наступившей после поражения первой русской революции. Одним из устоев самодержавия, как известно, было православие, «византийство», по терминологии революционных демократов. Поэтому Леся Украинка обращалась к истокам христианства, чтобы обнаружить его классовые корни и показать губительную силу всякой религии для освободительного движения.

Леся Украинка выбрала как исторический фон в «Руфине и Присцилле» переломную эпоху борьбы христианства с язычеством. Не раз буржуазные писатели XIX века изображали христиан как героических носителей идеи «новой правды», а римлян как жестоких притеснителей христианского учения. Леся Украинка чужда всякой идеализации христианства. Она раскрывает истинный характер христианской общины, осуждает религиозный фанатизм и корыстолюбие церковников, а людей, одержимых верой и не замечающих теневых сторон новой церкви, поэтесса считает ее мучениками, тщетно носящими венец героизма. Лесе Украинке ненавистны и жестокость римлян, травящих христиан дикими зверями на арене цирка, и суровый фанатизм епископов и клира, не мешающий им устраивать свои земные дела, эксплуатируя прихожан.

Драма «Руфин и Присцилла» в первоначальном замысле была построена на семейном конфликте между супругами Руфином и Присциллой. Но в процессе работы замысел расширился и личная драма переросла в драму социальную, характерную для императорского Рима в эпоху ожесточенной борьбы язычества и христианства. Поэтесса создала сложный и противоречивый образ Руфина. Он — горячий патриот, воспитанный в суровых традициях республиканской доблести. Образованный, знакомый с учением скептических римских философов, Руфин не придерживается официальной языческой религии. К христианству он относится недоверчиво и недружелюбно, потому что ему непонятна их проповедь, но в тайных обществах христиан он видит разрушительную силу, могущую нанести удар Риму. Как республиканец, Руфин враждебен императорской диктатуре. Однако этот свободолюбивый римлянин не борется против существующего строя и не видит тех сил, которые могли бы сломить тиранию.

Жена Руфина, Присцилла, — одна из тех римских женщин, которые, почувствовав упадок и разложение общества, пошли навстречу христианскому учению и восприняли его как некое откровение. Присцилла — определенный психологический тип, излюбленный Лесей Украинкой. Это человек, преданный своей идее до самопожертвования, пренебрегающий всем ради поставленной цели. Пусть перед ней раскрываются гнойные язвы христианской общины: корыстолюбие епископата, жестокий фанатизм членов общины. Присцилла так ослеплена христианским учением, так глубоко верит в блаженство «на том свете», что бесстрашно идет на смерть.

Руфин, не понимавший фанатического увлечения своей жены, тем не менее вынужден разделить ее участь. Томясь в темнице вместе с другими членами христианской общины, он видит подлость и лицемерие церковников, он правильно воспринимает подлинную сущность нового учения. Руфин должен погибнуть вместе с христианами на арене цирка и воспринимает свою гибель как возмездие за бездействие:

...за что погибну — знаю,
...коль сложил республиканец руки
И молча терпит злую тиранию,
Пускай умрет, — и это справедливо.

Среди множества персонажей драмы выделяется замечательная фигура Нартала. Уроженец дикой страны, где он рос кочевником, Нартал был привезен в Рим, и там его хозяин Люций отпустил на волю, обратил в христианство. Нартал своим острым умом почувствовал, что духовное рабство, налагаемое религией, для него страшнее рабства физического. Нартал сродни Рабунеофиту из драматической поэмы «В катакомбах», но его жизненный путь трагически обрывается на арене римского цирка.

Крупнейшее драматическое произведение Леси Украинки подверглось при жизни поэтессы большим искажениям; Леся Украинка сама, опасаясь преследований духовной и светской цензуры, произвела многочисленные купюры в своей драме, и лишь в наши дни «Руфин и Присцилла» появляется в полном виде.

Борьба христианства с язычеством является также темой драматической поэмы Леси Украинки «Адвокат Мартиан» (1911).

Герой поэмы, адвокат Мартиан — тайный христианин, беззаветно преданный новому учению и, так же как и Присцилла,

непоколебимый в своей вере, несмотря на то, что действительность всячески расшатывает устои этой веры. Разрушается семья Мартиана: его покинула жена, не желавшая разделять с ним аскетическую жизнь, уходят от отца дочь и сын — первая в жажде беззаботной жизни, второй — в поисках подвига. Погибает племянница Мартиана, болезненная фанатичка Люцилла, у порога его дома убивают Ардента, сына его погибшего друга, мученика за веру. Мартиан мужественно переносит удары. Ему приходится вести двойную жизнь: тайного христианина и официального римского адвоката, защищающего на суде интересы христиан. Некоторые критики хотели усмотреть в образе Мартиана революционера-подпольщика. Несомненно, в пору создания «Адвоката Мартиана» Леся Украинка знала многих революционеров, которым пришлось уйти в подполье и там продолжать работу. Возможно, поэтесса черты их мужественности и непоколебимости воплотила в образе своего Мартиана. Однако было бы ошибкой утверждать, что Мартиан — аллегорическое изображение какого-нибудь современника поэтессы, что это украинский или русский революционер-подпольщик. Ведь Леся Украинка со всей отчетливостью показывает, что идея христианства, за которую борется Мартиан, — губительная и вредная идея. Стоит вспомнить одного из действующих лиц поэмы, брата Изогена, носителя черствой христианской догмы, обрекающего без всяких колебаний детей Мартиана на гибель, чтобы понять атеистическую и антихристианскую направленность произведения. Трагизм положения Мартиана заключается в том, что он — волевой, героический и мужественный человек, не видит теневых сторон христианской общины и считает своим долгом носить добровольно принятые на себя цепи, подобно легендарным святым. Леся Украинка хотела первоначально назвать свою поэму «Мученики», и это относилось бы прежде всего к самому Мартиану, как жертве религиозного фанатизма.

Были в критике попытки, совершенно ошибочные и нелепые, объявить Мартиана оппортунистом и двурушником, а самую поэму считать апологией такого двурушничества. Это прямой поклеп на идейный замысел Леси Украинки, которая в эпоху реакции сурово осуждала предателей (драматическая поэма «На поле крови») и либералов-соглашателей («Осенняя сказка»).

Через все творчество Леси Украинки проходит страстный призыв к верности демократическим идеалам, к стойкости в борьбе. Неоднократно звучал в поэзии Леси Украинки брошен-

ный ею девиз: «Умереть, но не сдаться». Непокоримых борцов за будущее счастье поэтесса называла «потомками Прометея». Духом «прометеизма» проникнуты Раб-неофит, Нартал, Ифигения (драматический отрывок «Ифигения в Тавриде»). И как бы в противовес этим цельным фигурам, достойным уважения современников и потомков, встает трагический образ Иоанны — жены Хусы, в одноименном драматическом этюде. Иоанна оставила дом мужа, черствого и властолюбивого эгоиста Хусы, перестала быть его рабыней и пошла за галилейским пророком. Опустошенная и обессиленная, она вернулась домой после гибели учителя. Мир ее экзальтированной мечты столкнулся со страшным миром разврата, продажности, лицемерия и наживы. Иоанна смиряется и молча выносит все унижения. Леся Украинка как бы говорит: вот жалкая доля всех слабосильных, всех гнушихся под ударами жизни. И все-таки читатель сочувствует Иоанне с ее чистым и благородным сердцем, заблудившейся искательнице правды, хранящей в сердце уголек надежды на лучшее будущее.

4

Любовь к родине, наполнявшая все существо Леси Украинки, многообразно выявлялась в ее творчестве — и в прямой форме лирических раздумий, и в иносказательном виде в драматических поэмах, перенесенных в прошлые времена и в другие страны, и, наконец, в постоянном стремлении постичь и раскрыть до конца сокровищницу украинского народного творчества.

«Лесная песня» (1911), названная поэтессой драмой-феерией, представляет собой симфонию красок, ароматов, народных песен, сказок и поверий. Она больше всего связана с богатым миром украинского народного творчества. Природа Волыни составляет живописный фон «Лесной песни», где причудливо сочетаются фантастика и реальность. Здесь Леся Украинка следовала традиции Шевченко, который выводил в своих балладах создания народной фантазии, Пушкина, населявшего свои поэмы и сказки русалками, колдуньями, легендарными богатырями и заколдованными царевнами, Гоголя, Квитки-Основьяненко, в чьих повестях стиралась грань между фантастикой и явью.

В драме-феерии Леси Украинки ожили создания украинской народной мифологии — лесные и полевые русалки, бичный перелесник, водяной, леший, злыдни, щеголеватый черт-Куц, потер-

чата, грозный разрушитель — «Тот, кто плотины рвет», и мрачный, губительный дух — «Тот, кто в скале сидит».

Центральный образ «Лесной песни» — лесная русалка Мавка, поэтическое воплощение женственности, благородства и огромной душевной красоты. Леся Украинка внесла в этот образ и нежность детских воспоминаний о жизни на Волыни, где она не раз слышала рассказы о мавках, и свою настойчивую мечту об идеале самопожертвования и человеческой верности. Мавка, привыкшая жить свободно и никому не подчиняясь, полюбила крестьянского юношу Лукаша, узнала недолгое счастье любви и навсегда утратила свободу, потому что ушла к людям и попала в мелкий собственнический мирок обывателей, столь чуждый ее поэтической душе.

Лукаш — образ не менее трагический, чем Мавка. Он — музыкант, чарующий Мавку своей игрой на свирели. Наивная, непосредственная лесная девушка потянулась всем сердцем к Лукашу:

Ты дал мне душу так, как острый нож
Дает беззвучной вербной ветке голос.

Любовь к Мавке подняла Лукаша, пробудила в нем все лучшее. Однако Лукаш оказался безвольным и очутился во власти злых, грубых, корыстных людей — своей матери и Килины, пошлой и крикливой женщины, на которой женили Лукаша. Юноша теряет дар музыканта; мелкие интересы, жалкие заботы поглощают его. Лесная девушка глубоко страдает, она не может жить без Лукаша и гибнет. Но ее прощальный монолог проникнут оптимистической мыслью о неизбывной мощи человека.

Поэтесса возвеличивает радостную животворящую природу, но этим она не противопоставляет природу людям. Как бы подкрепляя свою мысль о том, что не все в мире людей достойно осуждения, Леся Украинка создала в «Лесной песне» прекрасный образ старого дяди Льва. Мудрый и чуткий старик чувствует могучие созидательные силы природы и горячо любит ее. Этот положительный герой противопоставлен матери Лукаша и Килине, людям бездушным, жадным, жалким своей нищетой духа.

«Лесная песня», написанная в тяжелые годы реакции, обличала ничтожество обывательского благополучия и поэтизировала высокую человеческую мечту о счастье.

«Лесная песня» по форме значительно отличается от других драматических произведений Леси Украинки. Обычный в драматургии поэтессы пятистопный ямб (белый стих) сочетается с рифмованными стихами, по размерам и ритмам близкими к украинским народным песням.

Своеобразное истолкование фольклорных образов, сочетание реалистических и романтических элементов и взволнованный эмоциональный тон «Лесной песни» делают это произведение исключительно ярким и самобытным явлением не только в украинской, но и в мировой литературе.

В драме «Каменный хозяин» (1912) Леся Украинка дала свою трактовку средневековой испанской легенды о сеvilьском обольстителе дон Жуане. Многие великие драматурги и поэты прошлого — Тирсо де Молина, Мольер, Гольдони, Байрон, Мери-ме, Ленау, в России — Пушкин и А. К. Толстой разрабатывали легенду о дон Хуане (Жуане), обольстителе и безбожнике, попадающем в ад за свои прегрешения.

По признанию поэтессы, она не внесла ничего нового в основные черты характера дон Жуана по сравнению со своими предшественниками. При этом поэтесса отмечает, что она подчеркнула анархизм этого «рыцаря свободы». Дон Жуан у Леси Украинки поставлен в такие драматические ситуации и находится в такой взаимосвязи с другими персонажами, что весь образ получает новое истолкование. Конечно, «рыцарем свободы» поэтесса называет своего дон Жуана только иронически. Это ярый индивидуалист и искатель чувственных наслаждений, ни перед чем не останавливающийся на своем пути. Он считает себя свободным, но на деле свободен только от моральных устоев. Свобода дон Жуана призрачна: за малейшее прегрешение против дворянского этикета ему грозит кара и он даже может заплатить жизнью.

В драматических версиях легенды о дон Жуане он обольщает жену (или дочь) Командора, донну Анну. Леся Украинка поступает наоборот: она делает донну Анну, вдову убитого дон Жуаном Командора, властной, волевой женщиной, покоряющей дон Жуана и держащей его в своих руках. Пренебрегая кастовыми предрассудками, презирая общественное мнение, донна Анна обольщает дон Жуана, обещая ему титул командора, а в будущем — королевскую корону. Дон Жуан становится жертвой своего властолюбия и властолюбия донны Анны. И в тот момент, когда он наряжается в командорский плащ и глядится

в зеркало, является «каменный хозяин» — Командор и превращает былого бунтаря в безжизненный камень. Дон Жуан в трактовке Леси Украинки — жалкий и бескрылый индивидуалист, изменяющий себе и продающий свою мнимую свободу за командорский плащ. В лице дон Жуана поэтесса осудила бессильный бунт индивидуалистов, которых рано или поздно ждет подчинение консервативному, каменному началу.

Леся Украинка не идеализирует ни дон Жуана, ни донну Анну. Единственным положительным образом драмы она сама считала Долорес, благородную и гордую девушку, которая из самоотверженной любви к дон Жуану жертвует собой. Поэтесса относилась с большой симпатией к созданному ею образу Долорес. «Это образ прирожденной мученицы, — писала она в письме к О. Кобылянской, — которая заранее обречена погибнуть на кресте, пускай даже ей самой пришлось бы себя к этому кресту пригвоздить, когда бы не нашлось палача. Если бы не было дон Жуана, то нашлось бы что-нибудь, ради чего она бы «распяла душу и пронзила сердце». . . Над ней ничто «каменное» не имеет власти».

Поэтесса чувствовала, что некоторые образы, особенно Долорес, получились бледнее замысла. Несмотря на это, «Каменный хозяин» — одно из совершеннейших произведений Леси Украинки.

Последняя драматическая поэма поэтессы носит название «Оргия» (1913). До недавнего времени это драматическое произведение Леси Украинки получало неверное истолкование в нашей критике, которая ее ошибочно причисляла к произведениям, свидетельствующим якобы об идейном спаде мировоззрения поэтессы. Выдвигалось мнение, что поэтесса, говоря о взаимоотношениях покоренной Греции и императорского Рима, имела в виду только положение Украины и царской России. Такие прямые аналогии особенно недопустимы здесь. Главный герой «Оргии», грек Антей, защищая национальную эллинскую культуру от натиска великодержавной идеологии римских захватчиков, отказывается служить своим искусством поэта и певца римским работодателям. Из этого националистические критики делали вывод, что Леся Украинка призывала к отказу от всякого общения с русской культурой. Такая клевета на великую украинскую поэтессу легко опровергается неоспоримыми фактами: страстная пропагандистка пролетарского интернационализма, горячо любившая великую русскую литературу и русское искусство,

воспитанная на эстетике революционных демократов, пришедшая к идеям марксизма, Леся Украинка всем своим творчеством и своей мужественной жизнью звала к братскому единению украинской и русской демократической культуры и никогда не смешивала самодержавно-помещичью и капиталистическую Россию с русским народом.

В ту пору, когда создавалась «Оргия», над странами Европы, Азии и Америки нависала угроза первой мировой войны. Ее преддверием были балканские войны 1912—1913 годов.

Леся Украинка, которая в эти годы лечилась в Египте, проезжая туда морским путем, чувствовала грозное дыхание войны, видела человеческое горе и ужасы балканской бойни. Естественно, что при такой международной обстановке мысль Леси Украинки была обращена к актуальным вопросам самоопределения малых наций. Таким образом, замысел «Оргии» расширился и выходил за рамки взаимоотношений между Украиной и царским самодержавием.

Действие «Оргии» происходит в Коринфе, богатом греческом городе, в эпоху римского владычества. Римские захватчики воспользовались не только материальными ценностями Греции, но и стремились навязать ей свою идеологию поработителей, претендующих на мировое господство.

Как всегда в драматургии Леси Украинки, в «Оргии» наличествует острый драматический конфликт. Два мира противостоят друг другу: мир изнеженной, необычайно нервной и чувствительной греческой цивилизации и мир неотесанной, жестокой римской культуры, опирающейся на грубую силу солдатских мечей.

Древнеримский поэт Гораций писал, что Греция «завоеванная железом, сама взяла в плен победителя своим искусством». Гораций идиллически изображал взаимоотношения двух культур. На деле все было иначе. Создавая свою космополитическую культуру, направленную к прославлению Рима, завоеватели пренебрегали историческими достижениями и традициями национальных культур покоренных народов.

Леся Украинка в драматической поэме «Оргия» глубоко проникла в исторический процесс столкновения идеологии побежденных и победителей.

Анте́й — высокоодаренный художник — талантливый певец и поэт, но он попадает в тяжелые условия, остается одиноким и не понятым ни учеником Хилоном, ни другом Федоном, ни женой

Нериссой. В молодости он жил в кругу смелых и задорных товарищей, создавших гетерию (содружество), способных, как он, на гражданский подвиг во имя освобождения родины. Но гетерия была разгромлена римскими властями, многие участники ее погибли, и лишь Антей, гордый одиночка, случайно уцелел от разгрома. Стойкий, не признававший никаких уступок и компромиссов, Антей готов на любую жертву для чести Эллады. Но он не видит тех сил, которые могут свергнуть позорное иго рабства. Антей убивает Нериссу, чтобы спасти ее от позора, и не находит иного выхода для себя, кроме самоубийства. Леся Украинка не оправдывает этого самоубийства, но изображает его как жест отчаяния борца, окруженного непримиримыми врагами.

Создавая образы греков-патриотов — Антея и его сестры Эвфросины, самоотверженной, смелой девушки, поддерживающей в брате верность своим взглядам, — Леся Украинка в то же время убедительно изобразила изменников патриотическому долгу. Она показала, какими различными путями приходят в стан победителей Хилон, Федон и Нерисса.

Суровые, опирающиеся на военную мощь захватчики выступают в «Оргии» как выразители растленной теории «всемирного господства» и исключительности той или иной расы, попирающие честь и достоинство покоренных наций. Префект, Прокуратор и Меценат — хитрые и изворотливые враги, требующие одного: физического и духовного подчинения «гению Рима». Меценат дарит Антею лиру, для которой у всех поработенных Римом стран собрали самое дорогое:

...эта лира — дар всемирный:
Рога у ней от туров пуш германских,
Слон Африки дал кость для украшения,
Край аравийский золото прислал,
А дерево — индийский лес дремучий,
Мозаика — из дальнего Китая,
И струны итальянские всех лучше
Оправлены британским серебром.

В образе этой лиры, обезличивающей национальные ценности, иносказательно воплощаются идеи космополитизма, проводимые римскими завоевателями.

От ранних драматических поэм «Вавилонский плен» и «На руинах» и до последней — «Оргия» — всюду звучит смелый и мужественный голос поэта-гуманиста, восстающего против по-

рабощения народов, несправедливых захватнических войн, социального неравенства и подчинения национальных культур реакционной идеологии господствующих классов.

Следуя лучшим образцам — античной трагедии Софокла и Еврипида, театру идей мыслителей XVIII века и маленьким трагедиям Пушкина, Леся Украинка создала драму глубоко национальную по своему характеру и широко откликающуюся на значительнейшие явления и события современности. Театр Леси Украинки всеми своими устремлениями обращен в будущее.

Александр Дейч

КОММЕНТАРИИ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В пуще

Впервые в «Літературно-науковом віснику», Львів, 1910, кн. III, стр. 481—500, и кн. IV, стр. 3—45.

Леся Украинка начала свою драматическую поэму в 1898 году (к 1898 году относятся первое, часть второго и третье действия). Первый вариант имел заглавие «Скульптор». В 1907 году Леся Украинка принялась за обработку уже написанного текста. Дата написания второго варианта первого действия неизвестна. Под вторым действием рукой автора обозначено: «14 октября 1908». Под третьим действием имеется надпись, сделанная чужой рукой: «1897—1909». Очевидно, это даты начала и окончания поэмы. Первоначальное заглавие «Скульптор» последовательно заменялось: «Ричард», «Артист», «Жизнь артиста», «За океаном», «Похороненный художник» и др., пока не появилось «В пуще» — название, носящее не только реальный, но и иносказательный характер.

Обратившись к прошлому, поэтесса ставит вполне определенную для ее времени проблему положения художника в обществе и его взаимоотношений с ним. В одном из писем к Ивану Франко Леся Украинка признавалась, что думала о нем, когда создавала «свою драму о скульпторе среди пуритан в диких дебрях первых американских колоний». Ясно, что она имела в виду трудное положение Франко, находившегося в националистическом и клерикальном окружении.

Все же нельзя думать, что Иван Франко послужил непосредственным прототипом для скульптора Ричарда Айрона. Леся Украинка создала обобщенный образ художника, обреченного на одиночество и непонимание в эксплуататорском обществе.

Стр. 9. Ханаан — древнее название Палестины.

«Оставьте мертвым мертвых погребенье» — евангельское выражение, приписываемое Христу, который якобы произнес эти слова в ответ на просьбу его ученика похоронить отца.

«Новый Ханаан» — здесь подразумевается Америка, где обосновались английские переселенцы.

Стр. 12. «Я стал волком, как вавилонский царь...» — В Библии рассказывается о вавилонском царе Навуходоносоре, который, впав в безумие, уподобился волу и стал питаться травой.

Стр. 18. «Что не к чему иконам поклоняться, || Что церковь англиканская греховна...» — Английские пуритане в XVI—XVII веках вели борьбу как с католической, так и с англиканской церковью, требуя отмены икон и скульптур религиозного содержания.

Стр. 23. Никсы — фантастические существа в германской мифологии, вроде русалок.

Стр. 33. «Господь ее накажет, как Сапфиру...» — По библейскому преданию, бог умертвил члена христианской общины Анания, который скрыл часть вырученных от продажи имени денег. Его жена Сапфира умолчала о прегрешениях мужа и за это тоже была умерщвлена богом.

Стр. 45. Египетская скверна. — По библейской легенде, бог наслал на египтян «десять казней», терзая их «скверной»: язвами, чесоткой и т. п.

Стр. 46. «Как от жены беспутной Потифара...» — Жена Потифара, хозяина Иосифа Прекрасного, пыталась обольстить Иосифа, который бежал от нее (*библейская легенда*).

Стр. 48. Голиаф — легендарный великан, о котором говорится в Библии.

Стр. 57. Виклефовцы и лолларды — религиозные секты в Англии в XVI—XVII веках, боровшиеся против католической церкви.

Стр. 65. Марфа и Мария — сестры, о которых говорится в Евангелии.

Стр. 82. Содом и Гоморра — города, которые, по библейскому преданию, были уничтожены небесным огнем за грехи их жителей.

Стр. 85. «Целуя, предаешь...» — По евангельской легенде, эти слова произнес Христос, обращаясь к Иуде, который, целуя его, указал страже, кого надо взять.

Стр. 90. Веселиил и Елиав — искусные мастера, изготовлявшие предметы религиозного культа (*библ.*).

«Отродье Каиново...» — Каин запятнал убийством брата Авеля свое потомство, к которому причислялись жители городов Сидон и Тир в Финикии (*библ.*).

Юбал и Тубал-Каин — мастера из рода Каина (*библ.*).

«Как Авраам просил за грешный город...» — По библейскому преданию, Авраам просил бога пощадить Содом и Гоморру, если там найдется хоть десять праведников.

Стр. 92. Молох — бог огня и войны у древних финикийцев, карфагенян и других народов Востока, которому приносились человеческие жертвы.

Астарта — языческая богиня любви и плодородия.

Стр. 106. Десятина — один из видов церковного налога.

«А наших прав || Петиция? А «пункты»?...» — Речь идет о борьбе английской буржуазии с королевской властью за свои права.

Стр. 110. «Архимед || Повержен был рукою негодяя...» — Архимед, по преданию, был убит римским солдатом в тот момент, когда чертил на песке геометрические фигуры.

Стр. 111. «Оставил нам статую без рук...» — Речь идет о статуе Венеры Милосской неизвестного древнегреческого мастера.

Стр. 130. «Пришли ко мне вы, словно Одиссей...» — В «Одиссее» (XI песнь) рассказывается о том, как Одиссей вызвал из Эреба (царства мертвых) Ахилла и вел с ним беседу.

Стр. 131. Буонаротти Микельанджело (1475—1564) — великий итальянский живописец, скульптор, зодчий и поэт.

Донателло (1386—1466) — знаменитый скульптор эпохи итальянского Возрождения.

Стр. 135. Камены — музы в древнеримской мифологии.

Чичисбей — поклонник, любовник (*итал.*).

На поле крови

Впервые в «Літературно-науковом віснику», Львів, 1910, кн. XII, стр. 433—448.

Драматическая поэма «На поле крови» написана в 1909 году. Евангельский образ предателя Иуды служил поэтессе для разоблачения всякого предательства, особенно политического. Это была актуальная тема в эпоху реакции, когда писатели-декаденты дошли до прямого восхваления предательства.

В процессе работы Леся Украинка переменила концепцию образа Иуды. В первоначальном варианте, уже отосланном в «Літературно-науковий вісник», поэтесса ближе придерживалась евангельской легенды и приводила Иуду к самоубийству. Толчком к такой развязке служил в поэме рассказ трех женщин — Сусанны, Саломеи и Марии — о воскресении Христа и прощении им предателя. Затем Леся Украинка усилила разоблачительный характер поэмы, лишив Иуду малейшего проявления раскаяния. Поэтесса писала редактору «Літературно-наукового вісника»: «Весь заключительный диалог Иуды с тремя женщинами должен быть отброшен (ввиду изменения моей основной концепции этой темы)...»

Стр. 150. Капернаум — гора и селение на берегу Генисаретского озера в Палестине. По евангельским легендам — центр деятельности Христа.

Стр. 151. Ессеи и назареи — члены древнеиудейских религиозных сект. Назареи давали обет целомудрия и не стригли волос.

Иоанна, жена Хусы

Впервые в журнале «Рідний край», Полтава, 1909, № 32, стр. 4—11, и № 33, стр. 5—10 (с поправками Олены Пчилки). В русском переводе — впервые.

Некоторые современники увидели в образе Иоанны автобиографические черты. В одном из писем Леся Украинка возражала против таких предположений и указывала, что ее роднит с Иоанной только отношение к учителю, то есть — иносказательно — верность своим идеалам. «Можете быть уверены, — писала Леся Украинка, — что моя душа никогда не жила «в доме Хусы»,

иначе бы она давно умерла» (письмо к А. Крымскому от 14 октября 1911 г.).

Действие «Иоанны, жены Хусы» происходит в первые годы нашей эры в Галилее — северной части Палестины, находившейся под властью римлян-завоевателей. Тетрархом (правителем Галилеи) в то время был Ирод Антипа. Герой драматической поэмы Хуса — наместник Ирода Антипы. В доме Хусы соблюдаются древнееврейские обычаи, но сам Хуса в погоне за властью и карьерой тянется к римлянам и старается сблизиться с ними.

Стр. 169. С а р о н — плодородная местность в Палестине, славившаяся своими цветами.

Стр. 181. Н а з а р е т с к и й п л о т н и к — Иисус Христос, который, по евангельской легенде, провел свое детство в Назарете.

Стр. 189. С и д о н — богатый торговый город в Финикии.

Стр. 197. Т у с к у л у м — местность близ Рима, где были расположены виллы римской знати.

Стр. 199. С т о л а — верхняя одежда у знатных римских женщин, надеваемая поверх туники.

Лесная песня

Впервые в «Литературно-науковом віснику», Львів, 1912, кн. III, стр. 401—448 (с пропусками отдельных строк).

«Лесную песню» Леся Украинка написала летом 1911 года в Кутаиси. В письме к сестре от 27 X. 1911 года она сообщала, что написала новую драму-феерию: «Правда, писала я ее очень недолго, десять—двенадцать дней, и не писать никак не могла, таково уже было непреодолимое настроение; но после нее я была больна и довольно долго приходила в себя...»

В письмах Леси Украинки содержатся интересные высказывания о возникновении и развитии замысла «Лесной песни» Поэтесса связывала образы своей драмы-феерии с воспоминаниями о родных волынских лесах, с богатым миром украинского народного творчества.

Когда Олена Пчилка искала в «Лесной песне» отзвуки книжных влияний, поэтесса писала ей. «Мне кажется, что я вспомнила наши леса и затосковала по ним. И, кроме того, я давно уже эту Мавку в уме держала, еще с той поры, как ты

в Жаборице мне рассказывала о мавках, когда мы шли через какой-то лес с маленькими, но частыми деревцами. Потом я в Колодяжном в лунную ночь убегала одна в лес (никто из вас об этом не знал) и там ждала, что мне удастся увидеть Мавку. И над Нечемным она мне грезилась, когда мы там ночевали у старого Льва Скулинского. . . Видно, суждено мне было ее когда-нибудь написать, а теперь почему-то наступила «подходящая пора» — я и сама не пойму почему. Зачаровал меня этот образ на всю жизнь. . .» (20. XII. 1911 г.) См. также письмо к Крымскому от 14. X. 1911 года в IV томе наст. изд.

Стр. 209. П о т е р ч а т а — фантастические создания украинского фольклора, внебрачные дети, утопленные матерями и ставшие болотными огоньками.

П е р е л е с н и к — бес-соблазнитель, являющийся к девушкам в виде огненного змея или красивого юноши (*укр. фольклор*).

К у ц — черт-лесовик (*укр. фольклор*).

З л ы д н и — маленькие существа, олицетворяющие горелосчастье (*укр. фольклор*).

Адвокат Мартиан

Впервые в «Літературно-науковом віснике», Львів, 1913, кн. VI, стр. 397—434. Первоначальное название — «Мученики».

Драматическую поэму «Адвокат Мартиан» Леся Украинка написала в октябре-ноябре 1911 года в Хони (Грузия).

Стр. 311. Ц е н т у р и о н — начальник отряда у древних римлян.

В и г и л ы — стража у древних римлян.

Стр. 316. Г и н е к е й — женская половина в древнегреческом доме.

Стр. 329. Л е г а т — здесь: наместник провинции.

Стр. 332. А р е о п а г — высшее судилище (*греч.*).

Стр. 350. Ф е р а л ь н ы е д н и — по древнеримским верованиям, дни поминовения усопших, считавшиеся несчастными днями, в которые нельзя ничего было предпринимать.

Стр. 352. «Что дал жрец Эскулапа в Сиракузах. . .» — Храм Эскулапа, бога врачевания, находился в Сиракузах (Сицилия).

«В храм Либитины...» — Либитина — богиня, покровительница мертвых, которой приписывалось свойство излечивать недуги (*римск. миф.*).

Стр. 365. Пилат Понтий — римский наместник Иудеи, который, по евангельскому рассказу, утвердил смертный приговор Христу.

Каменный хозяин

Впервые в «Литературно-научном віснике», Львів, 1912, кн. X, стр. 3—51.

В драме «Каменный хозяин» Леся Украинка воспользовалась испанской средневековой легендой о дон Жуане. Поэтесса озаглавила свое произведение «Каменный хозяин» как бы в ответ на драму Пушкина «Каменный гость». Идею драмы Леся Украинка объяснила в письме к А. Крымскому: «Драма... называется «Каменный хозяин», так как идея ее — победа каменного, консервативного начала, воплощенного в Командоре, над раздвоенной душой гордой, эгоистической женщины — донны Анны, а через нее и над дон Жуаном, «рыцарем свободы» (24. V. 1912 г.).

Несмотря на все сомнения, которые Леся Украинка высказывала о художественных достоинствах драмы, «Каменный хозяин» — одно из совершеннейших произведений поэтессы.

Стр. 384. Алькальд — должностное лицо, иногда судья в Испании.

Стр. 385. В чаше || Святого Граля... — чаша, в которую якобы была собрана кровь распятого Христа, — популярный образ в средневековой литературе.

Стр. 404. «...поклонник || Изменчивой планеты...» — Изменчивая планета в средневековой астрологии — луна.

Стр. 409. Сегидилья — испанский национальный танец.

Стр. 411. Фелука (фелуга) — небольшое парусное судно.

Стр. 419. Фанданго — испанский национальный танец.

Стр. 422. Булла — папский указ.

Стр. 437. Капитул — собрание духовных и светских лиц при кафедральных соборах для помощи епископу.

Стр. 440. Мадриленья — испанский национальный танец.

Стр. 459. «Сеньора де Маранья из Севильи, ||

Маркиза де Тенорио...» — В развитии легенды о дон Жуане существовало два образа: дон Жуан Тенорио, нечестивец, попадающий в ад, и дон Жуан де Маранья, раскаявшийся грешник, умирающий в монастыре, «в благоухании святости». Леся Украинка, давая своему дон Жуану оба имени, как бы хотела сказать, что слила воедино два образа.

О р г и я

Впервые в журнале «Дзвін», К. 1913, № 4, стр. 229—245. «Оргия» — последнее завершённое драматическое произведение Леси Украинки. Оно было задумано во второй половине 1912 года и закончено в 1913 году в Гелуане (Египет). В черновых рукописях сохранилась первая редакция драматической поэмы, где Нерисса называлась Эллидой.

Стр. 474. Андронит — мужская половина в древнегреческом доме.

Гинекей — см. прим. к стр. 316.

Стр. 489. Гетерии — тайные общества в древней Греции.

Стр. 490. Кратер — чаша, в которой смешивали вино с водой (*греч.*).

Персефона — в античной мифологии жена владыки тартара (подземного царства) Плутона, олицетворявшая весеннее возрождение и зимнее умирание природы.

Стр. 491. «Э во э В ак х!» — «Да здравствует Вакх!» — возглас участников оргий в честь Вакха.

Менеды — в древней Греции жрицы бога вина и веселья Вакха (Диониса), предававшиеся неистовым пляскам на празднествах в честь Диониса.

Стр. 494. Аполлон-Кифаред — бог поэзии, музыки и искусства, играющий на кифаре (струнный инструмент у древних греков).

Терпсихора — муза танцев в античной мифологии.

Стр. 504. Лаокоон — в древнегреческой мифологии жрец Аполлона, препятствовавший введению в Трою деревянного коня, за что боги наслали на него змей, которые задушили жреца и двух его сыновей.

Антигона — дочь фиванского царя Эдипа, добровольно ушедшая в изгнание вслед за ослепившим себя отцом; она самоотверженно предала земле останки своего брата вопреки за-

прету нового царя Креона и за это была осуждена на смерть (греч. миф.).

Электра — дочь царя Агамемнона, помогавшая брату Оресту отомстить за убийство отца (греч. миф.).

Андромеда — по древнегреческому мифу, дочь царя Кефея, прикованная к утесу и терзаемая морским чудовищем по приказу разгневанной Геры, жены Зевса. Андромеду спас герой Персей, расковав ее.

Стр. 509. «Таинственные игры Диониса...» — Речь идет о дионисиях — празднествах в честь бога Диониса (Вакха) у древних греков.

Стр. 512. Триклиниум (триклиний) — обеденный стол в древнем Риме, окруженный с трех сторон ложами для возложения во время еды.

Стр. 513. «Перед Плутоновым триумvirатом». — Намек на трех судей в подземном царстве Плутона, перед которыми предстают тени умерших.

Стр. 514. Обол — мелкая монета у древних греков.

Стр. 516. «Поэзии латинской || Отец -- не римлянин, а пленный грек...» — Речь идет о пленном греке Андронике, который перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера и положил начало латинскому литературному языку.

Трохей (хорей) — размер античной метрики.

Стр. 517. «Напичкавшись «латынью африканской» || От «римских граждан», только черномазых...» — После упорной борьбы римляне подчинили себе северную Африку и насильно насаждали латинский язык, который туземцы искажали.

Демосфен (383—322 до н. э.) — блестящий афинский оратор.

Стр. 518. Атриензий — раб, обслуживающий атриум (приемная комната в древнеримском доме).

Стр. 521 «Девять и один...» — девять муз (камен) и Аполлон (Феб), по античным мифам, жили на горе Парнасе.

Стр. 530. Корибанты — фригийские жрецы, известные неистовой пляской в честь богини Кибелы. Здесь — актеры, исполняющие вакхический танец.

Стр. 532. Вигилы — см. прим. к стр. 311.

Ал. Дейч

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В пуще. <i>Перев. Н. Браун</i>	7
На поле крови. <i>Перев. Д. Бродский</i>	140
Иоанна, жена Хусы. <i>Перев. Ал. Дейч</i>	164
Лесная песня. <i>Перев. М. Исаковский</i>	209
Адвокат Мартиан. <i>Перев. Ал. Дейч</i>	311
Каменный хозяин. <i>Перев. М. Алигер</i>	376
Оргия. <i>Перев. Ал. Дейч</i>	474
Драматургия Леси Украинки. <i>Ал. Дейч</i>	533
Комментарии	557

ЛЕСЯ УКРАИНКА

Собр, соч., т. 3

Редактор *Е. Цинговатова*
Оформление художника *Н. Кравченко*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Ж. Примак*
Корректор *Е. Мезис*

Сдано в набор 4/1 1956 г. Подписано
в печать 16/VIII 1956 г Бум. 84×108^{1/32}
17,75 печ. л = 23,1 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 21,75. Тираж 50 000. Зак. № 256.
Цена 10 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19
Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., 1/3